

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

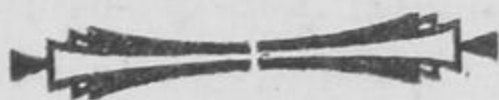
Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете.

ТОМ XXXI.

ВЫПУСК I.

С о д е р ж а н и е:

М. Г. Худяков. Вотские родовые деления. Стр. 1—18 (окончание).

А. Охотников. Записки чувашина о своем воспитании (1888 г.).
..... Стр. 19—48.

В. М. Васильев. Верования и обряды мари. Стр. 49—70.

Н. В. Никольский. Творчество чуваш Стр. 71—86.

КАЗАНЬ.

1-я Государственная Типография.
1920.

1957

1962 г.

1965 г.

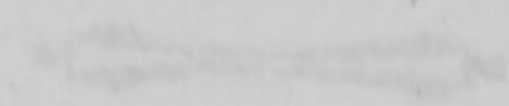
ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

Печатано по определению Совета Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете.

Редактор *Н. Никольский.*

Декабрь 1920 г.

81

1945г.

БИБЛИОТЕКА
НИ Инста краеведческой
и музейной работы

575/1

Р. В. Ц. г. Казань. Печатать разрешено № 125, в количестве 1000 экз.

как встречаются в качестве „отчеств“, например, в переписной книге Слободского уезда конца XVII века, и, кроме того, встречаются в соединении со словом „пи“, как имена основателей различных селений; 2) часть родовых имен является, по мнению И. Н. Смирнова, названиями рек, так как связана со словом „шур“—река⁸⁷). Оба эти возражения легко поддаются опровержению. Вотские имена, приведенные И. Н. Смирновым в качестве отчеств—Бигрин, Зюмьин, Кибьин, Шудзин и т. п.—означают не „отчество“ в нашем смысле (по отцу), а родовое имя, т. е. фамилию, которая у вотяков, как мы видим, передается не по отцу, а по матери⁸⁸). Точно также и в соединении со словом „пи“ собственное имя обозначает не мужчину-основателя селения, а род или родоначальницу поселенцев. Названия же рек, несомненно, даны по родам, а не наоборот, что видно из соединения этих имен со словом „шур“—река. Добавление слова „шур“ показывает, что эти имена сами по себе не заключают в своем составе понятия реки и не могут считаться специально „речными“.

Таким образом, из сопоставления данных, собранных различными исследователями, становится ясным, что родовые имена являются собственными именами родовых богинь, считающихся женщинами-родоначальницами данных родов. Однако, этим не исчерпывается решение вопроса. И. Н. Смирнов отмечает: „Значение воршудных имен еще недостаточно установлено в литературе. Иногда говорят о воршудном имени, как родовом прозвище, иногда говорят об „имени воршудного божества“, которое передается поклоняющемуся ему роду. Г. Первухин, посвятивший объяснению слова „воршуд“ несколько прекрасных страниц, повидимому, колеблется в решении вопроса, духу-ли придается имя рода, которому он покровительствует, или роду имя божества, покровительствующего ему... Г. Богаевский, лично признавая, что имена, с которыми являются воршудные божества, принадлежат родоначальникам, приводит народные толкования диаметрально противоположного характера“...⁸⁹). Сам И. Н. Смирнов приходит к следующему заключению: „Сопоставляя значения слова воршуд с тем представлением, которое дает нам народная поэзия, мы получаем следующую историю слова и обозначаемого им предмета. Воршуд означает прежде всего антропоморфного духа-покровителя; затем это слово стало употребляться для обозначения его идола, места, на котором стоит идол, ящика с частями или изображениями принесенных ему жертв и наконец совокупности людей ему поклоняющихся“⁹⁰).]

Для нас является твердо установленным тождество женщин-родоначальниц с богинями счастья („воршуд“), а также родовых и воршудных (женских) имен. Вопрос заключается в том, которое из

понятий—род или воршуд (родовая богиня) является первичным, и следовательно, род-ли передал свое название богине-родоначальнице, или богиня дала свое имя всему роду. Вопрос этот можно решить путем раскрытия филологического значения родовых имен. В том случае, если они служат эпитетами личного свойства, нужно предполагать передачу имени от родоначальницы к роду. Если же названия являются определениями топографического характера, то необходимо думать, что в именах богинь мы имеем персонификацию родовых признаков.

Признавая исконное тождество родовых имен с именами богинь, следует заметить, что в настоящее время уже не каждое название рода служит именем божества. Это обстоятельство впервые отмечено П. М. Богаевским, которым дано ему исчерпывающее объяснение. Он отмечает: „Племенные названия иногда совпадают с названием божества, покровительствующего данному племени.. Но необходимо заметить, что в настоящее время не всегда существует совпадение названий рода-племени и его божества. Дело в том, что путем постоянных расселений одно и то же племя раздробилось и живет в разных местах. Постепенно прежнее божество забывается, и на смену его является новое божество, покровитель территории, занимаемой в настоящее время. Название местности передается в этих случаях названию родового божества того союза, который поселился на данной территории“⁹¹). П. М. Богаевский отмечает название этого нового божества, заступившего место воршуда—„мудор“. Род Венья поклоняется Ватка-мудору, род Поська—Пинал-мудору; этому же мудору поклоняются другие роды, живущие вместе с родом Поська в с. Юсках и его окрестностях⁹²). П. М. Богаевский отмечает территориальный характер божества мудора, являющегося обычно олицетворением местной реки, например, Сийпейвай, Ягшур, Нылги-Зяблег, Шорвай, Нюрсивай⁹³). Замена родоначальницы-воршуда территориальным божеством мудором составляет, несомненно, позднейшее явление и свидетельствует (как и замена, словом „бӧльак“ слова «выжы») о постепенном забвении современными вотяками родового быта.

У. Значение родовых имен.

Филологическое значение родовых имен до последнего времени оставалось совершенно неясным⁹⁴). Недостаточно глубокое знакомство исследователей с вотским языком делало невозможным вдумчивое отношение к значению этих казавшихся загадочными названий. По словам Н. Г. Первухина, „покойный о. Иоанн Устробин высказывал предположение, что воршудные имена суть нечто иное, как названия разных укромных уголков или просто предместий, в которые первоначально укрывался родовой талисман; но что та-

кое был этот родовой талисман, он объяснить не мог, а также не мог указать (даже и примерно) значение ни одного из воршудных имен⁹⁵). Большинство авторов предпочитало просто обходить вопрос о значении воршудных имен молчанием. Первые же ученые, пытавшиеся пролить хоть какой-нибудь свет на эту загадку, решили даже, что родовые имена необъяснимы из вотского языка. Еще в XVIII веке Г. Ф. Миллер отметил, что слово „пельга“ (т. е. Пельга) входит в название многих вотяцких деревень, но сами вотяки не знают, что оно значит („Описание живущих в Казанской губернии языческих народов“, изд. 1791 г., стр. 8). Г. Н. Потанин предполагал, что сложные названия селений заимствованы вотяками из какого-либо чуждого языка: „Названия многих урочищ в вотской области, не объяснимых из вотского языка, как будто свидетельствуют, что вотяки не аборигены ее, а пришельцы в крае. Только названия мелких урочищ, полей, оврагов носят названия, объяснимые из вотского языка... но названия речек, в особенности более значительных, и деревень носят имена как будто заимствованные из чуждого языка, как например, Варзи, Калтымак, Варяги, Тойма, Ляли, Ятчи, Утчан, Усб, а также Омга, Пельга; последние беспрестанно встречаются в соединении, например, Варзи-пельга, Варзи-омга, Усо-омга. Еще страннее имена Умья, Омья, Пубья и другие, которые своими окончаниями похожи на имена некоторых воршудов, приводимых г. Гавриловым в «Произв. нар. слов. вотяков» (стр. 161): жумья, джик'я, чип'я, пэб'я и друг. На это иногда совершенно полное сходство названий урочищ с именами воршудов... можно смотреть отчасти как на помеху предположению, что эти странные имена чужды вотскому языку; они могут быть архаическими вотскими формами, сохранившимися вследствие своего важного значения без изменения, тогда как другие формы постоянно изменялись. Вопрос этот решат знатоки наречия“⁹⁶). Г. Н. Потанин пытался сближать некоторые из этих имен со словами мордовского, татарского и даже „варяжского“ языка: „Варзи“, по-мордовски—„varsi“, „varsei“—ворона; „Ятча“, по-татарски „джатча“—ласка; р. Варяги, Вараги, Варяж напоминают ему варягов, а „имя Пубья напоминает одно из варяжских имен, упоминаемых в Игоредем договоре: Пубьинксар“⁹⁷). Статья Г. Н. Потанина вызвала возражение со стороны С. К. Кузнецова, который отметил: „Не следует забывать того, что вотяки Вятской губернии дробятся, по крайней мере, на 6 говоров, и таким образом не нужно будет говорить об „архаизме“ слов, обозначающих урочище, ибо не тот, так другой говор дает ключ к разгадке непонятных имен. Так, например, *селта* на языке вотяков, живущих за Валой, впадающей в Вятку [читай: в Кильмезь. М. Х.], значит *конские пути*“⁹⁸).

Несмотря на возражение С. К. Кузнецова, И. Н. Смирнов также был склонен думать, что «каковы бы ни были по своему

значению все рассматриваемые имена, они имеют одну общую черту—они необъяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных, и всего вероятнее,—у чуди»⁹⁹). Если предположения Г. Н. Потанина были вызваны недостаточным уровнем общего знакомства с вотяками, то гипотеза И. Н. Смирнова возбуждает недоумение, так как он сам приводит известные смущения о значении родовых имен и тем не менее отказывается объяснять их из вотского языка. Желание найти следы исчезнувшей чуди, аборигенов вотского края, которых он, как А. А. Слицын и Иванов¹⁰⁰), видел в пермяках, послужило к тенденциозному объяснению и умышленному подбору значений: «Приступивши с пермяцким словарем в руках к так называемым воршудным именам, мы находим, что некоторые из них являются прилагательными, которые всего удобнее могут характеризовать реку—Бодья (Быдья)—ивовая, Нырья—болотистая»¹⁰¹). Несмотря на желание объяснить воршудные имена из языка чуди, И. Н. Смирнов сам же дал перевод двух имен из вотского языка: „Юбер“—дрозд и «Сöла (Цöла)»—рябчик¹⁰²). Еще более вопрос осложняется тем, что ни одно из приведенных им объяснений не соответствует представлению «антропоморфного духа-покровителя», которое сам И. Н. Смирнов считал первичным в понятии воршуда.

Н. Н. Блинов не составил себе отчетливого представления о значении родовых имен, хотя им же дана первая удовлетворительная попытка их объяснения. Он находил возможным производить имя „Чабья“ от слова „чабей“—пшеница¹⁰³), а имя „Джикья“ (не „Джумья“-ли?) сближать со „созвучным“ индусским (!) именем „Джима“¹⁰⁴). К имени «Ципья» близко стоит упоминаемое Н. Н. Блиновым слово „чипей“—щука¹⁰⁵). Имя „Удчур“ он переводил словами „уд“—вотский и „чур“—род¹⁰⁶). Г. Е. Верещагин перевел имя «Юбер» словом „скворец“¹⁰⁷), а также привел легенду, в которой имя „Пубья“ производится от слова „пуппы“, что значит „ободранное лыко“¹⁰⁸). Н. Г. Первухин переводил имя „Шудья“ с пермяцкого языка словом „чудь“, с которым его считал тождественным также И. Н. Смирнов¹⁰⁹). По словам К. В. Харламповича („Известия О-ва Арх. Ист. и Этн.“, т. XIX, вып. 5-6, стр. 268), Н. Ф. Катанов полагал, что слово „пильга“ происходит от татарского „бильги“—намятник X.

Подводя итоги перечисленным объяснениям, мы получим следующие толкования родовых имен.

Животные: Варзи—ворона (мордовск.), Ятчи—ласка (татарск.)
Юбера—дрозд (вотск), Чола—рябчик (вотск.).

Растение: Чабья—пшеница (вотск.).

Неодушевленные предметы: Селта—конские пути (вотск.)
Пубья—ободранное лыко (вотск.), Пельга—намятник X (татарск.).

Реки: Бодья—ивовая (пермяцк.), Норья—болотистая (пермяц.).
Народности: Удчур—вотский род (вотск.), Шудзя—чудь (пермяцк. и вотск.).

Собственное имя: Джикья (Джумья?) — Джима (индусск.), Пубья—Пубьинксарь (варяжск.).

Не будучи специалистами в столь многочисленных языках, среди которых различные исследователи искали об'яснения вотских родовых имен, мы отметим только крайнюю невыразительность полученных результатов. При большом разнообразии предметов, давших, по мнению этнографов, начало родовым именам, трудно найти соответствующие их назначению. Вряд-ли могут считаться серьезными об'яснения вотских родовых имен мордовскими и татарскими названиями животных, „варяжскими“ и „индусскими“ именами. Сомнительными кажутся также попытки толкования при помощи пермяцких эпитетов рек и вотских названий птиц, растений и неодушевленных предметов ¹¹⁰).

Первую удовлетворительную попытку об'яснения родовых имен дал Н. Н. Блинов. Среди многочисленных названий он обратил внимание на группу имен, имеющих окончание на „га“ и высказал предположение, что окончание „га“ является измененным „гу“—яма, жилище: „Гу“ в соединении со словом „пель“ (ухо) перешло в „га“ (подобно слову „ву“—вода, которое изменилось в „вю“, а в названии речек в „ва“, например, Сива, Сыл-ва, Пож-ва и проч.)... Может быть, „гу“ или „га“ означало „яму“—первобытное жилище, вырытое в земле, в косогоре вблизи ключа или небольшого ручья. Вообще, у вотяков звук *у* менее других устойчив, например, говорят „мурт“ и «морт», „куака“ и „квака“ и пр. ¹¹¹). Н. Н. Блинов дал довольно удачное об'яснение имен „Пельга“ и „Пурга“: „Словом „пельга“ обозначают деревни, расположенные вблизи нескольких оврагов, в местности, пересеченной логами (как бы в виде ушной раковины)“ ¹¹²); имя „Пурга“ он считал составленным из слов „пор“—черемисин и «гу»—яма, жилище. Однако, состав прочих имен, имеющих окончание „га“, было понято Н. Н. Блиновым неправильно: „К имени селений, лежащих у одного лога «га» присоединяется прямо к собственному имени: Мож-га, Ом-га и т. д.“ ¹¹³). Первое слово в составе сложных названий селений он также считал за собственное имя, между тем, как не подлежит никакому сомнению, что оно служит обычно топографическим определением к родовому имени.

Новый шаг к об'яснению родовых имен совершил К. П. Чайников, собирающий материалы в Малмыжском уезде. Так же, как Н. Н. Блинов, он считает окончание „га“ за видоизменение „гу“—яма, жилище, и дает перевод 4 родовых имен: Пельга—„ухо (образные) ямы“ (значение тождественно с переводом Н. Н. Блинова),

Можга—„пограничные ямы“, Нылга—„девичьи ямы“ и „Дурга“—„крайние ямы“¹¹⁴). Относительно того, что в отдаленные времена вотяки жили в ямах или землянках („гу“) К. П. Чайниковым записано предание в д. Большой Докье Малмыжского уезда; около этой деревни находится урочище „Карман-Гучин“, являющееся остатком древнего поселения¹¹⁵). Название „Гучин“ (правильные ямы) встречаются в нескольких местностях Вотского края: в Малмыжском уезде есть селения Гучин-Бодья и Уду-Гучин; в Глазовском уезде есть могильник „Гучин-шай“¹¹⁶).

Результаты перевода следует признать вполне удовлетворительными, и можно надеяться, что теперь этот вопрос поставлен на твердую почву. Ключ к объяснению родовых имен найден Н. Н. Блиновым, и общий характер названий, бывших загадочными, теперь выяснился: значительная группа названий родов, принадлежащих к калмезскому племени, оказалась определениями топографического местоположения жилищ или состава данных родов: „пограничные“, „крайние“, „пересеченные оврагами“, а также „девичьи“ и „черемисские“ ямы, землянки или жилища.

Пример группы «га» с достаточной очевидностью убеждает в том, что в окончаниях родовых имен заключаются понятия, имеющие постоянный характер, тогда как первая часть имени содержит в себе определение, изменяющееся в зависимости от каждого данного рода. Помимо естественности такого построения слова, согласно с этимологией языка, в этом же нас убеждает то обстоятельство, что среди родовых имен, имеются такие, которые обладают одинаковою начальной частью, при различии окончаний, например, Им'ез и Имбель, Лек(г)ма и Легзя, Сема и Сюмся, Сюра и Сюрзя, Учур и Уча и т. п. Число постоянных, устойчивых понятий, повторяющихся в составе имен, очень невелико. В статье „Древности Малмыжского уезда“¹¹⁷) мы различали среди родовых имен, на основании их окончаний, всего лишь 4 группы—„га“, „ра“, „я“ и „ся“ (в этой группе И. Н. Смирнов находил возможным объединить окончания „си“, „цы“, „чи“ и „зи“). Не будучи компетентными в вотском языке, решаемся однако обратить внимание специалистов на то, что окончание „я“ близко напоминает „jaj“, означающее, согласно словарю Г. С. Лыткина, ветвь, потомство, племя¹¹⁸). Если бы тождество это было установлено, явилась бы возможность приступить к раскрытию значения еще одной группы имен. Так, например, имя „Шудья“ означало бы „счастлирое племя“, „Чумья“—„племя имеющее чумы“, „Бодья“—„шастушеское (или луговое) племя“¹¹⁹) и т. д. Тождество вариантов одного и того же имени „Шудзя“ и „Шудья“ возбуждает вопрос о родстве групп имен на „я“ и „зя“, „ча“ и т. д. Таким образом, например, имя „Удья“—„вотское племя“ (уд+jaj) могло бы оказаться тожде-

ственным не только с именами „Узя“ и „Уча“, но и „Удчур“, которое Н. Н. Блинов переводит также словами „вотское племя“; имя „Лудзя“ значило-бы „полевое племя“ и т. д. Близким по значению к слову „јај“ явилось бы, повидимому, окончание имени „Имель“, в котором можно усмотреть слово „эль“—род, племя (у Елабужских вотяков—„страна“), которое И. Н. Смирнов приводит в качестве синонима слову „выжы“.

В настоящее время мы не решаемся утверждать, что окончание „ра“ является типичным для родовых имен, так как двойные варианты одного и того же имени, например, Сюра и Сюрзя, Гура и Гурья (ср. Шуда и Шудья) заставляют предполагать, что звук „р“ относится к первой составной части имени, а не к последней, которая может быть тождественною с окончанием „я“ (јај). Из имен, в окончание которых входит звук „р“, отметим „Бигра“, напоминающее слово „бигер“—вотское название камских болгар, впоследствии перенесенное на татар.

Мы не считаем себя в праве делать какие-либо заключения, предоставляя сказать свое веское слово знатокам вотского языка, но решаемся обратить их внимание также на следующие имена: „Селта“ (по-вотски „Сьолта“), „Ятча“ и „Гурья“, которые напоминают слова „сьол“ (заостренный кол, тын), „йат“ (чужой) и „гу“ (зырянск. „гур“, яма); имя Сюрзя разлагается на две части, из которых последняя состоит из знакомого нам слова „јај“, а первая близко напоминает существующее в Елабужском уезде название „Сыррез“, которое, с одной стороны, обращает на себя внимание сходством с названием зырянской народности, а с другой—может пролить свет на конструкцию имени „Им‘ез“, которому оно является аналогичным.

Среди попыток истолковать значение воршудных имен, начиная с о. Иоанна Утробина, мы не видим ни одной указывающей на эпитеты личного свойства, которые можно было-бы отнести к богине-родоначальнице. Напротив, даже первые, неудачные попытки объяснения этих имен (животные, птицы, речные эпитеты) стремились охарактеризовать не личность богини-родоначальницы, а скорее местность, в которой обитали отдельные роды. Все это показывает, что различные исследователи произвольно угадывали истинное происхождение родовых имен. В настоящее время можно считать достаточно выясненным, что *первичным понятием является род, а затем уже название его было перенесено на возникшее позднее понятие женщины-родоначальницы и богини счастья.* Культ воршуда возник, повидимому, вслед за обособлением отдельных родов, вошедшим в сознание вотяков. Родовое имя стало воршудным, а не наоборот.

Выводы, к которым нас привел анализ родовых имен, находятся в полном противоречии с той историей воршуда, которую

наметил И. Н. Смирнов. В то время, как им был предложен следующий порядок эволюции понятия: 1) дух-покровитель, 2) идол, 3) место, где стоит идол, 4) ящик, 5) род,—нам приходится изменить его почти в обратном порядке, поставив на первое место род, затем родоначальницу, богиню счастья и наконец—священные принадлежности воршудного культа (короб, дендор и т. д.). Решить вопрос, которая из намеченных схем более соответствует эволюции родового быта, предоставляется более компетентным специалистам.

VI. Различия отдельных родов.

Вотские роды отличаются один от другого подробностями культа воршуда, особенностями наречий, а также своими историческими судьбами. Г. Е. Верещагин сообщает: „Племена вотяков—друг от друга чем-нибудь да отличаются: или наречием, или обычаями, или же характером, сохраняя в то же время общие племенные черты. Такие отличительные свойства происходят от местности, занимаемой народом, от народа другого племени, среди которого известное племя вращается, и от других причин и условий¹²⁰). Н. Н. Блинов пишет следующее: „В одной из деревень [Кваки] вотяки делятся на белое и черное племя, и последнее ведет род от черемис, живших здесь более 200 лет назад. Вот в деревне Аргабаше вотяки тоже двух племен—малмыжского („Трыкского“) и черемисского, по отзывам самих жителей. В деревне Бетчуре одно из племен—„зырянское“; одно держится „старинны“; семьи из него пасхальный праздник „Бодзым-нынал“ справляют в великую субботу, тогда как другая половина деревни пасхальное (вотское) моление исполняет на первый или второй день Пасхи. Есть три деревни Чабы—Муртазин, Чумо и Тузьмо. В первых двух народ смирный, поддающийся обрусению, а в последней, находящийся между ними, жители необычайно грубые, не останавливающиеся перед убийством, живут грязно, нравственность на низшей степени даже с вотской точки зрения“¹²¹). О различии косинских и святицких вотяков мы уже упоминали. М. М. Хомяков говорит: „Близь Балезина есть деревня Оросово. Об этой деревне ходит много рассказов, сущность которых постоянно сводится к одному: „орсовцы народ особенный“¹²²). Теоретически легко можно предполагать, что среди вотских родов имеются различные наслоения, представляющие следы тех народностей, которые в прежние времена населяли Вотский край. Из числа этих народностей остатки черемис, занимавших некогда левый берег р. Вятки вплоть до Чепцы и Увы¹²³), отмечаются в качестве овотячившихся родов в Кваках, Аргабаше и в имени рода „Пурга“. Следы более ранней пермяцко-зырянской колонизации можно видеть в дер. Бетчуре, а по предположению И. Н. Смирнова, также—в роде Шудзя и во

всей группе, имена которой имеют окончания „си“ („ся“). Можно думать, что левый берег Вятки был некогда заселен пермяками и зырянами, так как многие названия речек в этой местности происходят из зырянского языка (например, притоки Валы—Кылт и Кунжек). Если принимать отождествление пермяков с чудью, которое мы находим у Иванова, А. А. Спицына и И. Н. Смирнова, то естественно думать, что первые вотские поселенцы, осевшие в бассейне Чепцы, разрезали пермяцкую народность на две группы, из которых одна отступила на юг и слилась с вотяками в качестве рода Шудзи и тех Елабужских вотяков, которых Г. Н. Потанин отличает от калмезов, другая же группа продвинулась к северу, в глухой Зюздинский край, где уцелела до настоящего времени. Разумеется, все эти соображения представляют собою не более, как простые догадки, нуждающиеся в весьма значительных подтверждениях и доказательствах.

Переходя к различиям в культе, напомним, что каждый род молится воршуду особым способом; мы уже приводили тот случай, когда вотяк из рода Юсь обучил своего воршуду принимать такие моления, какие совершаются у рода Им'ез. Г. Е. Верещагин отмечает: „При просительных обращениях к воршуду летом для каждого племени установлена ветвь особого дерева. Так, например, как нам известно, племя Пуп'и стоит с липовой ветвью в руке, племя Бöня—с березовой и т. д.“¹²⁴). К. П. Чайников отмечает, что „во время моления племя Докья украшает шалаш березовыми и ивовыми ветвями, хотя священные вещи кладутся на еловые ветви“¹²⁵). Г. Е. Верещагин говорит, что „род животных для принесения в жертву (при совершении моления „выл вöсь“) определен особый еще, говорят, в глубокую старину; так, например, у племени Пуп'и приносят двух телок, а у племени Бöня—телку да же-ребчика“¹²⁶).

Отличительным знаком происхождения служит также „пус“—тамга. Н. Г. Первухин не видел связи между тамгами и воршудными (женскими) родами вотяков, считая их наследственными в мужских поколениях. Между тем, существуют указания, что такая связь имеется. А. А. Спицын приводит рассказ о том, как оренбургские вотяки узнали своих родичей, живших в дер. Тактаровской (Глазовского уезда), сличивши воршуды их со своими¹²⁷). П. М. Богаевский, ссылаясь на г. Островского¹²⁸), рассказывает случай, когда Бугульминские вотяки узнали своих Глазовских единоплеменников; в с. Юсках П. М. Богаевскому сообщили подобный же случай: „Приехал раз к нам в село (Юски) ямщик и говорит, что он также из племени Юсь. Давайте, говорят слушатели, проведем его, коли тамга сойдется, и они от приезжающего тамгу брали. Одинаковая тамга оказалось“¹²⁹). Производя запись тамги в различных селениях, П. М. Богаевский пришел к следую-

Щему заключению: „Собирая лично тамги различных племен, я убедился в том, что можно встретить племя, члены которого очень стойко сохраняют основной тип тамги“¹³⁰). Оказалось, что род Джюмья имеет общую тамгу „узенги“—„стремя“ (в виде треугольника) в д. д. Пунем, Павловский поч., Сухая Видзя, Порсь-Гурт и Нов. Сентяг, Саранульского уезда, причем эта тамга является близкою к тамгам рода Джюмьи в Глазовском уезде, собранным Н. Г. Первухиным; тамга рода Вамья также общая для представителей этого рода—„вилы“. Примеры эти иллюстрированы П. М. Богаевским при помощи наглядной таблицы собранных им знаков.

Способы построения городищ у разных вотских родов были, повидимому, также различны. Из археологического исследования Глазовского уезда, произведенного Н. Г. Первухиным, видно, что вотские князья „Дондинского круга“ строили городища с 2 валами, тогда как роды Селта и Узя имели городища с 1 валом, подобно „пор-карам“ по берегам р. Убыти, между Чепцой и Кильмезью¹³¹).

К. П. Чайников записал в Больше-Учинской волости Малмыжского уезда интересные предания, касающиеся рода Докья и соседних с ним родов¹³²). Род Докья живет в 6 соседних селениях Больше-Учинской волости, около границы с Саранульским уездом. Рядом с родом Докья, отделенный от него р. Валою, живет род Уча. Некогда род Докья покорил род Учу, и с тех пор у Докья сохранилось презрительное отношение к Уче. Никто из Докья не женится на девушках из рода Уча: это считается позорным, так как они считаются принадлежащими к низшему, рабскому племени. В деревне Большой Докье до сих пор сохранилась тропа „Кунак сюрэс“, по которой побежденные носили дань Докье. Эта тропа ведет к „Медной яме“ („Ыргон-гу“), куда всю дань Докье свозили ежегодно на 12 парных подводах. Яма эта существует до настоящего времени и имеет 1½ сажени в диаметре и аршина 1½ глубины. Обще-родовое святилище рода Докья находится на высоком крутом берегу р. Валы около д. Большой Докья. Это урочище называется „В'эсь—„место жертв“. Здесь совершается жертвоприношение ежегодно в праздник Весенней Травы¹³³). К этому дню сюда стекаются все члены рода Докья из тех 6 окрестных селений, где они обитают. Не принадлежащие к роду Докья могут присутствовать при этом молении в качестве зрителей, участия же в совершении обрядов не принимают. Из других урочищ, находящихся в д. Бол. Докье интересно отметить, кроме упомянутого нами места древнего поселения „Карман-Гучин“, городище „Эксэй-сэрэг“ („Княжеский угол“), „Пермак-сэрэг“ („Пермяцкий угол“), „шай“ (могильник), место старого поселения „Кэ-Жуйё“ и старую ро-

считать „Вуж-воли“. В соседстве с родом Докья живет группа родов, имеющих окончание имен на „га“ (Пудга, Нылга, Можга, и др.). Эти роды считаются все родственными между собою. Отношения между родом Докья и группой „га“ дружественные. Роды различного происхождения отличаются друг от друга по говору: группа „га“ говорит, ударяя на „о“ (окает), род Докья произносит слова более мягко и дзякает (вместо „ж“ говорит „з“), племя Уча говорит быстро, сокращая некоторые слоги.

О передвижениях отдельных родов свидетельствуют как названия селений, так и предания, сохранившиеся среди вотяков. Многие одинаковые родовые имена встречаются в различных местностях всего вотского края, будучи отделены друг от друга десятками и даже сотнями верст. Это сходство имен наглядно свидетельствует о передвижениях вотских родов. Г. Е. Верещагин записал предание о переселении рода Уля с р. Ыбыт-вожа, притока Чепцы, в д. Ляльшур Шарканской вол., Сарапульского уезда¹³⁴). П. М. Богаевским записаны следующие предания: род Турья переселился в с. Бураново и д. Кены Сарапульского уезда из Уржумского уезда; род Цола пришел в с. Бураново из-под Вятки; предки рода Докья пришли в д. Докью, Сарапульского уезда, по словам его утиса, из Малмыжского уезда около 600 лет тому назад; „о племени Докья мне пришлось слышать в совершенно различных местах и от совершенно различных лиц, что оно в Сарапульский уезд пришло с Малмыжской стороны“¹³⁵); в д. Тапычуг-Вамье сначала жил род Булай, а затем он был вытеснен родом Вамья¹³⁶). К. П. Чайников записал предания о том, что роды Докья и Жикья поднялись в Больше-Учинскую волость снизу по р. Вале (с севера), род Тукля спустился по р. Уве (также с севера), а род Пудга пришел из-под города Арска¹³⁷).

Нередко в преданиях род олицетворяется в виде одного лица — богатыря, предводителя данного рода. Таковы, например, предания о борьбе вотяков с черемисами, о борьбе Калмэза с Шудзею и т. п. Нередко предания говорят о переселении отдельных членов рода, причем в памяти потомков собственное название рода удерживается, как личное имя переселенца. Г. Н. Потанин приводит предание о 3 сыновьях вотяка Можга, основавших селения в Елабужском уезде¹³⁸). М. И. Шерстенниковым записано предание о переселении из Глазовского уезда в Малмыжский вотяка по имени Пудга, один из сыновей которого основал д. Старая Пудга (Зятцынской волости), а другой — с. Большая Пудга (Елабужского уезда)¹³⁹). К. П. Чайниковым записано предание о том, что селения Шаркан-Докья, Яган-Докья и Киби-Жикья получили свои названия от имен основавших их предводителей родов Докья и Жикья¹⁴⁰). Предание о переселении богатырей из рода Сурьма в Шарканский край при-

ведено Г. Е. Верещагиным¹⁴¹), а у П. М. Богаевского мы находим предание о поселении человека из рода Поколь в дер. Докье, Сарапульского уезда¹⁴²). Иногда мы видим забвение старинного родового имени и замену его позднейшим. Так, например, Г. Е. Верещагин записал предание об основании с. Завьялова и д. Чемошура, Сарапульского уезда богатырями Завьялом и Кайваном, в сотрудничестве с Ондра-богатырем, но из неизвестного рода¹⁴³). Вотяки обладают громадным количеством преданий, как о богатырях, так и об основании различных селений. Многочисленность этих преданий свидетельствует об особенной живучести среди вотяков воспоминаний о прошлом. Все эти предания представляют драгоценнейший материал для раскрытия полной и подробной картины заселения вотяками обширного Вятского края.

Прежде, чем закончить нашу статью, вернемся к вопросу о более крупных делениях вотской народности, о которых шла речь в первой главе. Нетрудно заметить, что большое число вотских родов (до 70) не отвечает слишком малому количеству известных племенных делений (всего 2). Естественно предположить либо большее количество вотских племен, о чем мы уже говорили, либо существование промежуточных групп, объединяющих каждая несколько отдельных родов. Подобные группы уже намечаются: нам известны группа родов „га“, группа „я“ („jaj“), намеченная И. Н. Смирновым группа „си“ и т. д. Выяснение отношений, которые существуют между племенами с одной стороны и этими родовыми группами с другой, составляет один из очередных вопросов истории вотской народности. На существование подобных объединений, более крупных, чем отдельные роды существуют намеки и в религиозном быту вотяков. П. М. Богаевским отмечено существование как бы родства в религиозном отношении между одними родами, в противоположность другим. Так, например, в с. Юсках имеется 4 рода, из которых Им'ез, Юсь и Какся молятся в одной священной роще (луд), а 4-й род, Поська—в другой; в с. Пурге в одном луде совершают моления роды Мыньи и Пурга, а в другом—род Бодья; в д. Аксаке 3 рода—Егра, Бигра и Омга, и каждый из них имеет свою особую священную рощу¹⁴⁴). Быть может, некоторый свет на выяснение этих вопросов прольет изучение религиозных центров вотской народности. В Елабужском уезде издавна существовало два пункта, где концентрировались моления вотяков—д. Старая Зюмья и д. Арлианово; в недавнее время к ним прибавился третий пункт—Варзи-Ятчинская гора¹⁴⁵). В Мамадышском уезде подобным религиозным центром служит д. Нырья¹⁴⁶), в Казанском—священное озеро около с. Лызи¹⁴⁷). Конечно, может оказаться, что подобные религиозные центры не имеют никакого отношения к родовым группам вотяков, но выяснение этого вопроса очень желательно для истории Вотского края.

З а к л ю ч е н и е.

Мы не имели в виду дать исчерпывающего очерка всех сведений о вотских родах. Многие стороны родового быта, например, вопрос об экзогамии, поверья о predetermined судьбе каждого рода и т. п., были обойдены нами. Причиной к этому послужило то, что мы стремимся подойти к вотским родовым делениям не с этнографической, а с исторической точки зрения, и потому должны делать выбор тех материалов, которые могут содействовать освещению истории вотской народности. То обстоятельство, что вотяки хорошо сохранили сознание своей принадлежности к тому или иному роду, т. е. сознание своего происхождения, а также сохранили много преданий о переселениях своих родов—дает науке счастливую возможность приподнять завесу над прошлым вотской народности. Изучение вотских родовых делений может пролить яркий свет на историю всей вотской национальности и привести нас к самым истокам ее существования, которые обычно бывают безвозвратно забыты народами. История народности слагается из истории отдельных родов, и изучение последних дает возможность проследить судьбы вотского народа, восходящие к отдаленным временам до-русской и до-болгарской эпохи.

Важность изучения прошлого вотских родов была отмечена довольно давно. Еще в 1865 году о. Блинов указывал на то, что, изучая тамги, можно раскрыть историю расселения вотяков: „Разлагая настоящие сложные тамги на более простые, можно узнать вотчины настоящих семейств; например, между ближайшими к Глазову вотяками можно найти по тамгам переселенцев из деревень вотских близ Слободского. Если бы известно было, у каких именно племен существуют подобные тамги и как они развились, то, может быть, можно было бы, сличая их, отыскать первоначальные поселения и пути передвижений вотяков вятских“¹⁴⁸). В 1888 году А. А. Спицын писал: „В руках наших есть хорошее средство для исследования путей, которыми шло население края вотяками—их тамги и воршудные родовые прозвища... К сожалению, наши сведения о тамгах и воршудах пока не велики“¹⁴⁹). Пути к изучению уже указаны трудами незабвенного Н. Г. Первухина. С удивительной энергией и тщательностью он собрал родовые имена Глазовского уезда, показав пример образцового исследования. К сожалению, безвременная смерть прервала его выдающиеся труды и лишила возможности выйти в свет неизданным материалам. Н. Г. Первухин положил начало серьезному изучению вотских родов, —необходимо достойно продолжить и завершить это дело.

Прежде всего необходимо способами, указанными Н. Г. Первухиным, тщательно собрать и зарегистрировать все вотские роды

с обозначением места их обитания. Составление точного списка всех вотских родов и подробной карты их современного расселения является ближайшей задачей исследователей.

Затем нужно приступить к собиранию материалов для выяснения отличительных особенностей каждого рода в отношении языка, культа, обычаев и т. п. При этом необходимо установить более крупные родовые группы и выяснить действительное количество вотских племен.

Когда будет выяснена структура вотской народности, на основе этого этнографического материала необходимо приступить к изучению собственно исторических вопросов: записать предания о первоначальных местах поселения каждого рода, выяснить центры и, может быть, исходный пункт расселения всей вотской народности в бассейне р. Вятки (в роде того святилища, в котором хранилась легендарная священная книга вотяков).

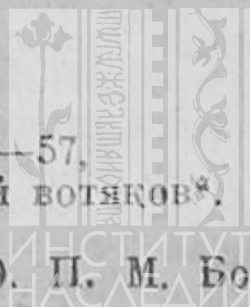
Перемещение племенных и родовых центров и расселение отдельных родов дадут нам возможность проникнуть в исторические судьбы народа и раскрыть те исторические процессы, которые совершались в недрах народа, начиная с отдаленных времен. Исключительное обилие преданий и материалов, сохраняемых в народной памяти вотяков, служит порукою в успешном разрешении предстоящей задачи. Разумеется, это широкое дело не по силам для одного человека. Тем более оно достойно стать делом национальным, и вотские культурные силы внесли бы существенный вклад в родную историю, если бы приложили свои труды к изучению этих вопросов.

Р. С. При обсуждении настоящего доклада в заседании Общества Археологии, Истории и Этнографии 22-го декабря 1918 года были высказаны некоторые замечания И. В. Яковлевым. Разделяя взгляд А. А. Спицына и И. Н. Смирнова на переселение калмезов с правого берега р. Вятки в бассейн Кильмези, И. В. Яковлев возражал против существования племенного различия между вотяками-ватка и калмезами. При крайней бедности в научной литературе данных по вопросу о вотских племенах, эти указания являются небезынтересными. Прочие замечания И. В. Яковлева лишней раз подтверждают забвение современными вотяками родового быта: члены рода, объединенные культом воршуда, уже не считают себя кровными родственниками; женщины утрачивают свои древние родовые имена, которые заменяются названиями селений. Эти явления уже не раз отмечались предшествующими этнографами (180) и не вносят каких-либо изменений в основные вопросы о родовых делениях вотяков.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ.

- 1) „Произведения народной словесности“, стр. 148.
 - 2) „У вотяков Елабужского уезда“, стр. 193—194.
 - 3) „К истории вятских инородцев“, стр. 47.
 - 4) „Вотяки“, стр. 97.
 - 5) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 3.
 - 6) С преподложением И. Н. Смирнова о чудско-пермяцком происхождении рода Шудзи косвенно совпадает указание Г. Н. Потанина на то, что елабужские вотяки, в противоположность малмыжским и глазовским, носят одежду синего цвета, так как синий цвет одежды является отличительным признаком пермяков, например, в Зюздинском крае (Первухин „Эскизы“ I, стр. 8).
 - 7) „Быт вотяков Сарапульского уезда“ (Известия О-ва Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун-те, т. II).
 - 8) „Критическая заметка по поводу реферата Г. Н. Потанина“ (Известия О-ва Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун-те, т. III, стр. 413).
 - 9) „Votjak Nyelytanualmanuok“ (Будапешт, 1884 г.).
 - 10) „Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние 30 лет“ (Этнограф. Обзор. кн. 84-85—№ 1-2, стр. 95).
- В последнее время (1919 г.) вышел в свет „Сравнительный словарь вотских наречий“ И. В. Яковлева, в предисловии к которому автор делит вотяков на 4 ветви—1) калмезов, 2) казанских, 3) ватка и 4) закамских, но остается неясным, видит ли он в этом делении племенные различия или же придает ему только географическое значение.
- 11) У мордвы Алатырского, Ардатовского и Буинского у.у., Симбирской губернии сохранилось воспоминание о каком-то народе, делившемся на два племени—„Кельмаз“ и „Ветьке“. Что это был за народ, мордва достоверно не знает; в настоящее время мордва, не имея никакого представления о вотяках, приурочивает это воспоминание к своим северным соседям чувашам, но у последних никаких делений, подобных этому, не имеется. Возникает вопрос, не имеем ли мы в данном случае дела с отголоском той отдаленной эпохи, когда мордва где либо соседствовала с вотяками?
- Этим указанием мы обязаны хранителю этнографического отдела Казанского Губернского Музея М. Е. Евсевьеву, которому и приносим благодарность за любезное сообщение.
- 12) „Произведения народной словесности“, стр. 144, 149.
 - 13) „Произведения народной словесности“, стр. 151—152.
 - 14) Там же, стр. 175.
 - 15) „К истории вятских инородцев“, стр. 46.
 - 16) „Произведения народной словесности“, стр. 152.
 - 17) „Эскизы“ II, стр. 7.
 - 18) „К истории вятских инородцев“, стр. 47.
 - 19) „К истории вятских инородцев“, стр. 47.
 - 20) „Вятские Губернские Ведомости“, 1851 г., № 42.
 - 21) „Произведения народной словесности“, стр. 151.
 - 22) „Материалы по археологии восточных губерний России“ вып. III, стр. 109 и 117—118.
 - 23) „Вотяки Сосновского края“, стр. 103.
 - 24) „Произведения народной словесности“, стр. 148—150.
 - 25) „Материалы по археологии восточных губерний России“, вып. II, стр. 49.
 - 26) „Материалы по археологии восточных губерний России“, вып. II, стр. 88 и 85.
 - 27) Г. Е. Верещагин „Вотяки Сосновского края“, стр. 103.
 - 28) Г. Е. Верещагин „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 82.
 - 29) П. М. Богаевский „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 44.
 - 30) Регистр. книга Малмыжского Исторического Общества, № 260.
 - 31) М. I. Шерстенников „50-летие прихода с. Ст. Зятцей“, стр. 23—25.
 - 32) „Материалы по статистике Вятской губернии“, т. V. Приложение к подворной описи, стр. 14.
 - 33) „Материалы по статистике Вятской губернии“, т. V. Приложение к подворной описи. Вот перечень этих селений: село Александровское, дер. Вытчан, Шудзя, Барошур-Бия, Лудзи-Шудзи, с. Ильинское, Цыганово, Бобья-Уча, Ст. Монья, с. Можга, Ошмес, Почешур-Какси, Сюга-Какся, Мал. Копка, пч. Водзи-Кибья 2-го усада, Вот. Тоймабаш, Сарсақ-Омга, Нижн. и Средн. Адам-Учи, Ст. Утчан, Черный Ключ, Верхн. и Средн. Варзи-Омга, Усо-Омга, Верх. Алиаши и пч. Соловьевский.

- 34) „К истории вятских инородцев“, стр. 50—52.
- 35) „Вотяки“, стр. 16—17.
- 36) Регистр. книга Малм. Ист. О-ва, № 260.
- 37) М. И. Шерстенников, „50-летие прихода с. Ст. Зятцей“, стр. 23—24 и „Мат. по стат. Вят. губ“, т. V. Прил. к подворн. описи, стр. 15.
- 38) „К истории вятских инородцев“, стр. 50—51.
- 39) Регистр. книга Малм. Ист. О-ва, № 260.
- 40) „К истории вятских инородцев“, стр. 49, а также „Материалы по арх. вост. губ. России“, вып. I стр. 166.
- 41) „Материалы по археологии восточных губерний России“, вып. II.
- 42) „К истории вятских инородцев“, стр. 51.
- 43) „Материалы по археологии восточных губерний России“, в. II стр. 160.
- 44) П. М. Богаевский, „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 39. Н. Н. Блинов, „Языческий культ вотяков“, стр. 13, примечание. Регистр. книга Малм. Ист. О-ва, № 224.
- 45) „Очерки религиозных представлений вотяков“, Этнографическое Обозрение 1890 г., № 1, стр. 117.
- 46) П. М. Богаевский говорит: „Было бы весьма желательным, чтобы дальнейшие исследователи занялись вопросом о существовании у вотяков идолов, на что есть указания в этнографической литературе. Напомним о „вотском идоле“, находящемся в Казанском музее отечествоведения и изображающем, повидимому, деревянную фигуру лебедя“. („Очерки религ. представл. вотяков“—Этнограф. Обзор. 1890 г., № 1, стр. 13). Об этом идоле, происходящем из с. Нов. Мултана Малмыжского уезда, подробно говорится в статье С. К. Кузнецова „Из воспоминаний этнографа“ (Этнограф. Обзор, кн. 74, стр. 23). О дальнейшей судьбе его в статье С. К. Кузнецова „Успехи этнологии“. (Этнограф. Обзор., кн. 84—85, 1910 г., № 1—2, стр. 113).
- 47) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. Обзор, 1890 г. № 2, стр. 79—81 и 105).
- 48) П. М. Богаевский, „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. Обзор. 1890 г., № 2, стр. 105—106).
- 49) „Очерки религиозных представлений вотяков“, (Этнограф. Обзор. 1890 г. № 2, стр. 82, 103, 78, примеч.).
- 50) Вят. Губ. Вед. 1888 г. № 14.
- 51) „Очерки религиозных представлений вотяков“, (Этнограф. Обзор. 1890 г. № 2, стр. 102).
- 52) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 41.
- 53) „Очерки религиозных представлений вотяков“ (Этнограф. Обзорение 1890 г. № 1, стр. 120).
- 54) „Вотяки“, стр. 171—172.
- 55) „Эскизы I, стр. 37—38.
- 56) „Произведения народной словесности“, стр. 169.
- 57) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 41—42.
- 58) „Die Wotjaken“ стр. 108.
- 59) „Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков“ (Изв. О-ва Арх. Ист. и Этн., т. XXII) стр. 64.
- 60) „О краниологическом типе чепецких вотяков“, стр. 115.
- 61) „Вотяки, их история и современное состояние“ (Вестник Европы 1880 г., август, стр. 629).
- 62) „К истории вятских инородцев“, стр. 57.
- 63) „Die Wotjaken“, стр. 135—136.
- 64) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 43.
- 65) „Вотяки“, стр. 27.
- 66) „Эскизы“ I, стр. 38—39.
- 67) „Эскизы“, I, стр. 40—41.
- 68) „Die Wotjaken“, стр. 136.
- 69) „Эскизы“ I, стр. 40.
- 70) „Языческий культ вотяков“, стр. 12.
- 71) „Эскизы“, I, стр. 38.
- 72) „Произведения народной словесности“, стр. 161.
- 73) „Эскизы“, I, стр. 39.
- 74) А. А. Спицын „К истории вятских инородцев“, стр. 56—57.
- 75) П. М. Богаевский, „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. обзорение 1890 г., № 1, стр. 159—160 и № 2, стр. 88).
- 76) Н. Н. Блинов, „Языческий культ вотяков“, стр. 14 и 49. П. М. Богаевский „Мултанское „моление“ вотяков“, стр. 75.
- 77) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 41—42.

- 78) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этногр. Обзорение 1890 г. № 2, стр. 88).
- 79) Сообщение И. С. Михеева, за которое приносим глубокую благодарность.
- 80) „Произведения народной словесности“, стр. 161.
- 81) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 40.
- 82) „Очерки религиозных представлений вотяков“ (Этн. Обзор. 1890 г. № 1, стр. 118).
- 83) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этн. Об. 1890 г. № 2 стр. 95).
- 84) „Мултанское «моление» вотяков“, стр. 42—49.
- 85) „Эскизы“, I, стр. 35.
- 86) „Эскизы“, IV, стр. 8—12.
- 87) „Вотяки“, стр. 38.
- 88) „Вотяки“, стр. 38.
- 89) Н. Г. Первухин „Эскизы“, I, стр. 37.
- 90) „Вотяки“, стр. 138—139.
- 91) „Вотяки“, стр. 216.
- 92) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. Обзорение 1890 г., № 2, стр. 77—78).
- 93) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. Обзорение 1890 г., № 2, стр. 88—89).
- 94) Даже значение самого термина „воршуд“ до настоящего времени не выяснено. Каждый исследователь давал ему собственное толкование: „хранитель счастья“ (Гаврилов), „молодое счастье“ (Гаврилов), „скрытое, спрятанное счастье“ (Первухин), „питаемое или хранимое счастье“ (Верещагин), „тайное счастье“ (Бориславский) и т. п. Обычно ищут объяснения этого слова в глаголе „вордыны“ (хранить). Не считая себя компетентным в этом предмете, обращаемся к специалистам с вопросом, не имеет ли термин „воршуд“ (особенно в данной Б. Г. Гавриловым форме „шуд вордысь“) связи с другим глаголом—„вордыськыны“ (родиться).
- 95) „Очерки религиозных представлений вотяков“. (Этнограф. Обзорение 1890 г., № 2, стр. 83).
- 96) „Эскизы“, I, стр. 51.
- 97) „У вотяков Елабужского уезда“, стр. 190—191.
- 98) „У вотяков Елабужского уезда“, стр. 190, примечание.
- 99) „Критическая заметка по поводу реферата Потанина“ (Изв. О-ва Арх. Ист. и Этн., т. III, стр. 413).
- 100) „Вотяки“, стр. 39.
- 101) А. А. Спицын, „К истории вятских инородцев“, стр. 45. Иванов „Материалы для антропологии Пермского края“, стр. 13, 26, 32 и 34.
- 102) „Вотяки“, стр. 40.
- 103) „Вотяки“, стр. 36.
- 104) „Языческий культ вотяков“, стр. 14.
- 105) „Языческий культ вотяков“, стр. 37.
- 106) „Языческий культ вотяков“, стр. 12.
- 107) „Языческий культ вотяков“, стр. 49.
- 108) В словарях Г. Н. Потанина („У вот. Елаб. у.“, стр. 253) и Г. С. Лыткина „Зырянский край и зырянский язык“, II, стр. 129) слово „юбер“ переведено „дрозд“, а скворец—„сьод юбер“ (черный дрозд).
- 109) „Вотяки Сосновского края“, стр. 104. „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 25.
- 110) „Материалы по археологии восточных губерний России“, вып. II, стр. 23 и 115. И. Н. Смирнов „Вотяки“, стр. 7.
- 111) Ср. неудовлетворительное, по мнению Н. Г. Первухина, объяснение собственного имени „Зуй“ словом „кулик“ („Мат. по арх. вост. губ. России“, вып. II, стр. 54—55).
- 112) „Языческий культ вотяков“, стр. 42.
- 113) „Языческий культ вотяков“, стр. 42.
- 114) „Языческий культ вотяков“, стр. 42. Имя „Омга“ Н. Н. Блинов связывал с изобретенным Г. Е. Верещагиным названием вотяков „омсяки“ („Языческий культ вотяков“, стр. 40).
- 115) „Регистр. книга Малмыжск. Ист. О-ва, № 224.
- 116) „Регистр. книга Малмыжск. Ист. О-ва, № 224. Название „Карман“ или „Карман“ обозначает у вотяков д. Докья какую-то исчезнувшую народность, которая населяла край ранее вотяков.
- 117) „Материалы по археологии восточных губерний России“, в. II, стр. 169.
- 118) „Труды Вятской Ученой Архивной Комиссии“, 1917 г., в. I—II.

- 118) „Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык“, вып. II, стр. 61.
- 119) „Зыр. кр. при еп. Перм. и зыр. яз.“, вып. II, стр. 44 и 83. Вотское слово „бадь-ну“ переведено не только „ива“, но также „корм“, „выгон“, а глагол „бадьо“ — «пасу».
- 120) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 13.
- 121) „Языческий культ вотяков“, стр. 99.
- 122) „О краниологическом типе чепецких вотяков“, стр. 109.
- 123) Следы черемисских поселений мы находим в названиях городищ „Поркар“ (1 в Ежевской волости, 2 в Ключевской, 2 в Понинской, 1 в Юмской, 1 близ Укана, 1 в Зятцынской), {рек „Поршур“ (например в Понинской и Уватской вол.), деревни „Пор-пи“ (Лудошурск. вол.), а также в преданиях о битвах черемис с вотяками („Пор-бырдон“, легенда о Тутое, легенда о Бурсине и Селте) и о черемисках-рабынях (Первухин „Эскизы“, I, стр. 54).
- 124) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 81.
- 125) Регистр. книга Малм. Ист. О-ва, № 224.
- 126) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 107.
- 127) „К истории вятских инородцев“, стр. 56.
- 128) „Вотяки Казанской губернии“, стр. 11.
- 129) „Очерки рел. предст. вотяков“, (Этн. Обзор. 1890 г., № 1, стр. 121).
- 130) „Очерки рел. предст. вотяков“, (Этн. Обзор. 1890 г., № 1, стр. 122).
- 131) „Материалы по археологии восточных губерний России“, вып. II, стр. 27—28.
- 132) Регистр. книга Малм. Ист. О-ва, № 224.
- 133) Повидимому, это — праздник, называемый Н. Г. Первухиным „Гуджор“, так как „молодая трава“ по-вотски — „гуджор“ (Г. С. Лыткин „Зырянский край“, II, стр. 57 и 124). Н. Г. Первухин производил слово „Гуджор“ от „гужем“ — лето, теплое время года и „дор“ — к, у, при и считал, что этот архаический праздник сохранился лишь в Тольенской, Лыпской и Гынской волостях Глазовского уезда („Эскизы“, II, стр. 29).
- 134) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 82.
- 135) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 44.
- 136) „Очерки религиозных представлений вотяков“, (Этногр. Обзор. 1890 г., № 1, стр. 118).
- 137) Регистр. книга Малмыжск. Истор. О-ва, № 260.
- 138) „У вотяков Елабужского уезда“, стр. 194.
- 139) „50-летие прихода с. Ст. Зятцей“, стр. 23—24.
- 140) Регистр. книга Малмыжск. Истор. О-ва, № 260.
- 141) „Вотяки Сосновского края“, стр. 103—105.
- 142) „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 45.
- 143) „Вотяки Сарапульского уезда“, стр. 14—22.
- 144) „Очерки религиозных представлений вотяков“, (Этнограф. Обзорение 1890 г., № 1, стр. 159—160).
- 145) В. Бехтерев „Вотяки, их история и совр. сост.“, (Вестник Евр. 1880 г., IX, стр. 165).
- 146) М. Вич „Die Wotjaken“, стр. 125.
- 147) О нем см. И. В. Яковлев „Заметка о священном озере вотяков, Казанского уезда и молении на нем“, (Изв. О-ва Арх. Ист. и Этн. при Каз. ун-те, т. XIX, в. 3—4, стр. 204—207).
- 148) „Вятск. Губ. Вед.“, 1865 г., № 63.
- 149) „К истории вятских инородцев“, стр. 56—57.
- 150) Например, П. М. Богаевский „Очерк быта Сарапульских вотяков“, стр. 39 и 41. Н. Г. Первухин „Эскизы“, I, стр. 41.

Записки чувашина о своем воспитании (1888 год).

I. Детство.

Я родился 8 марта 1860 года. Родители мои — чувашаи православного вероисповедания, крестьяне деревни Чувашской Чебоксарки, Чистопольского уезда, Казанской губернии. К тому времени, как я начинаю себя помнить, семья наша состояла из дедушки, бабушки, отца, брата— семью годами старше меня, тетки— младшей сестры отца, меня и мачехи. Родной матери я не помню. Она была вторая жена отца, и была, говорят, очень добрая. Родственники же говорят, что я похож на нее. Прожив лет шесть замужем, она умерла после родов, и я, единственный четырехлетний сын ее, остался сиротою, на попечении бабушки, как и брат мой. Бабушка хорошо понимала наше сиротское положение и, сколько было возможно, заменяла для нас родную мать, хотя и мачеха относилась к нам хорошо.

Нас укладывали спать в горнице, где находилась постель бабушки и дедушки. Для брата здесь была устроена особая постель в прихожей, а я всегда располагался в передней, вместе с дедушкою и бабушкою. Остальные члены семьи и работники спали в жилой избе, отделенной от горницы холодными сенями.

Пред тем, как уснуть, особенно в зимние вечера, бабушка и дедушка долго разговаривали между собою, Я внимательно слушал их речи, лежа между ними. Вдруг раздается сильный треск в стенах, вероятно, от мороза. Я испуганно вздрагиваю, как и дедушка с бабушкой, которые оба одновременно произносят по чувашски: „Господи, помилуй“. Успокоившись, они делают предположение, что на том месте, где выстроена горница, должно быть, живет нечистый дух, отчего и происходят такие страшные удары в стенах. Раз летом лежим, спать еще не хочется; на дворе идет сильный дождь, так и хлещет в окна. Начала страшно сверкать молния. Раскаты грома так сильны, что стекла в окнах звенят. Все мы забились под шубу. Дедушка и бабушка непрерывно молятся Богу: „Господи, помилуй, Господи, помилуй, не оставь нас“. Раздается особенно резкий удар грома: тотчас после этого по улице проска-

кал верховой, крича, что в деревне пожар. Испуганно соскочили мы с постели, выбежали на огород, и оттуда увидели, что в конце деревни один дом охвачен пламенем. Народ кричит и бежит около пожара по всем направлениям. Наши домашние все побежали на пожар, только дедушка, бабушка и я остались дома. Часа через три вернулись они и сказали, что пожар произошел от удара грома, но что уже потушен и что сгорело всего два дома. Рассказывали, что Бог преследовал молнией дьявола; тот, спасаясь, забежал в избу через незакрытую трубу. Молния летит за дьяволом в трубу в виде огненного шара. Тут шар ударил нечистого духа так сильно, что кровь его брызнула по стенам избы; те места, куда попала кровь, тотчас загорелись.

Говорили и о том, что такой пожар нельзя залить водою: от воды он еще больше будет распространяться: здесь действует Божья сила, ее водою не зальешь. Лучшее средство залить подобный пожар—это парное молоко от черной коровы. Есть и другие средства, но я их теперь не помню.

Утром все отправлялись в жилую избу. Горницу днем держали в чистоте для приезжающих начальников: для следователя, станового пристава и пр., и для гостей.

В те дни, когда все были дома, мужчины плели лапти, вили веревки из мочала или чинили сбрую, а иногда дедушка с отцом плотничали. Дедушка чинил кадушки и другую деревянную посуду, отец—сани. Женщины, покончив со стряпней, принимались за пряжу. Я же бегал по нарам, всегда босиком, сидел на подоконнике и ногтем выводил по мерзлому стеклу окна разные фигуры. На полу лежали ягнята, телята, а весной гуси и утки сидели в гнездах под нарами. Конечно, в избе была невыносимая духота. Но я этого не чувствовал. Когда мне надоедали одни занятия, я обращался к другим, напр., искал пауков и следил за ними, потом я отправлялся на печку ловить тараканов. Иногда я брал бичевку у работников и, привязав один конец ее за середину большого деревянного песта, находящегося тут же за дверью, начинал ее тянуть за другой конец, сидя в углу на печке. Пест уже почти на печке, как вдруг срывается и с шумом падает вниз, отчего все животные, находящиеся в избе, приходят в беспокойство и начинают кричать на разные голоса. Все семейные удивленно посматривают кругом, недоумевая, что случилось. Бабушка догадывается, что это я проказничаю, сердится на меня и велит оставить эту глупую игру. Я бросаю бичевку и принимаюсь вить веревку вместе с работниками, прилагаю все усилия, но работа не клеится. Брат смеется надо мною, похваляясь, что он в мои годы умел не только веревки вить, но даже и лапти плести. Его насмешки задевают мое самолюбие; я прилагаю все старания и по-

тепенно привыкаю и веревки вить и лапти плести. Семи или восьми лет я умел плести лапти даже из девяти лык. Это верх искусства своего рода. Такие лапти изящнее обыкновенных, их носят парни-щеголи и девушки, и то только по праздникам. Когда чувашская молодежь ломает дужку, то девушка часто ставит условием сплести ей пару девятилычных лаптей, а парень с своей стороны желает, чтобы та ему сшила хорошенький кисет с кисточками. Последний служит любимым украшением для парней, которые носят его при гостях, привязывая к поясу с левого бока.

Ужинать мы сядились без всякой молитвы, и никто не творил крестного знамения, но это не было небрежностью. Мы, по обычаю предков, произносили только про себя слова: „Господи, не оставь“. Усаживались мы за два стола: за большой—мужчины, за маленький—отдельно женщины. Последнее обстоятельство происходило, по всей вероятности, от того, что сноха у чуваш не садится за один стол со свекром, так как считает себя недостойной сидеть с ним за одним столом. Если бы другие женщины сели с мужчинами, то сноха осталась бы одна, как бы брошенная семейством. Чтобы этого не случилось, мужчины садятся за один стол, а женщины за другой. В тех домах, где нет снох, мужчины и женщины ужинают и обедают за одним столом.

За столом мы сидели в таком порядке: дедушка, как глава семьи, помещался на стуле; мы—все остальные—садились на лавку, начиная с отца; рядом с ним место занимал я, потом—брат, и дальше работники и посторонние лица, когда случатся. У чуваш есть обычай сажать за стол всякого вошедшего в избу во время обеда или ужина. Если бы тот и не хотел есть, то из приличия должен, по крайней мере, отвесть предлагаемое кушанье. Отведавши кушанье, он тотчас выходит из-за стола и садится на лавку, подалее от стола. При этом ему предлагают еще покушать, а иногда насильно сажают опять за стол, но гость упорно отказывается, уверяя, что он досыта наелся, и продолжая благодарить. Руки он никогда не подает ни хозяину, ни хозяйке. Подавать руку—не чувашский обычай. Когда мы усаживались за стол, отец резал нам хлеб, оставляя себе горбушку. Первый кусок за горбушкой, так называемый, у чуваш плясовой ломоть, доставался мне, второй брату и т. д. Когда же я пробовал просить себе горбушку, то мне всегда отвечали, что нельзя мне давать горбушки, иначе у моей жены нос будет большой. Когда я спрашивал, почему мне дают плясовой ломоть, отвечали: „когда вырастешь, будешь хорошо плясать“. Сначала подавали нам щи или суп в деревянном блюде, без говядины, а вместе со вторым блюдом тех же щей подавалась и говядина, которую, впрочем, употребляют только в зажиточных домах.

У чуваш нет понятия о питательности пищи. Едят для того, чтобы не голодать. Поэтому говядина рассматривается скорее как лакомство, и употребляют ее далеко не все. — Говядину крошат у нас на деревянной дощечке с ручкой, так называемой, ывыс. Часть говядины дедушка клал в наше блюдо, а часть передавал на другой стол женщинам, сообразуясь приблизительно с числом сидящих за каждым столом. Иногда, вместо говядины, подавали хуплу, особо приготовленное заячье мясо в тесте, в тех случаях, когда отец ездил на охоту за зайцами и лисицами, которые не редкость в нашем крае¹⁾. После ужина опять никто из нас не молился. Разве только мельник, бывало, перекрестится раза три, если он русский человек, и поблагодарит хозяина обычными словами. Мы же—младшие члены семьи—никогда не выражали своей благодарности старшим: это запрещала скромность младших пред старшими. В продолжение ужина никому не позволялось ни разговаривать, ни смеяться над чем-нибудь. Если же в минуту забывчивости мы улыбались, припоминая смешной случай из дневной жизни, то отец или дедушка строго замечал нам: „что вы скалите зубы“. Этот застольный обычай так прочно запечатлелся у меня, что я и теперь не могу хладнокровно слушать человека, разговаривающего за столом, хотя уже прошло более десятка лет, как я стал жить вне чисто чувашских обычаев.

Иногда по вечерам к нам приходил один старик из некрещеных чуваш. У нас половина деревни, в числе ста ревизских душ, состоит из некрещеных. Этого старика мы называли дедушка Ельми. С его приходом настроение в семье заметно оживлялось. Он всякий раз рассказывал нам сказки. Мы слушали его с большим вниманием, подсев к нему как можно ближе. Ельми умел приковывать наше внимание к своему рассказу. Когда Ельми замечал, что мы уже устали его слушать, он вдруг, остановившись в середине сказки, отказывался от дальнейшего рассказа. Мы начинали его упрашивать и чуть не умолять, чтобы он окончил сказку. Таким приемом он снова оживлял нас и возбуждал наше внимание.

В его сказках более всего мне нравился элемент чудесного, во что я или искренно верил, или хотел верить. Сказки, поверия, поговорки и пословицы, слышанные мною, вместе с непосредствен-

¹⁾ Здесь кстати заметим. У моего отца, как и у деда и прадеда, была страсть к охоте, что впоследствии стало известно моим товарищам—ученикам Симбирской чувашской школы—из моих же рассказов. Однажды, придумывая, по школьному обыкновению, фамилии каждому из учеников, меня назвали Охотниковым, на том основании, что весь наш род питал страсть к охоте, хотя во мне и нет этой страсти. После этого один из учеников при составлении списка учащихся, совершенно против моего желания, меня записал с новой фамилией Охотников. Так произошла моя фамилия.

ными впечатлениями от окружающей жизни, составляли единственный материал, из которого складывалось мое детское мирозерцание. Произведения чувашской фантазии и мысли, отражения духовных свойств чувашского народа должны были воспитывать меня чисто в чувашском духе. Чувашское дитя большую часть времени предоставлено самому себе. Занимаясь земледелием, поглощенные заботами о пропитании, чувашаи не имеют времени заниматься воспитанием своих детей. Они почти брошены на произвол судьбы, растут сами собою, придумывают себе игры и забавляются. Вследствие этого иногда происходят и несчастные случаи. Напр. в одной деревне, я слышал, трое детей остались одни в избе и вздумали изобразить в натуре охоту на зверей. К несчастью их, тут же на стене висело заряженное ружье. Двое из детей, изображая собою зайцев, спрятались под нары, а третий взял ружье и, открыв их, одного застрелил. Однажды и я едва не застрелил своего товарища, представлявшего волка.

В пылу игры зимою мы снимали с себя платье, не боясь простуды. Нередко весною, когда из-под снега кое-где начинает показываться земля, прибежавши на проталину, мы немедленно разувались и начинали бегать босиком, и переходили по снегу с одной проталины на другую. Конечно, такая свобода не всегда оставалась безнаказанною: часто мы заболели и многие из моих сверстников умерли. Так угодно Богу, думали мы о последних. Они будут теперь в раю, потому что они успели умереть в детстве, когда меньше было у них грехов. По убеждению чуваш, грешные люди по смерти идут в ад, где их мучают в котле, благочестивые же идут в рай. Чтобы попасть в рай, нужно перейти через пропасть по тоненькой перекладине. Кто грешен, тот сваливается с перекладины и прямо падает в котел на вечное мучение. Благочестивые доходят по перекладине до самого рая, где вечно блаженствуют.

Заболел однажды и я. Настоящей причины болезни мы и не подозревали. Бабушка озабоченно спрашивала меня не о том, что не бегали-ли мы раздевшись и разувшись, а спрашивала, не ходили-ли мы к киремети или ириху и не ссорились-ли там с товарищами и т. п. На эти вопросы она получила от меня утвердительные ответы, потому что мы в продолжение дня, действительно, могли быть и около киремети и около ирихов, о которых я скажу в другом месте. Она пригласила юмзя—женщину знахарку—посоветоваться о способах лечения. Та, предварительно выведав от бабушки все обстоятельства дела и ее личное мнение относительно моей болезни, решала, что я не мог захворать ни от какой другой причины, как только от такой-то киремети, которая разгневалась на меня за мои дурные поступки около нее. Чтобы умиловить

ее, нужно принести в жертву положенное число гусей. Бабушка ничего не жалела и употребила все усилия, чтобы вылечить меня, перерезав не мало гусей. Такое лечение больных очень разорительно, но неизбежно при настоящих их религиозных понятиях. Не менее бабушки заботился обо мне и дедушка. Он внимательно наблюдал за сердцебиением и пульсом. По его просьбе, иногда приходил к нам Ельми и лечил меня. Он был знахарь и занимался лечением, но, говорят, он умел и портить людей, т. е. он был и колдун. Брал он чайную чашку с водою и, близко поднося ее ко рту, шептал какие-то таинственные слова и дул и плевал в чашку, в тоже время мешая воду чайною ложкою или лучинкою. Потом клал в чашку немножко соли и продолжал шептать, дуть и мешать воду. Затем я выпивал всю воду в один прием. Как бы странно ни было такое лечение, тем не менее я чувствовал себя легче после каждой выпитой чашки воды, тем более, что никто из нас не сомневался, что теперь болезнь пройдет сама собою. Ельми входил тихо: с семейными разговаривал почти шепотом. Во всех его движениях заметны были таинственность, уверенность и необыкновенное внимание ко мне, что придавало в наших глазах большое значение каждому его действию.

Когда я выздоровел, бабушка взяла меня, семи или восьмилетнего мальчика, в баню мыться. Хотя наша баня была сравнительно с другими лучшая, но чистотою и удобствами не могла похвалиться. Вода нагревалась в чугуне, ведра в два, и этою водою должны были довольствоваться человек двадцать мужчин и женщин. Так как мужчины бывают в бане раньше женщин, то последним нередко приходится обходиться и без теплой воды. Волосы состоятельные люди моют в бане кислым молоком, вместо мыла, которое стало входить в употребление только в последнее время в зажиточных домах и у грамотеев, и щелоком. В бане больше парятся, чем моются. Вообще чистоплотность у чуваш в полном пренебрежении, отчего среди них господствуют разные накожные болезни: нарывы, чесотка и глазные болезни. Но, по понятиям чуваш, все эти болезни происходят по воле особого божества—ирих. Ирих был во время моего детства и в нашем доме.

Кстати заметим здесь, что боги чуваш делятся на высших и низших, а последние в свою очередь распадаются на добрых и злых. Говоря о своей болезни и нечистоплотности чуваш, я упомянул об ирихе и киремети—двух довольно видных злых божествах. Ирих невидим. Местопребывание имеет в лукошке, сделанном из вязовой коры и помещающемся в клетке, где-нибудь в углу, за дверью. Ирих посылает чувашам, относящимся к нему без надлежащего уважения, болезни. Если у чувашина начинают болеть глаза или на его теле появляются нарывы, сыпь, то он, или по своему созна-

нию, или по совету юмзи, варит из пшеничной муки кушанье мимер—нечто в роде киселя. Затем, расплавив одну ружейную дробицу, отликает маленькую блестящую монетку. Сделав в ней маленькое отверстие, продевает через него нитку, концы которой завязывает узлом. Мимер и монетку (оловянку), он несет в тот дом, где находится наказывающий его ирих. Ктонибудь из семейства этого дома, по просьбе принесшего мимер и оловянку, отправляется в клетку к ириху, молится, чтобы тот снял болезнь с принесшего мимер и оловянку. Потом делает три земных поклона; часть мимера со столовую ложку кладет он в лукошко, а оловянку привешивает на гвоздь, где висит и лукошко. Остальной мимер съедается членами семейства этого дома. После такого моления чувашин в полном убеждении, что болезнь его снимается ирихом, а о том, что болезнь происходит от нечистоплотности и неопрятности, и не подумает.

Я помню, бывало, все уйдут работать, а я сижу один с бабушкой в избе. Она прядет пряжу или что-нибудь вяжет, и тихо-тихо поет старинные чувашские песни. У этих песен и мотив какой-то особенный. Они очень заунывны. Поет, поет да вздохнет, и так глубоко вздыхает, что на душе делается тяжело. Наконец, мне становится скучно. Я задаю ей детские, бессвязные, наивные вопросы, в роде того: бабушка, почему у меня жены нет?.... Она не обращает на них внимания, и напевает излюбленную песню, все одним и тем же тоном, а потом опять глубоко вздохнет.

Вот, в такой момент вдруг растворяется со скрипом дверь, и кто-то входит в избу с масляным мимер в руках для приношения нашему ириху. Я начинаю от радости прыгать и бегать по лавкам. Взяв мимер и оловянку, бабушка выходила в клетку молиться ириху, а я из любопытства сопровождаю ее, чтобы посмотреть на ирих и на то, как ему молятся. В клетке, где ирих, все имеют серьезный вид и говорят только о деле и о вещах, не оскорбляющих нравственности и религии не только своей, но и русской, т. е. православной. Если же мы, дети, по неведению, позволяли себе здесь пошалить, то старшие сдержанно замечали нам, чтобы мы вели себя так, как ведут себя умные люди.

Чувашские божества как добрые, так и злые не позволяют совершать греховные дела: ни воровать, ни развратничать, ни убивать и т. д. Напротив, божество карает всякого, дерзнувшего сделать около него какой-нибудь грех. Поэтому присутствие божества в доме, как у нас в клетке, имеет для взрослых и для маленьких воспитательное значение. Оно приучает с малолетства высказывать слова обдуманно, только о том, о чем можно, приучает вести себя скромно. Поэтому не удивительно видеть какое-нибудь языческое божество в мало-мальски порядочном чувашском доме. Так же нам

понятно, что хороших детей мы находим именно в тех домах, где есть какой-нибудь ирих. Языческая религия, как бы она ни была низка в сравнении с христианской, тем не менее составляет весь духовный мир чуваш, как некогда и у меня лично. Ведь азам начал я учиться почти 14-ти лет от роду.

Жизнь чуваш тесно связана с их религиею. Они ею живут, ею дышат, ей преданы они душою и телом. Почему же мы не можем ожидать от них такой же преданности и христианской религии? Можем. Но можем не прежде, чем они поймут ее. Не прежде, чем она всосется в тело и кровь их. А это возможно, по крайнему разумению моему, лишь тогда, когда христианская вера будет им предлагаться в доступной форме, когда она будет близка к их жизни, когда будет отвечать состоянию души чувашина... Теперь разные места около деревень и в самых деревнях чуваш усеяны киреметями. Люди, даже близко стоящие к чувашам, часто ошибаются, понимая под словом киреметь самих злых богов. Киреметь, собственно, есть место, где пребывает злой дух, напр. дух какого-нибудь известного, некогда жившего на этом пункте, чувашина. У нас, напр., около деревни лежит возвышенное пустое место, имеющее форму полуострова, так как оно окружено с трех сторон двумя речками, соединяющимися в одну. На этом месте, несколько лет тому назад стояла старая береза. Место, где она росла, а раньше нередко и самую березу, чувашаи называют киреметь Утласа. По преданию, этим полуостровом владел некогда богатый, храбрый чувашин, по имени Утлас. Сказание об Утласе дает некоторое понятие о том беспокойном периоде жизни чуваш, когда вся восточная часть Европейской России волновалась, как, напр., во время Пугачевского бунта. Утлас, живя на высоком защищенном речками месте, откуда далеко видна вся окрестность, и владея домом с подземными ходами, всегда умел охранять себя и свое имущество от воров и разбойников и держать в страхе и покорности жителей нашей деревни. Выезжал он с кучером на тройке красивых вороных коней с колокольчиками и имел при себе ружье—двухстволку, саблю, кинжал и другое оружие, которым отражал неприятелей, осмеливавшихся нападать на него в дороге. Рассказывают, что однажды на него напало двенадцать разбойников. Заметив приближение их, он остановил лошадей и, спокойно дождавшись их, двоих из них застрелил, у некоторых отсек голову, другим распорол животы. Остальные, уstraшенные его силою, спаслись бегством. Но оставшиеся в живых разбойники поклялись отомстить Утласу за гибель своих товарищей. В одну тихую ночь ему вдруг послышалось, что на дворе и в сенях ходят люди. Быстро схватив свое вооружение, он бросается в подполье, откуда пробирается подземным ходом в огород, подходит тихо к забору,

видит известных ему разбойников и начинает в них стрелять: уже несколько человек пало мертвыми, остальные ищут его на дворе, но не находят. А Утлас все продолжает стрелять. Разбойники, наконец, покинув трупы своих товарищей, удаляются. С тех пор, говорит предание, ни один разбойник не осмеливался делать покушение на жизнь и имущество Утласа.

Утлас давным-давно умер, но не умер его дух: он живет, говорят, под березой, посаженной Утласом в своем саду. Дух его и теперь держит чуваш в страхе. Ни один чувашин не осмеливается выразить свою непочтительность к березе, около которой живет дух Утласа. Он наказывает виновного продолжительными болезнями, для избавления от которых существует одно средство—просить прощения пред березою и зарыть в землю около нея медную монетку двухкопеечного или трехкопеечного достоинства. Таково сказание о происхождении киремети Утласа ¹⁾.

Киремети имеют и другое происхождение. Места, где раньше совершали в продолжение столетий общественные моления высшим богам, нередко впоследствии были оставляемы, так как с течением времени условия жизни изменялись, но уважение к прежнему месту молений сохранялось. Юмзи, затрудненные в объяснении причины болезни, говорили, что болезнь могла произойти от неблагопристойного поведения заболевшего около того старого места молибища.

Так, подле нашей деревни есть место на берегу речки, где собирались некогда для совершения общественных молений: оно было оставлено, когда на противоположном берегу поселились русские. Присутствие их мешало чувашам молиться, так как русские позволяли себе смеяться над чувашскими религиозными обрядами. Чувашаи выбрали для молений другое место, а прежнее обратилось в киреметь, под особенным названием по местности ее нахождения, авыр-кюль киреметь. Сюда в день совершения общественных молений приходит старик, выбранный обществом, подметает небольшое место и, незаметно зарыв в землю медную монетку, отправляется домой. Этим выражается уважение к священному месту и память о молениях высшим божествам. Могут быть и другие причины происхождения киреметей. Но вследствие чего бы киремети ни происходили, они—явление безотрадное. Свидетельствуя о жалком состоянии религиозном и умственном чуваш, киремети вредны особенно тем, что чувашаи положительно раззоряются на жертвоприношения им, особенно при продолжительных болезнях. Дети еще с малолетства запугиваются киреметями. Я помню, как было страшно проходить мимо киремети: мы опасались даже говорить

¹⁾ Остатки жилища Утласа до сего времени сохранились.

между собою, чтобы как-нибудь не проронить оскорбительного для киремети слова.

Затем, к несчастью чуваш, распространение православия среди них шло внешним образом, а не посредством убеждения, и увеличило сонмище злых божеств. Чувашаи, например, о Николае Чудотворце думают, как о могущественнейшем злом боге, который непрестанно посылает на них ушные болезни всех видов: глухоту, боль в ушах, течение гноя из ушей и т. п. Поэтому, при появлении ушной болезни, чувашин ставит восковую свечу пред иконою Николая Чудотворца, в церкви или дома, как наши домашние, и молится ему на коленях о том, чтобы он избавил его от ушной болезни. Таким образом, по убеждению чувашина, Николай Чудотворец, или икона с ликом его, своего рода злой бог, наравне с ирихом или киреметью, только с тем различием, что Николай Чудотворец—русский злой бог, а киреметь или ирих—чувашский. В некоторых селах, где существуют явленные иконы с ликом Николая Чудотворца, дело дошло до того, что чувашаи стекают сюда из нескольких соседних уездов и возят с собою деньги и истуканы, печенные из теста, в жертву Николаю Чудотворцу. Отлично видя суеверия чуваш, духовенство этих сел, повидимому, не старается дать чувашам надлежащее наставление, так как эти суеверия—доходы духовенства. Если мы—соль земли—будем служить церкви так, то, пожалуй, в недалеком будущем из Божественной христианской религии, Бог знает, что сделаем в глазах инородцев. Один, довольно пожилой батюшка, не мало потрудившийся для церкви в своем чувашском приходе, передает, между прочим, прискорбный случай, свидетельствующий о неверном понимании чувашами Николая Чудотворца. Когда я служил, говорит он, еще в другом приходе, я ходил раз в селе с крестом. Подходит ко мне хозяин одного дома и говорит: „что мне делать? я нашел под сараем много денег, а брать их—боюсь“. На мой вопрос он рассказал, что когда юмзь предписывает чувашину ехать на поклонение Николаю Чудотворцу, а чувашину ехать нельзя, то он подкидывает несколько копеек в другой дом. Там знают, какие деньги им подкинули, и, прибавив еще столько же денег от себя, т. е. увеличив сумму денег вдвое, тихонько подкидывают их в третий дом. Кому охота ехать к Николаю Чудотворцу! Так путешествуют эти деньги, в каждом доме увеличиваясь вдвое. Наконец, получится значительная сумма, хозяину дома не под силу ее удвоить. Тогда он волею-неволею должен отвести их Николаю Чудотворцу. Хозяин дома по бедности не мог ни удвоить сумму, ни съездить на поклонение иконе.

Подобных этому фактов много. Они ярко свидетельствуют о действительном понимании чувашами православной веры.

Теперь многие чуваша боятся Николая Чудотворца так же, как они боятся языческого бога. В нашей деревне праздников православной церкви почти не празднуют в таком смысле, как учит церковь. В пониманиях чуваш христианские праздники обратились в языческие и, вместо того, чтобы идти в церковь, чуваша дома совершают моление, поминают умерших по языческим обрядам и потом начинают веселиться и пировать вместе с своими гостями.

Весело проводят такие праздники и дети. Особенно приятно мне вспомнить о тех праздниках, когда приезжали к нам гости. С нетерпением бывало я жду праздника. Большие, зная наше отношение к праздникам, часто вместо прямого понуждения к работе говорили: „работайте дети, дружнее, как окончим все работы, придет праздник“. И работа закипала. Вечером, когда возвращались с поля, пели песни, приличные ближайшему празднику, совершенно забывая усталость. Пели песни и чувашские, но больше татарские, в которых находили больше поэзии, чем в чувашских. Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о влиянии татар на чуваш нашей деревни и в отношении языка. Впрочем, я не был большим любителем песен, хотя никогда не отказывался, когда, бывало, предлагают петь вместе с другими. Отличаясь молчаливым характером, я пел без увлечения, только за другими. Тогда мне было лет 10 или 11, и я начинал уже сообразоваться в поступках с мнением старших. Так заранее создавалось у нас радостное настроение в ожидании праздника, напр., Семика и Введения во храм Пресвятой Богородицы, или просто Введения. Недели за две до наступления последнего мой брат отправляется к родственникам, живущим в других деревнях, приглашать их на пир. Все домашние занимаются приготовлениями к празднику: варят пиво, режут овец, колют свиней. В этих приготовлениях и мне находят работу, охотно мною исполняемую. Накануне праздника одевались мы все по праздничному. Я надевал пунцовую рубашку, синие штаны, белые шерстяные чулки и новые лапти, а потом, надевши шубу, овчинную шапку и рукавицы, выходил с братом к воротам встречать гостей. Узнавши гостя издали, мы бежим на встречу, садимся в сани рядом с ним, под'езжаем к крыльцу, помогаем гостю слезать с саней, быстро уносим одежду его в избу. Потом, выпрягши лошадь, привязываем ее куда-нибудь и опять бежим встречать других. Поздно вечером, когда уже приедут все приглашенные гости, происходит угощение. Начиналось оно с того, что я с братом наливали пиво в пивные ковши и подходили к гостям, начиная со стариков, предлагая выпить все пиво, до дна ковша. Гости брали ковши, мы вставали пред ними на колена и оставались в таком положении с наклоненной головой до тех пор, пока они не выпьют всего ковша. Остальные гости в это время сидят тихо, внимательно следя за

угощающими детьми. С детьми разговаривает только тот, в чьих руках пивной ковш. От детей требуется вежливое обращение с гостями, особенное искусство в угощении, которое состоит в том, чтобы вежливейшим путем достигнуть того, чтобы гость выпил пиво из ковша до дна. Умение угощать вежливо и находчивость при этом—достоинства угощающего. По этим его качествам гости впоследствии судят об его умственных способностях. Желая испытать угощающего, гость отказывается от пива, говоря, что он перестал пить пиво по болезни или по другим каким уважительным причинам. Находчивый мальчик в этом случае, как бы веря и соболезнуя гостю, должен предлагать пиво, как облегчающее болезнь средство. Гость, наконец, будто бы убеждается его доводами и, поблагодарив за угощение и участие, дает детям монету копейки в две или три, много в пять. Но испытывать детей, по обычаю чуваш, могут только гости, пользующиеся хорошою репутациею и уважением в народе, как, напр., старик Ельми. Каждый из остальных гостей, выпив все пиво и поблагодарив, немедленно вручает угощаемому подарок. Когда обойдем с пивом всех гостей, начинается настоящее угощение их, а я удаляюсь в другую избу или на полати, откуда люблюсь гостями. Все они сидят за столами на кошмах, посланных на нары, и разговаривают между собою о житейских делах: о домашних и полевых работах, о здоровье скотины и семьи, урожае и т. п. На столе стоит ведро с пивом, бутылка или четвертная посуда с водкою и одна рюмка на весь стол, затем блюдо с крошеною говядиною, блюдо с творогом, а вокруг блюд лежат ломти черного хлеба или ситного домашнего приготовления из полбенной муки. Никаких салфеток, вилок и ножей, кроме хлебного, на столе не полагается. Вместо салфеток здесь служит одно общее для всех полотенце, лежащее тут же на столе, вблизи ведра с пивом, которое часто покрывается тем же полотенцем,—вместо вилок и ножей—руки с пальцами. Кроме того, утром гостей поят чаем, купленным нарочно для праздника, но это делается только у зажиточных чуваш, и кормят завтраком, обедом и ужином. Как завтрак, так и обед с ужином, состоит из супа или щей с говядиною и каши или же жареного ширтана. Это—род колбасы, чувашское кушание особого приготовления из говядины. Праздник продолжается дня три, и все это время гостей угощают водкою и пивом. Сначала один из членов семьи обходит всех гостей, угощая пивом, а за ним идет другой угощать водкою. Угощают чуваша вообще очень настойчиво: угощающий до тех пор не берет обратно рюмки или пивного ковша, пока не будет выпито до дна. Это—правило всякому порядочному угощению. Когда гости опьянеют, некоторые начинают хвалиться своим материальным благосостоянием и трудолюбием, другие поют песни. Напев этих песен

протяжный и заунывный. Не видно в них удалства. Настал праздник, все родственники собрались вместе, им стало полегче на душе, а под опьяняющим влиянием водки язык их развязался. Они начинают утешать друг друга словами: Бог поможет, потихоньку проживем, подите сюда: попьем, поедим. Эти слова были любимейшими словами дедушки при угощении гостей. Он часто поговаривал: „эх, братцы, если есть на свете хорошее, то это попить, поесть и побеседовать с своими родными, собравшись вместе, как мы теперь“. После этих слов у него, обыкновенно, из глаз текли слезы, и он продолжал: „пожил я на свете, но приятнее этого никогда ничего не находил, мы теперь состарились, живете вы молодые, дай Бог здоровье вам“. Когда же он сам бывал в гостях у своей родной сестры, то его сажали впереди. Преклонов пред ним головы, две племянницы, дочери его сестры, вставали на колени и начинали петь песни, подав ему ковш пива. Они также пели при проводах. Напев менялся, смотря по содержанию песни. В этих песнях выражались беззаботная жизнь девушек в родном доме, неопределенная судьба их в будущем и мольба пред родителями, родными и вообще старшими, не считать их чужими, когда они покинут родное гнездо. Здесь напев делался печальным, дедушка начинал тихонько рыдать, а его племянницы, Марья и Ульяна, то и дело обтирали глаза рукавом рубашки. Марья и Ульяна, встав на ноги, быстро уходили в другую избу. Что они там делали, я никогда не видал, может быть, они там плакали или так сидели, но только, когда дедушка переставал плакать, они больше не входили к гостям. Лошадь уже готова, мы одевались, выходили к саям, где и видел я Марью и Ульяну в последний раз. Оне уже веселы, садятся с нами рядом и далеко провожают нас. При расставании не происходит ни целований, ни рукопожатий. Только скажут друг другу: будьте здоровы, пока не увидимся еще другой раз.

Здесь я несколько забежал вперед. Возвратимся назад, в наш дом. Мы сказали, что одни из гостей хвалятся, другие поют песни. Но вдруг врывается в избу скрипач и начинает пилить смычком по дешевеньким струнам; гости оживляются, две женщины выступают на средину избы и начинается пляска, не лишенная грации, состоящая в том, что плясущая тихо двигается, вставая попеременно на пятки и на носки и в тоже время производя руками различные плавные движения, описывая круги в воздухе. Потом пляшут мужчины, в пляске принимают участие не только молодые, но и старые. В то время, как одни пляшут, все остальные бьют в ладоши так сильно, что звук плохонькой чувашской скрипки совсем заглушается. Во всей избе слышно только хлопанье и топание. А сам скрипач не столько играет, сколько топает ногами. Чуваша нашего края вообще не отличаются искусством играть на музыкальных инструментах.

По временам женщины, наши гости, уходили в жилую избу и беседовали о своих женских делах. Сюда же приходила иногда и бабушка. Гости спрашивали у ней, между прочим, о женитьбе моего брата, Ивана. Бабушка им никогда не давала определенного ответа ни о времени его женитьбы, ни о невесте. Может быть она не желала высказываться более определенно из осторожности, чтобы я не мог впоследствии передать брату. Между гостями были мои тетки, замужние дочери бабушки, которые особенно интересовались женитьбой брата.

Разговоры о его женитьбе я стал, наконец, слышать и в обыкновенное время. С течением времени они стали принимать более решительный характер. Это я чувствовал, но не знал, когда именно брат женится. Чуваша нашей деревни, и крещенные, празднуют не воскресение, а пятницу. Раз в праздничный день, т. е. в пятницу, отец приказал работнику заложить лошадь в новые рогожные сани. У нас так называют сани, сделанные со спинкою и обшитые рогожею. Такие сани имеются только у зажиточных чуваш. Из слов отца: „заложить лошадь“ я понял, что он собирается ехать куда-то в гости. Потом отец сказал мне, чтобы и я поскорее оделся. Мне дали праздничные красную рубашку, штаны и теплые сапоги с крапинками казанской работы. Наскоро одевшись, вышел я на двор к саням, отец дожидался меня. Видно было, что вопрос относительно того, брать или не брать меня с собою, был решен неожиданно, когда лошадь уже была заложена. Мы сели в сани.

Отъехав сажен с двести, отец увидел, что пред нами идет женщина, мне незнакомая. Она находилась от нас саженях в десяти, шла нам наперекор и перешла бы через нашу дорогу, если бы отец не попросил ее остановиться на месте. На вопрос, куда мы едем, отец дал ей неопределенный ответ: „едем вот“. Вопросы же—куда едем и для чего—остались без ответа. Когда мы проехали мимо женщины, у меня возник вопрос, почему женщина не должна была перейти через дорогу. Я долго не осмеливался спросить об этом у отца, но, наконец, мое любопытство преодолело скромность, и я спросил. Он ответил мне: „она хотела перейти через дорогу с пустыми руками. Это—нехорошая примета: наше желание не исполнится“. Суждение отца мне показалось совершенно основательным: и, в самом деле, что могут означать пустые руки?—пустое желание. У чуваш немало подобных примет. Так, напр., отправляющийся в дальнюю дорогу не поедет в путь, если ему до выезда из деревни встретится черная кошка. Он должен обратно въехать во двор и выехать из дома снова. Эта примета, впрочем, имеет несколько значений при различных обстоятельствах.

Сначала мы ехали по открытому полю, потом ехали лесом. В лесу отец оживился, стал обращать внимание то на одно, то на

другое дерево, и каждому дереву находил практическое применение. Заметив высокий, большой дуб, говорит, что из него вышли бы хорошие доски для полов. Увидит березу, скажет, что из нее вышло бы три или четыре оси для рабочих телег. Потом начинает сравнивать одно дерево с другим: это лучше, то хуже и т. д. Так он интересовался всеми деревьями, попадающимися нам по дороге, плохими и хорошими.

Вдали показалась деревня, расположенная вдоль речки, по обоим ее берегам. Все строения покрыты соломой, так что она издали представлялась группой навозных куч, около которых двигались черные пятна. Должно быть, голодные собаки чуваш, которые не очень любят давать своим собакам кусок хлеба, отыскивали падаль. „Вот и Ендрускино“, сказал мне отец. Слова его произвели на меня такое же впечатление, какое произвели бы слова: вот мы и приехали туда, куда ехали, хотя до Ендрускина оставалось еще верст пять. В словах „вот и Ендрускино“ я понял еще и нечто другое: мы скоро будем в Ендрускине, нас примут ласково, будут нас угощать, нам будет весело..... В Ендрускине мы заехали к одному зажиточному чувашину. Пока еще мне было неизвестно, почему мы заехали к нему; я был до этого один раз в Ендрускине, но тогда мы гостили у другого, дальнего нашего родственника. Услыхав от отца „Ендрускино“, я тотчас предположил, что мы едем к известному мне родственнику, но я ошибся. Хозяева дома, куда мы заехали, заметив нас из окна, выбежали на двор встречать нас, извиняясь в своей рассеянности, что они не увидели нашего приближения к их воротам. Спрашивали, кто нам отворил ворота. Отец, желая, должно быть, отрекомендовать меня, отвечал, что ворота отворены мною, хотя я не трогался с места, когда мы подъехали к ним. Хозяйка подняла меня с саней, поласкала и выразила свое удивление, что я уже настоящий мужик, помощник отцу, и что я смог даже отворить ворота. Между тем она видела, что не я отворил ворота. Хозяйка этим с одной стороны хотела сказать приятное, а с другой она хотела, вероятно, намекнуть мне, что я и в самом деле должен теперь помогать отцу в работах, а потому и в данном случае мне нужно было слезть с саней и отворить ворота. Говорить намеки свойственно чувашам. После этого мне стало стыдно, и я не мог отвечать на дальнейшие распросы о наших домашних. Еще замечу, что этот мудрый способ указывать детям на ту или другую работу намеками у чуваш очень развит. Намеки сильнее действуют на рассудок и на сердце, чем приказание или выговор. Последние нередко вызывают в детях раздражение, а намеки легко располагают детей к работе. Справились хозяйка у меня о домашних: живы-ли дедушка с бабушкой, почему они перестали к ним ездить, здоровы-ли прочие семейные, в каком состоянии

находится скотина. Но я, засыпанный вопросами и пристыженный хозяйкою, окончательно растерялся, стоял и молчал. За меня отвечал отец. Между разговором все бросились выпрягать нашу лошадь, затем повели нас в избу и раздели своими руками, как требуют того правила гостеприимства. Отца посадили за стол в переднем углу, а меня послали на печку погреться. В избе не оказалось мне сверстников, поэтому я, лежа на печке, стал скучать. Хотя изба была устроена побелому, но стены были покрыты сажей, должно быть, печка дымила, или же в недавнем прошлом изба топилась по-черному. Окон всего было три, и то очень маленьких, одно на юг, два на восток, так что в избе было темновато и среди дня. Мне показалось, что здесь хуже, чем в нашем доме. Женщины то и дело выходили из избы и возвращались назад в избу. Развели в печке огонь и начали что-то стряпать, должно быть, для нас, подумал я. Мужчины, подсев к отцу, завели с ним разговор о разных предметах крестьянской жизни. Они не торопились с вопросами и ответами, каждую мысль старались высказывать обдуманно. Эта обдуманность, основательность и скромность в разговоре служат у чуваш первым признаком хорошего тона. Одобряя, напр., молодого человека, говорят о нем: „говорит степенно, как старик, зря не смеется, как умный человек“. На полатях лежал седенький старик. Он думал о чем-то и мерно постукивал о стену своею палкою. Говорят, ему тогда было 110 лет, а прожил он после этого еще лет с 10. Узнав о приезде моего отца, он также присоединился к разговаривающим. Из дальнейшего разговора оказалось, что этот старик знал еще с моим прадедом, Иваном, которого отец едва помнил. Из слов старика видно было, что он много видал на своем веку. Припоминал он старые времена. Рассказывал о том, как мой прадед был отправлен когда-то в Петербург в качестве депутата, выбранного чувашами нашего уезда, для заявления о нуждах чуваш и о мнении их относительно введения какого-то нового закона в нашей стране; рассказывал о нашествии французов на Россию, о бунтах татар, о том, как они жгли деревни, грабили чуваш и русских. Они, будто бы, хотели тогда восстановить свое Казанское царство, воспользовавшись войною русских с французами. Был приказ, чтобы жители деревень по ночам не спали, а стояли около своих домов, вооружившись, кто как может. Тогда очень много развелось разбойников; они явно выходили на базары и грабили людей. Много погибло тогда черного народа. Потом рассказывал он, как появились в нашем краю какие-то особенные люди, казаки, очень опасные люди. Ездили они верхом на лошадях. У каждого был железный крючек, привязанный к веревке. Догоняя людей, они зацепляли их этими крючками и волокли по земле до тех пор, пока те не умирали.

Эти рассказы я слушал с большим вниманием. На столе уже кипел маленький грязный самовар, подали на стол чайные чашки с украшениями, или, как я называл, с церквами. Для меня всякий рисунок на посуде был изображением церкви. И обедал я ложкой с церквами. Меня посадили рядом с отцем. Хозяева сели с краю и непрерывно подчивали нас. Во время чая отец, рассказывая о домашних, заговорил, между прочим, и о брате. Зашла речь о том, не пора ли ему жениться. Отец открыл цель нашей поездки в Ендрускино. Начали обдумывать, чья дочь более будет соответствовать своим достоинствами нашему брату.

После чая ко мне призвали несколько мальчиков от соседей. С ними я играл до самого вечера и на дворе, и на улице. После ужина хозяева мне посоветовали идти к девушкам, чтобы поиграть с ними; они собираются у старушки, которая жила на краю деревни. Ее хорошо знали знакомые мне мальчики. При этом сказали, чтобы я более обращал внимание на Марию, дочь Семена, и что ее укажут мне мальчики. Таким образом, я, играя с девушками, должен был следить за поведением Марьи в обществе молодых людей. Вот для какого назначения я был привезен отцем в Ендрускино. Мы побежали к старушке и бесцеремонно ворвались в избу. Тут сидело около ведра, поставленного на стол, девушек двадцать и столько же парней стояло. Кроме того, много было здесь мелкого народа до самого порога. Все они гадали о своем будущем.

Гадание началось с того, что двое или трое парней с столькими же девушками принесли ведро воды с речки и поставили на стол. Все девушки уселись за стол, а одна из них, прикрывая одною рукою полотенцем ведро и другою мешая кольца, опущенные в него присутствующими, вынимает по одному кольцу после каждой песни, пропетой хором парней и девушек, и возвращает его по принадлежности. Ответом на вопрос служит содержание песни, которую они пропели, прежде чем вынуть кольцо из ведра. Гаданиями забавляются только молодые люди, как и у русских, со дня Рождества до Крещения. По всей вероятности, этот обычай перешел к чувашам от русских. В числе других и я положил свое кольцо в ведро, предварительно задав себе вопрос, хорошо-ли я буду учиться грамоте. Получил ответ:

„Я ездил в Самару
На восьми подводах,
Но не обманул надежд
Отца и матери“—

я остался очень доволен: я заключил из песни, что я буду оказывать успехи в грамоте. С гадания мы вернулись поздно. Все уже спали. Утром я рассказал подробно обо всем виденном мною у ста-

рушки, и о Марье. — Рассказ мой склонил отца и прочих к тому, чтобы тотчас же послать к Семену сватать Марью. Посланный возвращался к отцу и опять уходил к Семену: не сходились они в размере калыма. Отец предлагал за Марью семьдесят рублей, а Семен просил сто рублей, основываясь на том, что 70 руб. будет недоста точно для подарков, требуемых отцем для близких родственников и для всех домашних, именно по рубашке. Эти переговоры при посредстве третьего лица упорно продолжались с утра до вечера. Наконец, отец предложил последнее условие: „калым будет 90 руб. с тем, чтобы заплатить из них только 80 руб., а остальные 10 руб. оставить в пользу жениха, как бы в подарок жениху от тестя“. Сват вернулся от Семена без кнута, который он носил целый день. Это означало: дело слажено. Таким образом отец мой возвысил калым на словах на двадцать рублей, а на самом деле на 10 рублей. Семен же уступил на словах 10 руб., а на самом деле 20 руб. Тот и другой остался в выигрыше и вот почему. Достоинства невесты или проще стоимость подарков, требуемых со стороны невесты, определяются количеством. Стало-быть, Семен, уступив 10 руб. со 100, возвысил достоинства дочери на 20 руб. против 70 рублей, предложенных отцем. Напротив, отец мой, предложив заплатить 80 рублей вместо требуемых 100, увеличил калым на 10 руб., а выиграл 20 рублей.

Вечером втроем, отец, я и сват, отправились к Семену есть, так называемую, девичью кашу. Нас здесь еще угощали водкою. В избе Семена присутствовала вся семья, кроме Марьи; она нам ни разу не показалась. Вероятно, ее послали на этот раз к знакомым, так как у них не было другой избы, где могла бы она находиться. Свадьбу решили сделать в Семик, в мае, как принято у чуваш нашего уезда.

После Святок стали мы усиленно молотить хлеб, который тотчас отвозился в Чистополь, за 35 верст. Нам нужны были деньги для уплаты Семену за Марью. Деньги поступали к нам единственно от продажи хлеба, других источников дохода у нас не было, как и у всех чуваш нашей деревни. Нет у нас в деревне ни одного чувашина, который занимался бы ремеслом или торговлею, но в то время еще бывали хорошие урожаи. В ту зиму стали брать в город и меня. В городе все было выше моего воображения. Я приходил в какое-то бессознательное состояние и всему радовался.

Мы возили хлеб к одному купцу и у него ночевали в людской, где всегда бывало много народа: русских, чуваш, татар. Часто между ночующими возникали споры. Они начинались из-за пустяков, обычно татарами. Произнесет чувашин неправильно татарское слово, и этого достаточно. Татары укорят чувашина, что он не может говорить правильно по татарски, хотя весь век проводит

между ними. Чувашки возразят, начинают спорить об обычаях, костюме, наконец, переходят к религии. Конечно, победителями большею частью остаются татары, так как неопределенные, сбивчивые религиозные воззрения чуваш не выдерживают сравнения с магометанскими верованиями, крещеные же чувашки ничего не могут сказать в защиту христианской религии, потому что христианину-чувашину были неизвестны даже основы его религии, татары-же, превосходно зная свою религию, знали и недостатки русского духовенства и вообще русских, которые, напр., далеко не все постытся, особенно начальство — судьи, становые и пр. Это последнее часто служит татарам аргументом неосновательности православной веры, потому что-де умные люди, наши начальники, сами отказываются от исполнения обрядов своей религии, а если-де русские мужики и живут строго по закону церкви, то это происходит только по неведению ими настоящей и самой лучшей религии, религии магометанской. Татары-магометане таким образом постепенно доводят чуваш до убеждения, что христианство ниже магометанства. Но встречаются и такие чувашки, которые при всем незнании религии не поддаются татарам. К числу таких чувашки можно бы отнести моего брата Ивана. Он спорил больше с татарами, нанимавшимися к нам работать. Известно, что татары, когда начнут хвалить свое, то они хвалят без меры. Брат знал этот недостаток татар, и обращал спор в похвальное слово. Начинал хвалить татарщину так-же, как хвалят татары, и только изредка вставлял в свои рассуждения свое сомнение, например, так: у татар все хорошо, все мне очень нравится, а русские чистейшие дураки, но только я не понимаю: почему у татар голова гладкая, как стекло, а у русских голова с волосами, или почему татарин не довольствуется одною женою и т. п. Заметив, что брат насмехается над ними, татары, обыкновенно, сами начинали смеяться и толкать брата, называя его плутом. Таким образом брат не давал татарам насмехаться над христианством, хотя у него самого не было и элементарных понятий о нем, но он сам был убежден, что христианство лучшая религия и действовал по одному этому убеждению. Он умер в мае 1888 г. Дай Бог ему царство небесное! Также ведет дело в спорах с татарами и кузнец в нашей деревне.

Татары очень ревностны к своей религии и отличаются замечательно развитым духом пропаганды, свойственным не только муллам, но почти каждому простому татарину. Их ревность к распространению магометанства обуславливается огромным развитием среди татар магометанской грамотности. Когда спор касался вопросов религии, то и русские заступались за чувашки, но тоже ничего основательного не могли сказать в защиту православной веры, разве только начнут бранить татар и обзывать их насмешливыми

прозвищами, далеко не всегда остроумными. Поэтому в состязаниях все-таки победителями оставались татары. К сожалению, сношения татар с чувашами не ограничиваются обменом мнений. Татары заводят с чувашами знакомство, принимают у себя чуваш, как дорогих гостей, и сами любят бывать у них. Будучи ленивы работать, татары живут беднее чуваш; примут у себя чуваш один раз, а сами непременно постараются быть у них раза три, чтобы таким способом пожить на чувашский счет. Отличаясь вежливостью и вниманием к гостям, татары искусно располагают к себе влиятельных в обществе людей.

На моей родине долго крепко держалось язычество и только недавно стало несколько ослабевать. Это произошло вследствие двух причин: во первых, благодаря близости русской деревни Благодаровки, расположенной на противоположном берегу реки, и во вторых—сравнительной отдаленности татарских деревень: Алкиной в двух верстах и Елтани в семи.

Хотя влияние русских, по этой причине, на чуваш постоянное, но оно только внешнее, как, напр., в отношении костюма, внешних обрядов и, пожалуй, некоторых обычаев. Еще можно прибавить ломанный русский язык, но им владеют исключительно мужчины и то далеко не все. Напротив, по татарски говорят все без различия возраста и пола. Так как христианство с магометанством постоянно враждуют между собою в нашей деревне в лице русских и татар, с которыми знают чуваш, то здесь столкнулись три религии: христианская, магометанская и своя старинная.

Борьба между религиями не сразу заметна для постороннего человека, но часто сказывается в житейских столкновениях татар с русскими и чувашами. Русский простолюдин всегда выставляет превосходство своей веры над магометанскою, а иногда и над чувашскою, но делает это без всяких доказательств, ссылаясь иногда только на то, что русская вера—вера правительственная. В тоже время русские стараются унизить две других религии насмешками и неуместными выходками, что отталкивает чуваш от русских, между тем магометанская пропаганда действовала на убеждения чуваш, и они стали относиться к татарам доверчивее, чем к русским. Пользуясь этим, татары начинают говорить против христианства, однако же не затрагивая и не оскорбляя языческих понятий чуваш. Мне приходилось слышать татар, которые говорили чувашам, что мы все дети одного Бога. Следовательно, татарин и чувашин имеют, некоторым образом, родство, связующее их в одно семейство под покровительством одного Бога. Тогда как неграмотный русский человек, безсознательно похваляясь своею религиею, называет чуваш другим народом: „чуваша не наши, чуваша лошади наши“ и т. п. Вследствие влияния христианства и магоме-

танства значение языческой религии стало падать, а магометанство шаг за шагом завоевывать себе место, хотя еще и не успело лечь в основу мирозерцания чуваш, что случилось в некоторых чувашских селениях, верстах в 25-ти от нашей деревни, где крещенные чуваша перешли в магометанство.

О характере и силе влияния татар можно судить из следующего факта. Известно, что во время последней русско-турецкой войны татары возымели мысль поднять бунт по всему Волжско-Камскому краю, если бы Россия ослабела от понесенных ею поражений. К этому они побуждали и чуваш, распространяя между ними ложные слухи. Однажды в нашу деревню приехали татары из Елтани, как передавали мне, и рассказали, что Россия теперь погибает, она потерпела большое поражение, что турецкая армия уже находится в Симбирске и что я взят в плен (тогда я учился в Симбирской чувашской школе). Чуваша этому слуху не поверили. Но вскоре после этого из волостного правления было выдано каждому старосте по одной книжке для записывания прихода и расхода общественных сумм. Тою же ночью прискакали татары на этот раз к некрещеным чувашам нашей деревни и передали, что всех чуваша обратили теперь в крепостных, что староста нашего общества сделал формальный приговор о согласии крестьян быть крепостными, за что старосте будет отрезано 30 десятин земли в вознаграждение, а десятникам по 8. Кроме того, старосте предоставлено будет собирать с них оброк по той книжке, которую он привез сегодня вечером тайно, чтобы никто из жителей деревни не знал об этом. Это сообщение вызвало среди чуваша нашей деревни большое волнение. Собрали в полночь сход, потребовали объяснения от старосты и десятников, почему они составили ложный приговор и передали все селение в крепостную зависимость. Затем, сильно избили их, поломали в ярости ворота и двери в доме старосты. Однако же об этом не донесли начальству, а покончили дело по мирному соглашению между старостою и виновниками беспорядков.

В год женитьбы брата мы так увлеклись работою, что не заметили как наступила масляница.

Масляница у нас продолжается две недели. Первая из них называется старшей или большой масляницей, а вторая неделя — младшей, или малой масляницей. Большая масляница служит как бы приготовлением к малой маслянице. Празднуют масляницу чуваша в общих чертах так-же, как и русские. По вечерам большой масляницы парни и девушки идут кататься на горку. Оттуда до полуночи слышны смех и шумный разговор. Катался я на деревянных коньках, а иногда на скамейке, нижняя доска которой замораживалась снизу. На такой скамейке удобно кататься с сугробов по

пушистому снегу. Мне приходилось больше кататься на своем же огороде, откуда видна вся улица д. Благодаровки, где с другого берега тоже приходили кататься русские мальчишки. Увидав меня, они обыкновенно звали меня к себе вместе покататься. Я сначала боялся их, а потом близко сошелся с ними. Русские мальчишки никогда не трогали меня, когда происходил, так называемый, бой. Кроме того, я учился у них русскому языку.

Скоро я стал ходить и к ним в дома, где нельзя было уже не покреститься, как войдешь в избу. Тут я видел, как садятся русские за стол и как они молятся пред образами, и начал сравнивать русские домашние порядки с чувашскими и татарскими (у татар я бывал уж несколько раз с дедушкой). Что бросалось в глаза у тех и других, это что у татар в избе всегда чисто, пьют чай и обедают на нарах на кошме, под себя подкладывают подушки, а у русских особенной чистоты нет, как и у чуваш, но у них, обыкновенно, в переднем углу много икон, по числу членов семейства, а у чуваш в углу только одна плохенькая закоптелая икона, на которую никто не обращает внимания; стоит она где-нибудь на полочке или висит под ней. Если бы попы перестали ходить к чувашам с крестом, святою водою, за ругой, то давно бы чувашин спустил свою икону весною по течению воды. По пониманию чувашина, ее нельзя бросить куда-ни-попало. Тогда она будет часто попадаться на глаза людям и будет держать людей, т. е. насылать на них болезни, как и киреметь с ирихом. У нас была старая расколотая икона, которая валялась на полати в углу. Играя в избе, мы иногда натыкались на нее, вытаскивая ее половинки; на них не видно было никакого изображения. Когда бабушка заметит нашу шалость, тотчас велит положить икону обратно на место, при этом бранит про себя дедушку, что тот до сих пор не может эту икону пустить по течению, а может быть от нее-то дети и хворают. На следующий год иконы не стало. Стало быть, ее выкинули. Бабушка называла икону, как и прочие чуваша нашего уезда, Туря—Бог. Такое же название присвоено ей и в уездах Чебоксарском, Ядринском и Цивильском. В уездах Симбирской губернии или близлежащих к ней икону называют туряш, с каковым названием икона вошла в чувашские переводные книги. Это чувашское слово, по значению близко подходящее к слову образ.

На второй неделе, в малую масляницу, перестают ходить на горку. Катание с горки заменяется катанием в санях на одной, паре и тройке лошадей с колокольчиками и бубенчиками. Но я не любил кататься вместе с другими. У нас была небольшая лошадка саврасой масти. Она жеребенком была приведена в наш дом моею матерью от ее родителей, как подарок, когда она вышла замуж за отца. После ее смерти все имущество ее, состоящее из

белья, сундука, пуховой перины с двумя подушками и хушпу—головного убора из серебряных монет, стоящего рублѣй семьдесят пять, — считали моею собственностью, в том числе и саврасая лошадь стала моею. На ней я, вачиная с 7—8 лет, ездил и бороновать, и в город, и на другие работы. Силы у меня тогда были небольшие, и я не мог управлять лошадыю надлежащим образом, отчего она сделалась в моих руках своенравною, испортилась. На маслянице я запрягал ее в какие-нибудь салазки, сажал иногда одного из товарищей и катался там, где мне вздумается. Когда мы проезжали около толпы народа, над нами смеялись и бросали в нас комьями снега, а мы быстро удалялись, погоняя лошадь кнутом. Все это нам доставляло большое удовольствие.

Раз катаясь на своей лошади, я проезжал мимо ворот нашего дома. Вижу, у ворот в санях сидит женщина с ребенком, не совсем трезвая. Лошадь ее привязана к столбу. Калитка была полуотворена. Когда я уже почти проехал мимо ворот, вдруг моя лошадь повернула назад, перескочила через сани, в которых сидела женщина, задела их салазками, опрокинула сани и шмыгнула в литку, поломав оглобли. Я лежу около опрокинутых саней, женщина с ребенком под санями и кричит оттуда: „убили, убили“. Я вскочил с места и побежал на двор к лошади, снял скорее с нее хомут, а сам дрожу от испуга, и убежал на улицу через задние ворота и огород. Подошел к углу избы и смотрю, что случилось с женщиною. Вот вышел от нас мужчина, должно быть, ее муж. Она бранит его и рассказывает о случившемся с нею, он стоит и удивляется. Потом сели оба в сани и уехали из нашей деревни. Этот случай произвел на меня потрясающее впечатление: я навсегда отказался от катания на салазках. Пусть скорее пройдет масляница, думал я: с нею еще беду наживешь.

В то время, как молодые проводили масляницу в катании, старшие пировали. Принимали гостей у себя и сами ходили к ним пировать. Дедушка, возвращаясь домой, всегда здоровался с хёрт-сурт—с богом дома—словами: „тавсе хёрт-сурт“, т. е. здравствуй бог дома. Нужно заметить, что в словах „тавсе хёрт-сурт“ заключается больше значения, чем в словах „здравствуй, бог дома“. Чувашин словами „тавсе хёрт-сурт“ выражает своему домашнему богу 1) благодарность за сохранение дома в целости, за избавление дома от всех бедствий, которые могли случиться в отсутствие хозяина, 2) свой долг повиновения и уважения к нему. Отец же, как не главное лицо в доме и будучи по природе очень скромным, входил в избу тихо и ложился спать. Бабушка с мачехою приходили по вечерам тоже не трезвые, но тем не менее усердно принимались за работу. Женщина в чувашском быту, летом почти наравне с мужчиною занятая крестьянскими полевыми работами, зимою

исполняет многочисленные обязанности хозяйки. Она должна дорожить временем больше, чем мужчина. И, действительно, чувашская женщина отличается необыкновенным трудолюбием и выносливостью, а праздность, мало свойственная чувашину, можно сказать, совершенно незнакома чувашке. После масляницы, в этом году, домолотили остальной хлеб и в день молотьбы последнего овина совершили моление „богу овина“, в благодарность за услуги, оказанные им в молотьбе: за дарование здоровья и силы для работы, за сохранение овина от пожара. А перед этим молились „богу скота“ и хёрт-сурту. Моление этим богам, богам добрым низшего разряда и богу поля, которому молятся чувашаи после посевов яровых, более или менее одинаковы и достаточно иметь представление о молении одному из них, напр., богу овина, чтобы составить понятие о всех молениях. К молению богу овина готовится каша, так называемая, овинная каша, в честь бога овина и лепешки. Моление совершается в сенях, куда из избы выносятся стол, на него кладется одна масляная лепешка и становится блюдо с кашею. Глава семьи, встав пред столом лицом к востоку, молится. Шапку он держит под левою мышкою. Нужно заметить, что без шапки не совершается ни одно моление. Никаких крестных знамений не делается, хотя бы молящийся был и православный. Земные поклоны делаются при окончании моления. Во время моления в сени никого не пускают, особенно из посторонних; в избе соблюдается полная тишина. Если молотьба была произведена вместе с другою семьею, то все члены этой семьи приглашаются к тому обеду, когда подается „овинная каша“. А та семья, с своей стороны, приглашает в другое время на подобный же обед первую семью.

Я часто ходил с дедушкою на мельницу и проводил дни и ночи вместе с мужиками, помольцами, когда не было дома особенной работы. Дедушка мой, долго живя на мельнице, изучил свое дело, можно сказать, до тонкости. Утром, выходя на двор, по степени холода или тепла, по направлению ветра, по цвету облаков и по другим признакам, которые, может быть, он не был в состоянии выразить словами, дедушка довольно верно узнавал, можно ли пустить мельницу молоть.

Однажды в июле месяце дул ровный, холодный ветер с севера. Народу собралось много с новым хлебом, и каждый ждал с нетерпением своей очереди. Звонко вращались жернова, а мельник точил насеки, сильно придавливая на них. Словом, работа на мельнице кипела, не предвиделось никакой опасности. Поэтому все помольцы сидели в избенке и мирно беседовали. Посидев в избе вместе с другими, дедушка вышел на двор. Потом, вернувшись назад, отворил дверь избенки и так внушительно крикнул на мужи-

ков, что те поспешно выбежали на двор и стали бегать с криком и шумом вокруг нашей мельницы. Вышел и я, и недоумевал, что случилось. Дедушка стоит среди толпы и командует, указывая то на канат, то на рычаг мельничного хвоста, то на столбы, к которым привязывается канат. Наскоро перевязали канат, ухватили за рычаг человек девять и быстро стали двигать верхнюю часть мельницы слева на право. Крылья мельницы, или, как их называют, махи, пришли в такое положение, что ветер стал дуть прямо на их ребра. Только успели завязать большое колесо мельницы, как буря столкнула другую, чужую мельницу, начиная с самой крыши амбара. С шумом и треском полетела масса бревен и досок сверху вниз и раздробилась на мелкие части. Тут я понял, что обезпокоило дедушку. Оказалось, что, когда он вышел на двор, он заметил вдали верстах в пяти от мельницы небольшое черное облачко, которое двигалось как раз по направлению к мельнице. Он сообразил, что сию минуту настанет буря, и он начал энергично командовать мужиками, беззаботно сидевшими в избенке. Буря прошла. Мельница спасена. Все радовались. Хозяева же разрушенной мельницы стояли около кучи поломанных бревен и досок и горько плакали. Они были не в состоянии снова выстроить мельницу. Это семейство после стало бедствовать. Осталась одна наша мельница на всю деревню.

Уже близко к Пасхе, когда сильно таял снег и вода начинала стекать по маленьким руслам с возвышенностей в более низкие места, я спешил приготовить игрушечную водяную мельницу. Я прудил ручейки так, чтобы струя воды падала вниз только с желобка, помещенного в одном месте пруда. Вследствие этого сила падения воды сосредоточивалась только в одной струе, которая быстро вращала колесо моей мельницы. Я брал в руки рассыпчатую почву и сыпал около мельницы, воображая, что это мука сыплется из ларя, как и на настоящей мельнице.

Я проводил над постройкою мельниц и установкою их не часы, а целые дни. Люди, замечая, как я усердно был занят своими машинами, говорили, что из меня выйдет хороший плотник.

По наступлении Пасхи, я оставлял мельницы и принимался за игры, которыми забавляются тогда большие и малые. Каждый день бегал к качелям, где во всякое время дня толпилось множество парней и девушек. У нас Пасха начиналась в среду на страстной неделе. Утром в этот день мальчики с каждого двора выезжают верхом и, собравшись вместе, приглашают хозяев каждого дома к себе пировать. Начинают они с одного конца деревни и кончают другим концом. На каждом дворе встречают их стоя на крыльце, с ведром пива. Они под'езжают к ведру по одному и, выпив по ковшу пива, отправляются на следующий двор. Этот

обычай у чуваш называется йыхрав—приглашение на пир. В приглашении на пир я стал участвовать, когда уже привык свободно ездить верхом на лошади рысью и вскачь. Без этого навыка выезжать опасно, так как мальчики в опьянении от пива начинают хлестать нагайками лошадей друг у друга, отчего лошади прыгают и делают крутые повороты в сторону. На третий день Пасхи, т. е. в страстную пятницу, мы ходили на серен. Серен совершают повсеместно в нашем уезде под двумя названиями: серен и вирём.

В пятницу утром мы в числе двадцати мальчиков пошли в ближайший овраг и нарезали несколько пучков мелкого тальника и принесли к концу деревни. Сюда прибежало еще мальчиков двадцать. Некоторые из более взрослых завили несколько прутьев вместе для прочности, маленькие моего возраста взяли только по одному пруту. Выбрали из больших старшину лет шестнадцати писаря (тийак), старосту, сотника и двоих сборщиков. Обязанность старшины и писаря состоит в том, что они на улице ходят впереди толпы (эта толпа также называется серен или вирём) мальчиков, а вошедши в дом, об'являют хозяину, что они пришли к нему по приказу царя и требуют от него дани. При этом писарь вынимает из кармана какую-нибудь исписанную бумажку и читает по русски, конечно, ломанным языком:

„Указ — приказ Казанской губернии, Чистопольского уезда, Изгарской волости, деревни Чувашской Чебоксарки, крестьянин Кирилл Петрович (имя и отчество хозяина), по повелению царя должен нам заплатить дань по силе возможности“. После чего хозяин подносит старшине с писарем по ковшу пива и вручает им несколько копеек денег. Тогда старшина приказывает мальчикам прыгать и кричать несколько раз: „серен“ в знак благодарности за уплату хозяином дани. Те исполняют его приказание. Выходя из избы, мальчики касаются прутьями членов семьи, приговаривая при этом: „да удалится всякая хворь“. Староста с сотником идут за мальчиками и следят за порядком. В каждом доме, по их приказанию, выносятся из избы одна подушка. Когда толпа кричит „серен“ и прыгает, по ней хлещут в сенях прутьями, тоже приговаривая: „да удалится всякая хворь“. Потом подушка закидывается старостою или сотником на подловку. Отсюда понятно назначение серена: изгнать болезни по наступлении весны, чтобы выступить на работы в полном здоровьи. Между тем сборщики собирают в пещеры по паре яиц и блинов в каждом доме.

Так мы ходили с одного двора на другой, начиная с конца деревни. При этом нет пощады татарину, если он встретится с толпою серена. Его останавливают; старшина с писарем требуют от него денег. Если он откажется, то старшина немедленно приказывает его бить прутьями. Окружив со всех сторон, мальчики

хьящут татарина без разбора, где ни попало. Он тогда умоляет старшину остановить толпу, закладывает одежду и платит ему 5 или 10 копеек. Жалоб на толпу серена в нашем краю ни в каких присутственных местах не принимается. В этот день татары, зная чувашский обычай серен, стараются спрятаться, но не могут укрыться, потому что на всех улицах и переулках заранее расставлены шпионы, которые зорко следят за движением татар. Издали заметив татарина, шпионы дают знать об этом старшине. Он снаряжает ловких парней отыскать татар и привести их к нему. В числе наряжаемых один здоровенный юноша назначается атаманом (утаман). Захватив татар, с них требуют денег, а отказавшихся платить сильно бьют, даже до крови. Но вторых денег никогда не требуют. Раз заплативши деньги, всякий татарин становится своим человеком. Он может участвовать и в серене. Таковы правила чувашского серена. Когда обойдут деревню, все идут в поле, разводят там костер и сожигают свои прутья. Яйца и блины, собранные сборщиками, делят поровну. Потом кидают вверх свою одежду, приговаривая: „да удалится всякая хворь“. Затем взяв одежду, все бегут по направлению к околице. Кто прибежит к околице после всех, на том останутся болезни, которые изгнали из деревни прутьями, сожженными уже на костре. После перехода через околицу, держат совет, как распорядиться собранными деньгами. Дело кончается тем, что решат купить орехов и пряников, при этом дело не обходится без мошенничества: разве можно старшине, писарю и пр. начальникам поступать добросовестно? Непременно они до Пасхи приготовят и орехов и пряников и рожков сами, так как в нашей деревне нет ни одной лавочки. А теперь в тридорога продадут их. Впрочем, тут и покупки не бывает. Принесут в мешечке названные лакомства, а все собранные деньги оставят у себя. Затем бывает дележ орехов, пряников и пр. между членами серена. Причем большие—взрослые, т. е. начальники, получают больше, а малые, т. е. подчиненные им—меньше. Это последнее обстоятельство делается на законном основании, тут неприятностей не бывает: всякий из них знает, что начальники получают себе больше. Ничего не поделаешь, когда у начальников закон такой. Спорить с ними нельзя. Они кулаками заставят рот зажать всякого осмелившегося говорить о несправедливости начальников. Дележом лакомств кончается серен. И так, сущность серена заключается в изгнании из деревни всякой болезни и хвори.

Пока мы, дети, исполняли свои пасхальные обязанности: приглашали на пир и изгоняли болезни, и проводили время в играх, часто нами самими придумываемых, старшие пировали дома. Кстати несколько слов о пире. Это слово нам встречалось до сих пор в трех случаях: пир в Введение, на маслянице и на Пасхе.

Все эти пиры имеют религиозную подкладку. На всех их бывает поминовение усопших. Приведу здесь краткое описание поминовения усопших на одном из праздников, напр., в Введение. Чувашин убрал с поля весь хлеб. Наступает осень. К страде он приступил с разными религиозными молениями: варил дождевую кашу, совершил моления уѣук и хытѣук. Теперь он убрал страду. Надо же ему помолиться Богу, поблагодарить Его за убранный хлеб. Но он не хочет благодарить Бога один, он хочет, чтобы в благодарении участвовали все родные и покойный дед, отец, брат и т. д. Пригласив на пир живых родных, он приглашает и умерших родных. Он помнит их, он желает жить с ними опять вместе, как некогда они жили вместе. Пришло время, некоторые перестали здесь жить. Но мысли покойных продолжают существовать, и теперь потомки их приводят в исполнение задуманное ими. „Эх, еслибы дедушка твой был жив, то радовался бы, смотря на то, как его внук теперь делает то самое дело, о котором он давным-давно мечтал“, говорит чувашин. Он помнит покойного и приглашает его на пир, чтобы вместе вдоволь поесть, попить и тем самым вместе выразить Богу свое довольство, свою сытость. Вот живые родные приехали и сидят на местах. А умерших еще нет в избе. Но и они скоро будут между нами, хотя и невидимые. Все приумолкли, разве только маленький ничего не понимающий ребенок запищит, но и ему не дают плакать. У порога уж накрыт стол. На нем большое блюдо. Вокруг блюда положены ложки по числу умерших. Около блюда же лежат блины, стоит ведро пива с ковшом, тут же пирог с овощью и курятина. К стене против стола прибит большой деревянный брус. На нем горит ряд восковых свеч по числу умерших. Чтобы усопшие могли входить в избу, дверь несколько приотворена. Для них разостланы: на нарах перина, на скамейках вокруг стола—войлока, а если их нет, то шуба мехом вверх или, по крайней бедности хозяина, его кафтан. Теперь все родные в сборе: и живые и умершие. Живых можно видеть, но умерших видеть нельзя. Они невидимо восседают за отдельным столом. Затем старший член семьи подходит к столу умерших, берет блин и, отрывая по маленькому кусочку каждому усопшему, кладет в блюдо. При этом он называет его не по имени, а по родству: „вот, дедушка, я поминаю тебя, да будет наш хлеб-соль пред тобою“. Один кусок блина опускает в блюдо. „Вот, бабушка, я тебя поминую, да будет наш хлеб-соль пред тобою“. Так он перечисляет всех умерших, а у самого так и льются слезы. Потом берет пирог и делает тоже самое. Затем льет в блюдо понемножку пива, приговаривая те же слова, только заменяет слова „хлеб-соль“ словами „наше пиво“. Наконец, поминающий садится за стол и протведывает каждое кушанье и пиво. Так он участвует в угощении вместе

с усопшими. Также поминают усопших все остальные, по старшинству. В это время часто можно слышать, как гости сидят на местах и шепотом беседуют о добрых делах каждого из усопших. Когда кончится поминовение, блюдо, уже полное смесью кусочков блинов с пирогом и пива, выносят на двор или на улицу вылить. Это об'едки усопших, в них нет никакой питательности, по убеждению чуваш: невидимым образом она отнята умершими. Куда же деть эти об'едки, как не выбросить? Сюда сбегаются собаки и подбирают куски хлеба. Так угостившись с умершими продуктами только своей земли, чувашин провожает их: задувает свечи, убирает стол и скамейки и дверь притворяет. После этого начинается угощение живых гостей, как описано было мною раньше. Здесь бывает уже и водка, и чай—купленные вещи. Почти такое же поминовение бывает на маслянице и Пасхе. Только на Пасхе курятина заменяется раскрашенными яйцами, приличествующими этому празднику. В подробностях поминовения усопших различаются у чуваш разных местностей. Но общий характер их один и тот-же. Хотя Пасха у чуваш нашего уезда продолжается только до понедельника христианской пасхальной недели, но крещеным чувашам приходится продлить ее гораздо дольше в ожидании духовенства с иконами. Вот уже и иконы из села принесли к нам, но духовенства еще нет. Чуваш, живущие по обрядам языческой религии, теперь по принесении икон и в ожидании духовенства, обращаются в настоящих христиан. Входя в избу, снимают свои шапки и, обращаясь к иконам, набожно молятся. Дедушка с отцом с нетерпением ждали своего любимого священника. Вот приехал и священник с дьячками. Отец и дедушка встретили их у ворот и потом приняли их в избе. В этот вечер они не пожелали ходить с иконами по деревне, а потому весь народ, собравшийся в избе, разошелся по домам. Священник начал беседовать с дедушкой о разных вопросах крестьянской жизни; стал говорить об обучении детей грамоте. Он говорил, что теперь грамоте можно учиться всем, кто пожелает учиться. Он развивал мысль о пользе грамоты подробно и понятно для чуваш с помощью примеров. Заметив меня, он обратился к дедушке с следующими словами: „вот, Алексей Иванович, ты толковый человек, а внука не отдаешь в школу учиться. Надо его учить, умным человеком будет, тебе же спасибо скажет. Вон, у меня в Ишалькине, Саврушах и Атлашкине учатся и крещено-татарские и чувашские мальчики, умеют теперь читать и писать, а Ишалькинские татарские ученики поют молитвы в церкви. Они молятся с нами вместе в церкви на своем татарском языке. Вот это хорошо, а то они остались бы болванами. Они и Бога не будут знать и сами в дураках останутся“..... Так он убеждал дедушку отдать меня в школу. Священник рассуждал логич-

но, говорил простым, понятным языком, говорил медленно и веско, так что чувашаи восхищались его беседой и слушали со вниманием. Священник был по отношению к ним всегда добр и внимателен. Это заставляло инородцев его прихода уважать и любить его. Он успел заслужит доверие их. В затруднительных случаях каждый прихожанин мог к нему обратиться за советом и всегда уходил утешенный им. Блиско зная жизнь прихожанина, священник всегда успевал дать ему полезный совет. Мне казалось, что с моим дедушкой он жил особенно на дружеской ноге. Они беседовали так душевно, что у дедушки иногда катились слезы из глаз. Дедушка начинал тогда себя бранить за то, что он неграмотный человек, а тот утешал его. Беседы священника с дедушкой постепенно подготовили его к мысли отдать меня в школу. Поистинне, он был для инородцев настоящим духовным отцом. Инородцы понимали это. Поэтому велика была их грусть, велико было их горе, когда он был переведен в г. Чистополь соборным протоиереем.

А. Охотников.

Верования и обряды мари.

I. Смерть и похороны¹⁾.

Чувствуя приближение смерти, больной прощается с семейством и родственниками. Если умирающий — отец семейства, дед или вообще старший в семье, то он дает остающимся соответствующие наставления. Вообще же всякий умирающий, способный по возрасту и состоянию сознания выражать мысли, высказывает последние пожелания, между прочим, относительно имущества и относительно похорон. Умирающий обыкновенно сам называет лиц, которые должны обмывать его тело, определяет одежду, в которую надо одеть его, а также указывает и на лицо, которое должно представлять его на поминках в 40-й день. Если воля умершего осталась не выраженной, что бывает, напр., при внезапной смерти, то родные стараются во всем поступать так, чтобы угодить умершему. Предупреждая момент смерти, многие мари вытаскивают из-под него перину и подстилают солому, в предположении, что душа на соломе легче расстается с телом. У некоторых мари ставят около умершего чашку с водою, чтобы душа его, выйдя из тела, омылась в воде (Урж. у.).

О смерти язычника сообщают местным властям. Крещеные мари сообщают о покойнике священнику.

Как только больной умрет, домашние его идут к родным, а если их нет, к ближайшим соседям звать на похороны. При этом у луговых мари заходят в дом и говорят: „Дед мой Чавай умер, приходите делать дом (гроб)“. У бирских мари стучат в окно с улицы и говорят: „Приходите заслонить (хоронить)“. К круглым сиротам предупредительно являются ближайшие родственники или соседи.

Одни из приглашенных начинают делать гроб, другие обмывают покойника. Для гроба прежде употребляли две колоды, сделанные из цельных обрубков, причем одна колода служила соб-

¹⁾ Доложено на общем собрании Общества Археологии, Истории и Этнографии 18 мая 1914 года.

ственно гробом, другая — крышкой. Ныне делают гроба из досок, для взрослых из половых, для маленьких из теса; делают так: две доски по бокам, две короткие в головах и ногах и одна сверху для покрышки, но без дна, вместо которого постилают ветки хвойного дерева. Доски раньше не сколачивались, потому и гроб называли просто „могильная доска“ (могильная колода). В настоящее время у многих мари доски уже сколачиваются гвоздями, но гроб у бирских мари сохранил прежнее название. В правой стороне боковой доски прорубается окошечко не более квадратного вершка, в которое вставляется стеклышко, или, как у бирских мари, серебряная монета. Бирские мари делают гроб на кладбище, другие во дворе дома, но тотчас по изготовлении увозят его на кладбище отдельно от покойника.

Мнение С. К. Кузнецова ¹⁾, что труп умершего считается поганым, не верно. Мари относятся к трупу с трогательным вниманием. Вынеся его на досках или лубках, покрытых соломой во двор, с осторожностью кладут его на чистом месте. Снимая с покойника рубашку, разрывают ее с передней стороны, начиная от груди до полы; если не разорвать так, то говорят „не дойдет“, т. е. покойнику будет казаться, что рубашку не сняли с него перед обмыванием тела.

В дождливый или солнечный день делают над трупом палатку из полога. Труп мужчины обмывают обыкновенно мужчины, взрослую покойницу — женщины, а детей обыкновенно женщины. Для обмывания употребляют мыло, новый веник и теплую воду, которую у бирских мари выносят из дома непременно в три приема. Обмывание производится тщательно. У бирских мари пред обмыванием, наливая на веник воду, проводят им по всему телу с головы до ног, как с лицевой стороны, так и с тыльной и тогда только начинают обмывать. После обмывания покойнице расчесывают волосы гребешком, который потом кладут с ней в гроб. По мнению мари трупом того, кто гнушается чужим трупом, не только тоже будут брезговать другие люди, но и он сам на том свете будет гнушаться своего тела (д. Малый Карамас, Царев. у.). У бирских мари говорят: если умершего похоронить не обмывши, то земля будет гнушаться этого трупа и не будет родить хлеб (д. Шудымари, Бирск. у.).

Труп умершего считается чем-то страшным, особенно молодежью. Безотчетный страх пред покойниками есть явление общечеловеческое. У бирских мари оправдывают страх пред покойниками тем, что к новоумершему являются прежде умершие и посы-

¹⁾ Ссылки на работу Кузнецова и цитаты из нее везде делаются по изданию Вятск. Губ. Статист. Комитета.

пают спящих недалеко от него золой, отчего те делаются сонливыми (дер. Сусады-Эбалак, Бирск. у.).

Обмыв покойника, одевают его — летом на месте обмывания, зимой в комнате — в чистое белье, на ноги обувают новые лапти, причем веревки лаптей наворачивают на одну сторону, обыкновенно на левую. У луговых мари женщинам в носки лаптей вдевают шелковую нитку, но только тем, которым это было сделано при выходе замуж (Царев. у.). Поверх нижнего белья надевают кафтан из самодельного крестьянского сукна или из холста. На голову надевают шапку, на руки варежки. Головы женщин и девушек убирают головным убором, который они носили при жизни. Покойника вносят в комнату так-же, как и выносили: на досках или лубках ногами вперед.

К тому времени одна из женщин около печки приготовляет девять овсяных блинчиков величиною немного более пятака; в печь бросаются три камня, их потом употребляют при мытье места, на котором лежал покойник, а у луговых мари еще варят щи или уху и яйца. В прежнее время, вслед за печением блинов, сжигались посуды покойника в печке. В настоящее время посуды оставляют висеть на прежних местах на неопределенное время.

Не у всех мари покойника кладут в гроб в одно и то же время. Так у восточных сначала полагают его в переднем углу (тор) или посреди комнаты на скамейке. В головах его ставят какую-либо старую посуду (тарелку глиняную или деревянную и т. п.), на краю которой зажигаются три самодельные восковые свечи в честь владык загробного мира и в честь умершего со словами: „Начальник загробного мира, помощник его! Упави (имя умершего) пусть дойдет“. В некоторых местах свечи ставятся в решето, наполненное ячменем или овсом (дер. Бирюбаш, Бирск. у.). Затем из приготовленных девяти блинчиков три откладывают в посудинку и с теми же словами.

Все соседи, явившиеся на похороны, тоже ставят по свечке, принесенной из дома, в честь покойника, а в посудину откладывают кусочек от куска ржаного хлеба, принесенного тоже из дома, и при том местами не только в честь новоумершего, но и в честь преждеумерших родных (дер. Ведресова, Бирск. у.). После того, как догорят свечи, кладут покойника в гроб, на дно которого стелют старый кафтан или войлок, в изголовье покойнику кладут охлопки или старое белье и поверх их перовую или пуховую подушку. Полагая покойника в гроб, приговаривают: „пусть будет тепла изба твоя“.

У луговых черемис, наоборот, сначала полагают покойника в гроб и тогда уже зажигают свечи, причем они ставятся на край

гроба в головах. Постель в гробу у некоторых луговых черемис делается несколько сложнее. На дно гроба постилают разобранный новый веник, поверх его кладут пеньку, затем шерсть и, наконец, старое выстиранное белье, обыкновенно рубашку, в изголовье кладут также охлопки и затем подушку (дер. Ст. Торьал, Урж. у.). Поминальные приношения от соседей у луговых черемис бывают обильные; часто приносят, напр., блины, кашу, яйца и т. п. Но при этом все приношения делаются с теми же словами, что и у восточных черемис.

Не довольствуясь одеждой, надетой на умершего, кладут ему в гроб еще смену белья; женщине, кроме того, кладут смену головного убора; взрослой девушке также кладут головной убор замужней женщины, который она будет по предположению носить, когда выйдет там замуж. Кроме того, и замужней женщине и девушке кладут шелковых и шерстяных ниток, которые понадобятся им при изготовлении одежды. У Бирских черемис (дер. Сусады-Эбалак) кладут в гроб следующие вещи: в карман медную монету 2—3 коп., в кошельке, говоря: пусть будет у тебя семь тысяч коп. денег. К боку прикрепляют личное полотенце, за пазуху кладут три блинчика. У луговых черемис (Урж. у.) одну монету дают в руки, к боку же еще привешивают кошелек с деньгами, говоря: будь с деньгами на том свете. В маленьком мешечке кладут орехов, яиц, кренделей, сдобный хлебец, три блина (обыкновенной величины), сухой сыр, приговаривая: будь с хлебом и солью на том свете. Также кладут прут шиповника и прут рябины с очищенными для рукоятки концами; первый для отогнания на том свете змей, а второй—собак. В иных местах вместо этих прутьев кладут просто палку.

Снабдив покойника всеми названными вещами, с ног до головы покрывают его белым холстом. Поверх этого холста протягивают также во всю длину тела три шелковые нитки черного, красного и зеленого цветов, а за неимением шелковых—шерстяные, в обоих случаях с одними и теми же словами: „пусть будет у тебя шелковая качель“. В иных местах ограничиваются лишь одной ниткой, шелковой или шерстяной, но большей частью красной. Подобные нитки приносятся иногда и соседями. Поверх ниток на лицо покойника кладут куски холста, длиною от двух четвертей до аршина, говоря: „пусть это будет покрывалом для твоего лица“. Если покрывал для лица наберется много, то часть их полагается ниже лица и даже по бокам трупа умершего или постигается на дно гроба. В некоторых местах у луговых черемис кусок из этих избытков дается первому встреченному при похоронном шествии человеку. У восточных черемис куски холста не отрезаются, а отрываются непосредственно рукой от целого куска холста; в против-

ном случае пожелание не дойдет до покойника. В некоторых местах сначала полагают покрывала для лица и потом уже по длине тела (дер. Старый Торжек, Урж. у.). У восточных черемис покойника покрывают старым кафтаном из крестьянского сукна.

Когда свечи догорят, посуду с отложенными в ней приношениями выносят на улицу или во двор. Затем выносят покойника ногами вперед, причем кто либо из домашних, дотрагиваясь до края гроба, говорит: „счастья твоего не уноси“. Гроб ставят на сани или телегу. Впрочем, у некоторых восточных черемис и до сих пор во всякое время года возят покойника на санях, которые обыкновенно оставляются около кладбища или за оградой (дер. Бирюбаш, Бирск. у.). Если после покойника остались дети-сироты не более 12—13 лет, их заставляют перешагивать через гроб, обыкновенно в ногах, до трех раз.

Последний обряд перед выездом со двора — это заклание петуха или курицы. У бирских черемис закалывают петуха после того, как тронется телега или сани с покойником и, притом на том месте, где стоял экипаж с покойником. У восточных черемис почти везде, а у луговых лишь в некоторых местах кровью курицы из отрубленной головы ее мажут лоб покойника, приговаривая: „кровь свою выкуши“. Ноги курице не связывают и отрубив голову, выпускают курицу и смотрят, куда она направится: если по направлению к улице, то это к хорошему, в противном же случае надо ожидать в скором времени нового покойника. Затем у восточных эта курица бросается на улицу, у луговых же ее варят для участников похорон. У белебеевских черемис курицы в день похорон не закалывают, а лишь берут из ноги ее капельку крови, чтобы помазать ею лоб покойника. Раненая курица потом закалывается для поминок в 40-й день. Для самых маленьких детей почти у всех черемис вместо заклания курицы разбивают лишь яйцо, которым и помазывают лоб покойника. У луговых черемис и некоторых восточных в проводах покойников, особенно женщин, принимают участие и женщины. При встрече похоронной процессии черемисы снимают шапки (дер. Онтроп-почэнга, Урж. у.).

Ко времени прихода на кладбище могила бывает уже готова. Она роется для взрослых длиной и глубиной обычно в три аршина, для маленьких сообразно роста, по направлению с С. на Ю. При этом у бирских черемис дери снимается прямоугольными пластами, число которых, смотря по величине могилы, делается 3, 5, 7, т. е. нечетное число (дер. Сусады-Эбалак). Сняв гроб с экипажа на двух веревках или у состоятельных на двух полотенцах, ставят его сначала на землю и, открывая лице покойника до трех раз, говорят: „Посмотри последний раз на белый свет“. В иных местах это делается после опущения гроба в могилу. Потом кто-либо из родных

бросает в могилу медяшку (медную пуговку, медный грош и т. п.) и говорит: „Мать земли, не жалея твоей земли“. Вслед за этим в древнее время дно могилы устилали еловыми ветками, говоря: „пусть будет у тебя зеленая перина“. В настоящее время прямо опускают гроб, причем, касаясь гробом дна до трех раз, каждый раз приговаривают: „не бойся“. Теперь гроб окончательно прикрывается крышкой и все участники похорон, беря по комку земли, бросают до трех раз в сторону со словами: „пусть новая земля ляжет на старых покойников“. У восточных черемис поверх крышки гроба кладут и те лубки докси, или которые употреблялись при обмывании покойника. В зарывании могилы принимают участие все присутствующие, но уже молча. Засыпая могилу, некоторые утаптывают землю, другие только наваливают ее, так как думают, что утаптывать землю на могиле значит топтать грудь покойника.

Затем один из погребающих делает веник из веток дерева или из травы, которым он сам, а за ним и все участники, как бы подметают свежую могилу и приговаривают: „изба твоя пусть будет чиста, гнездо твое пусть будет теплое, не осуждай меня“. Потом полотенца, употребленные для опускания гроба в могилу, рвутся вдоль на две части и вешаются на дерево, если есть таковое, или на шест, который ставится на могилу.

Не у всех, конечно, черемис проделываются все перечисленные обряды. Описанное наблюдается главным образом у восточных черемис.

Пока мужчины ездят на кладбище, женщины убираются дома и готовят для участников похорон поминальный стол, а у луговых, кроме того, топят баню, у большинства же бирских черемис бани не бывает. У бирских черемис при уборке дома лица, обмывавшие покойника, в мытье полов, мебели и проч. участия не принимают, предполагая, что они грязной водой брызнут на покойника. Моют пол, нары, скамейки, столы и прочую мебель. Место, где лежал покойник, моют, катая по нему, при помощи нового веника, нагретые три камня. Ближайшие к этому месту части стены, потолка и окна также спрыскивают водой, чтобы смыть брызнувшую на них кровь покойника, когда ангел смерти (азраньэ) перерезал ножом горло. Помои, веник и камни выносят на улицу. В этом общенародном обычае, наблюдаемом у многих народов, нельзя не видеть некоторой как бы невольной брезгливости по отношению к трупу покойника. Но это есть проявление именно невольной брезгливости, потому что в сознании народа труп покойника всетаки не считается поганым.

Участники похорон, возвращаясь, идут сначала в дом, откуда был покойник, причем у бирских черемис ни в каком случае не идут прямо в свои дома, если бы случилось даже неотложное дело.

Отряхнувшись от могильной пыли, участники похорон умываются или же идут в баню, если она приготовлена, причем у луговых черемис берут по пути из домов своих чистое белье. Хотя по адресу покойника в этот день не делают приглашений, все же на полок в бане кладут для него веник.

После бани участникам похорон предлагается угощение: суп из курицы, заколотой при выносе, чай, водка, блины. У восточных черемис блинов не бывает, заколотая при выносе курица также не варится, а выбрасывается на улицу, у богатых режут барана. Пива и кумышки ни у каких черемис специально для этого не готовят, исключая случаев совпадения похорон с каким-либо праздником, для которого могут быть они приготовлены. Угощаясь, гости почти все время приговаривают: „пусть дойдет“ (т. е. до умершего). Вставая из-за стола, луговые черемисы, как и после обычного угощения, благодарят хозяев, уходя прощаются и хозяева их провожают, у бирских же черемис, выходя из-за стола, благодарности прямо хозяину не выражают, а только говорят: „пусть дойдет“, уходя также не прощаются и хозяева их не провожают.

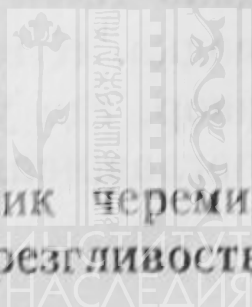
Начиная со следующего дня, каждый день до 4-го дня, садясь за стол ставят на лавке и для покойника что либо из кушанья, одни всякий раз, как садятся сами за стол, другие же лишь по утрам. У бирских черемис рано утром на другой день похорон один или двое отправляются пешком на кладбище, чтобы поставить на могиле в головах свечку, называемую — поклонная свечка (свечка почтения). У бирских черемис до семи дней полов не моют и белья не стирают, чтобы не засорить грязной водой глаз покойника. В бане до 7-го дня домашние сами не поддают пару, чтобы не обварить лица покойнику.

До 40-го дня, а у луговых черемис в некоторых местах даже целый год не пляшут, говоря, что плясать значит топтать грудь покойника. Впрочем, у луговых черемис для сокращения траура прибегают к такому компромиссу. Во время поминок в 40-й день становятся ногами на монеты, обыкновенно на украшение из серебряных монет. И после этого действия, снимающего вину в прекращении траура раньше времени, можно плясать беспрепятственно (дер. Элык-Энэр, Царев. у.).

К обрядам траура можно отнести и требование, что вдовец или вдова не могут — первый жениться, а вторая выйти замуж раньше года после смерти супруги или супруга.

II. Поминки в 3, 7 и 40-й день.

В предыдущей главе мы уже говорили, что покойник черемисами не считается поганым, и что если замечается брезгливость

по отношению к трупам, то это есть явление невольное. Точно также и страх пред покойником, не отличающийся от подобного страха у других народов вообще, не есть страх пред ним, как пред существом высшего порядка. Поэтому, вопреки сообщению г. Кузнецова (стр. 24), мы утверждаем, что как тризна после смерти, так и поминки в 3, 7 и 40-й дни не представляют жертвы в строгом смысле этого слова. Чтобы видеть, что это действительно так, необходимо правильно уяснить отношение остающихся в живых к умирающим и в зависимости от этого истолковывать и обряды. Отношения эти состоят в следующем. Если покойник провел с близкими ему лицами всю свою жизнь, разделял с ними все радости и горести (отец, мать, дед, бабушка), или был предметом нежных забот, если на него родители возлагали надежду, или был верным и нежно любящим другом жизни (муж, жена), — во всех этих и многих подобных случаях потеря его для близких остается ничем незаменимой утратой. Отсюда естественно возникает желание продолжить общение с любимым существом, восполнить чем-либо эту утрату. Но как это сделать, когда беспощадная смерть лишила возможности для непосредственного общения с любимым существом? Люди культурные довольствуются для этого лишь простыми воспоминаниями, черемисин же, представляя загробную жизнь продолжением настоящей, земной, облакает свои воспоминания в материальные формы, в поминовение умерших яствами, увеселениями в честь их, музыкой, пляской и т. п., при этом поминовения, вызываемые часто дружескими, родственными побуждениями положительного свойства, отличаются от поминовений, основанных на побуждениях расчета, заискивания и т. п.

Поминки в 3 и 7 дни вообще у всех черемис бывают очень скромные. На них приглашаются только самые близкие родственники и притом только из своей деревни. Для приглашения покойника большинство черемис не ездят на кладбище, ездят только некоторые бирские черемисы, но без всяких яств.

Для поминок в 3 день у бирских черемис пекут блины, варят щи. Подстлав на лавку старое полотенце, ставят ту посуду, которая употреблялась для поминок в день похорон. По краям посуды зажигают три свечи для владыки загробного мира, его помощника и для покойника, в посуду же наливают немного щей, подле чашки кладут хлеб, ставят блины в тарелке, чаю в чашке и кусочек сахара, приговаривая, напр. — „Вот тебе устраиваем 3-й день твой; пусть дойдет“. При поминках по взрослому бывает и водка. К вечеру яства, отложенные для покойника, выносятся на двор, где у некоторых восточных черемис их скармливают ягвенку, поглаживая его и приговаривая: „Вот дочь моя, за своим ягвен-

ом сама смотри, корми, пой". Этот ягненок или иногда даже овца: 40-й день колется для поминок. В иных местах таким же образом кормят ягненка в 7-й день. Остальную часть кушаний выбрасывают в чистое место. Поминки продолжаются часа два. После поминок гости у луговых черемис, как после обыкновенного угощения, благодарят хозяина и уходя домой прощаются, у восточных же нет. Вечером бывает баня, куда предлагают идти париться и приглашенному на поминки покойнику, для которого кладут на порожек особый веник.

У луговых черемис 3-й день празднуется так же, как и у восточных, исключая кормления поминальными приношениями избранного для сорокового дня животного. Поминки в 7-й день у бирских черемис устраиваются так же, как и в 3-й день. У луговых черемис поминки в 7-й день устраиваются торжественнее, чем в 3-й день: варят пиво, покупают водку. Кроме блинов и варева, готовят семь сдобных хлебцев, в которые для сдобы кладут масла, яиц и кислого молока. Приготавливают семь свечей, из которых три: тем же назначением, что и в 3-й день, остальные свечи зажигаются в честь прежде умерших из данного дома. Гости, в числе которых могут быть родственники и лица, участвовавшие в погребении, тоже приносят с собой блины, пирожки с творогом, яичницу, лепешки из творогу, названные выше сдобные хлебцы и т. п. Свечи зажигаются на полене или гнилушке, кушанья и напитки умершему предлагаются в том же сосуде, который употреблялся в 3-й день. Обилие яств и напитков, употребляемых при этом, некоторые черемисы объясняют как пожелание покойнику такого же обилия жизненных продуктов в загробной жизни. Зажегши свечи и предложив умершим кушанья и напитки, гости садятся за поминальный стол. Каждое новое блюдо, каждая рюмка водки или чаша пива предваряется кратким поминовением покойника, стереотипным: „пусть дойдет“. Относительно способа, каким образом воспринимают невидимые души умерших предлагаемые им угощения, черемисы говорят: „берут пар“. А про самые кушанья и напитки говорят, что они теряют после этого свой вкус.

Когда свечи догорят, остатки от трапезы покойников родственники относят во двор и выбрасывают на чистое место. Это называется выливание с провожанием. Когда провожавшие возвращаются в комнату, им подают пиво и спрашивают: какое доброе пожелание оставил (сказал, выразил, разумеется покойник)? Провожавшие отвечают: „Живете хорошо, Богу молитесь, людям зла не делайте, сейте хлеб; хлеб уродится, работайте прилежно, Бог вас пожалует, даст цену работы“ (дер. Ст.-Тор'ял, Урж. у.). У восточных черемис, кроме выбрасывания поминальных остатков, ничего не наблюдается (дер. Сусады-Эбалак, Бир. у.). Как и после

поминок в 3-й день, луговые черемисы благодарят хозяев дома и уходя прощаются с ними, у восточных же нет.

В сороковой день после похорон устраиваются самые торжественные поминки. Время для этого у всех черемис избирается вечернее. На эти поминки приглашают всех родных и всех, кто участвовал на похоронах поминаемого покойника. Кушаний и напитков теперь готовят гораздо больше, чем для 7-го дня. Колют барана или овцу, у бирских черемис для мужчин-покойников—барана, для женщин—овцу, варят пиво, пекут блины и т. п. Гостей приглашают за несколько дней до поминок, покойника же в самый день перед самыми поминками. Для этого ездят на кладбище самое меньшее двое на одной или на двух и более лошадях, с колокольцами и музыкой; число лиц доходит до десяти. Оставив лошадей у кладбищенских ворот, приглашающие идут на могилу, причем у восточных черемис, кроме водки, ничего не берут с собою. Обходят могилу по солнцу три раза, выливая немного водки на землю. Каждый из приехавших приглашает покойника и поводит веточкой по могиле, чем выражает желание, чтобы дорога для покойника была чиста. Затем уходят с кладбища и, садясь в экипажи, в одном из них оставляют порожнее место для покойника, при чем обыкновенно тут кладут подушку. У луговых черемис для приглашения покойника берут на кладбище и сдобного хлеба, но вокруг могилы не ходят и дороги покойнику не подметают. Слова приглашения также несколько различаются. Например, у царевкокшайских черемис говорят: „живи в блаженстве, дедушка“. Затем ставя на могилу рюмку водки и сушек для закуски говорят: „Сегодня праздник твоего сорокового дня наступил, я прибыл звать, иди на твой праздник сороковины и родственников своих вместе с собою приведи“ (дер. Бол. Шали, Царев. у.). У некоторых черемис при приглашении покойника испрашивают позволения у владык загробного мира. Напр., говорят: „Дядя Токпарс, пойдем. Наступил твой праздник сорокового дня, и любимых родственников своих зови. Начальник загробного мира, распорядитель загробного мира, вы его отпустите на его праздник сорокового дня“ (дер. Ст. Тар'ял, Урж. у.). Когда после приглашения садятся в экипаж, то приглашают садиться только виновника праздника, а остальным умершим только говорят: „Все приходите“. Такое обхождение с остальными приглашенными черемисы объясняют так: если все сядут, то лошади тяжело идут (дер. Тикпердино, Варалгуш, Царев. у.). Когда приглашавшие вернутся домой, домашние выходят встречать во двор привезенного гостя—покойника. Обращаясь к незримо присутствующему, кто-либо из старых говорит ласковым тоном: „На сороковины свои пришел, зайди в комнату, зайди“. В комнате покойника сажают на переднее место, у стола, где кладут подушку,

с которой ездили для приглашения. Заметим, что у некоторых луговых черемис на кладбище ездит и то лицо, которое должно изображать покойника и при возвращении его встречают уже как такового со всеми подобающими почестями (деревня Токпердино, Царев. у.). Баня к этому времени также бывает готова. Прежде поминовения отправляются в баню, причем покойника приглашают мужчины, а покойницу — женщины. Обыкновенно сначала идут мужчины, потом женщины, но у некоторых черемис в данном случае, если поминаемое лицо женщина, то сначала отправляются женщины, представляя таким образом покойнице честь сходить в баню в числе первых (дер. Б. Шали, Такпердино, Царев. у.). По приходе из бани развешивают у полатей одежду покойника и приступают к поминкам. Кушанья и напитки уже готовы. У некоторых черемис сначала поминают хозяева и потом угощают гостей, которые только после этого приступают к поминовению. На лавку расстилают скатерть, а на нее ставят кушанья: блины, щи, мясо, чай, пиво, водку. Тут же за явствами кладется гнилушка для свечей, ставят лукошко, в которое у луговых черемис откладывают для покойника немного ватрушек, лепешек, тварожников. Свечи зажигаются на гнилушке или вокруг лукошка по краям, причем у некоторых луговых черемис (дер. Тар'ял, Урж. у.) свеча в честь того, поминки которого устраиваются, длиннее прочих и свивается из трех свеч (ее называют — коренная свеча). У некоторых крещеных черемис ставят свечу и пред иконой. У многих черемис можно видеть и особое лицо — раздавателя свечей, каковым обыкновенно бывает кто-либо из старших, из домашних или из гостей. Однако это лицо нельзя назвать особым жрецом для усопших, как пишет г. Кузнецов (стр. 29), потому что, как сказано выше, поминовение умерших есть не жертвоприношение, а простое чествование, подобное чествованию гостей. Кто либо из старших распоряжается кушаньями и напитками для умершего. У некоторых бывает даже третье лицо, которое распоряжается исключительно напитками. Раздаватель свечей ставит свечи, разрезанные длиною по вершку или немного более, начиная примерно так: — „Начальник загробного мира, пусть дойдет до тебя. Даю свечу длиною в мах, сегодня сороковой день брата Ивана, не мучь его души, хорошо содержи“.

Или: „Помощник начальника загробного мира, пусть дойдет до тебя. Даю свечу в мах, семью свою хорошо накорми и напои да по хорошему уведи“.

Или: „Брат Иван, пусть дойдет до тебя. Теперь ты отправился в загробный мир, в честь твоего имени даю свечу длиною в мах, сегодня наступил праздник сорокового дня, пищи и питья пусть у тебя будет вдоволь, живи в мире светлом, подобном свету свечи, в блаженстве“.

Затем поминают всех прежде умерших, начиная от прадедушки или прабабушки, известных по имени, включительно до последнего умершего. Примерный текст обращения к ним таков: „Бабушка Анна, пусть дойдет до тебя. Даю свечу длиною в мах, живи в мире светлом, подобно свету свечи, в блаженстве“.

Тексты обращения, оставаясь по содержанию одинаковыми, по форме выражения у различных черемис несколько различаются. У восточных черемис не бывает особого лица ни для распоряжения свечами, ни для предложения покойникам кушаний и напитков. У луговых черемис, когда догорят свечи или у некоторых сейчас же по окончании самого поминания, кто-нибудь из присутствующих надевает одежду покойника. Обычно надевает тот, на кого указал покойник пред смертью, если же он не успел этого сделать, то надевает кто-либо по выбору домашних покойного. Надевший одежду жалуется на разлуку с родными и говорит примерно так: „Теперь я пришел на последний свой праздник, более этого у меня праздника нет“. Каждый из присутствующих считает долгом угостить изображающего покойника и просит его благословения, говоря, напр.: „Дядя Иван, дай свое благословение“. Сообщения г. Кузнецова о пении и пляске „Вургэм чийдэ“, которое можно наблюдать в промежутках во время угощения, далеко не точны. Песня, которую поет изображающий покойника, называется „колшо сэм“; пляшут под звуки волынки, называемой шувыр. Пляска „вургэм чийшэ“ особенного отличия не имеет; у иных черемис стараются лишь подражать покойнику, но никак нельзя сказать, что „вургэм чийшэ“ пляшется до полного изнеможения и притом „обязательно осеняя себя крестным знаменем“ (стр. 33). Подобной пляски никогда нельзя встретить. Если г. Кузнецов и видел что-либо подобное, то вероятно это была шутка отчаянного молодца, желавшего выхвалиться своим молодчеством пред почтенным этнографом. Кузнецов же принял эту проделку за чистую монету, не заметив обмана. После надевшего одежду пляшут и другие гости по желанию, но также не до полного изнеможения и без крестных знаменей.

Что касается характера песен, то также ни надевший одежду, ни прочие гости — не поют веселых, а тем более песен, не имеющих ничего общего с положением. У луговых черемис специальных похоронных и поминальных песен нет, если что и можно услышать иногда, то это обыкновенная речь, выпеваемая по мотивам неопределенным, как неопределенны и сами слова. У восточных же черемис всегда можно найти немало песен, вполне определенных и соответствующих данному моменту.

Если поминают умершую мать, то изображающая покойницу говорит: „Прежде я все сама успевала исполнять: и одеть и накор-

ить... Теперь, если отец ваш возьмет другую жену, своей (родной) матери (в ней) вероятно не найдете... Живите по хорошему: стыдитесь старшего, бойтесь младшего, не трогайте чужого. Матери вашей не забывайте, живите по хорошему. В хлебе пусть у вас будет изобилие, дом ваш пусть будет богат, скота у вас пусть будет много. Счастливо оставайтесь“.

Когда свечи догорят, у восточных черемис выносят посуду с поминальными приношениями на улицу; здесь, взявшись за руки, елают круг по солнцу три раза и затем совершают приношения и амую посуду, разбив ее, бросают тут же, оставляя лишь одну или две посуды до утра для последнего поминовения. У восточных марн только после этого надевают одежду покойника, причем это делается не одним лицом, а несколькими, смотря по желанию, но не менее, чем двумя или тремя. Войдя после этого в дом, каждый из вышедших на улицу отдельно подходит к старшему из домашних и между ними происходит такой примерно разговор: „Что же видели, что слышали?“—„Дядю видели“.—„Что он сказал?“—„Сказал: живите хорошо“.—„Еще что сказал?“—„Велел жить“ и т. д. Вообще отвечают применительно к тому, что желательно было бы домашним покойника, какие недочеты желали бы они исправить и притом все это говорится от имени покойника, как его последняя воля, его завещание.

После приведенного диалога пляшут все, надевшие одежду покойника. Поплясав снимают одежду покойника и остаются до конца праздника, как обыкновенные уже гости. За надевавшими одежду покойника пляшут и другие гости по желанию. Затем к асам одиннадцати ночи, а иногда и позже гости расходятся, чтобы утром опять прийти и докончить поминки. Остаются только приезжие гости. Ложась спать, приглашают к покою и покойника, для чего стелют особую постель.

У луговых черемис почти все гости остаются до утра, проводя время в воспоминаниях о жизни покойника и в беседе с ним в лице надевшего его одежду. Сообщение г. Кузнецова, что от надевшего одежду требуется полное воздержание от сна до солнечного восхода, неверно. Как и все другие, он может спать и не спать; кто покрепче—бодрствует, а кто послабже—дремлет и совсем спит.

У некоторых луговых черемис поминки совсем заканчиваются полуночи или, если и затягиваются несколько, то продолжительность их зависит от угощения, напр. в дер. Токпердиной, Царев. у., ни никогда не продолжаются до утра. У других же, после ночи без сна, утром начинают приготовление к проводам. У восточных черемис, как замечено уже выше, вновь собираются. Опять готовят разные кушанья и напитки, которые опять предлагают

покойнику. Вновь зажигают свечи, как и накануне. Также вновь угощают. Когда свечи догорят, берут всю посуду с поминальными приношениями и все направляются к выходу, чтобы проводить покойника. При этом однако для выманивания души из избы ни пива не плещут, ни кусочков блинов не бросают на пол, как пишет г. Кузнецов (стр. 36). У восточных черемис опять выносят все на улицу, причем как и накануне, ходят взявшись за руки по солнцу и уже разбивают всю оставшуюся до этого момента посуду. К этому времени лошади уже готовы и когда одни разбивают поминальную посуду, другие выезжают из ворот и едут с покойником на кладбище. У некоторых восточных черемис (дер. Бирюбаш, Бирск. у.), некоторые выезжающие для проводов опять надевают одежду покойника, произнося при этом неизменное „шужо“. По приезде на кладбище, обходят с пляской вокруг могилы три раза, поют приличествующие случаю две—три песни и, сказавши опять „шужо“, отправляются домой.

У луговых черемис проводы покойника бывают двух видов. По одному способу поминальные приношения выбрасываются на чистое место во дворе где-нибудь на задворниках, причем никаких проводов покойника ни пешком, ни на лошадях не бывает. По другому способу, сделав тоже самое, собирают крупные куски хлеба, блинов и других кушаний в мешок. С этим мешком надевший одежду отправляется по направлению к кладбищу. Его провожают несколько человек, как покойника, обычно на лошади и даже с колокольцами и музыкой (обычно пузырь или за неимением его гармония). У луговых черемис обычно до кладбища не доезжают, если последнее не близко.

Отметим в прощании с покойником характерные моменты.

Надевший одежду, приняв в качестве покойника от провожающих последнее угощение, отходит немного от них, затем снимает с себя одежду покойника и, закончив таким образом изображение в своем лице покойника, обращается к последнему уже в качестве провожающего. Называя приличным его возрасту именем, он просит покойника быть довольным предложенным угощением. Текст обращения в этом случае подобен приведенному г. Кузнецовым (стр. 38), если только устранить в нем ошибки: „Иди с миром, Евсеева жена, иди, не бранясь. Может быть не были угодны хлеб-соль, или что либо другое не по твоему желанию сделано, возвращайся (на кладбище) без брани. Хорошо поев—попив, с пением и радуясь, уходи (возвращайся)“.

После прощания с покойником все вместе возвращаются домой. При этом каждый встречный считает долгом спросить у надевшего одежду, какой добрый человек умер, какое благословение оставил.

За это вопрошаемый отвечает выражением, приличествующим возрасту и положению умершего.

В настоящее время поминки в 40-й день почти у всех черемис представляют последний частный праздник в честь ново-умершего. Можно, впрочем, указать еще на праздник „Вурэдыш“ у восточных черемис, устраиваемый в годовщину смерти, но он считается необязательным и притом бывает только в честь взрослых умерших. Этот праздник выполняется главным образом людьми состоятельными. Назначение праздника—выкупить кровь покойника от ангела смерти Азрэне. Для этого обычно закалывается баран или овца.

У некоторых луговых черемис в годовщину смерти тоже бывает поминание, но оно от обыкновенных поминок в 3-й день почти ничем не отличается. Называется оно—зажигание в годовщину (дер. Кушпур, Царев. у.). Заметим еще, что у некоторых луговых черемис поминание в годовщину сопровождается также закалыванием барана или овцы (дер. Токпердино, Царев. у.).

Кроме сказанного, только у очень немногих сохранился еще праздник „Сосьо войзьымаш“, Он устраивается лишь по особому завещанию покойного. Время для него определяется усмотрением домашних покойного, праздник бывает не ранее двух лет после „Вурэдыш“. Празднество начинается тем, что посылаются гонцы ко всем родственникам, но на праздник могут являться решительно все, т. е. и не получившие личного приглашения. Утром посылают одного из зятьев, если есть таковой, на кладбище звать покойника. Зять отправляется обычно верхом на лошади, предназначенной для этого праздника. Верховой обскакивает кладбище три раза. Затем тоже вскачь возвращается домой. Тотчас же эта взмыленная лошадь закалывается, причем кровь ее собирается в корыто. Кстати заметим, что г. Кузнецов, приурочивая этот момент к приглашению на 40-й день, смешивает этот праздник с поминками в 40-й день (стр. 39). Мясо лошади съедается в тот же день, притом гостями из посторонних, домашние же и другие родственники довольствуются прочими кушаньями. Из напитков водки не покупают больше, чем определено завещателем при смерти. Костей заколотой лошади не дают собакам и не бросают просто куда попало, а хоронят в шалаше. После пира поднимают на длинном шесте флаг (ту), в который стреляют, как в цель. Попавший во флаг покупает четверть водки. Ближние гости раз'езжаются в тот же день, дальние остаются до другого дня (дер. Кемеево, Бирск. у.).

Наконец, из частных поминок в виде исключения можно указать на поминки через 3 и 7 лет после смерти. Эти поминки ничем не отличаются от поминок, устраиваемых в 3-й и 7-ой день.

III. Общие родовые поминки „Сэльык“.

Как бы полно ни удовлетворялась в описанных выше поминаниях потребность общения с умершими, все же почитание умерших не ограничивается ими. Желая придать общению с отшедшими в дольний мир более постоянный характер, черемисы издревле определили для общих родовых поминок по умершим два дня в году. Первый у всех черемис бывает в четверг на страстной неделе, а не в среду, как пишет г. Кузнецов (стр. 48), второй же—в среду за три дня до праздника Св. Троицы. Кроме того, в некоторых местах у царевококшайских и яранских черемис, осенью празднуется „праздник киселя“. Он бывает в субботу за неделю до Покрова. Все эти общие поминки называются еще—праздники древних (умерших) черемис.

Общие поминки, как и частные, сопровождаются многочисленными обрядами. Приготовления к этим празднествам, особенно к первому, начинаются дня за четыре, т. е. в Вербное воскресенье или даже в Лазареву субботу. У всех черемис в эти подготовительные дни стирают белье, моют полы, а у бирских черемис даже стены.

В понедельник или даже в воскресенье начинают варить пиво. У луговых черемис варят в шалаше (кудо)—летнем жилом помещении, если таковое имеется, или же, как и у восточных черемис, в предбаннике. У тех и других варят пиво, смотря по состоянию, от 5 до 20 ведер. У луговых меньше—от 3-х до 10 ведер. Кто не кончил стирки или мытья полов, продолжают и эти работы.

Вторник посвящается приготовлению кушаний, как для собственного употребления, так и для поминовения умерших в предстоящий четверг. Кроме хлеба, пекут пироги, ватрушки и проч. Работают до полдня. У восточных черемис вечером бывает баня. В этот вечер, по верованию черемис, колдуны и колдуньи рыщут в виде животных и птиц и обрезают ножницами края всякой одежды и обуви, оставляемой на дворе, чем посылают людям порчу. Поэтому на ночь все убирается и запирается. У луговых черемис закладывают также подворотни, а ворота, если можно, запираются на замок. Вечером скотине дают корму побольше, чтобы не пришлось его давать на следующий день в среду, когда по обычаю нельзя делать никакого дела.

Среда у всех черемис называется предшествующая среда. В этот день ничего нельзя делать. Бирские черемисы говорят, что если затопить в этот день печь, то может быть пожар. Если мести двор, комнату или расчесывать волосы, будет буря. Если доить корову, то могут изветриться и растрескаться у ней соски. Перебирать яйца—вызвать град. Шить—рисковать получить опухоль

руки. Луговые черемисы говорят, что нельзя до полдня есть и пить, потому что от этого можно сделаться прожорливым. То же самое может быть со скотиной и птицей, причем, если их выпускать из помещения, то они будут потом отбиваться от дома. Поэтому для сокращения времени утром не торопятся вставать. Играющих детей останавливают, угрожая им наказанием от дедушек и бабушек. Воспрещается шуметь как дома, так и на улице. Но шум в лесу и на поле не возбраняется. Некоторые группами в 20—30 человек, умывшись, без чаю, с утра отправляются в лес за зайцами и охотятся до вечера. К вечеру все принимает обычный вид: и печи топят и стряпают, и скотину начинают кормить. Относительно всех изложенных требований должно заметить, что в последнее время они соблюдаются уже не так строго.

Следующий день—четверг называется великий день. В виду различия в подробностях того, как этот день празднуется у восточных и луговых черемис, опишем его отдельно.

У восточных черемис утром топят печи, как дома, так и в бане. Пекут блины, преимущественно, овсяные. Разостлав на лавке скатерть, кладут ломоть хлеба со словами: „Умерший, праздник великого дня настал, квашеный хлеб пусть дойдет (до тебя)“. Затем, отламывая от нового ломтя кусочки хлеба особо для каждого умершего, поименно называют каждого из них со словами: „Дедушка Канакпай, пусть дойдет (до тебя). Бабушка Айгалчэ, пусть дойдет“. В таком же порядке кладут один целый блин и один крошат, называя умерших поименно. Поименно же отливают в какой-либо старый горшок и пива. Затем ставят чашку чаю, кладут в нее печения в виде шариков (туш) и кусочек сахара возле нее. Порядок поминаемых лиц обычно следующий: ближайšie родные—отец, мать, дети поминающего, внучата, дедушка и бабушка, потом откладывают всем покойникам, имена которых забыты, и еще кусочек—всем безродным.

После поминания покойника хозяева сами садятся за стол чай пить с блинами. После чаю отправляются в баню. Сначала идут мужчины, причем приглашают и умерших мужчин, говоря: „Пойдемте, покойники, в баню“. Выходя из бани, кладут на полок веник для покойников. И женщины в свою очередь, отправляясь в баню, приглашают покойниц, а, выходя из бани, также оставляют для них другой веник. Веник, оставленный мужчинам, не трогают. Дома варят щи, из которых с половник наливают в чашку и для умерших, туда же кладут кусочки мяса. Потом варят и красят яйца, из которых кладут на скатерть по одному для ближайших родных и одно для всех умерших. Иные кладут всего до пяти яиц. Затем зажигают свечи, налепляя их на лучинки, которые втыкаются в гнилушку. Свечи для владык загробного мира побольше, для покойника

меньше, но каждому поименно. Следует заметить, что безродным умершим свечи не зажигают. Поминание на безродных явствами также несколько иное: им бросают через порог в сени в том убеждении, что свои умершие не пускают безродных вместе с собой в комнату. Зажегши свечи, берут пять последних блинов (непренежно последних) и из них два блина употребляют на поминовение умерших, бросая кусочки блинов прямо на скатерть, три же блина кладут отдельно. Тогда же поминают покойников пивом и водкой, отливая понемногу в чашку.

У некоторых все это проделывается каждым семейством отдельно, в иных местах собираются по 10—15 семейств и самое большее по 25—30 семейств. Когда свечи догорят (это бывает обычно около полудня), двое-трое берут со скатерти предложенное умершим и выносят во двор, где выбрасывают около ворот. Яйца иногда бросают все, иногда только одно, остальные же яйца с'едают сами. Собаки являются без зова и уничтожают поминальные остатки. Никаких гаданий (говорим о восточных черемисах) по собачьей драке, если таковая и случится, не бывает. Всю посуду, гнилушку и скатерть несут обратно в комнату. Гнилушку многие хранят до следующего праздника умерших, причем до понедельника следующей недели хранят на полке в комнате, а потом на подволоке. Прочая посуда также сохраняется (дер. Сусады—Эбалак, Бирск. у.).

У луговых черемис великий день празднуется следующим образом. В баню ходят накануне, т. е. в среду. После бани начинается поминальный день. Так как кошки и собаки обладают свойством видеть покойников, то, чтобы они не мешали, выгоняют их из комнаты. На переднем месте на лавке постилают войлок для покойников. Затем разливают для них чай и кладут около каждой чашки по кусочку сахара, пирога, ватрушки и овсяной лепешки из пресного теста. Для всех умерших ставят рюмку водки, говоря при этом по адресу одного из старших покойников: „угощай свою семью“. Все это проделывает кто-либо из мужчин, все же остальные в семье сидят молча в стороне. Минут через десять, взяв от одной из чашек куски ватрушки, лепешки и пирога, бросают, отламывая от каждого куска, в сени со словом „шужо“. Там, конечно, уничтожает это собака. Затем выплескивая немного водки из рюмки на пол около стола же со словом „шужо“, поминающий выпивает ее. Другие из взрослых в семье этого с водкой не делают, а прямо пьют. Надо заметить, что в некоторых местах у луговых черемис поминание с водкой делают все члены семьи, и мужчины и женщины, кроме маленьких детей (дер. Токпердино, Царев. у.). Водки бывает не больше бутылки. После этого все садятся чай пить. Налитого для покойников не выливают, но, начиная пить, каждый выплескивает из него немного со словом „шужо“. Чаепитие сменяет-

ся варкой щей с мясом или ухи; при неимении мяса и рыбы варят род семянки из яиц и молока. Прежде чем есть новое кушанье, опять тем же порядком поминают покойников, причем на этот раз выплескивают понемногу и пива на пол. Около полудня готовят кушанье, называемое „лапаш“—смесь кислого молока с толокном, ставят также самовар. Опять еда и чаепитие с поминанием покойников. После полудня топят печь и пекут блины, которыми угощают покойников совершенно так же, как и первыми кушаньями, сами едят из той же тарелки, которая была поставлена для покойника. Затем наступает последний и главный момент для поминания покойников. Кого-либо из младших, обыкновенно мальчика или девочку, посылают звать к тем соседям-родственникам, с которыми из году в год вместе поминают покойников. Посылают обыкновенно из того дома, с которого начинают поминовение. Собираются по 4—5 семейств, составляющих один род. Могут быть группы, конечно, и значительно большие. Таких групп в каждой деревне может быть несколько. Основанием для этого деления является кровное родство, а не экономические соображения, как пишет г. Кузнецов. Посланный для приглашения говорит: „Свечу зажигать, пиво пить приходите. Все“.

Вскоре являются приглашенные гости, большею частью взрослые из семьи. К этому времени в очередном доме около стены ставится лоток, над которым в щель стены втыкают лучину, около лотка ставится бурачек с пивом, тут же кладется одно яйцо и ставится яичница на сковородке. Сначала хозяин дома зажигает свечи поименно всем умершим из своего дома. При этом не успевающие стгорать частицы воска падают в лоток. Зажегши свечи, хозяин бросает в лоток кусочки блинов, также называя умерших поименно со словом „шужо“. По примеру его поминают и все соседи. Также поступают и с пивом, отливая из чашки понемногу в бурачек. В лоток кладут яичницу на сковородке и крошат одно яйцо.

После зажжения свечей хозяин сажает соседей за стол и угощает их блинами из той же тарелки, откуда брались блины для поминовения.

Когда свечи догорят, хозяин встает первый и говорит: „теперь гости намереваются уйти, проводимте“ (покойников, подразумевается). Все встают и берут из поминальных приношений кому что придется и идут провожать покойников. Если огород хозяина находится в той стороне, где кладбище, то содержимое лотка и бурачка выбрасывается в этом огороде. Если кладбище на противоположной стороне, то идут на улицу и, перейдя ее, выбрасывают где-либо в переулке или около прясел. При этом можно наблюдать следующее. Пивом из бурачка заставляют детей умываться, говоря, что покойники уносят всю тяготу жизни и жить после этого становится

легче. Мужчины налепляют на волосы частицы воска от огарков свечей, а женщины налепляют частицы воска на нижней стороне монет, которые они носят на груди в виде украшения. Опростав посуду, поминающие с этой же посудой отправляются в следующий дом, где поминание устраивается совершенно так-же, как и в первом. Потом идут в 3-й, 4-й и т. д., пока не обойдут всего своего околодка. При этом остатки поминальных приношений выбрасываются все на одно и то же место. Выбросив остатки в последний раз, поминальную посуду оставляют на неделю на том же месте, причем бурак надевают на кол, а лоток кладут на самую верхнюю жердь прямо около бурака. Через некоторое время уносят домой и то и другое и хранят до будущих поминовений на подволоке или в шалаше (кудо) (дер. Чадра сола, Царев. у.).

Наблюдается поминание по родам и у восточных черемис, которое одинаково в общих чертах с поминанием у луговых черемис, но разнится в подробностях (Ново-Троицкая, Мишкинская, Базанская, Чураевская и друг. волости Бирск. у.). С другой стороны, и у луговых черемис можно видеть поминание отдельными семействами (дер. Кушнур, Царев. у.).

Поминовение умерших в семик совершается так-же, как и в четверг на страстной неделе.

IV. Зарубежная жизнь черемис.

Напрасно опасается г. Кузнецов в сообщении о верованиях черемис за то, что кто-либо станет бросать в него камнем за неполноту сообщения. Многие были бы даже очень признательны почтенному этнографу, если бы он не сообщал более того, что действительно ему известно. Если азиатская родина черемис, шаманские верования их, влияние хазаро-булгарской культуры и т. п. вещи представляют такой лабиринт, в котором, как г. Кузнецов сам сознается, мудрено ему разобраться (стр. 63), то лучше было бы умолчать об этом, чем делать громкие словоизвержения, которые лишь затемняют суть дела.

Душа человека, по мнению черемис, бессмертна. Представления же о семикратном возрождении ея, вопреки мнению г. Кузнецова, у черемис нет. Но вот интересно для нас новое открытие г. Кузнецова относительно превращений души черемисина. На 24 стр. он пишет: „если жизнь на седьмой и последней земле была не особенно греховна, черемисин обращается в рыбу и продолжает свое существование под этим видом“. Говоря вновь об этом, на стр. 64 г. Кузнецов пишет: „Возрождаясь семь раз, душа, должно быть, не выносит ничего из опыта прежней жизни и сохраняет постоянную склонность ко греху, за что особенно греховные души обра-

щаются в рыбу, без надежды на возрождение". Подумаешь, как быстро меняются у черемис представления о душе. Там „не особенно греховные души обращались в рыбу“, а здесь совершенно обратно: „особенно греховные души обращаются в рыбу“. Мы употребили все усилия, чтобы уяснить такой невероятный прогресс в развитии понятий у черемис, но не нашли ни одного черемисина, который думал бы, что душа превращается в рыбу по двум одновременно существующим и исключаящим одно другое основаниям.

Ангел-хранитель, даваемый человеку для хранения его, называется не только „сукчо“ шукчо, вачывал или вичэ ушбал сукчо“, но также и „сакчэ“.

Жизнь человеческую прекращает Азрэн — смерть, ангел смерти. Азрэн представляется в виде мужчины с большим ножом в руках, которым он и перерезает невидимо горло человека. По понятиям уржумских черемис, Азрэн иногда перерезает горло человеку и за несколько дней, за неделю до смерти и даже раньше; в таких случаях человек никогда уже не выздоравливает.

Характер загробной жизни определяется, конечно, в зависимости от настоящей земной: жизнь блаженная для безгрешных и мучение для грешников. Особенных различий в представлении о грехах у черемис нет.

Сказания об адских собаках, крутых горах, о кипящем серном котле, над которым проходит по жордочке всякая новая душа, прибывающая в загробный мир, — все это есть. После испытания над серным котлом душа безгрешного человека поступает в святое место, где она будет вечно продолжать начатую здесь земную жизнь и наслаждаться блаженством. Души же грешников навсегда будут помещены в темном месте (пичкэмшэ вэр, тамык) и испытывать соответственные содеянным ими грехам мучения (арлык, азап): насылавшие порчу посредством наговоров будут повешены за язык, похитители и грабители вечно будут безуспешно стараться о возвращении чужой собственности, прелюбодейцы, т. е. каждый виновник и виновница будут принуждены к употреблению вместо пищи их общих нечистот и т. п.

Продолжая за гробом существование подобное земному, душа умершего, по верованию черемис, является время от времени к оставшимся на земле родным и главным образом в дни общих поминовений, называемые „сорта кэчэ“ и „семьк“, которые уже описаны выше. Черемисы думают также, что душа умершего невидимым образом может помогать оставшимся на земле родным, охранять имущество, семейное согласие и т. д. Но иногда бывает, что посещения умерших еопровождаются заболеванием скотины или пропажей какой-либо вещи. Но приписывая умершему и то и другое, не говорят, что это результат злого умысла его, напротив, го-

ворят, что умерший все это делает по любви: „любя держит, любя заслоняет“. В таком случае делают обещание (шрыштат) поставить свечу и устроить угощение.

Душам давноумерших приписываются и умышленные вредные действия, например, им приписывают порчу хлебных растений путем насылания на них червей. У восточных черемис им делаются обильные угощения, нечто в роде жертвы. В разных местностях угощения эти бывают в разные сроки, одни делаются ежегодно, другие через каждые три года и больше, но везде закалывается черный бык, причем прежде пользовались для этого краденым быком и только в последнее время стали покупать.

О значении поминовений покойников нами достаточно было сказано в предыдущих главах. Здесь же прибавим лишь некоторые соображения по поводу смешения поминаний с жертвами. Предлагаемые умершим угощения не жертва, а только реальная форма выражения чествования. Конечно, умершие, как духи, не могут вкушать предлагаемых им угощений, но если понятны жертвы, приносимые богам, которые, как духи, тоже не вкушают их реально, то почему же не понятны угощения, делаемые умершим (стр. 73)? В сказанных угощениях можно лишь отметить, что люди, а простой народ в особенности, не может выражать своего почтения без реальных образов, без тех самых предметов, в форме которых привык он и сам получать чествование от других. Предлагая умершим угощения, черемисы не просят их, чтобы они реже навещали своих родных, такая просьба будто бы делается из боязни несчастий и убытков, причиняемых умершими (стр. 74). Напротив, часто бывает, что если покойники не снятся, напр., родным, то это доставляет им даже печаль. С другой стороны, при желании живущие здесь родственники умерших всегда очень легко могут отделаться от умерших. Для этого достаточно пожаловаться на них начальнику загробного мира „Квамат тора“, который и лишает умерших установленных отпусков. Но к этому крайнему средству черемисы прибегают очень редко (дер. Бол. Шали, Царев. у.).

В. М. Васильев.

Творчество чуваш.

СКАЗКА.

Сказка у чуваш самый любимый вид устной словесности; она отдых от занятий; она вместе с тем упражнение народной мысли и чувства. Хороший сказочник говорит красно; ласкает слух, но в тоже время будит в народе и вызывает новые силы для борьбы с невзгодами. Основная идея сказки: угнетаемый восторжествует, правда и добро победят, не смотря на ухищрения зла. Сказка всегда являлась нравственной поддержкой для народа; она сберегала силы народные, не допуская их разложения и конечной гибели. Таким образом значение сказки для чувашина и художественное, и нравственное.

Мотивов в сказках немного: 300—400. Но общее количество сказок довольно значительное. Собиратели чувашских сказок насчитывают их у себя тысячи. В собрании Н. В. Никольского имеется свыше тысячи сказок. Описание их помещено проф. В. Н. Андерсоном в финских и итальянских изданиях по фольклору. В собрании Н. И. Ашмарина, в Симбирской чувашской учительской семинарии имеется также немалое количество чувашских сказок. Частичные собрания имеются у проф. В. Н. Андерсона, П. В. Васильева, И. Д. Никитина и др.

Всё-ли в этих сказках самостоятельно, где и как появились заимствования, решить очень трудно. Чисто народная сказка иногда заменяет собственное языческое имя христианским, замена произошла, несомненно, в новейшее время, когда чуваш, благодаря школе и церкви, более привыкли к собственным христианским именам, а старые имена в массе своей оставили, как пережитки старины. В самом изложении иногда к древнейшему сюжету сделано новое наложение; наряду с обычными для старого времени орудиями охоты: луком, стрелой, вдруг появляется ружье, пистолет или даже револьвер; сказочный герой иногда в своем образе жизни представляет некоторое раздвоение: он по существу, несомненно, охотник и кормится, главным образом, дичью, но в некоторых сказках в самой примитивной домашней обстановке является совершенно негармонирующий с ней самовар.

По словам проф. В. Н. Андерсона, специально изучившего чувашские сказки по различным рукописным собраниям, сказочные мотивы у чуваш имеют сходство с мотивами, не только тюркских и финских племен Поволжья, но так же европейских народов—русских, германцев, французов, итальянцев и др. Вопреки теории Веселовского о заимствованиях, В. Н. Андерсон утверждает, что гораздо труднее доказать заимствования, чем одновременное творчество. Во всяком случае исследователь должен в первую очередь изучить всю наличность, какова бы она ни была. Вопрос же о происхождении сказок путем заимствования (теория Всеволодского), одновременного творчества или самозарождения (антропол. теория англ. ученого Ланга), может быть вполне разрешен только по достаточном изучении сказочной наличности у всех народов.

В древнейшем своем виде чувашская сказка содержит древнейшие мифы, верования, коренившиеся в сердце чувашина. Такая сказка не стремится поучать или описывать лучшие нравы. В настоящее время сказка не имеет уже своего прежнего религиозного характера. У молодого поколения нет сознания важности основного мифа; поэтому нет и бережного обращения со способом сказочного выражения. Когда-то священное содержание нередко втесняется в самые обыкновенные рамки житейской и булничной жизни.

Сюжетом сказки служит решительно все: мир внешний во многообразии своих проявлений и внутренний мир самого человека, жизнь семейная, общественная. Доброе и злое начала борются всюду, но побеждает, в конце концов, доброе. Приводим буквальный перевод одной из таких сказок.

У одного человека, говорит сказка чуваш Ядрин. у., было 3 сына; младшего отец не долюбивал. Старшего и среднего поженит, младшего не женит. Этот человек утром делает 3 стрелы и уходит. Потом говорит младшему сыну: пойди, найди эти стрелы, тогда поженю тебя. Младший сын встает и уходит. Подходит к реке и видит рябую лягушку. Одна из стрел вонзилась в эту лягушку. Как только взял стрелу, лягушка прыгнула на плечо ему и обняла за шею. Парень хочет уронить ее, трясет—трясет, лягушка не падает. Тогда возвращается домой в таком виде. При возвращении домой, лягушка говорит ему: я буду твоей женой; придешь домой, не показывай меня своим родителям; как придешь, впусти в теплый хлев (мăклă витене). Приходит домой и выпускает в хлев. Потом входит в избу и дает отцу стрелу. Тогда отец говорит: ну, теперь одну нашел, если найдешь еще две, поженю. Парень говорит отцу: к чему мне жениться; у меня есть рябая лягушка. Затем выходит и отправляется в хлев. Упомянутая рябая лягушка стала девушкой; осветилась ярко белым светом. Жена говорит ему при выходе на двор: другая твоя стрела упала на избу, тогда

Иван залезает, берет стрелу и отдает отцу. Опять выходит к своей жене. Жена говорит: другую стрелу не сможешь достать собственными силами; иди туда, где нашел меня. Иван уходит. Идет—идет; приходит к тестю. Жалуй-ка, зятёк, (килах кёрү).—Иду, тестюшка. Ну, как ты возьмешь ту стрелу? Твоя стрела лежит на дикой свинье (капан сысна çинфе). Я принесу тебе узду; ты выйди на двор, подойди к конюшням и, отворяя дверь каждой, трясиди уздой; выведи ту лошадь, которая подойдет и сунет (голову). Тесть дает узду; зять входит в конюшни и трясет уздой. Много хороших лошадей, к узде нейдут; одна плохая лошадь сунула голову в узду. Тогда выводит лошадь, оглядывается назад, смотрит и говорит: множество жирных лошадей не суют своих голов; куда деваться с этой тощей лошадейю. Потом все-таки вывел ту же лошадь. На ту же лошадь тесть положил седло. Дал Ивану собаку по кличке анфак. Иван сел верхом на лошадь и отправился к кабану (капан—сысна). Ехали—ехали; лошадь устала. Анфак говорит Ивану: побудь здесь; я тебе крикну: скачи. Затем анфак подошел к кабану и начал кусать, откуда нужно было. Заставив своими укусами кабана подняться, анфак закричал: скорей скачи. Иван настегал лошадь, поскакал, забрал стрелу и ускакал. Прибыл к тестю, возвратил лошадь; в это время тесть сказал: и чрез это не поженит тебя отец твой; он отправит тебя к дедушке за гуслиями. Поел, попил и отправился к отцу домой. Отдал ему стрелу. Отец сказал: мой отец прежде сильно играл на гусях (хытă каланă). Поди и возьми эти гусли. Иван вышел и опять направился к тестю. Когда прибыл, тесть дал ему узду и сказал: Походи и потряси эту узду. Иван вышел, походил и потряс. Прежняя плохая лошадь подошла и сунула голову. Вывел ее. Тесть устроил седло, дал плетку. Иван выехал, проехав немного, стегнул лошадь и прискакал к началу долины. В той долине лежали старик и старуха, под ними был послан драный кафтан; накрылись они полушубком; говорят: тепло. Иван, говорят они, ты, наверное, отправляешься к дедушке, спроси-ка у него: долго-ли нам еще лежать. Ехал-ехал; опять на перекрестке лежат два человека; под ними послан новый полушубок; накрылись они новым тулупом; лежали, говоря: холодно, Иван, говорят они, ты, наверное, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго нам еще лежать здесь и мыкать горе. Спрошу и сообщу, пропустите, говорит Иван, Пропустили. Иван еще стегнул лошадь и прибыл к мосту, сделанный из людей. Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке, спроси-ка у него: долго-ли нам здесь лежать?—Ладно, спрошу; переправь-ка. Переправили. Ехал, ехал, доехал до женщины (не-чувашки), которая мешала молоко с водой. И она: спроси-ка говорит. Ладно, спрошу, был ответ. Проехал некоторое расстояние, в загороди стояло много

жирных лошадей. Лошади сказали ему: Иван, ты, вероятно, едешь к дедушке; долго-ли нам стоять. Спроси-ка у дедушки.—Спрошу. Проехал мимо них. Едет далее. Проехал некоторое расстояние другая загородь с тощими лошадьми. Они тоже сказали: спроси-ка.—Спрошу, был ответ. Иван едет дальше. Доехал до женщины, находящейся у полевых ворот. Она отворяла ворота языком. Иван, спроси-ка у дедушки.—Ладно, спрошу. Наконец, прибыл к дедушке. Вошел в избу, поздоровался. Меня отец прислал за гуслими, сказал Иван. А умеешь играть на гуслиях? Не умею. Дед дал гусли, сыграл какой-то мотив. Ну, Иван, что видел и слышал на дороге? Сказал дедушка. Видел в начале долины 2 людей, лежат они, покрытые тулупом и говорят: холодно. Что им сказать? Что сказать: они прежде много воровали и кололи людского скота. Им лежать таким образом вечно. А что сказать старику и старухе, которые лежат на перекрестке дороги? Что им сказать: пусть они теперь же встают и уходят. Что сказать людям, из которых сделан мост? Прежде они убивали людей и бросали под мост. Им лежать там вечно. Что сказать женщине, мешающей молоко с водой? Ей вечно так быть за смешение молока с водой. Что сказать тучным лошадям, которые в загороди? Они пусть теперь же уходят. А что сказать тощим лошадям? Им вечно стоять так: раньше их хозяева кормили чужим, воруя у других. А женщине у полевых ворот? Она дразнила людей, высывая язык; ей вечно там стоять. Иван берет гусли, садится на коня и отправляется домой. Едет—едет, доезжает до того человека около ворот. Спросил? спросил; пропусти-ка сначала, она пропустила; только удалившись на некоторое расстояние, сказал: ты дразнила людей высывая язык; вечно тут стоять. Ай, надо было задержать его между воротами. Проехав некоторое расстояние, прибыл к давешним тощим лошадям. Спросил?—Спросил. Говори.—Немного от'еду дальше. От'ехав дальше, сказал: раньше ваши хозяева кормили, воруя чужое; вам вечно стоять тут. Ай, его надо было залягать до смерти. После них доехал до тучных лошадей. Спросил?—Спросил. Говори. Вам, говорит, сейчас-же выходить.—Спасибо тебе, Иван, говорят. Проехал мимо их; едет дальше. Приезжает к людям, которые лежали на перекрестке дороги. Спросил? Да. Что?—Вам здесь лежать вечно. Потом доехал до женщины, мешавшей молоко с водой. Спросил? Да. Говори. Скажу, только немножко от'еду дальше; от'ехав сказал: тебе вечно быть тут за то, что мешала молоко с водой. Она сказала: надо было плеснуть горячим молоком. Немного пройдя доехал до начала долины, где были старик со старухой. Спросил? Вам сейчас же нужно встать и идти. Иван проехал мимо них, ехал—ехал и прибыл к тестю. Привез?—Да. В то время, когда ты приедешь, у отца будет по

пойка; тебя заставят играть на гуслях. Старший брат и сноха будут плясать, тогда играй; будут плясать средний брат и сноха, и тогда играй; начнут плясать отец с матерью, пойдя к дверям и повесь (гусли). Иван вышел, идет--идет и приходит домой и в самом деле, к его приходу собрались гости. Как только Иван вошел в избу, ему поручили играть на гуслях. Он играл, когда плясали старший брат со снохой и средний брат со снохой; когда же начали плясать отец с матерью, пошел к дверям и повесил (гусли). Когда наступил вечер, отец с матерью легли в переднем углу, а братья и снохи около двери. Тут же расступилась земля до половины избы и поглотила отца с матерью. (Этнограф. материалы Н. В. Никольского, т. 112, стр. 147—170).

П р е д а н и я.

Предания чуваш это своего рода устная история народа. Инстинктивно народ хочет истории в полном смысле и желает жить вечно в потомстве. В то же время каждого интересует то, чем были его предки и как жилось им. Разрешению этих вопросов посвящены предания, связанные с возникновением селений, с курганами и городищами. Суммируя эти материалы мы будем иметь следующее. Первоначальной родиной чуваш был юг. Жили они отдельными родами; дети почитали родителей и слушали их; занимались охотой, рыболовством. Потом мало стало у всех земли и начали расселяться.

Около тысячи лет тому назад у чуваш были торханы; они избирались народом. Избирали обыкновенно одного на весь народ. Торханы правили и судили народ; строго наказывали провинившихся; учили народ правде и заставляли приносить животные жертвы; в начале лета, пред жнитвом, торханы обязаны были лично совершить жертвоприношение, на которое собирался весь чувашский народ.

По смерти торхана его место занимал другой; избирался он еще при жизни первого; учился у старого, в течении ряда лет, как совершать молитвы. Последний торхан жил там, где теперь торханское поле, к северу от Тюрлемы. В войне с татарским ханом он был убит и после него не было других торханов.

Хорошо жилось народам, когда было болгарское царство. Царь жил в с. Болгарах. Но у него была еще столица: это нынешний Верхний Услон. Потом она была перенесена на место современной Казани. Болгарский царь предварительно наложил на место предполагаемого города солому, на пространстве 4 верст и сжег ее. Этим путем он вывел отсюда змей. Во время сожжения соломы--один большой змей спустился в воду, в Кабан. Это означало то, что некогда город будет взят неприятелем.

И в самом деле случилось так.

Пришли татары и опустошили страну; татарские богатыри ходили по стране толпами, старых убивали, молодых уводили в плен, девиц бесчестили; золото, серебро и всякое добро отбирали от хана. Жители разбежались в разные стороны. Чуваши, черемисы и мордва стали жить в лесах, в глухих местах, по овражкам, куда трудно было приехать татарским богатырям, ездившим обыкновенно верхом на лошадях. Избу у них заменяла лачуга, сделанная из лубка. Зерно для хлеба мололи ручными жерновами; мясо жарили на огне, самую лучшей пищей считался мед.

Татарский хан—Темирхан поселился в Казани; позвал к себе торхана и потребовал от него и его народа принятия магометанства. Торхан собрал старейшин чувашского и черемисского народа и изложил пред ними волю царя; старейшины постановили отвергнуть царское требование. Темирхан выступил против чуваш с войском. Сеча была жестокая; чуваш и черемисы не выстояли: побежали в лес, а торхан был убит в битве. Это был последний торхан.

В татарское время у чуваш были правители—ставленники татарского царя Уразмед, а после него Анчик. 1-й был жестокий и во всем исполнял волю татар. Уразмед собирал для татар подати; захватывал силою девиц и представлял татарскому царю. Народ не взлюбил Уразмеда и убил его. Преемник Уразмеда Анчик был кроткий правитель. Он собирал подати со всех народов поровну и к царю ездил редко. Народ был так расположен к нему, что решил восстать против казанского царя Абдул-хана. Последний отправил людей взять Анчика. По приказанию Анчика, послы были заперты в пустой амбар и сожжены; тогда Абдулхан явился сам с войском, но Анчика не было дома. Он ушел к русскому царю; на реке Москве чуваш, чтобы показать свою покорность, сели на колени, и, сняв шапки, кланялись каждому русскому человеку. Дали знать об этом русскому царю. Царь вышел к чувашам и сам убедился в их покорности. Царь спросил Анчика, можно-ли на них положиться. Анчик отвечал, что они не только не изменят русским, но сами будут участвовать в походе против татар и укажут дорогу. Царь послал с Анчиком отряд русского войска против татар. Чуваши, по приказу Анчика, давали русским войскам с'естные припасы, показывали дороги, прокладывали через реки мосты и помогали в битвах с татарами, (Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. т. III, стр. 285—290).

Когда Казань стала русским городом, а татарское царство русским царством, чуваш получили много земли. Право на землю было скреплено особыми грамотами за золотыми печатями.

На некоторых из них было изображение царя в остроконечной шапке.

Русские правители казанской области позволяли себе обижать чуваш, брать лишние подати, бить неисправных плательщиков. Этим чуваша были не довольны. Когда явились посланные от Разина, чуваша решили помогать ему людьми, деньгами и припасами. За свою помощь они были строго наказаны.

В другой раз среди чуваш ходил Пугачев, говорил, что он настоящий русский царь; дарует всем волю, сколько угодно земли. Чуваша поверили ему и пошли за ним и опять были наказаны за измену.

Было время, когда русские хотели сделать чуваш крепостными. Для этого они заставляли сажать картофель. Но чуваша не послушались и оказали сопротивление. Особенно был большой бой у с. Акрамова Козмодемьянского уезда, Казанской губернии. (Шорфа вәрси—в документах упоминается под 1840 г.).

Помимо этих преданий, у чуваш есть предания и по многим другим вопросам. Вот темы чувашских преданий: чувашские мурзы, чувашская старинная вера, принятие христианской религии; переселения; волжские разбойники; христианские храмы, духовенство; судьи; правители; занятия; ремесла; орудия; грамотность; школа и т. д. По изложению, чувашские предания напоминают сказки; разница только та, что здесь нет словесных прикрас; предания кратки; здесь заметно стремление выдержать серьезный тон. В общей массе эти предания более или менее верно отражают соответствующую эпоху или чисто местный и случайный эпизод. Так, рассказы о грабительстве Пугачевцев и притеснениях богатым чувашам подтверждаются историческими документами о том же; предания об Акрамовском бое доказываются документами 1840-х годов. Сколько селений в чувашском районе, столько можно указать и преданий у чуваш. Кроме того, некоторые чувашские предания существуют среди некоторых татар и русских, которые происходят от чуваш, но отатарились или обрусели в силу благоприятных для этого исторических условий. Поэтому в общей сложности чувашских преданий надо считать свыше 3000.

П о с л о в и ц ы

Автором каждой пословицы в отдельности было какое-либо одно лицо, но меткое определение, удачное сравнение сделали ее общенародной. Наконец и автор терялся; сама же пословица делалась элементом исключительно народной речи и народного мышления. В этом смысле следует понимать выражение Даля „по-

«словица не сочиняется, а рождается». Личные и групповые моменты связаны в ее создании неразрывно. Пословица делается непрерывно, на наших глазах. С литературной стороны пословица либо поэтическое произведение, если она изображает конкретный случай, или прозаическое, если является простым наставлением. На веку стал нужен и ненужный зазубрившийся топор (кирлӧ мар катӑк пуртӑ та ёмӧрте кирлӧ пулнӑ тет). Эта пословица может быть практическим, прозаическим наставлением: хороший хозяин не выбрасывает окончательно ни одной вещи, так как она может пригодиться в хозяйстве. Но та же пословица может быть индифферентным: относись ко всем хорошо, потому что нельзя прожить без людей, их помощи и содействия. Пословица является для простого человека заместителем обширного содержания, сгущенного в ней. Приведем рассказ для доказательства этого положения. Мой сверстник свил новую плеть. Ею начал бить всякого попавшегося на глаза. Таким образом подошел к младшей сестре, которая сидела за едой, и ударил ее по голове. Сестра начала плакать. Мать услышала и прибежала. Отняла плеть от сына и начала бить его самого, приговаривая: не тронь людей! не тронь! вот тебе! Поэтому-то и говорится: плеть, которая не умела бить, обернувшись задела самого. (Ҫапа пӧлмен пушӑ хӑйне ҫавӑрӑнса тивнӧ тӑҫҫӧ). «Ҫапа пӧлмен...» есть народная пословица, суммирующая весь рассказ. Таково же происхождение пословицы: утка, которая растерялась, нырнула задом (аптӑранӑ кӑвакал кутӑн ҫӑмнӑ тет) и др. Есть пословицы, которые можно рассматривать как обрывки песен, сказок, исторических сказаний и пр. Некоторые пословицы вышли из простого опущения предпосылок. Пословица: насморк и зевота ходят парой (сунаспа анас мӑшӑрлӑ ҫӑреҫҫӧ) имела следующие предпосылки: и насморк и зевота одинаково заразительны; если один зевнул, то и другой зевнет невольно. Пословица есть один из первых видов обобщения; она экономизирует силу, и в этом ее чрезвычайное значение для народного ума. «Говорящему», по замечанию Буслаева, «уже не нужно было трудиться в приискании приличного выражения для того нравственного закона, который берет он в основании при решении какого-нибудь частного случая. Стоило только вспомнить пословицу, а она сама, как общая мысль, невольно приходила на ум, вызываемая житейскими делами».

Форма пословиц обыкновенно свободная, складная, мерная, что достигается—ритмом, параллелизмом, рифмой. По словам Буслаева, как для поэта игра звуков и течение мысли совпадают в одном творческом движении души, так и пословица создавалась взаимными силами звуков и мысли».

Самым лучшим опытом схематизации пословиц считается схема английского ученого Гомма (Handbook of folklore).

Основой для нее послужила работа русского ученого Снегирева: Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. (Москва 1831—1834. 16°. Ч. 1—IV).

Снегирев, а за ним Гомм в своих исследованиях по народной пословице делят пословицы на антропологические, юридические, естественно-научные и исторические. Каждый из этих видов пословиц делится на соответствующие подвиды, напр., естественно-научный на земледельческий, астрономический, медицинский и т. п.

Чувашские пословицы могут быть также поделены на указанные виды. Они обнимают все стороны народной жизни—религию, культ, натур-философию, внешний быт, право, общественный строй, мораль, практические приемы, семейную жизнь. Здесь можно найти и календарь, и агрономические указания, и юридические формулы, и приметы.

К антропологическим пословицам следует отнести те, в которых содержатся понятия народа о языке, религии, обычаях, нравственности и т. п.

Общее значение пословиц чуваша оценивают так: ваттисем алани вырӑнлӑ—то, что сказано стариками, уместно, т. е. имеет извечное, практическое значение.

Климатические условия обитания в чувашских пословицах находят для себя соответствующие выражения. Холод и тепло имеют существенное отношение к земледелию чувашина; по различным температурам их чувашин заключает к тому или иному состоянию урожая. Сюда относятся следующие изречения: Если в новый год днем тепло, хлеб будет хорош—*ҫӗнӗ ҫул кунӗ уйар пулсан, тырӑ аван пулаҫ*. Если в новый год тепло, рожь будет хороша, если ветер, родится просо, если туманно и пасмурно—*овес—ҫӗнӗ ҫул кунӗ лай пулсан, ыраш лайӑх пулаҫ; ҫил пулсан, вир пулаҫ, тӗтрелӗ пулсан, сӗлӗ пулаҫ*. Если в крещенье очень холодно, летом, когда выйдут жать, будет очень жарко; если тепло (идет снег), то хлеб будет хороший, густой и темный.—*Крещени вӑхӑтӗнҫе пит сивӗ пулсан, ҫула та тырӑ вырма тухсан, пит шӑрӑх пулӗ; ӑшӑ пулсан (йурсан), тырӑ лайӑх тӗттӗм те ҫӑра та пулаҫ*. Если в прощальное крещенье будет тепло, хлеб будет—*аслӑ ҫӑварни кунӗ ӑшӑ пулсан, тырӑ пулаҫ*. Если на 1-й неделе великого поста будет тепло и ясная погода, все лето будет ясно, а если холодно,—*ненастье*. *Хӗрен ернӗнҫе ӑшӑ пулсан тумла йухсан, ҫӑвӗпех уйар пулаҫ, сивӗ пулсан пе пулаҫ*.

Холод зимний заставляет чувашина быть постоянно в полубубке: *хӗлле кӗрӗкпе намӑс мар—зимой не стыдно в полубубке*.

Пища, даже скромная, должна быть заработана. Сытым бывает тот, кто рано встает—*ир тӑракан тутӑ пулнӑ тет*. Есть легко, работать трудно—*ҫийесси ҫӑмӑл та, ӗҫлесси йывӑр*. Хлеб за брюхом

не ходит—хырәм хыссан сакәр суремест. Брюхо ходит за хлебом—хырәм сакәр хыссан сурет.

Голод является одним из самых могучих средств заставит человека трудиться.

Вечернее брюхо прощает, утреннее не пропускает—касхи хырәм касараф, ирхи хырәм касармасф. С голоду и хлеб вкусен, а поешь и мед горек сказали древние—высассан сакәр та тутля, тарансан пыл та тутля тенё авалхисем. Не укусишь пальца, приняв за мед—пыл тесе пурнене хыпса сатаймән. Брезгливость и взыскательность в пище вредят самому же человеку. Хорошая лошадь не избегала стога, добрый человек не боялся хлеба—ыра ут капантан хайман, ыра сын сакартан хараман (писмен), тет. Кто брезгует, тот скоблит денешко блюда (принужден бывает питаться очень плохо)—тиркекен тирек тепне хырнә, тет.

Человеку не приходится быть особенно разборчивым в пище. Многие продукты, из которых готовятся вкусные блюда, не всегда можно достать. Если бы было мясо, приготовила бы пирог, да муки нет—аш пулсан хуплу таваттам та, санәх сук. Если сварить кашу, не жалея и масла—паттана пещерсен суна та ан херхен.

Умеренность требуется не только в пище, но и в питии. Водка и пиво хороши, если употреблять их по немногу и в нужных случаях, иначе они приносят человеку ничем неустранимый вред. Хмель—невидимый враг человека—хамла етемён курәнми ташманё. Попойка оставляет умному половину ума, а полоумного совсем делает дураком—ёске аслине сурма аса хавараф, сурма аслине пётөмпех ухмаклантараф.

Языческие установления и обряды, в виду их первенствующего положения в жизни чувашина, не могли не отразиться на пословицах. Чувашин верит в духов добрых и злых, в судьбу, в йумасей, в действительность жертвы и т. п. Судьба решает все, не считаясь ни с чем. То, что определено судьбой, приходит к самому дому—пурни пурт умнех килсе тараф. Жертва, которую чувашин приносит духам добрым и злым, составляет его обязанность и вместе с тем приятную пищу. Слово человека не суп чука—сын самахё тук шурни мар. Люди, чрез которых чувашин узнает волю божества, называются йумзями. Они так же необходимы, как мельница, как кузнец. Кузнец не остается без людей, мельница не стоит без людей, йумас не живет без людей—тимерсе сынсар тамё, арман сынсар тамё, йумас сынсар тамё.

Обычай народные в пословицах нашли свое выражение. Центром внимания здесь служит семья, отношение мужа к жене, отношение родителей к детям, к родственникам, к соседям. Будущее каждой семьи находится в руках кепе, божества, распределяющего жребии. Внимание этого кепе можно привлечь к себе чрез посред-

ство старейших. Молитвенное слово старого человека доходит до кепе—ватă сын кĕл-кĕленĕ сĕмах кепене ситнĕ.

Благополучие семьи нарушается, помимо ее воли. В ней не обходится без недостатков. Дом не бывает без свечей—сурт сур-тасĕр пулмасĕ. И пальцы не равны совершенно—пурнесем те пĕр тан мар. В семье власть принадлежит мужу. Кто живет по указке жены стал козой, говорят.—Арăмĕ сĕмахĕпе сурекен каҫака пулнă тет. Устройство семьи и трудно и хлопотливо. Отыскать невесту для сына составляет очень трудную задачу родителей. Чем вешаться на сухой сучек, лучше повеситься на живой сучек.—Хăрăк турата сакăниҫсен, тĕрĕ турата сакăнас. При выборе невесты следует обращать внимание на характер ее матери. Смотри на мать и бери дочь.—Амăшне пăх та, хĕрне ил. Уходящая в замужество девица стремится взять с собой побольше добра; у семьи же ее стремление дать поменьше. От уходящей девицы прячется даже веник.—Кайан хĕртен шăпăр та тарса пытаннă тет.

Жизнь семьи прочна, если в ней царит любовь. Эта жизнь прочнее каменных стен (Тăванĕпе тăванĕ тĕрĕ пурăнни ҫул хĕмерен те тĕреклĕрех). Кто воспитывает детей не умирает с голоду, кто смотрит за лошастью, не ходит пешком.—Аҫа пăхакан выҫса вилмен, ута пăхакан суран суремен. Воспитание детей требует постоянного и неусыпного внимания. Кто надеется на детей, остается при одном глазе; кто надеется на работника, остается совершенно слепым—аҫа—пăҫана шанакан хăрах куҫлă пулнă, тет; тарса шанакан сĕм—суккăр пулнă, тет. Пока дети малы беда матери; когда выросли, помощь отцу.—Аҫа-пăҫа пĕҫĕк ҫухне амăшне инкек, пысăклансан ашшĕне пулăшу.

Не только семье, но и всем вообще не дурно бы жить в мире и согласии. Многое кончится, малого достанет; что сравнится (достанет) с жизнью вместе.—Нумай пĕтĕ, сахал пĕтĕ; пĕрле пурăннинчен мĕн ситĕ. Лучше иметь сто друзей, чем сто рублей.—Сĕр сум уксу пулиҫсен сĕр тусу пултăр. У каждого дома свой оттенок; свой круг знакомых. По семье—приходящий.—Кил-йышне кура пырап сын.

Нравственные начала, которыми должна руководиться каждая семья, каждое общество, должны быть таковы.

Важнее всего в человеке душа его. Если есть душа, воспитаем и среди камней.—ҫун пулсан ҫул хушшинҫе те усрăпăр. Совесть—основа нравственности.

Кто не стыдится, стал йумăҫю; кто не ленится, стал мастером.—Вăтанман йумăҫ пулнă тет, ҫркенмен аста пулнă тет. Глаза собаки не признают темноты—йытă куҫĕ тĕттĕме пĕлмен тет.

Человеку свойственно ошибаться. И добрый конь спотыкается и добрый человек не бывает без ошибок.—Ырă ут та такăнмасĕр пулмасĕ; ырă сын та йăнăшмасĕр пулмасĕ. Однако, человек должен

избегать зла. Не делай зла, и тебе не будет (причиняться) зло.— Усал ан ту, хăна та усад пулмĕ. Злой, своенравный человек смотрит как бык, готовый забодать.— Усал, кутăн сын, сĕкес вăкăр пек пăхаĕ. В своих действиях человек должен поступать так, как велит ему разум. Если всегда будешь жить (ходить) с умом, деревенский старик не будет бранить.— Йалан аспа суресен, йалти ватă йатла-масĕ. Не хвали самого себя: есть лучшие тебя.— Хăна ху ан мухта: санран лайăхраххи тата пур. Жалость к людям хорошее дело, но и здесь нужна осмотрительность. То, что принадлежит человеку, который жалуется, поела красная собака.— Хёрхеннине (хёрхеннĕ сыннăнне) хёрхĕ йытă синĕ, тет. На всех не угодишь. Для всех не будешь солнцем и луной.— Пуриншĕн те уйăхпа хĕвел пулаймăн. Длина века не длина веревки.— Ёмĕр тăрăшши вĕрен тăрăшши мар. Поэтому приходится всему и всегда учиться, все взвешивать, обдумывать. Кто обдумывает со всех сторон (поворачивая), тот живет и умом. Савăра-савăра шухăшлакан, пурăнма та аслă пурăнаĕ. Благополучие человека зависит от труда его. Не бойся работы, пусть она сама боится тебя.— Ёсрен ан хăра, вăл хай сантан хăратар. Чем стоять так (без дела), хоть крути полу полушубка.— Ахаĕ тăришĕн кĕрĕк аркине те пулин йăвала, теççĕ. Труд производителен, когда совершается миром. Народ плюет, делает озеро; один плюет, совсем высыхает.— Халăх сураĕ, кўлĕ тăваĕ; пĕр сын сураĕ, типсех пыраĕ. Воробей не умирает (с голода) в деревне.— Йалта сĕрси вил-мест. Если жить в обществе выгодно, то обязанность каждого поставить себя в определенные рамки. Бог дал человеку 2 уха и 1 язык, чтобы говорить поменьше, слушать побольше.— Турă панă икĕ хăлха та пĕр вĕлхе, сахалтарах калаçма, нумайтарах итлемешкĕн. Не верь слову человека, если не видел собственными глазами.— Сын сăмахне ан ёнен ху куçупа курмасан. Лошадь отвяжется, поймается; слово отвяжется не поймается.— Ут вĕсĕренет тыттарай; сăмах вĕсĕренет; тыттармасĕ. Прежде чем молвить слово, обдумай 3 раза.— Пĕр сăмах калаçаçĕн, виçĕ хут шухăшласа ил. Не видал, не знал—одно слово, видел, знал—1000 слов.— Курман илтмен пĕр сăмах; куртăн илтрĕн пин сăмах.

Пословицы юридического характера возвращаются, главным образом, около деревни и ее руководителей. Власть в деревне принадлежит старикам. Приговоры их обязательны для всех. Не полагается стоять против решения старцев, потому что оно выносится справедливо и по достаточном обсуждении. Не противоречь, когда говорят старики; слушай их молча.— Ваттисем калаçнă çух, вĕсен сăмахне ан пўл, пĕр вĕнмесĕр итлесе тăр.

Суд дело хорошее, но лучше обходиться без суда. Человек больше выиграет, если не будет судиться даже в том случае, когда ему проломают голову или сломают руку. Если раскололась голова,

то пусть будет в шапке; если сломалась рука, пусть будет в рукавицах.—Пуç суралсан сёлёк ашёнте пултър, алă хуçалсан алса ашёнте пултър. Чем видеть глаза суда, смотри на его зад.—Сутăн куçне куриçен кутне кур. Куда наклонно, туда течет вода.—Шыв асталла тайлак, саванталла йухаф. Решение суда наклоняется то в ту, то в другую сторону. Судебное дело подобно воде в корытце. Сут ёсё такана синзи шыв пек. Рука белеет, если мыть одну о другую.—Алă хире-хирёс çусан шуралаф.

Среди пословиц *естественно-научного* характера первое место занимают земледельческие. Наша кормилица, говорит чувашин, соха; она всем помогает, трудится без смены; для всех работник на веки.—Пире тăрантакан суха пуç, пурне те пулашакан, пёр улашанмасар тăрашакан, ёмёр ёмёрех пурне те тарçа. Ячмень в шесть—десять дней садится за стол.—Урпа утмал кунта кёрекене лараф, теçсё. Уборка хлеба хорошо идет, когда она совершается артелями.—Прекрасно молотить хлеб двенадцати, одному хорошо есть петуха.—Вуниккён ыраш çапма аван, пёçен алтан сине аван, теçсё.

Чувашские наблюдения над природой послужили предметом специальной работы А. В. Смоленского под заглавием: Чувашские приметы о погоде и влияние ее на сельское хозяйство (Изв. О. Арх. Ист. Этн. т. XIII, в. 3, стр. 147—221). Здесь приведено 468 народных изречений о погоде. „Любопытно, что чувашские приметы не имеют склонности к образности и складности речи. Не то русские и французские. Напр., у русских: пришли Евдокеи—мужику затеи (1 марта). Трещит Варюха—береги нос да ухо (4 дек.)“ (А. В. Смоленский). У чуваш: ветер в Симеонов день—к неурожаю. Симеонов день теплый, вся осень теплая (Смол. 319). Если в зимнюю Николу снег, в вешнего дождь (Смол. 324).

К *историко-этнографическим* пословицам могут быть отнесены следующие.

Лживого как мишарь, дурного как русский, смиренного как чувашин, нет и человека.—Мишер пек суйёсси, ырас пек усалли, фаваш пек йавашши сын та çук. После мишаря велено садиться поскобливши скамейку.—Мишер сакки сине саваласа ларма хушнă. Татарина и мишаря не вводи даже в дом.—Тутарпа мишере суртна та ан кўрт. Когда есть, по—башкирски; когда нет, по—калмыцки.—Пур фухне пушкăртла, çук фухне калмакла. Мишарь, насмехаясь над чувашинном, говорит: чувашин, пропадая без дела, начинает ломать крышу.—Мишер фавашран кулса: фаваш ёсёр аптарасан, хуралта пасма тытанаф, тет. Тому, кто при входе настежь отворяет двери, говорят: отворяешь иходишь как русский.—Алка пит тари уса кёрекене: ырас пек уса кёретён! теçсё. Что скажешь про время Ивана.—Иван фухнехи пуранăса мён калан. Как в этих изречениях, так и во многих других, подобных им, надо видеть от-

голоски исторических переживаний народа. Тягостное для русских татарское иго закончилось для них в 15 веке, но чуваш, жившие по соседству с татарами, терпели не мало бедствий и в последующие века. Злоупотребления среди чуваш русского служилого элемента и простонародья начались с 16 в. и не прекращались и в следующие века. Другие народности, напр., башкиры и калмыки относились к чувашам, сравнительно с прочими, лучше, почему и тон самых пословиц здесь более ровный и спокойный, чем относительно татар и русских. Если совместная жизнь с татарами давала чувашам одни только огорчения, то в совместной жизни с русскими народная память указывает на время Иоанна Грозного, как золотую эпоху: были привеллегии податные; получено было немало земли, леса и рыбных озер

З а г а д к и.

Загадки, как и другие виды народного творчества, имеют разные оттенки. В древнейших загадках отражается первобытная мифическая символизация; поэтический образ служил здесь отчасти для описания, отчасти для объяснения явлений природы и окружающей обстановки.

Небесные явления поражают ум первобытного чувашина. Он старается их объяснить путем сопоставления с теми явлениями, которые ему известны. Для мысли, привыкшей работать наглядно, образно, все явления представлялись результатом действия живых существ.

Исчезновение луны чувашская загадка изображает так. Стоит дуб без корней и сучьев; на вершине дуба сидит птица; к птице подходит старик, тянет и спускает без рук, закаляет без ножа, варит без жару, ест без зубов.—Тымарсър туратсър йуман тӑраӑ; йуман тӑрринӑе кайӑк патне старик пыраӑ, туртаӑ, антараӑ алӑсър, пусаӑ сӗсӗсър, пӗсӗрет кӑварсър, сийет шӑлсър (уйӑх пӗтни).

Другая чувашская загадка изображает луну в человеческом образе вожатого: за одним человеком идет тысяча человек.—Пӗр сын хысӗнӑе пин сын пыраӑ.

Рассвет представляется делом каких-то существ, живущих вдали, за железными дверями. Не откроются железные двери, если не придет бумага из Казани.—Хусантан хут килмесър тимӗр алӑк усӑлмӗ.

О происхождении росы загадка говорит следующее: когда бежал серебряное кольцо выпало, его увидела луна и взяло солнце.—Тупса тупса пынӑ тухне кемӗл сӗрӗ тухрӗ-ӱкрӗ; ӑна уйӑх куртӗ те хӗвел илтӗ (сывлӑм). Мороз возникает не иначе, как вследствие работы особого существа. Без рук без ног, вышивает узоры (зимний холод).--Алӑсър урасър тӗрӗ тӗрлет (хӗл сивви).

Многие явления в жизни человека зависят от колдуньи, которая может оборачиваться в свинью, лошадь, в овцу и т. п. Ее присутствие не желательно. Уходи, уходи, колдунья, на двор; входи уничтожительница внутрь (опахивание пыли)—Тух, тух, тухатмаш, тулалла; кёр пётермёш шалалла (супё шални).

В старину загадкам приписывалось особое таинственное значение. По верованию народа, у того, кто отгадывал, должны были исполниться его желания; он был гарантирован от опасности. В настоящее время такого значения загадка не имеет; народ смотрит на загадку как на простое упражнение ума. Загадка становится вопросом по разным отраслям знания; причем сохраняется прежняя иносказательная, аллегорическая форма, остается прежний образный язык.

Загадка является своего рода архивом или музеем исторических древностей народа. Древняя культура и постепенный рост ее находят в загадке некоторое отражение. Были времена, когда жилища чувашина были без дверей и окон (пещеры). На месте без дверей и окон живет семьдесят (огуречное семя).—Алакёр тўресёр сёрте ситмёлён пурнассё (хайар вйри). Одним из древнейших видов построек была лачуга. Это простое бревенчатое, в большинстве случаев, досчаное строение, без окон с дверью и иногда с отверстием наверху для дыма. Для безопасности такое жилище ставилось в местах, укрепленных самой природой.

На краю крепости стоит белая лачуга (ухо).—Сарт хёрринтешуря лаф лараф (халха). Двое братьев живут всего чрез крепость, однако друг друга не видят (глаза).—Икё таван сарт урля антах пурнассё, сапах пёр пёрне кураймассё (куссем). В местах древнего обитания чуваш были и слоны. Две пигалицы играют игру, слон-зверь пьет воду (лошадь пьет воду).—Икё текерле вййя вылаф, йслан кайак шыв ёсет (лаша шыв ёсни). В лесных пространствах чувашин занимался охотой. В темном лесу поймаю и принесу желтого цыпленка (посконь).—Сём вйрмантан саря тўпё тытса тухап (пуса). Огонь в жилище поддерживался таким образом. Красные горящие уголья в горне закрывались золой и сохранялись до следующей топки. Огонь имел мистическое значение; он старательно поддерживался семьей. Семья и огонь в загадке связаны как собственно загадка и ответ на нее. К старшему брату направляется свадьба, у младшего брата проведет ночь (сохранение в горне после топки горячих красных углей).—Питўёш патне туй ўкё, шалнё патёнтеш сёр касё (Вутя хутсан вузахра кавар сёр касни). Самому браку и обрядности его в загадке уделяется значительное место. Под одним покрывалом четыре девушки плачут (стол). Пёр пёркентёк айёнтеш тават хёр йёрет (сетел).

В русский период своей истории чувашаи подверглись новым влияниям. Поля стали делиться по новому. Между ними стала проводиться межа. В поле лежит длинный русский (межа загона).— Уйра вярәм вырӑс ыртаӑ (ана йӑранӑ). Вошли в обращение деньги. Низенький казак рубит деревню (деньги).— Лутра касак йал касаӑ (укҫа). Стали регулярно собираться подати. Большой дьяк тратит, малый дьяк собирает (ножницы и игла).— Пысӑк тийек салатаӑ, пӗҫӗк тийек пуҫтараӑ (хаҫпа йӑп).

Вводится христианство и становится обязательным крещение младенцев. Два раза родится не крестился, кричит и устрашает диавола (петух).— Икӗ хут ҫуралаӑ, тӑне кӑмен, кӑшкӑраӑ те усала хӑратаӑ (алтан). Все общественные дела решает мирской сход. Колеблется березовая трость, собирается черный люд (метение пола).— Хураӑн хули хумханаӑ, хура халӑх пуҫтарӑнаӑ (урай шӑлни). Устанавливается особый суд. Около старшего судьи младший судья?— (горн). Аслӑ тӑре умӑнҫе кӑҫӑн тӑре? (вуҫах). Жилище чувашина освещалось лучинкой на особой подставке. Сорока летит, кал сорится (горение лучины).— ҫакак вӑҫсе пыраӑ, пӑхӑ тӑканса пыраӑ (хӑйӑ ҫунни).

Для приготовления пищи над горном висит котел. Черная собака висит, красная собака лает (висение котла в горне, на огне).— Хура йытти ҫаканса тӑраӑ, хӑрлӑ йытти вӑрсе тӑраӑ (вуҫахра, вут ҫинҫе хуран ҫаканса тӑни).

Наблюдения чувашина над явлениями природы имели своим результатом сотни загадок. Приводим некоторые из них. Не гниет в земле, не тонет в воде (уголь).— ҫӑрте ҫӑрмест, шывра путмасӑ (кӑмрӑк). В воде не утонет, в огне не сгорит (тень).— Шывра путмӑ, вутра ҫунмӑ (ӑмӑлке). Опустил в воду, не потонуло (не топленое масло).— Шевиккӑн шенкерти, шыва йатӑм путмарӑ (услам ҫу). И зимой и летом один вид (ель).— Хӑле те, ҫула та пӑр тӑс (ҫӑрӑш). Душа есть, крови нет (таракан).— ҫунӑ пур та йунӑ ҫук (таракан). Есть кровь, нет души (рябина).— Йунӑ пур та ҫунӑ ҫук (палан). Без рук, без ног, прокладывает мост (мороз).— Алӑсӑр урасӑр кӑпер хываӑ (сивӑ). Без рук, без ног долбит большой ковш (капля).— Алӑсӑр урасӑр алтӑр ҫакалаӑ (тумла).

Год в загадке изображается так. 12 орлов, 52 галки, 365 скворцов снесли 1 яйцо.— Вуникӑ ӑмӑрт кайӑк, алӑ икӑ ҫавка, виҫӑр утмӑл пилӑк шӑнкӑрҫӑ пӑр ҫӑмарта тунӑ (ҫулталӑк).

Как видно из предидущих примеров на чув. яз., по своей форме загадки примыкают к пословицам: та же мерная речь, то же частое употребление рифмы и созвучия слов. Иногда только вопросительная форма делает из пословицы, присловья или поговорки загадку.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (с 1920 г.).

Председатель проф. Бруно Федорович Адлер (Ново-Горшечная ул., д. Кривоносова).

Товарищ председателя проф. Митрофан Васильевич Бречкевич, (Попова гора, д. Чиркиной).

Члены Совета: 1) проф. Николай Федорович Катанов (переулок 3-й гимназии, д. Гурячкова), 2) проф. Константин Васильевич Харлампович (Поперечно-Горшечная ул., д. Знаменской), 3) проф. Алексей Максимович Миронов, 4) проф. Валентин Тихонович Дитякин, 5) проф. Сергей Евѳимиевич Малов (2 Академич., собств. дом), 6) Петр Максимилианович Дульский (Н. Федоров., д. 65), 7) Борис Николаевич Вишневский (Б.-Прол. „Бристоль“ № 26), 8) проф. Аркадий Иванович Емельянов, 9) Мих. Георг. Худяков (Б. Казан. ул.).

Библиотекарь Борис Всеволодович Миллер.

Казначей Яков Александрович Соколов.

Секретарь и редактор „Известий“ Николай Васильевич Никольский (Б.-Проломная ул., д. Кузнецова).

Содержание книжек „Известий Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете“ составляют:

1) Оригинальные и переводные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии;

2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней Азии и Сибири);

3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: мелкие оригинальные сообщения, акты, произведения народного творчества, словари инородческих языков и местных русских говоров, извлечения из периодических изданий Восточной России;

4) Хроника. Известия о музеях Восточной России, о находках, раскопках, об экспедициях археологических, археографических, антропологических и этнографических, о прочитанных в заседаниях русских ученых обществ рефератах, имеющих отношение к Восточной России;

5) Программы по специальным вопросам археологии, истории и этнографии Восточной России: отдельные вопросы редакции;

6) Библиография: обзор книг и статей местных, общерусских и иностранных периодических изданий, имеющих отношение к археологии, истории и этнографии Восточной России.

В „Известиях“ принимают участие: Б. Ф. Адлер, Н. И. Ашмарин, М. В. Бречкевич, Н. А. Бобровников, В. М. Васильев, Н. Ф. Высоцкий, Н. П. Грацианский, П. М. Дульский, А. И. Емельянов, Н. Ф. Катанов, Б. Н. Вишневский, С. Е. Малов, И. С. Михеев, А. Г. Муравьев, Н. В. Никольский, В. И. Огородников, Н. М. Петровский, И. М. Покровский, С. И. Порфирьев, В. Ф. Смолин, А. М. Селищев, И. А. Стратонов, К. В. Харламович, М. Г. Худяков, С. П. Шестаков и друг.

Статьи, присланные для помещения в „Известиях“, подлежат в случае надобности изменениям и сокращениям.

Действительные члены Общества, внесшие членский взнос в размере 25 р., и лица, помещающие свои статьи в каждом выпуске, получают издание бесплатно.

Денежные суммы и статьи адресуются:

В г. Казань, Университет, Обществу Археологии, Истории и Этнографии.

Редактор Н. Николаевский.

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете.

Том ХХХІ.

Выпуск 2-3.

С о д е р ж а н и е:

Б. Ө. Адлер. Некролог М. М. Хвостова. . . . Стр. 87—89

Н. В. Никольский. Новые книги по краеведению. Стр. 90

Н. П. Грацианский. Памяти М. М. Хвостова. . Стр. 91—104

Ю. А. Иванов. Список печатных трудов проф. М. М. Хвостова. . . . Стр. 105—114

Н. А. Васильев. Вопрос о падении Западной Римской Им-

перии и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества Стр. 115—248.

Хроника . . Стр. 249—250.

Б. Н. Скворцов. Н. М. Петровский в роли председателя Пушкинского Общества. . . . Стр. 250—254.

КАЗАНЬ.

1-я Государственная Типография.

1921.

Извлечение из устава

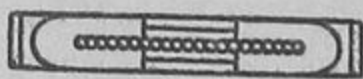
Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете.

§ 1. Общество Археологии, Истории и Этнографии, состоящее при Казанском Университете, имеет целью изучение вопросов археологии, истории и этнографии вообще, главным же образом изучение прошедшего и настоящего русского населения в пределах русского государства и инородческого—в территории бывших Болгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с прилегающими к ним местностями, а также Сибири и Средней Азии; а равно имеет целью распространение в русском обществе сведений по предметам изысканий Общества.

§ 2. С сею целью Общество отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения и материалы археологические, исторические и этнографические, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки.

§ 3. Общество входит в сношения с возможно большим числом лиц, от коих может ожидать нужных ему сведений и содействия.

§ 4. Общество само производит ученые исследования для собрания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экспедиции и выставки.

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

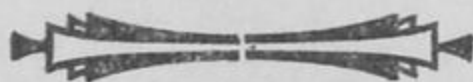
Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете.

ТОМ XXXI.

ВЫПУСК 2—3.

С о д е р ж а н и е:

Б. Ө. Адлер. Некролог М. М. Хвостова. Стр. 87—89.

Н. В. Никольский. Новые книги по краеведению. Стр. 20.

Н. П. Грацианский. Памяти М. М. Хвостова Стр. 91—104.

Ю. А. Иванов. Список печатных трудов проф. М. М. Хвостова. Стр. 105—114

Н. А. Васильев. Вопрос о падении Западной Римской Империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества. Стр. 115—248.

Хроника. Стр. 249—250.

Б. Н. Сиворцов. Н. М. Петровский в роли председателя Пушкинского Общества. Стр. 250—254.

КАЗАНЬ.

1-я Государственная Типография.

1921.

1951

1957

1962 г.

195 г.

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

Печатано по определению Совета Общества Археологии
Истории и Этнографии при Казанском Университете.

Редактор *Н. Никольский.*

Июнь 1921 г.

В. В. Барановский. Казанские монеты...	1-10
В. В. Барановский. Казанские монеты...	11-20
В. В. Барановский. Казанские монеты...	21-30
В. В. Барановский. Казанские монеты...	31-40
В. В. Барановский. Казанские монеты...	41-50
В. В. Барановский. Казанские монеты...	51-60
В. В. Барановский. Казанские монеты...	61-70
В. В. Барановский. Казанские монеты...	71-80
В. В. Барановский. Казанские монеты...	81-90
В. В. Барановский. Казанские монеты...	91-100

19457

БИБЛИОТЕКА
НИИ Ист.-та Казанской
и Музейной работы

575/2.

Некролог ¹⁾ М. М. Хвостова († 11 февраля 1920 г.)

Сегодняшнее наше заседание нам приходится начать с печальной вести, которую телеграф принес нам из Сибири. На имя Ректора Университета от проф. Будде (сына) получена телеграмма след. содержания: проф. Хвостов скончался от сыпного тифа в клинике, в ночь с 11-го на 12-е сего февраля.

Еще раньше была получена частная телеграмма, говорящая о похоронах проф. Хвостова, но никто не хотел этому верить: так трудно было представить эту живую и сильную фигуру в гробу. Теперь сомнений нет: нашего бывшего председателя Общества не стало.

Я надеюсь, мы соберемся еще раз в кругу Общества и посвятим специальное заседание памяти покойного; сейчас я только хочу в самых кратких чертах обрисовать фигуру этого во всяком случае крупного человека.

М. М. Хвостов родился в Керчи 14 октября 1872 года, воспитание получил в Керченской гимназии, а с 1891 г. был студентом Историко-филологического Факультета Московского Университета. Здесь он работал под руководством Виноградова, Герье, Милюкова и Ключевского. В 1895 г. он кончил Университет и был оставлен при кафедре всеобщей истории. В 1899 г.—1900 г. сдал магистерский экзамен, а в октябре 1900 г. был утвержден в звании приват-доцента по всеобщей истории в Московском Университете. С 1895—1900 г.г. он был преподавателем истории в Константиновском Межевом Институте в Москве. В 1900 г. он был перемещен приват-доцентом в Казанский Университет. С весеннего семестра 1901 г. он читал курс по истории Греции и по некоторым отделам новой истории. Лето 1901 г. он работал в Вене и работал в Университ. библиотеке и в археол. истор. семинарии Венс. ун. 1903—1904 г. он провел также за границей, где работал в Бодлеяновской библиотеке Оксфордского Университета и в британском музее, а также в Берлинской королевской библиотеке. За границу М. М. ездил не раз, здесь он особенно—основательно познакомился с постановкой семинарских занятий в Германских Университетах,

¹⁾ Читан 29 февраля 1920 г. на общем собрании Общества Археологии, Ист. и Этнографии.

при чем эту систему проводил и у себя в Казани. В 1907 г. он защитил в Петербургском Университете магистерскую диссертацию: История восточной торговли греко-римского Египта и в том же году назначен профессором Казанского Университета. В 1914 г. он защитил и свою докторскую диссертацию в том же Петербургском Университете под названием: Очерки организации промышленности и торговли в греко римском Египте. В этой работе М. М. впервые привлек к обработке обширный папирологический материал, раскрытый в последнее время западными учеными. Большинство остальных работ в области истории касались также преимущественно специально экономических вопросов всеобщей истории. Эту сторону как ученого историка осветят в предполагаемом заседании ближайшие ученики покойного, тем не менее и нам, не специалисту историку, ясно, что пред нами крупный историк,

Однако не только как историк работал Хвостов в нашей университетской семье. Он был, несомненно одним из наиболее выдающихся педагогов нашей *almae matris*. Его семинарий в Университете с солидно поставленными рефератами, педагогическое, историческое, студенческое общество, объединившее студентов и приват-доцентов историков, работа в Университете, в Педагогическом Обществе, где он был и как товарищ председателя и как член и докладчик. Его трудами поднята на значительную высоту библиотека при кафедре, которую он унаследовал после трагически погибшего проф. Пискорского. Школа Хвостова значительна. Грацианский, Сингалевич, Муравьев, Смолин все лица, прошедшие эту школу, известную и за пределами нашего города.—Однако не только в Университете он старался изучить и расширить свою научно-педагогическую работу. Его трудам в значительной мере обязана Казань созданием Выс. Жен. Курсов, директором которых он был с 1917 года.

Над разработкой истории и сопредельных с нею наук он работал не только в учебных заведениях Казани, наше Общество может служить в значительной мере доказательством этого. Так он был пожизненным членом его, а в 1913 г. и его Председателем. Здесь он проявил очень значительную энергию. Его стараниями был задуман при Обществе съезд историков, разрешенный в 1919 г. (но не состоявшийся из за событий), его стараниями было внесено большое оживление в дело научных раскопок в Болгарах. Его же энергии в значительной мере следует приписать, что наше Общество работало среди других Казанских научных ассоциаций наиболее энергично и продуктивно. Частые заседания при переполненных аудиториях, непрерывная издательская деятельность, характеризующий этот период работы Хвостова в нашей среде.

Переработка и расширение программы нашего Общества, усиление денежных средств, привлечение новых сил и работников постоянно занимали покойного. Общество должно по этому с особенной благодарностью относиться к его полезной деятельности для нашего дела.

Я здесь не касаюсь М. М. как общественного деятеля. С этой деятельностью я мало знаком. Был он 2 раза выборщиком на выборах член. Государств. Совета от Университета, был членом Городской Думы в последнее время, как предстаритель Выс. Учеб. Заведений Казани и перед самым отъездом из Казани был избран представителем Университета на Съезд в Самару. Оттуда больше уже не вернулся. О его жизни и деятельности в Сибири мы абсолютно ничего не знали. Были слухи, что он в Токио, в Англии, в Нью Йорке...

Теперь мы знаем, что он там, откуда нет возврата.....

Участники и товарищи М. М., несомненно, отметят его заслуги перед наукой, педагогикой и Обществом, сейчас же мы, собравшись на это очередное заседание, услышав об его безвременной кончине, почтим его память вставанием, помня все хорошее, что он сделал для Общества.

Б. Адлер.

Новые книги по краеведению.

Проф. Н. Н. Ойрсов. Чтения по истории среднего и нижнего Поволжья. Выпуск 1-й. Казань. 1919. 8°. 60 стр.

Он же. Чтения по истории среднего и нижнего Поволжья. Выпуск 2-й. К. 1920. 8°. 61—159 стр.

Проф. Н. О. Катанов. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань. 1920. 16°. 17 стр.

Тезисы к программе по родоноведению. К. 1919. 8°. 4 стр.

Н. В. Никольский. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань. 1920. 8°. 480 стр.

Он же. История мари (черемис). К. 1920. 8°. 180 стр.

Он же. Краткий чувашско - русский словарь. К. 1919. 16°. 336 стр.

Он же. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. К. 1920. 8°. 72 стр.

Он же. Конспект по истории народностей Поволжья. К. 1919. 8°. 88 стр.

Он же. Краткий конспект по этнографии чуваш. К. 1919. 8°. 106 стр.

Он же. Конспект по грамматике чувашского языка. К. 1919. 8°. 16 стр.

Я. В. Прохоров. Татарские песни. Гармонизации. № 1. Кара-Сырнен. № 2. Алла-гу, аллагу. № 3. Сары-сары сапсары. № 4. Кояш-Кына Чыгар-ай. № 5. Сахраларга мячет. № 6. Атенайнен-садында-май. № 7. Асыл-кошлар. К. 1920. Формат писчего листа, от 4 до 8 стр.

В. М. Васильев. Марийские песни. К. 1920. 8°. 180 стр.

Памяти М. М. Хвостова.¹⁾

Три года тому назад мы выступали совместно с М. М. Хвостовым в соединенном заседании Археологического и Юридического Об-в. с речами, посвященными памяти покойного М. М. Ковалевского. Думал ли ктонибудь тогда, что в скором времени придется произносить речи по поводу кончины самого М. М.? Необычайно трудно примириться с мыслью о совершившемся. Необычайно тяжело расстаться с мечтой о том, что М. М. снова появится среди нас—энергичный, своеобразно серьезный и вдумчивый, доброжелательный к нам, насквозь пропитанный тем, что мы считаем чистым академизмом. Много погибло и гибнет выдающихся людей в настоящее тяжелое время. Много свежих могил насыпано над русскими профессорами: одни погибли насильственной смертью, других погубила окружающая обстановка. Погубила она и М. М., которому мы от всего сердца желали бы жить еще многие и многие годы. Еще недавно были получены от него письма, с извещением о его намерении скоро приехать в Казань. Мы его с нетерпением ожидали сюда. Мы о нем соскучились. Он так тесно сросся с жизнью нашего Университета, что нам нехватало его буквально на каждом шагу. И вот теперь оказывается, что он никогда уже не приедет. Смерть многих людей для нас означает тяжелую потерю. Смерть М. М. Хвостова для нас означает большее. Это—потеря незаменимая; это—роковой удар для нас, группирующихся под сенью Казанского историко-филологического факультета и прикосновенных к нему ученых Об-в Казани. Совершившееся, однако, неизменно, нам остается с ним примириться. Отдадим же наш последний долг покойному напоминанием о том, что сделал он для науки, для русской культуры, для нас—его учеников, друзей и почитателей.

М. М. Хвостов—питомец историко-филологического факультета Московского Университета. В 1891 году, девятнадцати лет от роду, он студентом вступил в его стены, и оставил их в 1900 году уже приват-доцентом. Здесь исторические штудии М. М. проходили под

¹⁾ Речь, произнесенная в заседании Общества 5 апреля 1920 года.

руководством всем известных профессоров—Виноградова, Ключевского, Герье и Милюкова, в особенности первого. Семинарии проф. П. Г. Виноградова по древней истории ближайшим образом определили и „школу“ М. М., и его дальнейшие научные интересы. По представлению П. Г. Виноградова М. М. был оставлен в 1895 г. при Университете для приготовления к профессоруре, под его же ближайшим руководством готовился к магистерскому экзамену. Год удаления П. Г. Виноградова из Московского Университета был годом ухода из Москвы и М. М. Хвостова. По выдержании в 1900 г. магистерского экзамена и по получении звания приват-доцента Московского Университета, М. М. в конце того же 1900 г. перешел в наш Казанский Университет, где и преподавал по различным отделам всеобщей истории сначала в качестве приват-доцента, а потом, по защите магистерской и докторской диссертаций, экстраординарного и ординарного профессора. Одновременно М. М. состоял профессором Высш. Женск. Истор.-филологических Курсов с самого их основания.

Еще в годы своего оставления при Университете М. М. успел побывать за границей (в Германии), и начал свою литературно-научную деятельность. Уже в начале 1896 г. он выступил в заседании Моск. Истор. Об-ва с рефератом, напечатанным позднее в „Изданиях Об-ва“ (1898 г., т. II) и посвященным „новым работам русских исследователей о землевладении и земледельческом классе во Франции перед революцией“. М. М. Хвостов откликнулся здесь на ту интенсивную работу русских исследователей по социально-экономической истории Франции старого порядка, которая отразилась главным образом в трудах профессоров Ковалевского, Кареева и Лучицкого и которая создала громкую известность представителям русской науки за границей. В частности, как раз в это время происходила известная полемика между М. М. Ковалевским и И. В. Лучицким по вопросу о размерах и о характере крестьянской земельной собственности во Франции перед Революцией. Молодой ученый принял очень удачное участие в этой полемике: детально разобравши первый том „Происхождения современной демократии“ М. М. Ковалевского и оценивши по достоинству новую и широкую постановку проблемы о социальном строе старого порядка, данную автором, М. М. Хвостов решительно стал на сторону И. В. Лучицкого по вопросу о методе исследования и о характере исторического материала, который надлежит привлекать для правильного и окончательного суждения о распространении мелкой крестьянской собственности перед Революцией. Таким методом должен быть метод историко-статистический, материалом же не указы (cahiers), носящие в себе слишком много субъективного элемента, а официальные податные списки, во множестве разысканные И. В. Лучиц-

ним в провинциальных архивах Франции. Талантливая статья М. М. Хвостова не прошла незамеченной: между прочим, с нею считался в своих дальнейших работах и М. М. Ковалевский.

М. М. никогда не переставал живо интересоваться историей Франции старого порядка, и, между прочим, из его последних писем мы знаем, что он много работал по этому вопросу перед смертью, в Сибири, изучая соответствующие исторические материалы, имеющиеся в Строгоновской библиотеке. Но все же не к явлениям новой и новейшей истории тяготели главные интересы М. М., как исследователя. С самого начала своей ученой деятельности он избрал предметом своих специальных занятий социально-экономические отношения древности. Изучение экономической эволюции древних обществ М. М. считал особенно важным для историка-социолога, „стремящегося сделать общие выводы относительно законов общественного развития“¹⁾. С одной стороны, говорит он, древность дает большой фактический материал для сравнения и обобщения, с другой стороны, древние общества развивались сравнительно изолированно, и во многих случаях являются обществами с законченным прошлым, вследствие чего здесь легче подметить основные факторы, управляющие исторической эволюцией. Первые специальные исследования М. М. Хвостова из области древней истории посвящены отдаленному прошлому Греции—Аттики и Спарты. Это „Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения“ (Филолог. Обозр., XIII, 1897) и „Хозяйственный переворот в древней Спарте“ (Учен. Зап. Каз. Ун-та, 1901 г., ноябрь). Первая из названных работ прекрасно выясняет характер и значение в истории аттического землевладения одного из крупнейших социальных мероприятий VI в. до Р. Х.—сисахтии Солона. Суть сисахтии в освобождении кабального аттического крестьянства и возвращении заложенных за долги земель их собственникам. Это мероприятие, говорит автор, разорило многих из эвпатридов, лишивши их отданных займы сумм, не удовлетворило низшие классы, стремившиеся к более коренной социальной реформе—разделу земель, не устранило основных причин экономического упадка аттического крестьянства, так как не давало ему возможности легкого и дешевого получения кредита, и в конце концов послужило на пользу главным образом торгово-промышленному классу—ядру так наз. паралии, к которой вместе с экономическим преобладанием в скором времени перешла первенствующая роль и в делах политических. Вторая работа направлена против ходячего мнения о неподвижности хозяйственного строя древне-спартанского общества. Подчеркнувши уже отмечен-

¹⁾ См. ст. „Изучение экономич. быта древности“—Журн. Мин. Нар. Пр. 1900, VI, стр. 281.

ный другими исследователями аграрный переворот VI—V в.в., выразившийся в разложении системы клеров, исчезновении старого земельного равенства спартиатов и концентрации земельной собственности в руках немногих лиц, автор доказывает с документами в руках, что хозяйственный кризис спартанского общества данной эпохи этими явлениями не ограничился. Он пошел гораздо дальше простых изменений в области аграрных отношений, вызвал развитие денежного хозяйства, промышленности и торговли, иную организацию труда и иную социальную группировку населения Лаконии.

Ранние специальные исследования М. М. Хвостова по истории Греции шли рука об руку с разработкою более общих вопросов по древней истории. Так, в 1903 г. на страницах *Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte* (В. I, Н. 2, 1903) появился небольшой немецкий реферат М. М., подводящий итоги новым русским исследованиям (Ростовцева, Гревса, Бузескула, самого автора) по вопросам социально-экономического быта древности, а еще ранее — в 1900 г. в *Журн. Мин. Нар. Пр.* (июнь, стр. 281 сл.) была напечатана его статья „Изучение экономического быта древности“. Статья посвящена двум ученым полемикам — Бюхера с Мейером относительно характера той стадии хозяйственного быта, на которой стояли древния общества, и Белоха с Зеком по вопросу об изысканиях по статистике народонаселения в области древней истории. Ставши в общем на сторону Мейера и Белоха, автор отдает должное и их научным противникам и по обоим вопросам высказывается очень осторожно, указывая на преждевременность категорического их решения в ту или иную сторону и на необходимость новых изысканий при помощи строго продуманного метода.

С течением времени центр тяжести ученых изысканий М. М. Хвостова все более и более перемещался в область работ по хозяйственной истории эллинистического и римского Египта. Известно, что 90-е годы минувшего столетия ознаменовались поразительными открытиями в области папирологии. Когда в Египте стали производить правильные раскопки, с целью извлечения на свет Божий тысячелетиями скрытых от человеческих взоров папирусов, тогда кучи мусора на местах древних храмов и поселений, гробницы и картонажи мумий стали доставлять необозримые массы папирологических текстов. Не только были сделаны удивительные открытия классических текстов, вроде „Афинской политики“ Аристотеля; греческие папирусы дали неоценимый материал буквально для всех дисциплин, посвященных изучению древности. В частности, для историка-экономиста открылись широкие и заманчивые перспективы: свежий папирологический материал, часто официального характера, озарял ярким светом целый ряд вопросов, казавшихся до той

поры неразрешимыми. Естественно, что М. М. Хвостов, горячо интересовавшийся хозяйственной жизнью древнего мира, именно на этот свежий материал и обратил свое преимущественное внимание. В результате не только наша русская, но и мировая наука обогатились рядом ценных исследований.

Уже в первую свою научную командировку за границу летом 1901 г. М. М. Хвостов интересуется почти исключительно папирусами. Именно для работ над папирусами он основывается в Вене, в виду существования здесь богатого собрания папирусов эрцгерцога Райнера, работает в тамошних Придворной и Университетской библиотеках и занимается в археолого-эпиграфическом семинарии проф. Бормана. В отчете об этой командировке (напеч. в Учен. Зап. Каз. Ун-та, март 1902 г.) М. М. дает краткую сводку того, что им было сделано над папирусами. Работа, за краткостью времени, была предварительного, ориентировочного характера. Она состояла в детальном ознакомлении со всеми вышедшими до того времени изданиями папирусов (Магаффи, Гренфеля и Магафи, Кениона, Гренфеля, Гренфеля и Хента), в изучении важнейших из них, в ознакомлении с соответствующей литературой и справочниками. Менее, чем через год М. М. снова получает командировку за границу, на этот раз уже на более продолжительное время—с апреля 1902 г. по сентябрь 1903 г. Три месяца он работает в Бодлеянской библиотеке Оксфордского Университета, 8 мес. в Лондонском Британском Музее, остальное время, насчитая кратковременного пребывания в Париже, в Берлинской Королевской библиотеке. По возвращении в Казань М. М. печатает, в виде отчета о командировке, краткую статью „Обзор публикаций греческих папирусов“ (Учен. Зап. Каз. Ун-та, апрель 1904 г.) и другую, более обширную статью „Новые документы по социально экономической истории эллинистического периода“ (Журн. Мин. Нар. Пр., сент. 1904 г.), обрабатывая в то же время вывезенные из заграницы материалы для будущей магистерской диссертации. В 1907 г. была окончена печатанием и эта диссертация, которую автор успешно защитил на диспуте в Петроградском Университете. Диссертация является только первой частью широко задуманных автором „Исследований по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской империи“ и излагает „историю восточной торговли греко-римского Египта“. Коренной вопрос, вокруг которого вращаются в данном случае изыскания автора, это вопрос о развитии и роли капитализма в древности, вопрос, столь остро поставленный в полемике Бюхера с Мейером и с тех пор неизменно привлекавший и привлекающий к себе огромный интерес представителей исторических и экономических знаний. Автор считает необходимым подходить к освещению этого вопроса не путем теоретических

рассуждений общего характера, открывающих простор нескончаемым спорам, а единственно правильным путем детальнейшего обследования эволюции экономических отношений отдельных областей древней цивилизации, и в первую очередь останавливается на экономической истории Египта в греко-римской период. Исходя из того положения, что „степень развития обмена в ту или другую эпоху является одним из важнейших показателей высоты экономической культуры данного общества в данное время“¹⁾, он сосредоточивает свое внимание прежде всего на истории торговых отношений древности, и притом в тот ее момент, когда образование эллинистических государств, а затем поглощение этих государств Римской Империей создали наиболее благоприятные условия для развития „мирового“ обмена. Греко-Римский Египет играл первенствующую роль в истории древнего „мирового“ обмена, так как он, „со своею главной гаванью Александриею являлся одним из главных центров хлебной торговли и главным центром торговли со странами, лежащими по Нилу, Красному морю (Троглодитика и Аравия) и Индийскому Океану (Восточная Африка, Южная Аравия, Индия и проч.)“²⁾. Автор и начинает серию своих исследований с торговли греко-римского Египта, и притом торговли внешней, т. к. степень развития обмена в каком либо обществе прежде всего определяется участием его в международной торговле. А так как международная торговля Египта главным образом определялась его посредничеством в обмене Средиземно-морских стран с Африкой, Аравией, Индией и Китаем, т. е. с Востоком, автор и останавливается прежде всего на восточной торговле.

М. М. Хвостов затратил огромное количество труда на собрание, критическое истолкование и систематизацию разнохарактерных и отрывочных памятников для выполнения своей задачи. Фрагментарный литературный материал, главным образом в виде папирологических текстов, все время искусно комбинируется им с материалом археологическим и нумизматическим, а в результате получается мастерская сводка добытых кропотливым и образцово проведенным исследованием данных в одно стройное целое. Автор, по возможности, детально характеризует медленную эволюцию Египетской внешней торговли по Нилу, Красному морю и Индийскому Океану с завоевания Египта Александром Македонским до воцарения Диоклетиана, причем подчеркивает, вопреки мнению Бюхера, несомненно, широкое развитие капиталистических отношений на Востоке, особенно в эпоху ранней Империи. Египет и его главный торговый центр Александрия постепенно делаются средоточием восточной торговли. „Сначала, при первых четырех Итодоеях,

1) Предисловие к диссертации, стр. II.

2) Там же, стр. IV.

обмен с Востоком — по Красному морю и Индийскому Океану ведется лишь при энергичной работе правительства. Для развития восточной торговли Александрийское правительство в III в. пускает в ход и дипломатию и оружие. Научные экспедиции на берега Красного моря, а затем и на Сомалийский берег при первых Птоломеях—обычное явление. По берегам Красного моря основывается множество факторий. Прокладываются новые пути сообщения и улучшаются старые. Принимаются меры для их военной защиты¹⁾. Торговля все более и более крепнет, и правительственная монополия в этом деле мало по малу заменяется частной инициативой. В первые века существования Рим. Империи торговые сношения достигают высшей степени своего развития, требуя приложения больших капиталов. Продукты Египетской и Средиземно-морской промышленности вывозятся в Ю. Аравию, Вост. Африку, Индию, со II в. в Индо-Китай и даже ю. вост. Китай, а все эти страны, в свою очередь, доставляют Империи не только сравнительно мало распространенные предметы роскоши, но и предметы широкого обихода—пряности, медикаменты, краски, хлопчато-бумажные и шелковые ткани. Словом, „в I и II в.в. мы видим картину широкого международного обмена, охватывающего Европу, Северную и Восточную Африку (до Занзибара), Переднюю, Центральную и Южную Азию (до Тонкина)“²⁾. Ясно, что здесь говорить о натуральном хозяйстве в Бюхеровском смысле не приходится совершенно. По размерам обмена, торговлю Рим. Империи с Азией в I и II в.в. по Р. Хр. автор уподобляет западне-европейской торговле с Азией XVII—XVIII и даже начала XIX столетий.³⁾

Опубликовавши свою „Историю восточной торговли греко-римского Египта“, М. М. в дальнейшем занялся изучением Египетской торговли в ту же эпоху в бассейне Средиземного моря, но в скором времени отвлекся от этой своей задачи и обратился к изучению организации Египетской промышленности. В предисловии к своей докторской диссертации М. М. говорит, что еще при обработке первой диссертации он начал проникаться убеждением в невозможности выяснить многие вопросы организации внешней торговли без предварительного изучения организации промышленности и торговли внутри Египта. Еще более он окреп в этом своем убеждении при дальнейших занятиях. „Целый ряд вопросов в истории внешней торговли, замечает М. М., стоит в тесной связи с вопросами относительно организации промышленности и внутренней торговли. Таковы вопросы о степени участия правительства и общества в промышленности и торговле (вопрос о моно-

1) Стр. 433.

2) Стр. 434.

3) Стр. 435.

полиях), таков вопрос о формах промышленных и торговых предприятий и о степени развития капитализма; таков вопрос об обложении промышленности и торговли и проч.“¹⁾ Все эти соображения заставили М. М. несколько нарушить первоначально намеченный план работ по исследованию экономического быта греко-римского Египта. Вместо второго выпуска „Исследований по истории обмена“ он стал готовить к печати „Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте“.

Интенсивная работа в этом направлении опять потребовала от М. М. нескольких поездок за границу для изучения папирусов. За кратковременным пребыванием в Италии и Вене летом 1907 г. и поездкою в Берлин летом 1908 г. (во время 3-го международного исторического конгресса) следует научная командировка в 1909—10 учебном году, в течение которой М. М. 5 месяцев работает в Берлине, 5 месяцев в Лейпциге и 2 месяца в Италии. В самом начале 1912 г. он уже приступает к печатанию докторской диссертации „Текстильная промышленность в греко-римском Египте“, однако пришлось еще несколько раз побывать за границей (в Германии), прежде чем удалось окончить печатанием эту работу. Она была закончена лишь в 1914 г., и в том же году М. М. получил за нее степень доктора в Петроградском Университете.

Эта докторская диссертация М. М. Хвостова является первой частью его вновь задуманных „Очерков организации промышленности и торговли в греко-римском Египте“ и, как уже было сказано, трактует о текстильной промышленности, занимавшей в экономической жизни Египта после сельского хозяйства первое место и очень мало изученной. Основная задача, которую ставит себе в данном случае автор, материал и приемы работы—те же, что и в „Истории восточной торговли“. Автор все время изучает экономическую историю промышленности в связи с историей техники, и после сравнительно кратких замечаний о текстильной промышленности в фараоновом Египте, сосредоточивает свое внимание на Птоломеевой и римской эпохах. Основные выводы, к которым приходит в результате своих исследований автор, как нельзя более совпадают с теми, к которым привели его изыскания по истории международной Египетской торговли. Крупные капиталы играют в Египетской промышленности такую же важную роль, как и в международной торговле. При Птоломеях крупным капиталистом-предпринимателем в данной области главным образом выступает правительство. Оно „монополизировало торговлю льняными тканями, повидимому, принудительно скунает часть шерстяных (грубых сортов) и сохраняет за собою монопольное право на валяльный про-

¹⁾ Очерки организ. промышл. и торговли в греко-римском Египте. Предисловие, стр. V—VI.

мысел“¹⁾. Самое производство разного рода тканей сосредоточено преимущественно в мелких ремесленных мастерских, однако формой промышленности, наряду с ремеслом, во многих случаях является работа на скупщика, в качестве какового скупщика выступает правительство. В римское время обстановка меняется. Торговым или промышленным предпринимателем римское правительство не является, монопольный принцип исчезает даже в отношении к валяльному промыслу, в промышленность, как и в торговлю того времени, вступают частные капиталы. „Ремесло, а также кустарное производство (если под последним понимать мелкое производство на неопределенный рынок) остаются преобладающими. Однако имеются указания и на появление более значительных мануфактур, а главное — работы на скупщика, причем скупщиками являются уже главным образом частные предприниматели, а не правительство“²⁾.

Диссертации М. М. Хвостова, основанные хотя и на фрагментарном, но с большою любовью, с огромными усилиями и тщательностью собранном строго конкретном, и притом свежем материале, как мы видим, проливают свет на предмет спора Бюхера—Мейера в отношении к востоку древнего мира, и в этом их никем неоспариваемое значение для мировой историко-экономической литературы. Естественно, что исследования М. М. привлекли к себе живой интерес специалистов в России и за границею и вызвали многочисленные рецензии в отечественных и иностранных журналах³⁾. Конечно, дело не обошлось без указаний на некоторые промахи, без которых не может обойтись ни одно мало-мальски обширное научное исследование, но в общем крупные научные достоинства обеих диссертаций всеми признаны и подчеркнуты. Все ожидали от М. М. новых „Исследований“ и „Очерков“, все желали ему плодотворного продолжения его успешной работы. Ожидания, к не-

1) Стр. 113.

2) Стр. 238.

3) См. рецензии на „Историю восточн. торговли“ А. Каминки (Право, 1907, № 32), И. Бороздина (Новая книга, 1907, № 9), М. Ростовцева (Журн. Мин. Нар. Пр., 1907, окт.; Гермес, 1907, № 4, Archiv für Papyrusforschung, IV (1908), Кретчмара (Критич. Обзорение, 1907, IV), В. Пискорского (Учен. Зап. Казан. У-та, 1908, апрель, протоколы, стр. 647—652), Б. Тураева (Записки Вост. Отдел. Имп. Русск. Археол. Об-ва, т. XVIII, вып. 1, 1907), С. Карпус'а (Berliner philolog. Wochenschr., 1909, № 40, 2 oktober), M. Besnier (Journal des savants, 1910, janv. Ibidem, 1910, novembre), G. Glotz'a (Revue des études grecs, 1909, nov.-dec.), анонимн. автора (Визант. Временник, т. XIV, 1909), Liebenam'a (Jahrb. d. Geschichtsw. 1908, I. См. также Journal of Hellenic Studies, vol. XXIX, p. II, 1909). Рецензии на „Очерки организации промышленности и торговли в греко-римск. Египте“ М. Ростовцева (Журн. Мин. Нар. Просв., 1914, № 10), Б. Тураева (Гермес, 1915, № 3), В. Бузескула (Голос Минувшаго, 1915, № 3), Н. Bréhier (Revue Histor., t. CXXV (1917, mai-juin). Кр. того см. „Русская литература по всеобщей истории“, вып. 1—3, 1911—1915. №№ 33, 221, 376, 575 и 689.

счастью, не оправдались, пожелания не исполнились. М. М. успел лишь выпустить две небольшие статьи, теснейшим образом связанные с его работой над диссертациями. Первая трактует об общественных работах в эллинистическом Египте (Сборник Харьк. Истор.-филол. Об-ва в честь В. П. Бузескула. Харьков. 1914 г.) и подчеркивает участие и первенствующую роль государственного капитала в этом деле, вторая касается развития форм промышленности в древнем мире (Учен. Зап. Каз. Ун-та, янв. 1915 г.) и выясняет то место, которое занимает промышленность греко-римского Египта в общем процессе хозяйственного развития древнего мира. Эта последняя статья М. М. представляет собою его речь, произнесенную в Петроградском Университете перед защитой докторской диссертации и, повторяя основные положения этой диссертации, ставит их в более широкую историческую перспективу.

Занятия М. М. Хвостова по его главной специальности—истории социально-экономических отношений греко-римского Египта не мешали ему все время уделять внимание и другим вопросам исторической науки. Ряд статей М. М., рассеянных в различных исторических журналах и сборниках, достаточно свидетельствует о том, что он никогда не был узким специалистом. Выше уже отмечены его ранние исследования по истории древней Греции. К ним нужно прибавить напечатанную в 1913 г. статью „О социальном характере Афинской тирании VI века“ (Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913 г.), в которой автор доказывает, что тирания Писистрата и Писистратидов опиралась не только на демократическую партию диакриев, как это принято думать, но и на значительную эвпатридскую группу, именно, на эвпатридов-землевладельцев. Из других научных статей М. М. Хвостова одни касаются вопроса о постановке Университетского преподавания на Западе (Постановка студенческих занятий в Оксфордском Университете (Учен. Зап. Каз. Ун-та, 1904 г., май—июнь)), другие—вопросов философии истории (К вопросу о задачах истории—Сборник в честь В. О. Ключевского. Москва, 1909 г.), третьи являются характеристиками и некрологами историков и вообще деятелей науки (Теодор Моммсен—Научное слово. 1904 г., январь; Владимир Константинович Пискорский—Камско-Волжск. Речь, 1911 г., 9 февраля; Александр Владимирович Завадский—Казань, 1916 г.), четвертые посвящены новейшей историографии (Международный исторический конгресс в Берлине 1908 года—Известия Об-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казан. Ун-те, т. XXV, 1909 г.; Ученые заслуги Б. А. Тураева—Москва, 1915 г.). Последняя из названных статей составлена М. М. по поручению Российской Академии Наук и награждена от Академии серебряной медалью. Нельзя, наконец, обойти молчанием обстоятельную рецензию М. М. Хвостова на

книгу проф. А. М. Миронова „Изображения богини Победы в греческой пластике“¹⁾, каковая рецензия свидетельствует о познаниях ее автора и в области античного искусства.

Кроме специальных статей и исследований, М. М. Хвостову принадлежит целый ряд работ обобщающего характера—исторических обзоров и курсов. Здесь прежде всего следует отметить сжатые, но превосходно написанные обзоры истории древней Греции и древнего Египта, помещенные в Энциклоп. Словаре бр. Гранат под словами „Греция“ и „Египет“²⁾, здесь же следует назвать частью литографированные, частью напечатанные на правах рукописи университетские курсы М. М. по истории древнего Востока (1909), Греции (1908, 1917), Рима (1911), истории крестьян на Западе (1907), методологии и философии истории (1913). Некоторые из этих курсов издавались по несколько раз, известны во всех Университетских городах России и, благодаря усиленному спросу на них со стороны учащихся высших учебных заведений, сделались в настоящее время библиографической редкостью. Наконец, М. М. был не чужд и популяризации исторических знаний. В 1917 году им напечатаны три его популярные лекции по „Истории рабочего движения в Зап. Европе в новое время“.

М. М. Хвостов был глубоко и всесторонне образованный историк, исследователь с широким кругозором. Уже из предложенного обзора его трудов мы видим, что каждое частное исследование представляло для ее автора ценность не само по себе, а прежде всего постольку, поскольку оно пролиvalo свет на общие вопросы исторической науки. Здесь мы видим перед собою не тип кропотливого эрудита, черпающего для себя полное удовлетворение в мелочной специальной работе, как таковой, а волнуемого вечною жаждою постижения широкой научной истины мыслителя, стремящегося постигнуть эту истину в конкретной обстановке. Самые мелочные исторические факты, о которых иногда лишь вскользь говорят разрозненные обрывки папирусов, детально обследуются и группируются им именно для этого высшего постижения. История для М. М. Хвостова не есть наука только индивидуализирующая в смысле Риккерта, т. е. стремящаяся изобразить единичные факты, производя отбор между ними по принципу понятия ценности для культурного человечества. Историк, как и естествовед, может и должен искать в прошлом человеческих обществ и индивидуальное и общее, и в этом смысле история, как наука, не может быть противопоставляема естествознанию. Правда, дойти до установления настоящих общеобязательных законов природы история человечества не может. Однако отсюда не следует, что она должна ограни-

1) Журн. Мин. Нар. Просв., 1914, май.

2) Там же ст. М. М. Хвостова „Греко перс. войны“, „Геродот“, „Демосфен“.

чиваться установлением простой причинной связи между отдельными фактами или, в лучшем случае, группами фактов. В сфере причинного истолкования явлений историк может и должен возвышаться до некоторых общих понятий, до так назыв. факторов общественной эволюции, понимая под этими факторами некоторые основные силы, которые двигают эволюцию человеческих обществ¹⁾. Как видим, М. М. является представителем социологического направления в истории, направления, стремящегося истолковать отдельные исторические события, сводя их путем разложения на элементы к проявлению действия общих факторов эволюции. Этот „социологизм“ М. М. отнюдь не остается в сфере чисто теоретических рассуждений. Повторяю, что он отражается буквально во всех его исторических работах, начиная от самого мелкого исследования и кончая самыми общими курсами. Как мы видели, М. М. является историком-экономистом по преимуществу. Но он отнюдь не считает экономический фактор единственным, управляющим сложную жизнью человеческих обществ. Считая доказанным то положение, что об'яснить генезис духовной культуры вне той хозяйственной обстановки, в которой она развивается, невозможно, М. М. горячо восстает против попыток вывести эту духовную культуру из организации производства, и вообще из материальных потребностей. Правда, экономический фактор является одним из наиболее основных, ибо „материальные потребности и, следовательно, деятельность индивидов, направленная к их удовлетворению, равно как и возникающая в результате этой деятельности организация производства суть факты, охватывающие каждое общество во всем его об'еме“²⁾. Однако уже самый первобытный человек, кроме материальных, „имеет элементарные альтруистические и интеллектуальные потребности“ и „без таких потребностей мы вовсе незнаем человека“³⁾. Вполне констатировано, что уже на ранних ступенях культуры эти потребности, наряду с природой, биологическим ростом населения и материальными потребностями, играют весьма существенную роль в развитии общества. „Следовательно, о возможности (экономического) монизма говорить не приходится“⁴⁾. Таково в двух словах научное сredo М. М. Хвостова, как историка, сredo, от которого он не отступал ни на шаг во всех своих ученых работах.

1) См. ст. М. М. Хвостова. „К вопросу о задачах истории“ в Сборн. статей в честь В. О. Ключевского. 1909.

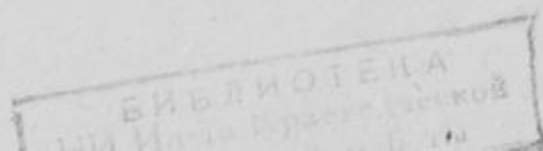
2) См. изданные на правах рукописи лекции М. М. Хвостова по методол. и филос. истории (Казань. 1913), стр. 67.

3) Там же, стр. 67.

4) Там же, стр. 67.

Выдающийся ученый, М. М. Хвостов был не менее выдающимся преподавателем. Оставляя подробную характеристику М. М., как преподавателя, моим коллегам—следующим докладчикам, не могу все же не сказать в заключение нескольких слов и об этой стороне его деятельности, так как Казань, в особенности Казанская культурная молодежь, более всего его знала и ценила, как профессора. Его лекции в Казанском Университете и на Казанских Высших Женских Историко-филологических Курсах, посвященные философии и методологии истории и буквально всем отделам всеобщей истории, всегда были образцом преподавания в высшем учебном заведении и всегда привлекали массы студентов и студенток. Тысячи молодых людей проходили через аудитории М. М., и едва ли кто либо покидал их, не получивши духовного удовлетворения. Я не премину здесь подчеркнуть, что М. М. овладевал вниманием слушателей не внешнею формой изложения, не блеском, яркостью и картинностью речи. Он не обладал даром оратора в этом смысле, не имел того, что принято считать необходимыми принадлежностями „блестящего“ лектора. Сила его изложения была в другом—не во внешности речи, а в самом ее содержании. Каждое его слово было тщательно взвешено и обдуманно, каждая его лекция была обработанным и строго законченным целым. Оттого речь М. М. и укладывалась с такою легкостью в умах его слушателей, неизменно обогащая их все новым и новым, и притом строго отобранным научным материалом, тем самым приучая к настоящей вдумчивости и серьезности, толкая по пути все большего и большего стремления к знанию. Лекции М. М. именно толкали слушателей к приобретению и расширению знания, а не давали этого знания в окончательном виде. Здесь не было и не могло быть места ученому догматизму. Какой бы отдел всеобщей истории М. М. ни излагал в аудитории, он неизменно начинал с того, что мы привыкли называть историографией вопроса. Как и кем разрабатывался круг данных вопросов раньше, как разрабатывается он теперь, что в настоящее время выдвинуто наукой в первую очередь, как должно пойти строго научное исследование в дальнейшем—вот каково было преимущественное содержание лекций М. М. Как видим, эти лекции лишь вводили слушателей в круг определенных знаний, ставили их во всеоружии новейших научных данных на широкую дорогу самостоятельного познания, давали им возможность самим, по мере сил, вопрошать и испытывать.

Не менее важное образовательное значение имели практические занятия М. М.—его семинарии, эта настоящая научная лаборатория, где студенты и студентки как нельзя лучше постигали самые тонкие методы исторического исследования. Я живо припо-

минаю время после революции 1905 года, время моего студенчества в Казанском Университете, когда жизнь на историко-филологическом факультете была ключем, когда мы—студенты—историки соревновали друг с другом по части занятий в семинариях В. К. Пискорского и М. М. Хвостова. Оба они теперь умерли, к несчастью для Казанского Университета, и кафедра, столь блестяще представленная в свое время этими выдающимися людьми, ослабела именно теперь, в эпоху нашего общего оскудения. Лично для меня было невыразимо тяжело расстаться с первым, как моим ближайшим учителем и руководителем в годы студенчества, но для меня не менее тяжело расставаться в настоящее время и со вторым, живое духовное общение с которым особенно для меня было незаменимым после кончины В. К. Пискорского. Я помню то горячее участие, какое принимал в моих занятиях М. М. Хвостов, помню его искренние советы и сердечные пожелания моим успехам, никогда не забуду дружеских и откровенных бесед с ним на научные и академические темы, неизменно освежавших и укреплявших меня в минуты сомнений и колебаний.

Я кончаю свою скромную долю участия в грустных поминках, которые мы сегодня справляем по одном из выдающихся деятелей чистого гуманитарного знания. Я чувствую всею душою, что мы справляем эти поминки в тяжелое время, в то время, когда над делом широкого и свободного распространения чистой гуманитарной науки в России собираются тучи, когда все настойчивее и настойчивее раздаются голоса за партийность гуманитарной науки, когда оплотам чистого гуманитарного знания—факультетам грозит если не уничтожение, то во всяком случае усечение и ослабление. Тем более именно теперь для нас—приверженцев чистой науки—должны быть особенно дороги светлые образы тех людей, которые, умирая, завещали нам словом и делом *вольную* мысль—не смиренную служительницу временному, преходящему и партийному, а безнокойную искательницу вечных, непреложных и общечеловеческих истин. *Sit terra tibi levis, magister!*

Н. Грацианский.

Список печатных трудов проф. М. М. Хвостова.

(14/X 1872—11/II 1920 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Одинадцатого февраля 1920-го года в Томске неожиданно скончался от сыпного тифа ординарный профессор Томского и Казанского Университета, доктор всеобщей истории, Михаил Михайлович Хвостов. Покойному было только 47 лет от роду. Он находился в полном расцвете сил, и мы могли надеяться, что пожелание проф. М. И. Ростовцева, высказанное на докторском диспуте Михаила Михайловича—написать еще десять книг подобных его второй диссертации, будет в значительной мере осуществлено. Во всяком случае, он намечал целый ряд работ, развивал новые планы, но... судьба решила иначе.

Своим ученикам он завещал богатое научное наследство, но вряд ли не важнейшей частью его наследства будет его научное миросозерцание, построенное на строго научном историзме и его методологические взгляды, которые он выработывал долго и тщательно и необходимость которых он особенно усердно подчеркивал, направляя работу своих учеников.

Поэтому, пользуясь грустным правом подвести итог его научной деятельности, мы стремились, по возможности, полно представить здесь как его научные, так и публицистические труды, целиком проникнутые тем же духом научного историзма как и первые. Прилагаемый нами список включает все его работы, которые нам удалось отыскать в Казанских библиотеках. К сожалению, нам не удалось включить сюда нескольких его библиографических заметок, печатавшихся, в конце прошлого XIX-го и в первые годы нынешнего XX века, в „Русской мысли“.

В виду почти неразрешимой трудности, представляемой систематизацией библиографического матерьяла, мы предпочли держаться, при распределении его, простой хронологической последовательности выхода работ из печати, поскольку было возможно даже это простое задание, и выделили в самостоятельные группы лишь (I) итографированные курсы, вышедшие на правах рукописи, и (II) редакторские предисловия Михаила Михайловича к чужим трудам.

К тому же первые переиздаются, уже как полноправные научные работы, отчасти Томским Университетом, отчасти и издательством Бр. А. и И. Гранат“.

Затем остается оговорить еще мелкий вопрос об орфографии текста. Библиограф не имеет права менять что бы то не было систематизируемых им трудах даже и орфографию. К тому же и сам покойный был принципиальным противником новой орфографии. Я помню, как в мае 1918 года, в беседе с автором этих строк, он порицал факт выпуска Государственным издательством III-его тома курса В. О. Ключевского в новой транскрипции. Поэтому, мы не придавая существенного значения этому вопросу, и лично пользуясь новой орфографией, предпочли держаться в заглавиях списка прежнего способа начертания, при чем изменения произведены без нашего согласия.

В заключение мы считаем приятным долгом выразить благодарность г-же Л. А. Хвостовой за предоставление нам значительной части материала для составления списка, а В. Ф. Смолину и профессору Томского ун-та Э. В. Дилю за содействие.

Казань
22. IX, 920.

Список ученых трудов профессора М. М. Хвостова.

I.

1. Сисахтия Солона и разложение эвпатридского землевладения. *Филологическое Обозрение*. 1897 г., т XIII, отд. 1, стр. 3—26.
2. (Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Э. Лависса и Рамбо. Том третий— „Образование больших государств. 1270—1492 г.“, пер. В. Неведомского. Изд. К. Т. Солдатенкова. Ц. 3 р. М. 1897 г.) библиографическая заметка „*Русские Ведомости*“ 1897 г. № 262—22 сентября.
3. (Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Том второй— „Феодальная Европа, крестовые походы. 1095—1270“ перевод М. Гершензона. Издание К. Т. Солдатенкова. Цена 3 руб. М. 1897) библиографическая заметка. „*Русские Ведомости*“ 1898 г. № 19—19 января.
4. (Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Том первый— „Зачатки средневекового строя. 395—1095“, пер. В. Неведомского. М. 1897 г. Ц. 3 р. Том второй— „Феодальная Европа. Крестовые походы 1095—1270“, пер. М. Гершензона. М. 1897 г. Ц. 3 руб. Том третий— „Образование больших государств. 1270—1492, пер. В. Неведомского. М. 1897. Ц. 3 р.) библиографичес-

ская заметка „Образование“ 1898 г. № III, стр. 61—66 (отд. критика и библиография).

5. Янсен. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации, перевод с 16-го немецкого издания. Ц. 1 р. 25 к. СПб. 1898. Издание О. Н. Поповой (Культурно-Историческая библиотека) библиографическая заметка „Образование“ 1898 г. № IV, стр. 62—64 (отд. критика и библиография).
6. (Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира, перевод под редакцией М. О. Гершензона. Ц. 60 к. Изд. М. И. Водозовой. СПб. 1898). Библиограф. заметка. „Образование“ 1898 г. №№ V—VI, стр. 90—92 (отд. критика и библиография).
7. (С. С. Арнольди. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. Издание М. Ковалевского. М. 1898 г. Цена 2 рубля) библиограф. заметка. „Русские Ведомости“ 1898 г. № 207—28 сент.
8. (Проф. П. Гиро. Фюстель де Куланж. Пер. А. Н. Чеботаревской (научно-популярная библиотека „Русской мысли“) М. 1898. Цена 50 коп. 208 стр.) библиографическая заметка. „Образование“. 1898 г. № XI, стр. 77—78 (отд. критика и библиография).
9. (Грим. Краткая история английского народа в трех выпусках. Выпуск первый пер. с английского В. Я. Богучарского. Под ред. Н. И. Шамонина. М. 1897. Выпуск второй пер. с англ. Н. И. Шамонина) библиограф. заметка „Образование“ 1898 г. № 12, стр. 63—66 (отд. критика и библиография).
10. Новые работы русских исследователей о землевладении и земледельческом классе во Франции перед Революцией. Реферат читанный в заседании Исторического Общества 10 марта 1896 г. *Издания Исторического Об-ва при Московском Университете.* М. 1898 г., т. II, стр. 1—35.
1. (Альфред Рамбо. История французской революции 1789—1799. Пер. с французского И. Назарова с 30-ю рисунками. Издание Иогансона. Киев—Харьков. 1899. Ц. 1 руб., стр. 1—311) библиограф. заметка „Образование“ 1899 г. № I, стр. 66—67 (отд. критика и библиография).
2. (Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Составлена под руководством Э. Лависса и А. Рамбо. Том IV „Возрождение и Реформация“. Новый Свет. 1492—1559. Издание К. Т. Солдатенкова. М. 1898 г. Ц. 3 р. Том V. Религиозные войны 1559—1648, пер. В. Неведомского. М. 1899. Ц. 3 руб.) библиограф. заметка „Русские Ведомости“ 1899¹⁾.

¹⁾ Отсутствие в Казани годовых комплектов газет за этот срок лишает нас возможности дать более точные указания. Ю. И.

13. Чтение газет и историческое чтение. По поводу новых книг по истории XIX века...
„Образование“ 1898 г. № 5—6 (май—июнь), стр. 154—162.
14. Изучение экономического быта древности (две полемики) Ж. М. Н. Пр. 1900 г. 329, июнь, отд. II, стр. 281—303.
15. Хозяйственный переворот в древней Спарте.
„Уч. Записки И. Каз. Ун-та“ 1901 г., кн. XI (ноябрь), стр. 175—194 (отдел наук). То же отдельный оттиск, стр. 22.
16. Краткий отчет о заграничной командировке в течение летнего каникулярного времени 1901 г.
„Уч. Записки И. Каз. Ун-та“ 1902 г., кн. III (март), стр. 43—56 (отдел: Университетская летопись).
то же отдельный оттиск, стр. 16.
17. Neue russische Forschungen auf dem Gebiete der Wirtschaft und Sozial-Geschichte des Alterthums.
Referate.
Sonderabzug aus „Vierteljahrschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte“ Leipzig. 1903. I Band, 2 Heft s.s. 324—330.
18. Теодор Моммзен.
Сообщение в Юридическом Обществе при Казанском Университете 1-го ноября 1909 г.
„Научное Слово“. 1904, кн. I, стр. 84—102.
19. Обзор публикаций греческих папирусов.
(Из отчета о заграничной командировке с апреля 1902 года по 1 сентября 1903 года).
„Уч. Зап. И. Каз. Ун-та“ 1904 г., кн. IV, стр. 145—158 (отд. наук).
20. Памяти И. Н. Смирнова.
Речь в „Сборнике памяти Ивана Николаевича Смирнова“ Каз. 1904 г., стр. 8-ая
и в Уч. Зап. И. Каз. Ун-та 1904 г., кн. IX (сентябрь), стр. 30-ая (отд. Университетская летопись).
21. Постановка студенческих занятий в Оксфордском Университете.
(Из отчета о заграничной командировке с апреля 1902 г. по 1 сентября 1903 г.)
Уч. Зап. И. Каз. Ун-та 1904 г., кн. V—VI (май—июнь), стр. 163—172 (отдел наук).
22. Новые документы по социально-экономической истории эллинистического периода.
(The Tebtunis papyri, editet by B. P. Grenfell, A. S. Hunt and J. G. Smyly. With nine plates. London. Henry Frowde 1902, XX+674, 50 sh.)
Ж. М. Н. Пр. 1904 г., ч. 355—сентябрь, отд. II, стр. 188—222.

22. Хвостов М. М.
автобиографическая заметка в „*Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Казанского Университета*“ под редакцией И. П. Загоскина. Каз. 1904 г., ч. I, стр. 196—197.
23. Всеобщее избирательное право.
Записка, представленная в комиссию, образованную по постановлению Казанского дворянского собрания.
„*Сын Отечества*“ 1905 г. № 72—11-го (24-го мая).
- 24—25. Всеобщее избирательное право.
2 статьи а) „*Сын Отечества*“ 1905 г. № 132 21-го июля (3 августа)
в) „*Волжский Листок*“ 1905 г. № 160—17-го апр. и отдельной вырезкой s. l. et. a. стр. 6.
26. Выгодно ли всеобщее избирательное право для нашего торгового класса.
„*Волжский Вестник*“ 1905 г. № 11 й—19 ноября.
27. Желательная реформа историко филологического и юридического факультетов в наших Университетах.
„*Волжский Вестник*“ 1905 г. № 34-й—18-го декабря.
28. Новая научная находка в Курдистане.
„*Русские Ведомости*“ 1906 г. № 6—9 января.
29. Исследования по истории обмена в эпоху эллинистических монархий и Римской Империи. I История восточной торговли греко-римского Египта (332 до Р. X.—284 по Р. X.).
Уч. Зап. И. Каз. Ун-та 1905 г., кн. I, (стр. 1—75), кн. X, (стр. 76—123); кн. XI (стр. 124—155); кн. XII, (стр. 156—161); 1906 г., кн. I, (стр. 162—192); кн. IV, (стр. 193—240), кн. X, (стр. 241—288); кн. XII, (стр. 283—336); 1907 г., кн. I, (стр. 337—416); кн. IV, (стр. 417—432); кн. V, (стр. 433—479+XXVII). То же отдельно. Казань. 1907 г., стр. XXVII+479.
Магистерская диссертация¹⁾.
30. Заметка о сочинении студента V семестра Николая Грацианского на тему „Парижские ремесленные цехи в XIII—XIV столетиях“, под девизом: „savoig roug prevoig“.
„*Годичный отчет о состоянии И. Каз. Ун-та за 1907 г.*“, стр. 19—20 (отд. отзывы...).
31. Политическая жизнь России в 1907 году.
„*Волжско-Камская Речь*“ 1908 г. № 39 ый—1 января.
32. (Ж. Жорес. История Великой Французской Революции, т. I)
рецензия
„*Критическое Обозрение*“ 1908 г., в. IV, стр. 34—40.
33. По поводу одного ценного приобретения для русской науки
„*К. В. Речь*“ 1906 г. № 158—22 апреля.

¹⁾ Готовится немецкий перевод.

34. Международный Исторический Конгресс в Берлине 6—12 августа 1908 года.
„Известия Об-ва Арх., Ист. и Этнограф. при И. К. Ун-те“
 1909 г., т. XXV, в. 5-ый, стр. 1—24.
 То же, отдельный оттиск, стр. 24.
35. Как организовались в Казани Высшие Женские Курсы. Речь произнесенная секретарем „Комитета по организации Высших Женских Курсов в Казани М. М. Х. при открытии курсов 25 октября 1906 года.
Отчет о состоянии Казанских Высших Женских Курсов за 1906/7 и 1907/8 учебн. годы. Каз. 1906 г., стр. 1—7.
36. К вопросу о задачах истории.
Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М. 1909 г., стр. 791—824.
 То же, отдельный оттиск без особой нумерации страниц.
37. Отзыв о сочинении на тему „Город Оксиринх в эпоху ранней Римской Империи (управление и состав населения)“ под девизом *feci quod potui, faciant meliora potentes.*
„Уч. Зап. И. Каз. Ун-та 1910 г., кн. XI (ноябрь) часть официальная, отдел „отзывов“...“, стр. 10—18.
 и *„Годичный Акт в И. Каз. Ун-те 5 ноября 1910 г.“*, стр. 10—18 отд. „отзыв“....
38. Владимир Константинович Пискорский, 1867—1910 г. Вступительная лекция в курсы весеннего семестра 1910/11 уч. года в Каз. Ун-те и на Каз. В. Ж. Курсах
„К. В. Речь“ 1911 г. № 31—9 февраля
 то же отдельно, стр. 12 in 16°.
39. Памяти В. О. Ключевского.
„К. В. Речь“ 1911 г. № 106—15 мая.
40. Николай Павлович Загоскин
 Некролог. *„К. В. Речь“* 1912 г. № 28—8 го февраля.
41. Геродот
Энциклопедический словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранат“ 7-ое переработанное издание, т. XIV столб. 383—385.
42. Греко-Персидские войны
там же, т. XVI столб. 488—494.
43. Отзыв о сочинении „Организация управления рудников на Пиринейском полуострове и их эксплуатация в римское время“. Под девизом *„Ἡ ζήτησις τῆς ἀληθείας“* (Фукидид).
„Уч. Зап. И. Каз. Ун-та“ 1913 г., кн. XI (ноябрь) часть официальная, стр. 7—13 отдел „отзывов“
 и в *„Годичном отчете о состоянии И. К. Ун-та за 1912 г.“*, стр. 7—13 отд. отзывов о сочинениях студентов на соискание наград.

44. История древней Греции
Энциклопедический словарь Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К-о.
7-ое переработанное издание, столб. 528—624.
45. Речь над гробом А. В. Завадского
„К. В. Речь“ 1913 г. № 39—13 февраля.
46. Демосфен сын Алкисфена
Энциклопедический словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранат“ 7-ое
соверш. переработ. издание, т. XVIII столб. 220-ый.
47. Демосфен сын Демосфена
там же, т. XVIII столб. 220—225-ый.
48. О социальном характере афинской тирании VI века.
Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Каз. 1913 г. стр.
458—464.
то же отдельный оттиск, стр. 7.
49. Египтология
Энциклопедический словарь „Т-ва Бр. А. и И. Гранат“ 7-ое со-
верш. переработанное издание, т. XIX столб. 599—603.
50. История древнего Египта
там же, т. XIX столб. 531—581.
51. Отзыв о трудах М. В. Бречкевича
„Уч. Зап. И. Каз. У-та“ 1913 г., кн. X и XII, стр. 14—22 (в
Протоколах Заседаний Совета И. Каз. Ун-та за 1913 г.)
52. Казанский Университет
Новый Энциклопедический словарь, издание Брокгауза Ефрона
XX том, столбб. 381—384.
53. Общественные работы в эллинистическом Египте. (К вопросу
о генезисе античного капитализма).
Сборник статей в честь В. П. Бузескула. XXI том Сборника
Харьковского Историко-Филологического Общества. Хар.
1913—14 г., стр. 423—437.
то же отд. оттиск, стр. 17.
54. (А. М. Миронов. Изображения богини победы в греческой пла-
стике. Казань. 1911 г.) рецензия.
Ж. М. Н. Пр. 1914 г., часть LI (нов. сер.) май, стр. 140—152.
55. Ответ на ответ и А. М. Миронова.
Ж. М. Н. Пр. 1915 г., часть LV (нов. сер.) январь, стр. 241—243.
56. Впечатления в Германии накануне об'явления войны.
„Русские Ведомости“ 1914 г. № 170—25 июля.
57. Война нынешняя и война франко-прусская.
„К. В. Речь“ 1914 г. № 172—3 августа.
58. На помощь Польше.
„К. В. Речь“ 1914 г. № 252—12 ноября.

59. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. I. Текстильная промышленность в греко-римском Египте.
 „Уч. Зап. Имп. Каз. Ун-та“ 1912 г., кн. I, (стр. 1—16, кн. II (стр. 17—32), кн. X, (стр. 33—80); 1913 г., кн. VIII, (стр. 81—112), кн. XI, (стр. 113—160); 1914 г., кн. II, (стр. 161—176), кн. III, (стр. 177—208), кн. V, (стр. 209—239), кн. VIII, (стр. I—X и 241—254)—отдел наук.
 тоже отдельно. Каз. 1914 г., стр. X+264
 докторская диссертация.
60. На общее дело
 „К. В. Речь“ 1914 г. № 191—28 августа.
61. Развитие форм промышленности в древнем мире.
 Речь перед докторским диспутом 21 сентября 1914 года.
 „Уч. Зап. И. Каз. Ун-та“ 1915 г., кн. I (январь), стр. 1—12 (отд. наук), отдельный оттиск, стр. 12.
62. Памяти протоиерея А. П. Мальцева.
 „К. В. Речь“ 1915 г. № 87—21 апреля.
63. Раскопки в Болгарах
 „К. В. Речь“ 1915 г. № 137—20 июня.
64. Еще о раскопках в Болгарах
 „К. В. Речь“ 1915 г. № 139—23 июня.
65. Современные ассирийцы
 „К. В. Речь“ 1915 г. № 190—27-го августа.
66. Историческое событие.
 „К. В. Речь“ 1915 г. № 289—31 декабря.
67. Ученые заслуги Б. А. Тураева
 Отчет о третьем присуждении медалей имени гр. А. С. Уварова к празднованию пятидесятилетнего юбилея Императорского Московского Археологического Общества. Москва. 1915 г.
68. Александр Владимирович Завадский.
 Некролог „Русские Ведомости“ 1915 г. № 34—13 февраля
 то же с дополнениями „Отчет о состоянии и деятельности Каз. Высш. Ж. Курсов за 1914—15 год. Каз. 1916, стр. VIII
 то же отдельный оттиск из „Отчета“, стр. VIII.
69. Памяти М. М. Ковалевского.
 „К. В. Речь“ 1916 г. № 69—27 марта.
- 70—72. История рабочего движения в Западной Европе в новое время. Три лекции проф. М. М. Хвостова.
 I. Рабочее движение в Англии, стр. 16.
 II. Рабочее движение во Франции, стр. 16.
 III. Рабочее движение в Германии, стр. 17.

- ситета №№ 2, 5, 6. Казанское Издательское Т-во „Благо Народа“ 1917 г.
3. История Греции. Лекции, читанные в Казанском Университете и на Казанских Высших Женских Курсах. Издание 2-е, дополненное. Книжного магазина Маркелова и Шаронова. Каз. 1917 г., стр. 336.
74. Обзор главных событий русской революции 1917—18 г. ¹⁾. *Настольный Календарь на 1919. Издание Министерства Народного Просвещения* Томск 1919 г., стр. 57—62.
75. Собрание материалов по истории мировой войны и русской революции. Доклад в секции археологии, истории и этнографии с'езда по организации быта исследования Сибири. Труды с'езда по организации института исследования Сибири. Том. 1919 г., стр. III 95—96.

II

Общие курсы на правах рукописи.

76. История крестьян на Западе. Курс лекций 1906/7 учебного года. Изложение конспективное. Казань. 1907 г. Литографированное издание, стр. 147.
77. История Рима... конспективное изложение лекций, читанных в 1906/7 академ. году. Каз. 1907 г. Литограф. изд., стр. 299+IV.
78. История Римской республики. Конспект лекций, читанных в Казанском Университете и на Каз. Высших Женских Курсах. Издание по студенческим запискам только для слушателей и слушательниц автора. Издатель студ. историк И. К. Бураков. Каз. 1911 г., стр. 308+1 нумерованная.
79. История Римской империи. Конспект лекций, читанных в Казанском Университете и на Казанских Высших Женских Курсах в 1909 году. Издание по студенческим запискам только для слушателей и слушательниц автора. Каз. 1911 г., стр. 32 ²⁾.
80. История Древнего Востока. Конспект лекций, читанных в Казанском Университете и на Казанских Высших Женских Курсах в 1908/9 уч. году. Издание по студенческим запискам только для слушателей и слушательниц автора. Каз. 1909 г., стр. 335.
81. История Греции, конспект лекций профессора М. М. Хвостова, читанных в Казанском Ун-те и на Каз. Высших Женских Курсах в 1907—8 уч. году. Литографированное издание. Казань. 1908 г., стр. 407.

¹⁾ По новой орфографии.

²⁾ Издание осталось незаконченным.

82. История Греции, конспект лекций профессора М. М. Хвостова, читанных в Казанском Университете и на Каз. Высш. Женских Курсах. Издание по студенческим запискам только для слушателей и слушательниц автора.
Историческая библиотека s. l. et. a., стр. 48¹⁾....
83. Лекции по методологии и философии истории, читанные в осеннем семестре 1912—13 академического года. Издано конспективно, по студенческим запискам, только для слушателей и слушательниц автора. Каз. 1913 г., стр. 99+2+1 нумеров.

III.

Предисловия к чужим работам.

84. Мильтон. Ареопагитика. Речь о свободе печати, обращенная к английскому парламенту (1644). С предисловием приват-доцента Каз. Унив. М. М. Хвостова. Каз. 1906 г.
85. В. Ф. Смолин. О передвижении Геродотовских скифов в Передней Азии. С предисловием проф. М. М. Хвостова. Каз. 1915 г. Отд. оттиск из *Уч. Зап. И. К. Ун-та* 1919 г., кн. I, стр. I—IV (отд. наук).
86. Исторические школьные выставки. Изд. М. А. Голубева. Каз. 1915 г. С предисловием проф. М. М. Хвостова, стр. I—III.

1 октября 1920 г.

Юрий Иванов.

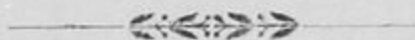
¹⁾ Издание осталось незавершенным.

Вопрос о падении
ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

и античной культуры

в историографической литературе и в
истории философии,

в связи с теорией истощения народов и
человечества.

Всякая вещь в мире скорее разрушается и не так легко может
быть восстановлена.

Лукреций „О природе вещей“

Сочинение мое распадается на 3 части. Первая часть не относится прямо к взятой мной теме, но она существенно необходима для тех выводов и сопоставлений, которые мне пришлось сделать в третьей части. Она включает в себе некоторые доказательства изменчивости человеческой природы и некоторые соображения в пользу теории истощения народов и человечества, каковая теория потом применяется к римской истории. К сожалению, в этой части мне пришлось быть очень кратким и схематичным, так как она прямо к теме не относится. Кроме общих соображений об изменчивости человеческой природы и о вырождении, я коснулся только вопроса о деревне и городе, как таком, которому я придаю значение и в римской истории. Я не считал возможным поместить сюда уже написанную главу о противоположных теориях относительно будущности человечества. Далее должны бы были следовать главы „О вымирании народов нецивилизованных при соприкосновении с культурой“ и „О психике вырождения“, но это бы совершенно удалило меня от темы, и поэтому я должен был оставить эту мысль и помириться с тем, что этот очерк вышел и неполным и незаконченным.

Часть первая—историко-философская.

ГЛАВА I.

О разделении общественных наук.

Основной общественной наукой является история.

Какое бы общественное явление мы ни изучали: право, нравственность или человеческую мысль, мы всегда, сознательно или бессознательно, исходим из данных истории. История распространяется не только на одни общественные явления; все явления мира могут быть рассматриваемы исторически: мы можем изучать историю земли, животных организмов, неба, вообще историю вселенной. Поэтому отличительный признак истории от других видов человеческого знания можно добыть, только рассматривая все эти виды истории. Не трудно видеть, что отличительным признаком всех видов истории будет следующее.

История рассматривает свои объекты локализованными в конкретном пространстве и конкретном времени. История не абстрагируется от времени и пространства, как это делают другие науки. Биология, напр. изучает жизненные явления безотносительно к тому времени, когда они совершаются, сегодня, 100 лет, 1000 лет тому назад. Таковы же и физика и химия, таковы же и психология и математика¹⁾. Абстрактные науки суть системы логические или стремятся стать таковыми; объекты этих наук связаны между собой логическими отношениями основания и следствия, они не зависят от времени.

¹⁾ Виндельбанд в Прелюдиях проводит несколько иначе различие между историческими и абстрактными науками. Он говорит: (Прелюдии, русский перевод, стр. 320) „Одне из наук суть науки о законах, другие науки о событиях, первые учат тому, что всегда имеет место, последние тому, что однажды было. Научное мышление, если позволительно воспользоваться новыми словообразованиями, в первом случае есть мышление номотетическое, во втором случае мышление идиографическое“. Такое различие основано на предположении, что история имеет дело с неповторяющимися объектами. Но это предположение очень спорно и, вероятно, неправильно. Существует и прямо противоположный взгляд. Точка зрения Виндельбанда особенно рельефно и подробно изложена Риккертом в целом ряде трудов, из которых важнейший „О границах естественно-научного образования понятий“. Она подвергнута подробной и во многом обстоятельной критике румынским ученым Ксенополем. Смори об этом также статью М. М. Хвостова, помещенную в сборнике статей, посвященных В. О. Ключевскому затем В. М. Хвостов „Теория исторического процесса“ и статьи акад. Липпо Данилев-

Историческая наука суть системы временныя, их объекты располагаются в известном порядке во времени и в другом порядке располагаться не могут.

Если мы отвлечемся в социальных явлениях от конкретного времени и пространства, то мы получим ряд социальных наук абстрактного типа и абстрактную науку об обществе—социологию. Эта наука будет того же типа, как и все абстрактные науки, и в идеале должна представлять из себя логическую систему, т. е. выводить частные положения логическим путем из нескольких общих.

Попытки создать социологию многочисленны, но оне не получили общего признания.

Между историей собственно и социологией есть еще промежуточная наука, которую можно назвать *сравнительной историкой*. Если социология отвлечается от конкретного времени и пространства, если история рассматривает явления локализованными в пространстве и во времени, то сравнительная историка рассматривает общественные явления локализованными во времени, но отвлечается от многообразия человеческих обществ, от их географического распределения, одним словом она отвлечается от пространства. Так, например, возможно сравнительно-историческое изучение средних веков в Западной Европе, России и Китае с Японией. Отвлекаясь от местных особенностей, можно было бы нарисовать несколько общих черт, свойственных феодализму вообще¹⁾. Сложность явления всегда побуждает при переходе от чисто конкретной науки к абстрактной создавать промежуточную науку. Так напр. сложность морфологии животных организмов еще не позволила создать науку о морфологических законах, но в сравнительной анатомии мы имеем такую промежуточную науку, которая поможет в будущем созданию науки о законах морфологии. То же самое с социологией. Чем больше развивается история, тем более делается возможным создание сравнительной историки. Примерами такой сравнительной историки будут исследования Моргана о

ского, печатавшийся в „Известиях Академии Наук“ и полныя крайне интересных литературных указания.

Шопенгауэр прямо говорит: „Главы человеческой истории в сущности отличаются между собой только именами и хронологией, действительное содержание их одно и то же“. Мир, как Воля и представление. Том II Перев Айхенвальда, стр. 455.

Истина, вероятно, посредине между этими двумя крайними взглядами: историческое явление состоит из неповторяющихся и повторяющихся элементов.

¹⁾ Эта задача выполнена теперь через 15 лет Рожковым в его „Русской Истории в сравнительно историческом освещении“. Там феодализм изучается у всевозможных народов Запада и Востока и устанавливается понятие о „феодальной революции“, после которой устанавливался феодальный порядок.

первобытной семье. Сюда же во многом относится сочинение Фюстеля-де-Куланжа об античной общине ¹⁾).

Все эти успехи сравнительной истории делают еще более шаткой Виндельбандовскую концепцию идиографических наук.

Помимо истории, сравнительной истории и социологии есть еще четвертая дисциплина, изучающая общественные явления. Это философия истории. В ней опять возвращается время, которое было элиминировано в социологии.

Но в то время, как история изучает только определенные периоды времени, философия истории рассматривает исторический процесс, как нечто целое. Она обращает внимание не на пестроту подробности и детали исторического процесса, не на законы социальной жизни, а на исторический процесс, рассматриваемый, как единый объект, на его начало, конец, на его сущность.

Философия истории различается от социологии. Различия эти следующие: 1) Социология—наука о законах, управляющих общественной жизнью, философия есть теория исторического процесса, взятого, как целое. 2) Социология—наука, независящая от гипотез и от общего мирозерцания, в философии истории невозможно устранить это влияние: философия истории будет всегда в зависимости от философских предпосылок, будет всегда частью философии.

3) Социология ставит своей целью рассмотреть соотношения всех сторон общественной жизни, философия истории выбирает какую-нибудь сторону, которую считает сущностью исторического процесса. Одним словом социология занимается вопросом, как (по каким законам) живет общество, а философия истории занимается вопросом, что такое исторический процесс.

¹⁾ На основании исследований проф. Ключевского позволительно расширить понятие об античной общине и распространить его на весь Киевский период нашей истории. По его концепции княжества удельного периода были настоящия античные общины с преобладанием торгово-промышленного класса, с рабовладением, с сильно развитой внешней торговлей, с вечем аналогичным *эххлустии*.

Все это является очень ценным материалом для сравнительной политики и истории.

Очерк философии истории.

ГЛАВА II.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

Философия истории, как всякая философская дисциплина, старается объединить наше знание, установить связь между социальным и материальным.

Это, мне кажется, она может сделать только одним путем. Нужно установить, 1) что все коллективно психологическое, также как и индивидуально психологическое, определяется в конечном счете состоянием его материальной природы. 2) Материальная природа человека подвергается в течении истории правильным изменениям, которые и составляют сущность исторического процесса.

Но мы условились, что философия истории должна заниматься сущностью, началом и конечной целью исторического процесса, а с другой стороны она должна связать исторический процесс с космосом вообще,—ввести понимание исторического процесса в общее философское мировоззрение. По этому философия истории должна быть развитием, доказательством одной центральной идеи, *идеи психо-физиологического параллелизма в его применении к истории.* Сущность социального процесса не в изменении учреждений, верований и т. д.—Это только поправки, движение которых указывает на сокровенные и важные процессы там в глубине человеческой биологии. Если бы сам человек не менялся в истории, то, пожалуй, был бы прав Шопенгауэр, говоря что мир похож на драмы Гоцци, где постоянно являются одни и те же лица, с одинаковым замыслом и одинаковой судьбой.... После всех опытов прежних пьес—Панталоне не стал проворнее или щедрее, Тарталья совестливее, Бригелла смелее и Коломбина скромнее.

Но если человек меняется, если изменяются все эти:—Панталоне, Тарталии и т. д., то изменение человека и должно быть сущностью истории, совершенно меняющей самый характер мировой пьесы. Эволюционное направление прошлого века, разлившееся столь мощным потоком по различным областям человеческого знания, не коснулось еще самого человека. Природа его признается без дальнейших доказательств неизменной. Так делает напр. Ог. Конт. Вундт говорит: Исторические промежутки времени очевидно слишком малы, чтобы их можно было принимать в расчет при

исследовании проблем развития рода, которое для каждого заметного изменения требует относительно неизмеримых промежутков времени ¹⁾

Но это утверждение не доказательно, ибо, как раз, в культурном состоянии животные виды способны к быстрым изменениям чуть не на глазах у одного и того же наблюдателя. Конечно изменчивость человеческой природы пока является гипотезой, но не нужно забывать, что и противоположное утверждение о постоянстве материальной природы человека есть такая же гипотеза. Приведу некоторые доказательства в пользу изменчивости человеческой природы.

Характер болезни зависит безусловно от материальной природы человека, а не от его социальной среды; по этому, если бы природа человека была бы постоянной,—тип болезни был бы один и тот же. Между тем как теперь все больше и больше среди психиатров создается убеждение, что прогрессивный паралич помешанных изменился за самое короткое время, протекшее с начала XIX столетия, со времени классической школы психиатрии. Классический прогрессивный паралич помешанных с резко выраженными периодами болезни, манией величия и бредом преследования все меньше и меньше встречается в лечебницах для душевно больных. Слабоумие, которое в классическом параличе наступает только, как конечный стадии болезни, теперь появляется все раньше и раньше, все больше затемняет картину болезни и прогрессивный паралич помешанных становится паралитическим слабоумием.

То же самое отмечает Странский для депрессивно-маниакального помешательства и для аменгии. Вот что он пишет в *Handbuch der Psychiatrie*, 6 Abtheilung „Das manisch depressive Irresein“, стр. 118.

„С другой стороны мы видим—сравни А. Pick ²⁾ Redlich, ³⁾ Hirschl (Discussion zu Nepalpek), и др.—что маниакально депрессивный психоз также меняет свой вид, что его симптоматология нивелируется, что увеличивается число атипических случаев; частью это падает на лучшее клиническое изучение и наблюдение, в остальных случаях могут быть действительно изменения в общей картине сравнительно с другими эпохами и может быть я вправе высказать относительно маниак—депрессивн. помешательства мысль, которую я высказал относительно аменгии, что к этим изменениям причастны социальные и расовые сдвиги в населении, которые современная

¹⁾ Logik III 433.

²⁾ Pick. *Über Änderungen im zirkulären Irresein*. Berlin. Klin. Wochenschrift. 1899.

³⁾ Redlich *Über Psychosen bei Neurasthenikern*. Wien. med Presse. 1902.

жизнь производит в некоторых местностях, в больших городах, в культурных центрах“.

Как об'яснить эту разницу в клинических картинах болезни, — как не изменением человеческой природы, а ведь такое изменение совершается на наших глазах, в какия нибуд 50—40 лет. Замечено, что сифилис имеет теперь совершенно иное течение, чем при тех страшных опустошениях, которые он производил в конце средних веков. Злокачественный сифилис—*syphilis maligna* встречается все реже и реже. Впрочем это можно об'яснить одинаково, как изменением человеческой природы, так и вырождением, изменением самого сифилитического яда.

Но самая полиморфность течения многих болезней, — каков например сифилис, безусловно зависит от различия материальной природы человека. Проф. Даркшевич указывал нам, что у тех лиц у которых был резко выраженный кожный сифилис, зачастую не бывает последующих явлений нервного сифилиса, и наоборот случаи легкого первичного и вторичного сифилиса через несколько лет осложняются сильными третичными сифилитическими заболеваниями, поражающими нервную систему.—Отсюда видно, как различна материальная природа у людей, как избирательно действует на нее сифилитический яд... То же самое и с истерией. Это такая полиморфная болезнь, она так различно проявляется у различных людей, что не может быть изображена в единой клинической картине. Опыты, которые Шарко производил с гипнозом у истеричных, не могут быть в точности повторены никем из позднейших исследователей, а между тем в Сальпетриере их наблюдали тысячи людей. Если материальная природа людей так различна у различных людей в одно и то же время, то тем более она может изменяться с течением времени и изменяться более или менее законо-сообразно. Некоторые болезни как бы появляются вновь, рождаются на наших глазах. Такая модная болезнь, как *neurasthenia*, насчитывает только 24 года; она была открыта в 1880 году американским врачом Бёрдом. Очевидно, что болезненные симптомы, свойственные этой болезни не обращали раньше внимания врачей;—мы можем заключить отсюда, что число больных, страдавших этой болезнью, увеличилось за последнее время.

Hellpach (в *Nervositat und Kultur*. Berlin 1902) говорит даже об истерической и неврастенической культурных фазах. Первая свойственно средним векам, ее основная психическая черта внушаемость; она вырастает на почве монотонности жизни и недостатка впечатлений; другая фаза неврастеническая—свойственна векам капитализма, эпохе усиленной работы, переутомления, перераздражения обильными захватывающими впечатлениями. Об этом смотри историка Lamprecht'a. Обильный и интересный материал об истерии

и внушаемости собрал Н. К. Михайловский в своих статьях о герое и толпе.

Сравнение болезней, которыми хворает сельское и городское население, показало бы между ними значительную разницу в этом отношении. Едва ли эта разница может быть всецело сведена на различие во вредных этиологических моментах, действующих на городское и сельское население; значительная доля ее должна быть об'яснена различием физиологического и гистологического характера самих организмов.

Так, например, сухотка спинного мозга, этиологическим моментом которой по наиболее распространенной теории является сифилис—гораздо чаще встречается в городском населении, чем в деревенском, хотя сифилис распространен и в городе и в деревне.

Психозы вообще сильно зависят от расы и национальности. Есть расы особенно предрасположенные к психозам, напр. еврейская. Психозы среди них встречаются в 2 раза чаще, чем среди русских; большая заболеваемость евреев псих. болезнями отмечена и в Германии.

Одним расам свойственны более одни психозы, другим—другие. Аффективным расам (славяне, кельты, романские нации) более свойственно маниакально-депрессивное помешательство, чем германской расе. Очень свойственно оно также евреям. Среди самой германской расы в этом отношении имеются большие различия, указанная болезнь более свойственна югу Германии, чем северу. Депрессивно-меланхолические состояния особенно часто встречаются в Тюрингии и в Швабии. Странский (op. cit, стр. 117).

Дегенеративные формы чаще бывают во Франции и Бельгии, чем у нас, что об'ясняется гораздо более далеко зашедшей культурой, чем у нас и подтверждает защищаемую нами зависимость вырождения от культуры. Впрочем за последнее время все чаще и чаще отмечались и у нас дегенеративные формы: „некоторые формы психозов замечаются главным образом среди мало развитых наций и племен напр. мерячение замечается очень часто между малообразованными племенами Сибири“ Корсаков. Психиатрия, стр. 410.

Другим примером изменения человеческой природы является ранее облысение и раннее выпадение зубов в культурном человечестве, часто несмотря на самый тщательный уход за ними. Об'яснить это выпадение зубов одними сладостями—было бы слишком рискованно. Вероятно причина коренится в их ослабленной жизнениности, как следствии изменения материальной природы культурного человека ¹⁾.

¹⁾ Peatschick нашел среди 12018 индивидуумов, исследованных им 92 процента, страдающих костоедой одного или нескольких зубов. Очень часто слабость зубов природна и обнаруживается в раннем детстве. У негров, малайцев и у черепов наших предков имеются более крепкие зубы, чем у нас.

Совершенно также в человечестве прогрессирует и близорукость. Хотя близорукость приобретается человеком обыкновенно благодаря его профессии, все-таки имеется на лицо анатомическое предрасположение к ней в тех или иных аномалиях устройства глаза. Близорукость очень часто, приблизительно в 50%, бывает наследственной. Роды культурной женщины становятся все более и более трудными, в то время как у диких народов они совершаются очень легко.

Точно также понижается способность женщины к вскармливанию ребенка. Проф. Мечников смотрит на менструацию, как на нечто паталогическое, аномальное, приобретенное человечеством в ходе его развития: „менструальная жидкость, говорит он, ¹⁾ при ее теперешнем составе, по всей вероятности зависит от видоизменений, наступивших в сравнительно недавнем периоде развития человечества“ Далее,—стр. 66. „Вместе с этим странные, аномальные и даже паталогические свойства менструаций становятся легко понятными. Обильное кровоистечение, предшествуемое и сопровождаемое болями и часто очень явными нервными и психическими состояниями,—все это не имеет аналогий ни с какими явлениями нормальной физиологической жизни“. Я не буду утруждать внимание дальнейшими соображениями, почерпнутыми из современной биологии человека. Мне кажется, что гипотеза изменчивости человеческого организма в ходе истории имеет за себя некоторые данные. А между тем только на этой гипотезе может быть построена рациональная философия истории. При ее посредстве история человечества становится одной из глав истории вселенной, частным случаем изменчивости видов.

Все то, что мы называем культурой, есть один из факторов, способствующих быстрой изменчивости физической природы человека. В этом биологическое значение культуры. Многие писатели, например Бердяев, видели в культуре возрастающую власть человека над природой и из различных степеней этой власти старались выводить различие исторических эпох. Но эти различные степени власти человека над природой необходимо отражались и на самой природе человека, а изменившаяся природа человека в свою очередь требовала другой степени власти над природой.

Теперь постараемся охарактеризовать ход изменений человеческой природы в истории. При современном зачаточном состоянии гистологии и физиологии нельзя дать точных законов этих изменений; можно только указать их общий ход, указать метод для будущих исследований. Может быть со временем гистология и физиология будет изучать не абстрактного человека, а отдельных конкретных

¹⁾ Этюды о природе человека, стр. 64.

людей, даст возможность классифицировать их, укажет на законы исторической изменчивости организма.

Тогда будут точно разрешены спорные вопросы теории рас и влияния природы на человека.

При теперешнем состоянии наук ход этих изменений может быть прослежен в двух направлениях.

Изменчивость организма зависит от двух причин, которая связана с именами двух великих естествоиспытателей прошлого века Дарвина и Ламарка. Первая есть закон борьбы за существование, выживание наиболее приспособленных, вторая есть закон изменения организма и органов под влиянием функции. Эта вторая причина, ясно сформулированная Ламарком, но иногда доведенная им до крайности (напр. его утверждение, что у жирафы шея вытянулась от срывания листьев с высоких веток) подвергалась незаслуженному пренебрежению, но в последнее время она выдвинулась снова над названием нео-ламаркизма и вызвала оживленное обсуждение (Спор Спенсера и Вейсмана).

Один Дарвинизм не может объяснить появление целесообразных отклонений от первоначального типа, он может объяснить только сохранение их. Приходится ссылаться на случайные вариации. Поэтому сам Дарвин отказался объяснить с точки зрения своей теории появление таких сложных органов—как глаз. Между тем функциональная теория может объяснить это довольно просто. Свет, действуя на определенное место ткани, изменяет ее, образуя как бы световую мозоль, которая потом становится очень чувствительной к свету, как обыкновенная мозоль к трению¹⁾.

В виду этого мы будем пользоваться, как дарвиновским, так и ламарковским принципом, считая даже последний за более важный для истории.

А. Влияние на организм борьбы за существование. Влияние это двойное, сообразно с двумя разрядами животного видов. Все виды могут быть разделены на пластические, из которых и дивергируют различные виды (виды отдаленных геологических эпох) и виды непластические уже дивергировавшие, неспособные к образованию новых видов (таков человек и большая часть известных нам видов животного царства).

Организмы еще формирующиеся, виды еще не установившиеся борьба за существование изменяет, заставляет эволюционировать и образовывать новые виды. Но это только с видами пластическими, не утратившими свою пластическую новообразовательную способ-

¹⁾ Ру в своей „Kampf der Theile im Organisme“ попытался на основании аналогичных принципов функционального изменения вывести целесообразное распределение костного скелета в организме.

ность. Не то с видами не пластическими, на них борьба за существование и выживание приспособленных оказывают обратное влияние. Она устраивает вариации организма, которая, не будучи в состоянии повести к образованию новых видов, повели бы только к вырождению вида. Устранением этих вариаций, как невыгодных в жизненной борьбе, борьба за существование способствует сохранению в чистоте окончательных, не пластических видов животного царства. По этому то в настоящее время в природе мы и не можем наблюдать никаких следов новообразования видов.

Другое положение, которое я хотел бы доказывать теперь подробно, это то, что с течением истории, с развитием власти человека над природой, его материальных средств с одной стороны, и развитием сострадания и нравственных чувств с другой стороны,— борьба за существование в человеческих обществах будет все больше и больше ослабевать. Правда борьба не исчезнет, но она примет другой характер. С нашей точки зрения такое прекращение борьбы за существование поведет к увеличению вредных вариаций непластического вида, каков человек. Другими словами прекращение борьбы за существование должно повлечь за собой вырождение человека. Недостаток времени заставляет нас быть схематичным.

Б. Принцип функциональных изменений, принцип Ламарка.

Мы можем его формулировать так:—органы и целые организмы изменяются сообразно с той функцией, которой они подвергаются. Сюда относятся случаи атрофии от неупотребления, викарной или рабочей гипертрофии органов, такие болезни, как напр. атония кишек.

К истории мы можем следующим образом приложить этот принцип. История во многом является ареной на которой разыгрывается резкая противоположность между городом и деревней. Подвиги Иоанна Грозного в Новгороде и ужасы недавней парижской коммуны показывают, какими кровавыми потоками окрашивается эта противоположность.

Эта противоположность, всегда являвшаяся одним из главных двигателей истории, всецело сводится на разницу двух культур: мышечной и нервной. Преимущественное функционированье мышечной ткани характеризует мышечный период, преимущественное функционированье нервной ткани—характеризует нервный период, их связывает между собой промежуточный период—нервно-мышечный. Эти деления мышечный, нервно-мышечный и нервный мы пока должны рассматривать абстрактно.

Труд мышечного периода это всегда *ряд координированных мышечных движений*, труд нервного периода—это ничего больше,—как работающее внимание. Вы видите, как изменился характер работы. Если вы теперь мысленным взором охватите наш современ-

ный большой город, вы увидите как мало в нем начинают работать мышцы, как много—*внимание*. Я не буду говорить о работе ученых, художников, юристов, чиновников и врачей—ибо ясно, что их работа есть только творческое внимание...

Я постараюсь спуститься глубже в самые подземелья народной жизни.

Телефон, телеграф только напряжение внимания, ужасное, аномальное напряжение, — в несколько лет расшатывающие нервы. Торговля, контора—одна работа внимания. Даже труд извозчиков в больших городах становится работой внимания. Машина вытесняет мышцу, но управление ею всегда требует человеческого внимания. Фабрика все больше заменяет мышечное усилие работой внимания. И я предвижу те времена, когда весь мышечный труд города будет заключаться в спорте.

Это замена мышечного труда—нервным должна отражаться на всей психологии города, мозг должен раздражаться, развиваться иначе, чем в деревне. Он должен переутомляться в городе, что невозможно в деревне. А если усталый мозг захочет отдохнуть, его манят к себе—театр, концерты, картинные галереи, умные разговоры с друзьями, где внимание его также занято, где мозг его собственно не отдыхает. Поэтому состояние наиболее энергичных и культурных людей—хроническое переутомление нервной системы—*Neurasthenia*, которая выражается в явлениях раздражительной слабости. Эта раздражительная слабость представляет сущность психологии большого города, в самых разнообразных эпохи, все равно—Парижа XIX века, или Афин IV века. Ею объясняется импульсивность города и жажда все новых и новых наслаждений; городская суетливость, беспокойное напряженное состояние духа, которое отражается на лице каждого почти жителя большого города. Все это резко контрастирует с консервативным спокойствием, сосредоточенной вялостью и тихой животной жизнью, в которую погружена деревня.

Психологически разница между мышечным и нервным периодом заключается в появлении в этот последний новых потребностей—*потребностей центральной нервной системы*, помимо чисто животных.

Раздражительная слабость нервной системы вызывает целый ряд нервных потребностей для такой чувствительной нервной системы—это будет,—то жажда возбуждения, контрастирующих чувств, жажда чего-то острого, необыкновенного, которая проникает насквозь психологию интеллигенции.

Другими словами, нервная система, которая раньше регулировала все животные потребности организма, теперь приобрела свои собственные нервныя потребности. Когда наука является только

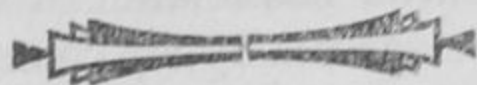
борником полезных сведений для жизни,—это еще не культурное общество, оно становится им только тогда, когда начинают любить знание ради знания, когда оно начинает удовлетворять самостоятельную потребность нервной системы. По этому биологическая формула культуры такова: *культура в обществе заключается в появлении нервных потребностей и в накоплении средств для удовлетворения их.*

Отсюда видно какая тесная связь у культуры и нервности (чувствительности и раздражительности нервной системы).—Говоря одним словом—культура есть социальная нервность¹⁾. Таким образом в культурном человеке нервная система, которая прежде являлась только регулятором мышечных движений и растительной и животной жизни,—приобретает самостоятельное значение. Она становится как бы „организмом в организме“, который свои потребности начинает ставить выше потребностей организма. Нервная система становится гигантским паразитом в организме, или безжалостным эксплуататором.

Сравнение нервной системы с паразитом было сделано Тидеманом и Шопенгауэром. „Кажется, это Тидеман впервые сравнил мозговую нервную систему с паразитом (Журнал для физиологии, Тидемана и Тревирануса. Т. I-ый, стр:62). Сравнение очень меткое, потому что мозг вместе с прилегающим к нему спинным мозгом и нервами, как бы привит к организму и им питается, со своей стороны не делая непосредственно ничего для поддержания экономии последнего“. („Мир, как воля и представление“. Т. II, страница 249).

Только надо добавить, что этот паразитарный характер нервной системы растет в ходе истории и заслоняет первоначальную служебную роль ее. Суммируем все изложенное.

- 1) Человеческая природа изменяется.
- 2) Человеческий труд переходит от мышечных усилий к работе внимания.
- 3) Появляются нервные потребности, совокупность средств для удовлетворения которых и называется культурой.
- 4) Нервная система утрачивает служебную роль и приобретает паразитарный характер в организме.
- 5) Человечество нервно переутомлено.

¹⁾ Вопрос о связи между культурой и нервностью дебатировался Helbach's Nervosität und Kultur. Автор решает его так, как обычно решается.—Нервность не вытекает из культуры, а объясняется некоторыми сопутствующими аномалиями социального строя.

ГЛАВА III.

Вырождение человечества.

Я уверен, что с течением времени это переутомление, эта утонченность нервных отправлений будет все суммироваться, передаваясь путем наследственности и увеличиваясь путем того же раздражающего действия культуры. Раздражающее действие культуры будет суммироваться с из'ятием от борьбы за существование, с из'ятием от закаляющего воздействия неблагоприятных условий жизни. В том физическом благополучии, которое выпадает же когда-нибудь на долю голодающего и холодающего человечества, человеческий организм изнежится, животная жизнь ослабеет, и в противовес разовьется нервная жизнь; значит и Ламарковский и Дарвиновский принципы будут действовать в одном и том-же направлении,—в направлении энervирования человечества. К чему же повлечет, все это, куда мы идем? Ответ, мне кажется, может быть только один.—Человечество медленно, но верно шествует к своему постепенному биологическому вырождению.

Такая страшно нервная жизнь, такое трепетание нервов, такая утонченность всех отправлений, которая разовьется в будущем человечестве—будет биологическим регрессом, ибо она ослабит организм.

Может быть с психологической стороны это будет прогрессом—„ростом духовной энергии в применении к истории“, о которой говорит Wundt (Logik III. 403.) и с которым он отождествляет исторический закон прогресса. Но с биологической стороны—это будет несомненным регрессом. Временный под'ем нервной деятельности, увеличение утонченности будет уравниваться страшной слабостью, истощенностью нервной системы. Краткость времени мешает мне остановиться на всех факторах вырождения и привести все доказательства возможности его. Приведу некоторые.—Важным фактором вырождения будет грядущая иррелигиозность¹⁾.

¹⁾ Об этом смотри: Гюйо. Иррелигиозность будущего. Гефдинг. Философия религии, сравни с этим мысли Гете о „мировой религии“. По русски смотри Мережковского (Толстой и Достоевский. Грядущий Хам), Розанова, Вяч. Иванова, Булгакова, Бердяева (Sub specie aeternitatis. Философия свободы. Смысл творчества) Луначарского („Религия и социализм“ 2 тома“).

Иррелигиозность, конечно, лишит человека той спокойной жизненности, которая является отличительной чертой среднего религиозного человека. Она лишит его надежды на будущую жизнь, заставит жить интенсивно этой жизнью, разбудит жажду острых земных наслаждений, словом будет действовать в том же энервирующем направлении.

Другой фактор вырождения это будет то, что я позволю себе назвать:— „законом исчерпания духовной деятельности“.

Он основывается на том положении, что мир в действительности (in actu) — конечен, но мыслится нами бесконечным, вследствие формальных свойств самой мысли.—Раз это так, то и духовная деятельность не может отражать вечно и вечно новые стороны мира, нет, эти стороны исчерпаются и все дальнейшее будет только повторением пройденного. Так исчерпаются одно за другим искусство, наука, философия. Все ценное, все существенное будет исполнено и закончено. Не будет материала для великого творчества и людям того времени, как бы талантливы они не были, останется печальная роль эпигонов, горькое сознание, что они слишком поздно пришли в мир.

Великия творения искусства осветят достаточно вселенную и человека, все дальнейшее станет жалкой пародией. Наука даст определенные теории относительно основных вопросов знания (их не так много, и новых что то не прибавляется со времени греков). Все остальное будет ремесло и комбинаторика. Также исчерпается и философия, ибо основные типы ее намечены еще в греческой мысли. Западная философия отлична от античной не потому, что были найдены новые типы мысли, а потому что обновился научный материал. Но в философии главное не материал, а те выводы, к которым она приходит. Эти выводы (позитивизм, эволюционизм и т. д.) уже почти исчерпались и в наше время.

Конечно такое прекращение творчества, накладывая на всю земную жизнь отпечаток чего то обидного и безцельного, мрачным камнем ляжет на душу людей и явится постоянным фактором вырождения.

Я не буду здесь касаться индуктивных доказательств вырождения во всем объеме. Материал, какой мы имеем, пожалуй, недостаточен для строго проведенных индуктивных доказательств. Коснусь только самоубийств и сумасшествия.

Вопрос о соотношении между сумасшествием и цивилизацией очень сложен. Статистика показывает значительное увеличение числа душевно-больных за последнее время. Так в Великобритании число душевно больных с 1,81 pro mille населения в 1862 поднялось до 3,18 в 1892 г. Городское население вообще значительно больше расположено к заболеванию душевными болезнями. Больше

всего процентное заболевание между лицами так называемых либеральных профессий, — между художниками, артистами, гувернантками. Довольно часто заболевают душевно врачи. По вычислению проф. Сикорского в России на 28 случаев смерти врачей приходится одно самоубийство, тогда как вообще одно самоубийство приходится на 1200 смертей. Может быть увеличение и объясняется улучшением регистрации, но по мнению авторитетов психиатрии не может быть всецело сведено на него, и часть должна объясняться прямо цивилизацией.

Но вопрос сложнее, нужно выяснить, в какой мере этот прирост объясняется ростом сифилиса, по известной формуле: „Цивилизация—это сифилизация“, и в какой мере объясняется самым ростом культуры. За последнее время высказывались сомнения в самом росте числа душевных болезней с течением времени. Такое мнение высказывал Тильковский на основании статистических данных для Вены и Нижней Австрии, сравни по этому поводу рефераты Тамбурини и Рюдина на психиатрическом конгрессе в Берлине в 1910 г. Но ненужно забывать, что сумасшествие и вырождение—понятия непокрывающия друг друга, они относятся друг к другу, как пересекающиеся круги.. Есть много вырождающихся, которые не суть душевно больные, и есть много душевных болезней, не имеющих ничего общего с вырождением (болезни после травм, острых соматических болезней и т. д.). Поэтому судить о вырождении по сумасшествию нельзя, я утверждаю, что вырождение растет гораздо скорее, чем душевные болезни.

Скорее можно судить о душевных болезнях по числу самоубийств.

В богатой промышленной Саксонии число самоубийств насчитывается 310 на миллион жителей, в бедной, голодающей России 30 (на миллион жителей). Всюду город дает большее число самоубийств, чем деревня. В 1859 г. Лондон дал 9,1, а вся остальная Англия только 6,4 (на 100,000 жит.).

По странам приходится на 1 миллион жит. самоубийств.

	Англия	Франция	Пруссия
Страна	69	110	123
Столица	91	646	212
	Дания		
Страна	288		
Столица	447		

Значительное число самоубийств, если исключить какого нибудь Катона или Брута, случается на дегенеративной подкладке.

Число самоубийств все увеличивается с течением времени. Во Франции число самоубийств на 1 миллион жителей увеличилось с 1826 года по 1861 с 54,6 до 101,9. В то время как население увели-

Пришлось только на $\frac{1}{5}$ число самоубийств увеличилось в 8 раз скорее. В Дании число самоубийств с 1835—1855 возросло с 261,6 до 414, а в Пруссии в 1865 г. на 10000 жителей приходилось 63 самоубийства, а в 1883 г. 109 самоубийств. Для позднейших эпох то же самое.

Зато связь преступления, с дегенерацией в высшей степени спорна и неопределенна. Если между преступниками есть несомненные дегенераты, то это ничего не доказывает; в громадном большинстве случаев преступление, особенно если преступлением считать нарушение какого нибудь параграфа свода законов, есть явление социальное. Якоби в своей известной книге—*Etudes sur la selection chez l'homme*. Paris. Alcan. 1904 следующим образом проводит даже антитезу между сумасшествием и преступлением. Сумасшествие немного чаще у женщины, чем у мужчины; преступление в 4—5 раз чаще у мужчины. Сумасшествие всего чаще в 25—30 лет, медленно падает с возрастом, оставаясь еще очень частым в старости. Преступление всего чаще в 45 лет, быстро падает с возрастом, оставляя почти нетронутой старость. Сумасшествие увеличивается с образованием, преступление падает. Сумасшествие сравнительно чаще у горожан, чем у жителей деревни; преступление сравнительно чаще у уроженцев деревни (стр. 490).

Мы нашли в ходе истории многочисленные дегенерирующие факторы, но для полного доказательства грядущего вырождения нужно установить наследственность вырождения. Действительно никакая болезнь не имеет такого интимного отношения к наследственности, как душевная. По данным Московской психиатр. клиники психопатическая и алкогольная наследственность наблюдается в 85,—83% случаев, да и из остальных 6%, 5%, это такие, где наследственность неизвестна.

Иногда наследственность удивительна. Известен случай Гаммонда. Один господин перерезал себе горло в ванне, будучи 35 лет. Он оставил 2 х сыновей и 1 дочь; все они в том же возрасте лишили себя жизни тем-же способом; дочь оставила сына, который также, таким же образом лишил себя жизни на 31-ом году. Другой удивительный пример одинакового бреда у двух братьев близнецов. Потрясенные случаем воровства, оба они увидели одинаковый сон в один и тот-же час, будучи на расстоянии нескольких верст. Пробудившись под влиянием кошмара, каждый крикнул: „я держу вора, на брата напали“. После чего и у того и у другого наступил бред, окончившийся смертью. Французские авторы дали даже особое название психическим расстройствам близнецов (*folie gemellaire*). Пытались даже установить закон этой психологической наследственности, но это еще дело будущего.

При неврозах также различают *Neurasthenia congenita* (прирожденная нейрастения) от *Neurasthenia acquisita* (нейрастения

приобретенной). Понятие вырождения слишком сложно, а наши научные познания слишком несовершенны, чтобы мы могли теперь же дать исчерпывающую формулу, обнимающую все виды. Единственным общим признаком во всех этих случаях будет биологический регресс. Мы можем пока наметить некоторые типы вырождения. В 1857 году, опередив на два года Дарвиновское „Происхождение видов“, вышло произведение, которое дополняет его и вместе с ним должно разделить славу двух устоев научной биологии,—это сочинение Морелья „Traité des dégénérescences physiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine“.

Морель так определяет вырождение: „Под вырождением следует разуметь паталогическое уклонение от первоначального типа. Вырождение, хотя бы оно было вначале очень несложно, включает в себе такие наследственные элементы, что человек, пораженный им становится все более неспособным исполнять свое назначение“.

Морель рассматривает почти исключительно интоксикационное вырождение: Морельевское вырождение всегда наступает вследствие отравляющего действия сифилиса, алкоголя, и др. возбуждающих веществ; пелюгры, малярии, зоба и т. д. Морель пытался даже установить правильные стадии в этом наследственном вырождении.

В противоположность этому Ломброзо установил другой тип вырождения—атавистический.

По его теории вырождение выражается неврозом, похожим на падучую болезнь, а с другой стороны возвратом к типу диких некультурных предков. По его теории человека постигает участь яблони; если благородную яблоню оставить без ухода, она регрессирует и становится дичком, возвращается к типу предков. К этой дегенерации относятся прирожденные преступники с резко выраженными физическими стигматами вырождения.

Но нужно к этому добавить еще третий тип. Это так сказать „нервное перерождение“ человека, говоря терминами патологической анатомии, его „перещивилизованность“.

Этот третий тип вырождения, всецело примыкающий к нейростени и истерии, выражающийся, как мы видим, в утонченности нервной системы, в преобладании нервных потребностей, в паразитизме нервной системы, во многом противоположен двум первым, а особенно второму.

Там возвращение к некультурному состоянию, к предкам, тут переход в черезчур культурное состояние, в состояние эпитонов. К этому третьему типу вырождения обыкновенно относятся неуравновешенные гении. Благодаря своей перекультурности они и могли начинать собой новые культурные эпохи. К этому типу дегенерации относятся *degenérés superieurs* французской школы. В противо-

положность вырождающимся Мореля и Ломброзо, они отличаются обыкновенно способностями, зачастую выдающимися, но *односторонними*, сильной возбудимостью чувства и импульсивностью воли. Как раз эти черты свойственны „городскому типу“ человечества, где специализация деятельности требует зачастую односторонних способностей, где развитое общение с людьми и культура создают почву для возбудимости чувства, а свобода от постоянной борьбы с природой, которую ведет деревня, способствует импульсивности воли. Таким образом в психике *degenérés supérieurs* мы наблюдаем психику большого города только более резко выраженную. А так как ход культуры вносит и в деревню черты городской жизни, сближает ее с городом, то не в праве ли мы спросить себя, не будут ли эти *degenérés supérieurs* той конечной станцией, куда направляется эволюция человека.

То обстоятельство, что этот третий тип „нервного“ вырождения не был установлен достаточно, помешало прежним исследователям вырождения видеть в нем основной, исторический закон человечества, венец биологии человека.

Между тем все исследователи вырождения видели в этих вырождениях нечто случайное в истории, какой то необычный продукт нашей эпохи, а не то, к чему движутся все эпохи. Так Макс Нордау, смешав в одну кучу все без исключения выдающиеся духовные произведения новейшего времени и болезненные и вполне здоровые, Бодяера и Золя, Ницше и Толстого и об'явив их вырождением, все таки питает самая радужная надежды на будущее. Он говорит: „Дойдет ли дело до этого? (до окончательного вырождения). Нет, я этого не думаю. Основываюсь я на соображении, против которого, кажется, трудно что-либо возразить—человечество не достигло еще зенита своего развития, и чрезмерное напряжение двух, трех поколений не могло исчерпать всех его жизненных сил.—Человечество еще не старо. Оно молодо, а для молодости минута переутомления не страшна:—сила снова установится“. Вырождение, стр. 521).

Далее М. Нордау думает, что вырождающиеся исчезнут в борьбе за существование, останутся здоровые субъекты, и на земле водворится благополучие и мир.

Правда, Нордау приходится жертвовать для этого прогрессом общества, искать спасение в „мизонизме“ Ломброзо, в отвращении к нововведениям, в консерватизме, возведенном в систему. Но едва ли основательны надежды Нордау, „что под шлаком“ человечества, под этой безжизненной корою быстро и равномерно течет живая, бьющая масса.

Конечно существуют „резервные классы“ и „резервные народы“. Благодаря их существованию и пополнялось человечество, затуха-

ывалось до сих пор вырождение его. Эти резервные классы и резервные народы, свободные от культуры и от нервного перерождения и не давали проявиться до сих пор универсальному, биологическому закону вырождения.

Но культура вовлекает в свои объятия один за другим резервные народы Азии и Африки, и добровольно, как японцев, и против воли—как китайцев. Скоро не останется на всем земном шаре ни одного не культурного места. Те же народы, которые не могут принять культуры, всетаки вырождаются при соприкосновении с ней. Такова была судьба океанийцев и краснокожих.

Это только здоровый инстинкт китайского народа, самого древнего, значит, самого жизненного из всех народов, заставляет его сопротивляться введению культуры современной Европы.

Пусть будет государство слабо,—но народ жизненен. Параллельно с распространением культуры в ширину идет ее распространение в глубину, в резервных классах общества.

По мере этого распространения исчезнут и резервные классы, и останутся одни наличные классы. И так постулат социально-биологического параллелизма и вытекающая из нея идея вырождения должны явиться главными идеями философии истории, освещающими все малейшие подробности исторического процесса.

В совокупности этих идей мы видим ответ на вопрос о начале, сущности и конечной цели исторического процесса.

Любопытно, как на начало человеческой истории смотрит такой далекий от идеи вырождения писатель, как Мечников.

Мечников приводит сначала любопытное доказательство в пользу родства человека с обезьянами. Доказательство это основано на следующем: сыворотка животного *a*, которому привита кровь животного *b*, получает специфическое свойство растворять кровь этого животного *c* и никакого другого.

Теперь сыворотка животных, привитых человеческой кровью растворяет не только человеческую кровь, но и кровь некоторых обезьян. Значит между человеком и обезьянами большое сродство.

Далее Мечников находит, что человек по сильному развитию черепа сравнительно с лицом, походит на молодую обезьяну, а по зачаточному волосяному покрову на зародыша обезьяны и заключает отсюда, что человек есть остановка развития, как бы вырождение обезьяны ¹⁾.

„Из суммы всех известных данных мы имеем право вывести, что человек представляет *остановку развития человекообразной обезьяны*“.

¹⁾ Зародыш обезьяны имеет волосы только там, где они есть у человека на голове, у губ, у полов. органов. Деникер.

аны более ранней эпохи. Он является чем то вроде обезьяньего урода, не с эстетической, а с чисто зоологической точки зрения. Человек может быть рассматриваем, как необыкновенное дитя человекообразных обезьян, с гораздо более развитым мозгом и умом, чем у его родителей*. (Этюд о человеческой природе. 39). Таким образом и начало человека было вырождением, появлением уродов среди обезьян, а конец его:—появление вырождения среди людей.

ГЛАВА IV.

Деревня и город.

Нам в высшей степени важно изучить сравнительное влияние городской и деревенской жизни на биологию расы. Этот вопрос встретится нам и в истории Рима. Руссо, а за ним другие оплакивали влияние городов на жизнь человечества. Потом обратил внимание на влияние городской жизни Paul Jacoby в своих „*Etudes sur la selection sociale chez l'homme*“. Сельское население по его мнению отличается от городского своей большей пассивностью. Городское более талантливо, но зато оно скоро истощается: „систематическое и непрестанное переселение в города наиболее интеллигентных, способных и энергичных элементов сельского населения должно необходимым образом содействовать повышению интеллектуального уровня городов, сравнительно с сельскими областями“. Но за то для расы такое развитие часто оказывается фатальным. „Поднявшись на вершину цивилизации народы произвели династические, аристократические, интеллигентные, художественные, богатые и предприимчивые семьи, и лишь только эти избранники судьбы и счастья исчезают, нации опускаются, и использованные, истощенные, высосанные до мозга костей, при первом потрясении распадаются на куски“. Jacoby P. 437 et 605. Hansen¹⁾ держался того же мнения и считал, что природное население городов в два поколения вполне заменяется притоком извне.

Того же мнения держится Вольтман (политическая антропология).

Новейшие исследования Thurnwald'a, помещенные в „*Archiv Rassen und Gesellschafts Biologie* 1904. Hefte 4, 5, 6. и носящие заглавие: „*Stadt und Land im Lebensprocess der Rasse*“, приводят к тому же выводу на основании тщательного статистического исследования: „Города действуют потребляющим образом на людей, хотя и различно на различные слои и нуждаются, если не обращать внимание на некоторые исключения, в постоянном притоке из деревни“.

В Берлине из 100 призванных на военную службу годными оказались 28,2, в Бранденбурге (без Берлина) 52,9. Цифра эта с каждым годом все более и более падает для Германской Империи.

¹⁾ Die drei Bevölkerungstufen. 1889.

Также падает цифра рождаемости, при чем она падает неравномерно. В сельских округах за двадцатипятилетие (1875—1900) она упала на 1,31; в городе Берлине на 16,0. По этому и Германии начинает угрожать тоже самое, что и Франции.

Некоторые немецкие писатели, напр. Hentschell, забили тревогу и предлагают курьезные проекты для под'ема расы, сводящиеся к устройству заводов для разведения людей на подобие конских.

Такую же тревогу забили и в Англии, где предполагалась целая лига для улучшения англосаксонской расы.

В связи с этим стоит и так называемое евгенетическое движение, заботящееся об улучшении нашей расы. Это движение особенно распространилось в Америке.

Если мы начнем анализировать разницу между биологией человека в городе и деревне, то найдем, что это вопрос очень сложный.

Много писателей приписывали вырождение городского населения пауперизму, как спутнику капитализма.

Нельзя отрицать этой связи, но всетаки нужно сознаться, что вопрос гораздо сложнее. Помимо связи вырождения с пауперизмом есть самостоятельная связь вырождения и городской жизни.

Московский профессор Остроумов обратил внимание на губительное действие городской жизни на пришельцев из деревни. Городская жизнь действует на них особенным образом, гораздо более губительно, чем она действует на уроженцев городов. Таким образом в самой городской форме жизни мы должны видеть нечто вредоносное.

Городская форма жизни оказалась пагубной для античного мира, как мы это увидим позднее. Едва ли мы можем сводить падение биологии человека в городе на один только пауперизм.— Разве нет пауперизма и в деревнях... Точно также нельзя все приписывать и санитарным условиям, которые в нашей деревне с ее бедностью и невежественностью так ужасны.

Если бы взять для примера ряд культурных горожан из тех, которые живут в условиях, исключаящих влияние пауперизма и дурного санитарного состояния, и ряд крестьян, для которых мы могли бы не исключать влияния этих последних, то получились бы результаты поучительные. Мы бы убедились, что несмотря на тяжелые условия, в которых живет крестьянин, он стареет не так рано, как культурный и обеспеченный горожанин.

Особенно характерно, как поздно седеют обыкновенно крестьяне. Мне пришлось видеть восьмидесятилетнего старика крестьянина совершенно дряхлого,—но без седины.

Вероятно разница между влиянием деревни и города на биологию расы сводится к тому, что деревенская жизнь щадит нервы человека, в то время как городская их постоянно напрягает.

Послесловие.

Нежелание расширить объем этой части, не относящейся прямо к теме, а только необходимой для выводов третьей части, заставляло нас быть очень краткими и сокращать доказательства для теории истощения народов и вырождения человечества. Нам хочется наметить кратко пути, по которым можно искать доказательств для этой теории. Первый путь *медицинский*, второй *историко-этнографический* и третий *биологический* (за четвертый путь можно считать статистические данные о числе самоубийств, душевных болезней, о рождаемости, данные рекрутских наборов—это путь *статистический*).

Медицинский путь дает очень много данных для доказательств изменчивости человеческой природы и ее прогрессирующего ослабления. Очень много данных такого рода собраны в книге Манасеиной „О ненормальности мозговой жизни современного культурного человека“. Автор задается вопросом, почему теперь медицина оставила кровопускания, как терапевтический прием, и отвечает: „изменение способов лечения является не столько результатом изменения теоретических взглядов в науке, сколько результатом изменений, совершающихся в самом хворающем люде“.

Интересно, что по отчетам парижской Pharmacie centrale употребление нервных средств за 20 л. с 1855—1875 возрасло поразительно¹⁾. Ревматизм и чахотка стали осложняться душевными заболеваниями. Появилось обилие неврозов сердца. Тиф все чаще и чаще стал сопровождаться бредом. Буханан (H. Jones Studies of functional nervous disorders стр. 159) заметил, что при сыпном тифе все мозговые припадки и бред бывают сильнее выражены у людей, принадлежащих к высшим и более цивилизованным классам общества, нежели у простолюдинов. Крафт Эббинг сказал: „сигатурой нашего времени служит малокровие и слабость нервной системы“.

Следуя по этому пути, можно найти много подобных же доказательств прогрессирующей слабости человечества.

Следующий путь—путь *статистический*. Мы его уже касались вкратце. Тут тоже обширная область для доказательств. Растет употребление возбуждающих веществ, чая и кофе. Растет употребление алкоголя. Во Франции в 1831 году спиртных напитков приходилось на человека 1,09 литра, в 1873 г. уже 2,84 литр. Растет число больных белой горячкой, по одним данным оно за 3¼ года увеличилось на 60%.

¹⁾ Количество потребляемого бромистого кали возрасло за это время с 3.200 грамм до 730.910 ежегодно, морфия с 272 грм до 10.335 грм.

Мы уже говорили о росте числа душевных болезней. Душевные болезни все развиваются и развиваются, не щадя даже детей.

В литературе все чаще и чаще описываются случаи детского помешательства, а между тем Эскироль, наблюдавший до 20 тысяч сумасшедших, ничего не говорит о сумасшествии детей.

Также увеличивается и число истеричных.

Аналогичных фактов можно привести очень много.

О статистике рождаемости, рекрутских наборов, о возрастании числа патологических родов мы уже говорили, вкратце приводя результаты.

Третий путь *историко-этнографический*. Тут мы можем конкретно коснуться вырождения и истощения народов.

Такое вымирание во многих местах происходит чуть не на наших глазах.

Мы можем наблюдать вырождение многих народцев Сибири, такое же вырождение постигло краснокожих аборигенов Северной Америки, туземцев Новой Зеландии и островов Великого Океана, а также и самой Австралии. Вероятно такому же вырождению обязаны своим печальным нравственным и физическим состоянием бушмены.

Констатированы интересные случаи меланхолии, охватывающей целый народ и являющейся расовым достоянием. При этом меланхолия не зависит от климата и природы страны. Потомки ацтеков „под лазуревым, сияющим небом Мексики среди ландшафта, который, вплоть до величественных исполинских вулканов с их снежными вершинами, выглядит несравненно прекраснее, нежели местность у подножия Везувия и Этны,—поражали меланхолией, которая у них, как у большинства индейских племен, запечатлена на лице, как *расовое наследие*“¹⁾.

Относительно этого вымирания наука еще не дала точного ответа, это дело будущего.

Мнения различных ученых часто бывают диаметрально противоположны по этому вопросу. Так Gobineau приписывает вырождение народов скрещиванию их с более низкими расами. Напротив Reibmaug²⁾ видит в скрещивании даже с низшими расами залог для большого расцвета психофизиологического характера расы.

Такого же мнения держался и Klemm³⁾ который говорил о „браке народов“, который соединит все человечество в одно культурное целое.

Мы склонны считать такое истощение имманентным для истории всякого народа, всякой расы, как для каждого организма имманент-

1) Kirchgoff Mensch und Erde.

2) Reibmaug Inzucht und Vermischung beim Menschen 1897 S 63.

3) Klemm Allgemeine Kulturgeschichte.

тен закон старческого перерождения и затем смерти. Разница между расами в том, что в одном случае такое истощение наступает раньше, в другом позже. Интересно было бы проследить с этой точки зрения историю тех народов, которые давали блестящую культуру и затем пропадали с исторической сцены, как напр. греки, римляне, арабы. Относительно греков имеется ряд фактов аналогичный с теми, которые приведены относительно римлян в III части. Можно поэтому думать, что их судьба зависела от тех же причин, как и судьба римлян.

Но помимо этих доказательств можно было бы привести и доказательства другого рода: философские и биологические.

Уже сам творец научного эволюционизма Спенсер развитие (эволюцию) и разложение (диссолюцию) рассматривал, как два противоположные процесса, постоянно борющиеся между собой и могущие сменять друг друга.

„Эти процессы, которые всюду являются, как взаимно противоположные, которые всюду стремятся одержать верх один над другим—в одном случае временную победу, в другом более или менее надолго—эти процессы мы называем развитием и разложением. Развитие в его самой простой форме есть интеграция материи, сопровождаемая рассеянием движения, в то время, как разложение есть поглащение движения, сопровождаемое дезинтеграцией материи“¹⁾. Таким образом сам Спенсер видел существование процесса противоположного эволюции и как бы дополняющего его. Этого никогда не нужно забывать. Более того Спенсер даже видел в разложении процесс, который должен сменить процесс развития.

Дарвин в свою очередь обратил внимание на вымирание видов (см. О происхождении видов, глава XI) но коснулся этого вопроса очень неполно и рассматривал его исключительно с точки зрения отбора. После Дарвина исследование вырождения и вымирания в биологии несколько подвинулось, хотя и сейчас эта область должна считаться мало изученной. Заметили, что виды страусов и слонов находятся на пути вымирания. Дорн выставил гипотезу, что Tunicata суть выродившиеся рыбы.

Большое значение для данного вопроса имеют гипотеза ортогенезиса и взгляд Даниеля Роза на процесс вымирания видов. Роза, итальянский зоолог, считает, что вымирание видов животного царства происходит вследствие ограничения изменчивости (пластичности) животного организма, вследствие чего организм и весь вид теряют способность приспособляться к жизненным условиям. Такое ограничение изменчивости в свою очередь вызывается чрезмерной специализацией функций и органов т. е. совершенством структуры. Он говорит: „Отсюда вытекает, кажущееся парадоксальным, след-

¹⁾ Основные начала рус. пер. стр 141.

ствие, что причина абсолютного вымирания отдельных групп зависит от их совершенства, потому что с увеличением его, как мы видели, все уменьшается изменчивость" ¹⁾. Роза аргументирует очень подробно это ограничение изменчивости (Reduction der Variabilität) в противоположность защищаемому Геккелем закону „неограниченной изменчивости“.

Аналогичных взглядов держится и Core (Primary factors of organic evolution), выставивший очень похожий закон—the law of unspecialized ²⁾. Весьма возможно, что самая сложность структуры человеческого организма может послужить для него источником вырождения. Жизнь организма основывается на известном равновесии всех его функций и жизненных отправлений. Ничтожное изменение в этом равновесии может повлечь за собой очень важные нарушения жизненности организма. Таким нарушением жизненного равновесия могло бы быть нарушение равновесия между мышечными и нервными отправлениями, о котором мы уже говорили.

Биология дает еще один опорный пункт для теории вырождения. В биологии существует гипотеза „ортогенезиса“, которая считает, что изменения в организме могут совершаться только в определенных направлениях, которые до некоторой степени заранее предопределяют историю вида, независимо от влияний функции, среды и естественного подбора. Подобно тому, как в явлениях наследственности тончайшая гистологическая структура хроматинного вещества ядра предопределяет весь цикл развития организма, независимо от внешнего влияния среды и судьбы организма, так ранние стадии в жизни вида предопределяют его дальнейшую судьбу.

Cattaneo (L'ortogenesi ³⁾) говорит: „целый ряд вариаций не может осуществляться во всевозможных направлениях, но должен идти по предназначенному пути“.

Следуя этой теории, мы можем предположить, что прогрессирующий рост центральной нервной системы в человечестве был уже заранее предопределен происхождением человечества. Человек отличается от обезьяны большим развитием мозга, это капитальный факт его биологии. Раз толчок дан в этом направлении, развитие в сторону преобладания нервной системы должно было совершаться по законам „ортогенезиса“.

Такое развитие было бы независимо от тех влияний борьбы за существование и функции, которые мы уже изучали, но шло бы в том же направлении, как и эти влияния.

¹⁾ D. Rosa. Die progressive Reduktion der Variabilität und ihre Beziehungen zum Aussterben und zur Entstehung der Arten. Jena. 1903.

²⁾ К этому же взгляду примкнул Шарль Депере „Превращения животного мира“.

³⁾ Rivista di scienze biologiche.

ЧАСТЬ II.

Вопрос о падежи

ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

в исторнографической литературе и в истории философии.

В этой части мы должны рассмотреть взгляды историков и философов на причины падения Западной Римской Империи и конца античности, которые связаны между собой. Мы рассмотрим эти различные теории в хронологическом порядке, а классификацию их дадим уже после их рассмотрения. Такой вопрос, как падение Западной Римской Империи, естественно привлекал к себе внимание исследователей, и нам удалось познакомиться с 18 различными теориями или воззрениями на этот предмет. Нужно полагать, что этим далеко не исчерпывается литература вопроса, я прекрасно сознаю всю неполноту своего перечисления.

ГЛАВА I

Ж. Б. Боссюет.

Мы начнем наше изложение со взглядов Ж. Б. Боссюета, епископа в Мо, поскольку они изложены в его *Discours sur l'histoire universelle*.

Это сочинение знаменитого проповедника имеет свою специальную цель. Как видно из под-заголовка: „*A monsieur le Dauphin*“, оно написано в поучение будущему монарху. Поэтому это сочинение начинается следующими словами: „Когда история будет бесполезна для других людей, государи всетаки должны будут читать ее“.

Боссюет стоит всецело на историко-философской и всемирно исторической точке зрения. Он видит в истории единый процесс, всецело служащий теологическим целям. Но этот единый процесс может быть всетаки расчленен на различные эпохи. Всю историю Боссюет делит на следующие 7 эр (*âges du monde*): 1. Адам или творение. 2. Ной или потоп. 3. Авраам или начало союза человека с Богом. 4. Моисей или начало писанного закона. 5. Соломон или оконченный храм. 6. Кир или возвращение евреев. 7. Рождение Иисуса Христа. Уж из этой классификации видно, что в истории автор видит только приложение и дополнение к библейской истории, к истории церкви. Боссюет переходит затем к истории громадных всемирных монархий. Всемирные монархии были по его взгляду только орудия в руках Провидения, необходимые для тех или иных перемен в судьбах церкви. Смена всемирных монархий есть только следствие предначертаний Божества, она необходима для его всемирно-исторических планов. Вся история есть только реализация целей Божества.

Несмотря на эту провиденциальную точку зрения Боссюет не отказывается принимать в расчет естественную, историческую необходимость. Он говорит: *Car le même Dieu, qui a fait l'enchaînement de l'Univers et qui, tout puissant par lui même, a voulu pour établir l'ordre, que les parties d'un si grand Tout dépendissent les unes des autres, ce même Dieu a voulu aussi que le cours des choses humaines eût sa suite et ses proportions*¹⁾. Естественную необходимость возвышения и падения Рима он представляет себе так. Оглицт НАСЛЕДИЯ

¹⁾ *Discours sur l'hist univ. Rouen. 1788. P. 436.*

чительными чертами римского народа были патриотизм и любовь к свободе. Эти качества доставили ему всемирную победу, но когда опасности войны миновали, любовь к свободе, присущая Римскому народу, стала выражаться в виде борьбы сословий, и эта борьба двух сословий, богатых и неимущих, принимавших различныя наименования была истинной причиной зла, погубившего Империю (стр. 554).

К этому Боссюет прибавляет и другия соображения: тяжелые проценты, угнетавшие задолженную массу населения, громадное количество гладиаторов и рабов, введение в число римских граждан и даже в сенат громадного количества варваров и падение римского патриотизма, как следствие этой борьбы партий.

Боссюет очень метко отмечает отсутствие в Риме буржуазии (*l'état mitoyen*), как одну из причин падения империи. Сочинение его кончается следующим красноречивым изложением теологической точки зрения на историю: *Dieu tient du plus haut des cieux, les rênes de tous les royaumes, il a tous les coeurs en sa main, tantôt il retire les passions, tantôt il leur lache la bride, et par la il remue tout le genre humain. Veut il faire les conquerants, il fait marcher l'epouvante devant eux et inspire a leurs soldats une hardiesse invincible..... Quand il veut renverser les Empires, tout est faible et irregulier dans les conseils.* Бог держит с высоты небес вожжи всех царств; все сердца в его руке; то он сдерживает страсти, то распускает их узду и таким образом он движет весь род человеческий. Захочет ли он создать завоевателей, он пускает страх впереди их и внушает их воинам непобедимое мужество. Когда он хочет ниспровергнуть империи, все становится слабым и неправильным в их решениях.

ГЛАВА II.

Вико.

В 1725 году появилось замечательное сочинение по философии истории. Это *Scienza nuova* Жана Батиста Вико.

Вико различает две основные гуманитарные науки: философию, науку об истинном, которая изучает разум и филологию, науку об достоверном, которая изучает проявления свободной воли человека. „Под именем филологов понимаем мы всех грамматиков, историков, критиков, которые занимаются изучением языков и фактов“¹⁾. В разрозненности философии и филологии Вико видит причину неуспеха обеих. „В природе необходимо существует умственный язык, общий всем нациям. Мы видим этот язык в пословицах, в этих максимах народной мудрости. Максимумы же эти понимаются одинаково всеми нациями, древними и современными. Этот язык является предметом *Scienza nuova*. При ее руководстве филологи могут составить себе умственный словарь, общий всем языкам, живым и мертвым“ (V. I. P. 121). Здесь Вико высказывает мысли, сходные с мыслями Кондорсе и Лейбница.

Вико гораздо ближе к теории изменчивости человеческой природы в ходе истории, чем все современные писатели. Правда эта теория выражена у него в чисто мифологической форме. Так он заимствует мнения египтян о трех веках: век богов с языком иероглифическим, век героический с языком символическим и наконец век людей с языком, приспособленным для передачи потребностей повседневной жизни. Вико считает возможным разделить людей на два разряда: гигантов и людей обыкновенного роста, язычников и евреев. Это различие не могло происходить от зверского воспитания одних и человеческого воспитания других, отсюда он заключает, что язычники и евреи не имели общего происхождения (стр. 123).

Но у него есть и гораздо более научные замечания, почти предчувствие грядущего вырождения человечества, у него есть точное утверждение о смене различных характеров и различных состояний человеческой природы в ходе истории. Он говорит в главе *Principes de l'histoire ideale*, P. 137: Характер народа сначала жестокий, потом строгий, потом мягкий и благожелательный, затем склонный к исследованиям, наконец распущенный. „Le caractère

¹⁾ Французский перевод Мишле Bruxelles 1835. V I. P. 115.

de peuples est d'abord cruel, ensuite severe, puis doux et bienveillant puis ami de la recherche, enfin *dissolu* (Вырождение). А далее § 68, стр. 137. В истории человеческого рода, как мы видим, сначала возникают характеры грубые и варварские, как Полифем Гомера, затем идут характеры гордые и великодушные, как Ахилл, затем справедливые и мужественные, как Аристиды и Сципионы; затем появляются характеры с благородными образами добродетели и вместе с тем с большими пороками—те, которые в мнении толпы получают настоящую славу—Цезари и Александры, затем характеры мрачные со злобой обдуманной, как Тиверии, наконец бешеные, которые в то же время предаются распущенности без всякого стыда, каковы Калигулы, Нероны, Домицианы. Dans l'histoire du genre humain nous voyons élever d'abord les caractères grossiers et barbares, comme le Poliphème d'Homère, puis il en vient d'orgueilleux et de magnanimes tels qu' Achille, ensuite des justes et des vaillants, d'Aristides et de Scipions, plus tard nous apparaissent avec de nobles images de vertus et en même temps avec de grandes vices, ceux qui au jugement du vulgaire obtiennent la véritable gloire, les Césars et les Alexandres, plus tard les caractères sombres d'une méchanceté réfléchie, des Tibères, enfin de furieux, qui s'abandonnent en même temps à une dissolution sans pudeur, comme les Caligulas, les Nérone, les Domitiens. Конечно такая историческая „этология“ не может быть научно высказана в такой категорической форме, но для нас важно принципиально установить ее возможность. Далее Вико хочет сделать еще более смелую попытку. Он хочет понять формы правления из характера преобладающего в данное время. Первому типу соответствует начало гражданского общества, второй тип основал аристократические республики, третий тип расчистил путь для демократии и т. д. Далее Вико прямо утверждает, что правительства должны соответствовать природе тех, которыми они управляют.

Вико выставляет следующие три принципа новой науки. 1) Первый принцип это всеобщность веры в Провидение и в Бога в той или иной форме. 2) Второй принцип заключается в том, что все нации верят в святость брака и в необходимость совершения при нем религиозных церемоний. 3) Третий принцип: Все погребают мертвых и верят в бессмертие души.

Вико весь полон теолого-христианскими мыслями. Недаром по опубликовании своего сочинения получил он приветственное письмо от папы Климента. Вот как он определяет свою „Новую науку“. „Новая наука будет в одном из самых главных отношений гражданской теологией божественного Провидения, какой не было до сих пор. Новая наука будет, если можно так выразиться, фактическим доказательством, историческим доказательством Провидения, так как она должна быть историей проявлений Божественного

Провидения, которыми управлялось громадное общество человеческого рода, без ведома, а часто и против воли людей“¹⁾). Много интересного в книге Вико мы должны обойти, как не относящееся к нашей теме. Основная идея философии истории Вико, это циклическое течение истории. В этом ее противоположность со всеми теориями прогрессивного, прямолинейного течения истории. Тут Вико уклоняется от христианского направления мысли и возвращается к античной мысли. Как известно, античному мирозерцанию была очень близка эта мысль о цикличности мирового процесса. Она встречается в самых первоначальных умозрениях ионийских физиков о постоянной смене процессов сгущения и разрежения.

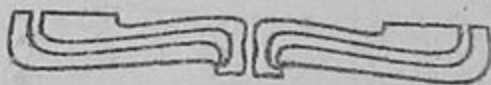
Эта мысль властвует и над умозрением Гераклита в его концепции „мирового года“. Она встречается также и у Эмпедокла. Эмпедокл учил, что мировая жизнь есть круговорот и смена четырех состояний: 1) полной об'единенности вещей, 2) последовательного раз'единения, 3) полного раз'единения, 4) последовательного об'единения. Напротив христианство с его противопоставлением Ветхого и Нового Завета, с его ожиданием грядущего Царства Божия и Второго Пришествия выработала мысль о прогрессивном ходе истории. Христианский ход мыслей заметен и в других современных теориях прогресса у Кондорсе, Гердера и Гегеля. Социальные мотивы, которые обычно побуждают к построению теории прогресса, те же социальные мотивы господствуют и в христианской теории прогресса. Интересно, что Цельз, великий защитник паганизма, критикуя христианство, часто критикует теорию прогресса.

Вико же напротив выставляет мысль о круговороте истории. Он утверждает, что все нации, несмотря на кажущееся разнообразие их нравов, вращаются в круге трех эпох: божественной, героической и человеческой. Этим трем эпохам соответствуют три рода нравов, нравы божественные, основанные на благочестии, нравы героические, основанные на чести и нравы человеческие, основанные на чувстве долга. Точно также имеются три рода правлений: божественное или теократия, героическое или аристократия и наконец человеческое (это будет или демократия или монархия); таким же образом бывают три рода нравов, мысли и языка.

В падении античности Вико видит естественное следствие циклического течения истории. Позднейший Рим являл из себя гражданское общество т. е. находился в человеческом периоде истории. Феодализм же представлял из себя возврат к божественному и героическому периодам в истории. В этом средневековом феодализме автор видит большое сходство с ранним феодализмом Лациума.

1) V. I. P. 170—171.

Вообще феодальные порядки аналогичны древне греческим и римским. Средневековый барон соответствует греческому герою и латинскому *vir*'у. Теократия средних веков, власть папы и папская идеология это идеология божественной эпохи. Феодальная зависимость соответствовала римской клиентуре. Книга Вико полна этими аналогиями и сближениями, иногда поверхностными, но всегда поучительными. Таким образом по концепции Вико падение античности и конец Западной Римской Империи, как ее последней представительницы, есть естественное следствие его всемирно-исторического закона циклического течения истории. Это есть естественный переход от гражданского общества с монархическим и демократическим строем „человеческой эпохи“, по терминологии Вико, к божественной и героической эпохе, с полным отрицанием принципов гражданского общества, какое наблюдалось в Западной Европе в Средние века.

ГЛАВА III.

Монтескье.

Considerations sur les causes de la grandeur de Romains et de leurs decadence. Oeuvres de Montesquieu V. V.

У Монтескье нет общей теории причин падения Западной Римской Империи, а есть ряд остроумных и оригинальных соображений, несколько не связанных друг с другом и не приведенных в систему; так в главе IX—*Deux causes de la perte de Rome* он приводит две причины. Первую он видит в развитии цезаризма—военного деспотизма. Солдаты привыкали видеть в своем военном начальнике, особенно победоносном, единственную законную власть. Вторую причину он видит в чрезмерном территориальном расширении Рима. Рим подчинил себе весь мир, но римские нравы, доставившие ему победу, погибли при этом, разложились от влияния побежденных. Пришлось дать право гражданства бывшим союзникам и покоренным народам и это испортило римские нравы.

В следующей X главе автор складывает часть вины на эпикурейцев. *Je crois que la secte d'Epicure contribua beaucoup à gâter le coeur et l'esprit des Romains. Cons. P. 85.* Далее Монтескье указывает и на другие причины.

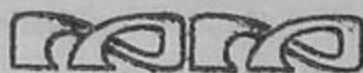
1) Изнеженность императоров после Диоклециана, вследствие пребывания на Востоке посреди большого, чисто восточного двора вдали от армии.

2) Привычка откупаться от варваров, делающих набеги на Империю, деньгами. Привычка эта обедняла империю и подзадоривала варваров к дальнейшим набегам.

3) Слишком распространившееся употребление вспомогательных войск. Этим путем римляне обучили варваров своему военному искусству.

4) Падение военной дисциплины у римлян: „Наконец римляне потеряли свою военную дисциплину; они оставили в ней все вплоть до собственного оружия. Вегетий говорит, что солдаты находили его слишком тяжелым; они получили от императора Грациана позволение оставить кирассу, а потом и каску. Таким образом, незащищенные кирассой от ударов, они легко теперь преда-

вались бегству“. Стр. 172. Enfin les Romains perdirent leur discipline militaire; ils abandonnèrent jusqu'à leurs propres armes. Vegèce dit, que les soldats les trouvèrent trop pesantes, ils obtinrent de l'empereur Gratien la permission de quitter leur cuirasse et ensuite leur casque; de façon qu'exposés au coups sans cuirasse, ils ne songèrent plus qu'à fuir. P. 172. Вот как формулирует Монтескье свои соображения. „Вот в немногих словах история Римлян: они победили все народы своими правилами, но когда это удалось им, их республика не могла существовать; нужно было изменить способ правления, новые правила жизни, противоположные прежним, погубили величие Рима. P 171. „Но всетаки общих причин падения Рима нет у Монтескье. Одну главу XIX он кончает так: „Рим был разрушен, потому что все нации разом напали на него и проникли всюду в его пределы“ op. cit. На этом мы закончим изложение Монтескье.

ГЛАВА IV.

Гиббон.

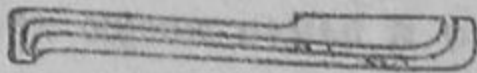
„15-го октября 1764 года“ говорит Гиббон „я сидел, погружившись в мечты среди развалин Капитолия, в то время как босоногие монахи служили вечерню, тогда мне впервые пришла мысль написать историю упадка и разрушения этого города“. Самое возникновение идеи знаменитого сочинения более похоже на возникновение художественного произведения, чем научной работы. Гиббон и в произведении своем остается гораздо больше художником—историком, чем ученым исследователем, несмотря на громоздкий арсенал учености. Конечно художественные приемы Гиббона устарели и теперь не производят такого впечатления, но нельзя отрицать самого стремления к художественности. Характеристики отдельных лиц и сейчас врезаются в памяти читателя. Подбор фактов всегда очень богат и интересен. Зато, когда Гиббон берет на себя роль ученого исследователя, его причинные изыскания часто бывают очень поверхностными. Так очень поверхностен его перечень причин распространения христианства. Зато эти соображения часто бывают в высшей степени интересны. Нарисовав общую картину благоденствия римской Империи II-го века. (Том I, стр. 77), Гиббон продолжает: „Глаз современника едва ли был способен заметить, что в этом всеобщем благосостоянии кроются зачатки упадка и разложения. А между тем продолжительный мир и однообразие системы римского управления вносили во все части империи медленный и тайный яд. Умы людей были мало по малу доведены до одного общего уровня и даже воинственный дух испарился“. А дальше (стр. 81). „Мы можем сказать, что уменьшившийся рост человеческого рода безпрестанно спускался все ниже и ниже прежнего уровня и что римский мир был действительно населен пигмеями, когда свирепые северные гиганты ворвались в него и влили новую кровь в эту испортившуюся породу. Они воскресили мужественный дух свободы, а после переворота, длившегося 10 столетий, эта свобода породила изящный вкус и науку“.

В этих словах Гиббона является как бы художественное предчувствие теории вырождения нации и человечества. Но конечно художник не выдерживает своей точки зрения и далее, излагая события после смерти Пертинакса, видит и первый симптом и глав-

ную причину упадка Римской Империи „в неистовствах преторианской гвардии“.

У Гиббона в IV томе есть отдел, озаглавленный: „общия замечания касательно упадка римского владычества на Западе“. Но этот отдел уже совершенно разочарует читателя. Тут он найдет беглое, да и то снабженное оговорками замечание, что христианство способствовало падению Зап. Римской Империи.

Гиббон уже потому не способен отыскать причины падения империи, что он ставит вопрос так: „Упадок Рима был естественным и неизбежным последствием чрезмерного величия, среди благоденствия зрел принцип упадка; причины разложения размножились вместе с расширявшимся об'емом завоеваний и лишь только время или случайность устранили искусственные подпорки, громадное здание развалилось от своей собственной тяжести. История его падения проста и понятна, и вместо того, чтобы задаваться вопросом, почему римская империя распалась, мы должны бы были удивляться, что она существовала так долго. (Том IV, стр. 247). Ставить вопрос так, это значит ограничиваться образами и аналогиями и отказаться от принципов каузального об'яснения явлений. Конечно, каждый человек должен умереть, но мы всегда можем указать на те изменения в его организме, которые и повлекли за собою смерть. Далее Гиббон старается показать, что современные европейские общества самой своей раздельностью и образованием предохранены от опасности подвергнуться судьбе античного мира и заканчивает этот отдел приятным заключением, „что с каждым веком увеличивались и до сих пор увеличиваются материальные богатства, благосостояние, знание, а может быть и добродетели человеческого рода“.

ГЛАВА V.

Гердер.

Мы будем касаться здесь только взглядов Гердера на философию римской истории и падение Рима. В частности этому вопросу в главном сочинении I. Г. Гердера „Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit“ посвящена IV-ая глава 14-ой книги—Roms Verfall. Эта глава вся посвящена указанию причин падения Римской Империи. Причины эти, по мнению Гердера, следующие:

1. Первая причина лежала в самом государственном устройстве Рима, в неточном разграничении прав сената, всаднического сословия и народа, одним словом в отсутствии конституции, сказали бы мы. Отсюда возможность постоянной борьбы партий. Вопреки мнению Полибия, Гердер называет римское государственное устройство худшим в мире. 2. Вторая причина заключалась в основном противоречии римской истории. Рим, имевший и сохранивший в общих чертах городское устройство, стал государством и даже всемирной монархией. 3. Третья причина лежит в развитии рабства. 4. Четвертая причина—развитие роскоши и экономическое оскудение страны. 5. Пятая причина. Монархия, основанная на военном счастье, должна была неминуемо погибнуть рано или поздно, потому что военное счастье когда нибудь должно было изменить.

Вот как Гердер изображает агонию Рима: „уже столетия лежит больной Рим в страшных содраганиях на своем смертном ложе; ложе это простерлось через целый мир, из которого он выжал свои сладкие яды; этот мир может помочь ему только тем, что ускорит его смерть. Сюда пришли варвары, которым энервированные римляне кажутся карликами; они опустошают Рим и вливают новыя силы в истощенную Италию. Мы обязаны роскоши полуденных стран тем, что мир ранее освободился от трупа, который конечно в конце концов погиб бы благодаря поражениям в других частях света, однако погиб бы не так скоро, как это случилось в действительности“.

ГЛАВА VI.

Гегель.

В своих „Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte“ знаменитый философ касается занимающего нас вопроса. Это и не удивительно со стороны того мыслителя, в мышлении которого культурноисторические мотивы играли первенствующую роль. Можно сказать, что вся его философия, все главные схемы ее были выработаны на культурной истории человечества и только потом перенесены на всю вселенную. Его схема трехчленного развития в области культурного развития человечества и сейчас еще сохраняет свое значение. Гегель дает сначала общую характеристику римского мира, как одного из моментов в развитии мирового духа. В Греции, по его словам, мы видели духовность в ее наслаждениях и в ее веселости, там самая добродетель индивидуумов была „нравственным художественным произведением“ S. 290. „Здесь же в Риме мы находим эту свободную всеобщность, эту абстрактную свободу, которая с одной стороны ставит над конкретной личностью абстрактное, политику и власть и подчиняет им личность, с другой стороны создает личность в противовес этой всеобщности, создает свободу „я“, которая должна отличаться от индивидуальности. Личность является фундаментом права, она проявляется в собственности и безразлична к конкретным определениям живого духа, с которыми имеет дело индивидуальность. Оба эти момента, которые образуют Рим, политическая всеобщность и абстрактная свобода индивидуума, оба заключаются в форме внутренности (Innerlichkeit); эта внутренность, в которой мы видели гибель греческого духа, является здесь почвой, на которой вырастает новая сторона всемирной истории“ (стр. 290).

Гибель античного мира Гегель рассматривает диалектически, также как он рассматривает все явления мира и жизни. „Der Widerspruch bewegt die Welt—противоречие управляет миром“ сказал он в Логике, все носит в себе семена разрушения и разложения; все переходит на следующую ступень; всякое явление бывает aufgehoben, в двойном значении этого слова: устранять и поднимать на следующую ступень. Так и античность должна была быть aufgehoben. В Риме были хорошие императоры, но это было случаем, и они не могли организовать свою империю на началах „свободного общежития“. Так неудачно было устройство власти в империи. Вся импе-

ия лежала под гнетом поборов и разорения; Италия была обезлюжена, плодороднейшие земли лежали в разорении, это состояние, как фатум, нависло над римским миром (стр. 326).

Еще плачевнее было положение личности в римском обществе. Индивидуумы были только частные лица, без политических прав. Правда, им были присущи гражданские права и абстрактная свобода правового строя. Но это не была конкретная свобода живой личности; эта сухая индивидуальность—*trockene Individualität*, всего лучше проявилась в римском праве, которое считается образцом частного права; но не было в обществе нравственной жизни, личность томилась в тисках абстрактного права. „Поэтому человек был или во вражде с бытием или отдавался только чувственному бытию“ (стр. 327).

Римская мысль, выразившаяся в эпикуреизме, стоицизме и скептицизме была враждебна действительности. Она должна была примириться с ней в христианстве. Античный мир путем собственного диалектического развития должен был неминуемо перейти в мир христиано—германский. Христианство не порывало с античным антропоморфизмом, может быть оно было еще более антропоморфично; христианский антропоморфизм есть нечто высшее, ибо в нем появилось сознание, что человеческое есть содержание божественного (*Inhaltsbestimmung des Göttlichen S. 336*).

Сущность христианства в сознании единства субъекта и Бога, оно дает тоскующей душе примирение после оторванности субъекта от Бога, которая замечалась в последних судорогах античной мысли. Христианство принесло в мир принципы конкретной свободы, в противоположность абстрактной свободе Рима, нравственность взамен римского нрава. Но этот принцип конкретной свободы есть принцип жизни германского духа. „Германский дух есть дух нового времени, его цель реализация абсолютной истины, как безконечного самоопределения свободы, свободы, которая имеет своим содержанием свою абсолютную форму“ (стр. 353).

Раз христианская идея так совпадает с принципом германского духа, то носителем ее должны были быть германцы. Римский народ сделал свое дело и должен был уступить место германским народам, как носителям христианской идеи.

ГЛАВА VII.

Амедей Тьерри.

Amedée Thierry. Tableau de l'empire Romain depuis la fondation de Rome jusqu'à la fin du gouvernement imperial en Occident.

Тьерри яркий сторонник всемирно-исторической точки зрения. С этой точки зрения рассматривает он римскую историю. Он говорит. „Всякий народ имеет две истории: одну внутреннюю, национальную, домашнюю, как будет угодно ее назвать, и другую внешнюю; цель первой есть открытие законов, учреждений, политических революций какого нибудь народа, его судьбы—одним словом, она изучает действие народа на самого себя; внешняя история со своей стороны изучает действие этого народа на другие и то участие, которое он принимал в общих судьбах мира (Р. 1)“. Тьерри считает, что первая т. е. внутренняя история гораздо менее важна, чем вторая, внешняя, всемирно-историческая, особенно если народ, история которого пишется, народ важный, если он принадлежит к числу тех „орудий цивилизации, которые посылаются в мир, чтобы изменить его“. „Из этих орудий цивилизации ни одно не сравнилось с римским народом по могуществу, славе и продолжительности“.

Тогда как внутренняя история Рима, не находящаяся в связи с теперешним состоянием общества, есть мертвый предмет для изучения, внешняя история Рима живет и теперь. Она увековечена в наших национальных историях, в наших нравах, наших верованиях, в нашем литературном вкусе, так как все это является продуктом римской жизни. Тьерри считает, что такая всемирно-историческая история Рима еще не написана.

Он обвиняет современную историографию в том, что она, очарованная талантами, художественностью изложения римских историков: Саллюстия, Гита Ливия, Тацита, до сих пор вращается в круге идей этих последних. Вот что говорит он об Таците: „Весь во власти религии прошлого, влюбленный в старые политические формы, которые мировой прогресс разрушил одну за другой, как препятствия для счастья и свободы мира, несправедливый и побежденным народам, Тацит отвернулся с недовольным видом от рево-

люции, которая была произведена в их пользу. Он упорно отказывался видеть в рождении нового Рима чтонибудь другое, кроме порчи нравов и преступления Цезарей“.

Далее Тьерри обвиняет и современных историков в квинритской исключительности и брюжжании Тацита. Вот меткое замечание о Монтескье: „Вот образчик влияния гения на гения. Монтескье, выдающийся мыслитель и остроумный политический исследователь, является прежде всего оппозиционно настроенным патрицием времен первых Цезарей, Тацитом, одаренным пророческим даром и обнимающим всю римскую историю одним взглядом, питая чувства, предразсудки и сожаления современника Домициана“. Р. 5. Тьерри не согласен со взглядом римских историков. Они видят золотой век во времени Сципионов, а после них вся история Рима есть история упадка и постепенного декаданса. „А между тем Рим не умирает, предназначенный жить много веков, он распространяет далеко свою плодотворную жизненность. Его влияние на мир идет независимо от колебаний его внутренней жизни“.

Тьерри замечает, что мы, очарованные магическим светом свободы, обволакиваем своими иллюзиями Рим республиканский и аристократический; он не скрывает своих симпатий к Риму императорскому, провинциальному и демократическому. Он метко говорит: „Союз побежденных народов и римских плебеев был великим рычагом революции в республиканском Риме, это ясно из истории Рима императорского (стр. 6.)“ Тьерри хочет рассматривать всю римскую историю с одной точки зрения. История Рима это постепенное превращение небольшой коммуны в космополитическое общество, обнимающее весь мир.

Из всех возможных точек зрения на римскую историю Тьерри считает наиболее возвышенной и справедливой эту точку зрения. Ее предчувствовал галльский поэт V века.

Fecisti patriam diversis gentibus unam.

Profuit invitis, te dominante, capi.

Dumque affers, victis patrii consortia juris.

Urbem fecisti, quod prius orbis erat.

Эту точку зрения последовательно и проводит Тьерри. Всю историю империи он рассматривает под разными рубриками. I. Движение римского мира к административному и политическому единству. II. Движение римского мира к единству социальных идеалов. III. Развитие единства права. IV. Развитие единства религии. Тьерри относится к императорам почти без исключения с самой теплой симпатией. Император Клавдий, которого мы, следуя римским историкам, привыкли считать слабоумным человеком, несчастной игрушкой в руках жены и придворных, в его изображении является умным государственным человеком. Из его речи, которую Тьерри

восстанавливает на основании ее резюме в *Анналах Тацита*, многому бы научились и современные государственные люди. В этой речи он указывает на то, что с самого основания Рима сила его заключалась во включении в государство покоренных народностей, а не в насилии над ними. Тьерри подмечает заботливость императоров о провинциях. Даже о таком тиране, как Тиверий, говорит такой его враг, как Тацит. „Он заботился, чтобы провинции не обременялись новыми налогами, а чтобы при сборании старых налогов не проявлялась жадность и жестокость чиновников“, Tacitus Annales IV. 6.15. Вот как характеризует Тьерри работу императоров. „Истинная работа Цезарей состояла в разрушении внутри последних следов тех преград, которые так долго разделяли народы, в нивелировке рас и государств, в распространении повсюду просвещения и социальных идеалов, в развитии, смотря по местным нуждам, торговли, земледелия и промышленности Р. 182.“ Реформа Диоклециана, сделавшего кадастр итальянских земель, уничтожившего фискальные привилегии Италии, закончила административное единство империи. Провинции аплодировали этому высшему проявлению равенства Р. 196. Перенесение столицы из Рима, начатое Диоклецианом и оконченное Константином, окончательно порвало с традициями города—государства. Совершенно параллельно этому идет перемещение центра тяжести литературных и социальных идей из Рима в провинции. Гений и вдохновение как бы покинули душные и тесные стены Вечного Города и отправились в путешествие по свежим провинциям. Сначала они посещают Северную Италию: Мантуя дала Вергилия, Падуя—Тита Ливия. Берега Гардского Озера, живописный полуостров Сирмио—„жемчужина островов и полуостровов“ вскормили Катутла, величайшего из римских поэтов. Север Италии дал обоих Плиниев. Но Гений не остановился тут, он перебрался в Галлию. Историк Помпей и сатирик Петроний были Галлы. Но и тут не остановился капризный Гений. Он посещает Испанию, и Испания выставляет Сенеку, Марциала, Квинтиллиана и Лукана. Начиная с царствования Траяна, скипетр мысли переходит к соотечественникам Аннибала. Зной Африки породил Фронтон, которого современники сравнивали с Цицероном, Апулея и целый ряд христианских писателей от Тертуллиана и Минуция Феликса до Лактанция и бл. Августина. Затем образованность дала свои плоды в Сирии, где явился замечательный историк Аммию Марцеллию.

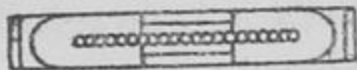
Любопытно, что и императорские династии после прекращения дома Юлиев и Клавдиев совершили такой же круг вокруг Средиземного моря. Может быть эти явления не были вполне случайны.

Тьерри рассматривает прогресс социальных идей в литературе, неуклонное распространение идей равенства и братства. Рах

омапа стала предметом удивления со стороны чужеземных подданных. „Рим“, говорит он, „это якорь, который держит у порта корабль, который долго разбивался и блуждал без кормчего по воле восточных ветров“, стр. 306.“ Даже представители победоносного христианства питали к Риму самую пламенную любовь. Так Пруденций и бл. Августин способствовали созданию идеи о Вечном Городе. Пруденций считает, что создание Римской Империи было необходимо для торжества христианства. Он называет Христа основателем Рима.

Так сблизилось христианское начало с античным после долгой ожесточенной борьбы. С Амедеем Тьерри случилось тоже самое, что потом с де Куланжем. Стараясь обратить внимание читателя на длительное влияние римских учреждений в империи, ему пришлось совершенно затушевать самый факт падения империи. Впрочем с нашей точки зрения падение империи было истощением расы, многия же учреждения продолжали существовать и при новой расе и оказывать влияние на ее историю, на ее учреждения.

Из этого своеобразного слияния и произошло средневековье.

ГЛАВА VIII.

Hermann Schiller. Geschichte der Römischen Kaiserzeit. Gotha. 1883—1887.¹⁾

Это очень монументальное сочинение, доведенное автором в конце второго тома до смерти Феодосия Великого. Автор в своем сочинении не касается прямо причин падения Западной Римской Империи, изложение его чисто прагматическое, но в конце 2-го тома он дает картину состояния Римской империи в конце 4-го столетия, т. е. в эпоху упадка Империи. Мы сочли удобным изложить здесь взгляды Шиллера на состояние империи в конце 4-го века, как близко соприкасающиеся с нашей задачей. Шиллер рисует постепенное и неуклонное проникновение германского элемента, германских обычаев и даже мод. Нисшее население с восторгом встречало германцев, как освободителей от невыносимого гнета. Германцы освобождали их от тяжелой воинской повинности, от притеснений чиновников. Особенно новый порядок вещей был выгоден для мелких землевладельцев, для колонов и для деревенского пролетариата (*plebs rustica*).

Крупные землевладельцы разорялись и должны были покидать свои имения, а земледельческое население получало землю на правах собственности. При незначительном народонаселении германские пришельцы не вытесняли туземных обитателей страны, а мирно уживались с ними.

Войско тоже было заполнено германским элементом. Меробауд, Арбогаст, Стилихон являются спасителями и правителями римлян; половина мест в армии занята германцами, гражданское управление еще остается в руках римлян.

В города германцы не проникали, потому что они оседали главным образом в армии и в деревне. Шиллер думает, что среднее сословие падало, потому что к нему не было притока свежей крови, а все что было в нем выдающегося переходило в высший сословия.

Прикрепление сословий, принудительный декурионат ложился тяжелым бременем на население.

¹⁾ В этой главе о Шиллере нарушена хронологическая последовательность изложения. Хронологически Шиллер должен был бы следовать за главой о Ницше и перед главой о Зееке. Такое отступление объясняется, самым стилем его взглядов, примыкающим к старым историкам.

В населении пропадал воинский дух, пропадала всякая охота щипаться.

Большие, богатые города без боя отдавались в руки неприятеля.

Лучше было на Востоке, который не так раззорялся нашествиями варваров, но и здесь управление сатрапов и пашей, финансовое бремя давили население.

Если судить по средним ценам, установленным Диоклецианом, заработная плата, если сравнивать с нашей, была достаточна. Но зато всюду чувствовался недостаток рабочих рук.

Торговля с Востоком еще процветала, крупным торговым центром была Антиохия.

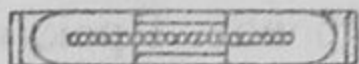
Что касается культуры, то она заметно падала, но все еще чувствовалась разница между варварством и цивилизацией, и германские офицеры старались давать своим сыновьям классическое воспитание.

Нравы едва ли смягчило христианство, положение рабов стало хуже, и законодательство языческих императоров менее гуманно, чем законодательство языческой империи первых веков.

В общем нравственное состояние общества довольно неудовлетворительное.

Аммиан рисует высшие слои римского общества легкомысленными, хвастливыми, тщеславными и думающими только об удовольствиях; лишенными высших интересов, чернь же развращенной ленивой.

Кроме этих сочинений я просматривал Ranke Weltgeschichte в тех частях, где трактуется время Римской Империи и Hertzberg Geschichte des Romischen Kaiserreiches, но не нашел в них относящегося к теме.

ГЛАВА IX.

Мериваль.

C. Merivale. History of the Romans under the Empire. V 1—VII. London. 1862.

Семитомное сочинение английского историка Мериваля заканчивается смертью императора Марка Аврелия. К концу приложены заключительныя размышления автора о симптомах и причинах упадка Римской Империи, начавшего обозначаться при этом великом императоре. Это были:

- 1) Стеснение торговли вследствие уменьшения количества звонкого металла, как посредника при обмене. Звонкий металл, как показывают тексты Плиния, уходил в Индию и внеимперские страны. Мины Фракии, Испании и Германии давали очень мало металла.
- 2) Уменьшение населения вообще и рабского в особенности, а как следствие этого экономический регресс.
- 3) Рабство вызвало всеобщий упадок нравов семейной жизни и половой морали.
- 4) Итальянская кровь вымерла. Среди корреспондентов Плиния мы встречаем много варварских имен.
- 5) Отсутствие всякого технического и материального прогресса у римлян. Техническая сторона культуры у греков и римлян была же развита. Их культура была почти исключительно культура „belles lettres“. Мериваль вполне правильно считает, что причинами падения Римской империи не были явления, наблюдавшися в IV веке, нет их нужно искать даже в обстоятельствах, предшествующих гибели республики. Он говорит „Причины упадка Рима не находятся в связи с родом правления, установившимся в Риме в I и II веке; причины эти действовали и до падения республики, хотя их пагубныя следствия были замаскированы и может быть замедлены внешними успехами и постоянным притоком податей и добычи. Общий упадок населения во всем античном мире начинается со второго века до нашей эры. Последний век республики может быть был периодом наиболее скорого истощения человеческой породы; но это разложение остановилось при Августе, когда в некоторых областях население увеличилось, а в других по крайней мере осталось на том же уровне. Проклятие рабства должно было дать знать о себе и потребовать predetermined катастрофы V VII. P. 608“.
- 6) Чума, разгоревшаяся при Марке Аврелии и повторившаяся при Коммодe, унесла много жертвы и ослабила организм империи. При Коммодe в Риме ежедневно умирало 2000 людей. Чума снова повторилась в 260 году.
- 7) Угрозы со стороны варваров.
- 8) Непомерный рост суеверий.

ГЛАВА X.

Дюрюи.

Duruu. Histoire de Romains.

Дюрюи, автор многотомного сочинения по римской истории, скорее стоит на той точке зрения, что римская империя погибла от всемогущества государства. Он указывает на то, как упал муниципальный режим и как увеличилось число чиновников в период *bas-empire*, как императоры начали преследовать свои личные цели. Он говорит: „Муниципальная изолированность, чрезмерная централизация—вот два зла, одинаково пагубных. Греция погибла от первого, Империя от второго, или вернее: она погибла от обоих зараз, так как она страдала этим двойным социальным несчастьем V VII P. 545. „Дюрюи вскользь указывает и на другие причины обеднения страны. „Счастливая Кампания, которая не видела ни одного варвара, насчитывает уже 120,000 гектаров, где не находится ни хижины, ни обитателя“. Он указывает на упадок военной дисциплины, выразившийся в облегчении вооружения, в появлении громадных обозов. „Римская армия уже более не способна к маршам. Констанцию и Θεодосию требуются месяцы, чтобы достигнуть своих врагов“.

Особенное значение придает он проникновению варваров на военную службу в империи. Он говорит: „Действующие причины гибели Рима заключаются в пагубной политике, которая в течении 4 веков заселяла пограничные провинции, в растущей силе варваров, которые не будучи сдерживаемы, организовались для нападения и наконец в разложении римской армии, которое сделало сопротивление невозможным. V. VII. P. 543. „Но вот одно замечание Дюрюи, которое гораздо глубже проникает в сущность дела.

„Результатом всех этих мер было то, что прекратился тот приток свежей крови, который в продолжение двух веков, обновлял истощавшуюся кровь правящего класса. Общественные должности теперь уже не замещались людьми, способными хорошо исполнять их, империя потеряла своих лучших помощников, и моральный уровень администрации понизился. История империи повторяет историю республики: после Лиципиевых законов выступают на общественное поприще плебей, и республика благоденствует; после

первых императоров выступают провинциалы, это и было временем процветания империи. Потом они были оттеснены, первые консульской олигархией, вторые деспотизмом фиска“.

Вот в этом то истощении крови правящего класса и лежит корень зла.

Может быть, ею и об'ясняется всемогущество государства. Полная политическая инертность сенатского сословия и вызвала это громадное развитие чиновничества, эту бюрократическую систему управления. Если потомки Цинцинатов и Фабиев Максимов ничего не хотели делать, то должны были делать плохо или хорошо чиновники, вольно отпущенники и прихлебатели. Каждый народ имеет то правительство, которое больше к нему подходит.

В этом вскользь брошенном замечании Дюрюи мы видим очень много глубокой истины, о чем будем иметь случай беседовать дальше.

ГЛАВА XI.

Фюстель де Куланж.

F. de Coulange. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol I.

Вся теория знаменитого французского историка есть какой то сплошной, но блестящий парадокс. Парадокс этот может быть в значительной степени обусловлен национальными идеалами и предрассудками автора. Автор хочет свести к нулю роль германцев — завоевателей в истории Франции и все в этой последней он хочет вывести из римских влияний, из римского наследия. Благодаря этому Ф. де Куланж сделался главой „романистов“ в историографии. Прежде всего Ф. де Куланж доказывает, что общественные учреждения Рима были очень хороши, не только относительно, но и абсолютно. Провинции были привязаны к Риму. Так Галлия, которая покорилась Цезарю с такой удивительной быстротой, никогда не пыталась освободиться от римского ига, значит, не находила его тяжким.

Во время восстания батава Цивилиса при Веспасиане римскому могуществу за Альпами был нанесен страшный удар. Галлы могли бы освободиться. В Реймсе собрались депутаты различных галльских народов и по внимательном и зрелом обсуждении решили остаться верными Риму. Имперская власть всегда была внимательна к римским провинциям. Даже слабоумный Клавдий, археолог и обжора, предлагал допустить галлов в сенат в благодарность за верность Галлии.

Правда, Рим не додумался до представительного образа правления, но в депутациях, которые имели право обвинять в Риме провинциальных правителей перед лицом императора, мы имеем как бы воплощение славянофильской формулы: общение земли и власти. Провинциальные собрания (напр. *Concilium Gallorum*) были чем то вроде наших земств, но с правом контроля над имперской администрацией и с сильно развитой собственной администрацией (*inquisitor aegae, allector, iudex aegae Galliarum*).

Провинции любили императоров, доказательством этому служит культ императоров, даже самых плохих.

Этот культ во всяком случае не мог об'ясняться одним только раболепием. Больше того по Ф. де Куланжу вся политическая

история Рима была какой то трогательной идиллией. Не было конфликтов между центральной властью и провинциями. Он говорит: „Было бы ошибкой представлять себе с одной стороны население, ревнивое к своим вольностям, стремящееся завоевать их и сохранить, с другой стороны правительство—врага этих вольностей, готовое отнять их. Если бы мы предположили, что в то время был антагонизм между местными вольностями и имперским правительством, то мы приписали бы этим населению того времени мысли, ему абсолютно чуждые (V. 1. P. 140)“.

Муниципальный режим не исчез при империи. Победа христианства вызвала тяжелый кризис в этом режиме, но потом он оправился и почерпнул в христианстве новые силы. Место прежнего фламينا занял христианский епископ.

Муниципальный режим в V веке в общих чертах был такой же, как при Антонинах. Только *duumvir* исчез и был заменен *defensor civitatis*. *Defensor civitatis* должен был защищать свой муниципий от государственных чиновников. Юстиция была очень совершенна. Римское право благодаря своей мягкости и справедливости вытеснило местное право. По принципу император был судьей в империи. В провинциях эта судебная власть переходила на правителей. Они совершали суд по совещанию с ассессорами. Эти ассессоры были местные люди, известные своей честностью и знанием местных обычаев. Разве это не было счастливым соединением коронного суда с судом присяжных, формой, может быть более совершенной, чем наши суды присяжных. Если такая юстиция и защищала от всемогущества государства, то она была равна для всех и не носила сословного характера. Налоги не были чрезмерны. Ф. де Куланж исчисляет все сумму налогов в 750 миллионов т. е. в $\frac{2}{3}$ того, что теперь платит Франция, а Империя была в 10 раз больше Франции. Военная служба не была обременительна. Ф. де Куланж вычисляет, что вся громадная Империя должна была ставить 30.000 рекрут ежегодно.

Что значит эти 30.000 на пространстве от Темзы до Евфрата.

Не было в Империи и классовой исключительности. Ф. Куланж отмечает даже последовательное движение всех слоев римского общества вверх к сенатскому сословию, хотя в общем строй империи был сословным и даже аристократическим, несмотря на демократическое возникновение и демократические тенденции Империи.

Общество Империи не было развращено. В этом Ф. де Куланж сходится с другими историками, напр. Буассье. Вы видите, какую социальную идиллию мастерским пером нарисовал Ф. де Куланж. В его изложении вы забываете, что дело идет о гибели античного мира, нам начинает казаться, что мы имеем дело с самым совершенным обществом, с самым гармоничным политическим и социаль-

ым устройством. Ведь если мы возьмем самые совершенные общества современной Европы, они покажутся полными недостатков в сравнении с этим налаженным и благоустроенным государством. Только в одном пункте Ф. де Куланж находит дисгармонию. Это Chap. XVI. De la preponderance de l'aristocratie foncière dans l'Empire romain. Все римское общество было основано на политическом и социальном преобладании земельной аристократии. Так было во времена республики, так осталось и во времена Империи. Власть средних классов, буржуазии была всегда незначительна, она не могла умерять и направлять ожесточенной борьбы между оптиматами и пролетариями.

Моимзен приписывает Каю Гракху гениальный план поспорить для успехов демократии земельную и денежную аристократию. Для того, не отнимая у Сената политической власти, он отнимает судебную и передает ее сословию всадников—денежной аристократии Рима. Для этого Гракху пришлось пожертвовать интересами провинции, ибо откупщики, эксплуатировавшие провинции, становились судьями самих себя. Так впоследствии Лассаль хотел воспользоваться конфликтом буржуазии и юнкерского правительства.

Но в общем буржуазия в Риме мало выступала на арену политики. Впоследствии по Ф. де Куланжу буржуазия все больше и больше исчезала, ибо одни куриалы и всадники стремились и достигали сенатского сословия, другие беднели и растворялись в массе плебса. Параллельно с этим исчезала мелкая земельная собственность. Напрасно императоры препятствовали переходу куриалов в сенатское сословие, они ничего не могли поделать.

Если бы не этот недостаток римского социального устройства, можно было бы подумать, что Ф. де Куланж хочет доказать парадокс, что римская империя пала, потому что ее учреждения были слишком хороши. Так расхваливает он эти учреждения.

Посмотрим дальше. Может быть римская империя пала, потому что она была завоевана варварами. Ничего подобного. Не было никакого завоевания Империи варварами, было только мирное переселение их в качестве наемных воинов, земледельцев. Почти всякий раз как германцы пытались воевать с римлянами, они терпели от них страшные поражения. В конце III-го века Клавдий II уничтожил армию аллеманов, которая перешла Альпы, а потом он прогнал за Дунай 300.000 варваров. Аврелиан уничтожил несколько скопищ варваров. Новья вторжения во время эфемерного царствования Тацита. Проб прогнал вторгнувшихся из пределов Рима и преследовал их в их собственной стране. Царствование Диоклециана, Константина, Юлиана—ряд блестящих побед над германцами. В 406 г. скопище в 200.000 человек под начальством Радогеза вторгнулось в Италию. Они были разбиты в Тоскане, уцелевшие про-

даны в рабство. Даже Атилла был разбит Аэцием в 451 году, и только утомление римлян спасло его от гибели. Дикая, порывистая храбрость варваров побеждалась военным искусством и устойчивостью римских легионов. Таким образом германские нашествия отражались римскими легионами.

Успешнее шло мирное водворение германцев в Империи. Оно шло двумя путями. Германцы водворялись в Империи 1) как воины 2) как земледельцы. Германские предводители были скорее офицерами, чем завоевателями. Знаменитый Аларих всего больше добивался звания начальника римской милиции—главного военного звания в империи; он взял и разграбил Рим, за то что ему отказали в этом звании. Его преемник Атаульф снова поступил на службу в Империю.

Завоевания не было, поэтому земля не была отнята, население не было порабощено. Так напр. было в Галлии. Галло-римляне пользовались ею, как и победители франки. Правда во франкских правдах есть указания, что вергельд за жизнь франка был вдвое больше, чем за жизнь римлянина (*homo romanus*) но Ф. де Куланж старается доказать, что *homo romanus* значил вольноотпущенника. Классы, социальное устройство, учреждения, юстиция, все это осталось во франкском королевстве таким же, каким было в Империи. Ничего не изменилось. Пришла только германская армия. Далее мы узнаем, что Римская Империя вовсе не пала, она продолжает существовать в Византии. Германские короли были только проконсулами. „Хлодвиг всегда видел перед собой Римскую Империю невредимой; он знал, что Галлы, которые сами себя называли римлянами, знали только одну легельную власть—императорскую. Он сам также, как его отец Хильперик и другие германские вожди, которых он побеждал, привык к подчинению императорской власти. Это подчинение его ни в чем не стесняло и могло быть полезным ему. Поэтому он сделал то, что делали до него все германские вожди и стал управлять римлянами, как представитель римского правительства“ Р. 387.

Император Анастасий дал ему титул римского патриция и консула. 1 янв. 509 года Хлодвиг торжественно праздновал в Туре свое вступление в должность консула.

„В представлении людей того времени, империя вовсе не погибла, не только она существовала, но ее именем царствовали“.

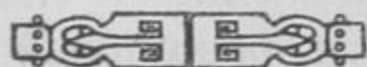
Итак римская империя вовсе не погибла. Это убеждение настолько сильно у Ф. де Куланжа, что он не только не ищет причин падения Империи, но даже не приводит ни одного симптома упадка. Поэтому теория Ф. де Куланжа не только не отыскивает причин упадка, но даже отрицает самый упадок. По его воззре-

ням, весь строй Средних Веков был естественным продолжением римской жизни и только римской. Германские племена, по его мнению, ничего не внесли в жизнь завоеванных стран.

Едва ли нужно опровергать этот взгляд, настолько тенденциозный и подсказанный национальными соображениями. Уже а priori нельзя согласиться с тем, чтобы такой факт, как завоевание одного народа другим, прошел бесследно, и что завоеватели ничего не передали потомству, а все заимствовали у завоеванного народа.

Ф. де Куланж забывает, что часто заимствовалось одно только название из римского прошлого, содержание же учреждений было чисто германским.

Об этом нам придется еще говорить.

ГЛАВА XII.

Эрнест Ренан.

Эрнест Ренан, знаменитый историк христианства в заключительном томе своего исследования *Les origines du christianisme* касается и общих причин падения античности и торжества христианства. Этому вопросу посвящены две главы 31 и 32-ая 7-го тома *Marc Aurèle et la fin du monde antique*.

Ренан видит причину падения античности в христианстве. Он кратко и образно по своему обыкновению выражает свой взгляд: «В течении III века христианство сосет, как вампир, античное общество, отнимает все его силы и вызывает то общее обезсиление, против которого напрасно боролись патриотические императоры. Христианству не нужно нападать открыто и употреблять силу, ему нужно только запереться в своих церквах. Оно мстит, не служа государству, и эксплуатирует в свою пользу принципы, без которых государство не могло бы существовать (Marc Aurèle 589).»

Христианство по взглядам Ренана медленно, но верно убивало различные стороны античной жизни. Христианство убило патриотизм. (Р. 591). Христианство подорвало воинский дух (op. cit Р. 595). Христианство отвращало своих адептов от общественной и государственной жизни, создавая общественный индифферентизм и квиетизм. (Р. 596). Христианство искоренило античное искусство. Так античная скульптура начинает хиреть как раз в первой половине III века (Р. 598). Христианство подорвало всю экономическую жизнь античного мира, основанную на широком кредите, запретив проценты и рост капиталов. (Р. 603). Христианство подорвало и другой устой античности—рабство. Правда, христианство не выступало активно

против рабства. Только у гностиков среди учеников Карпократа возникло отрицание рабства. Но своими явно демократическими тенденциями христианство, при всем своем общественном и политическом индифферентизме, подрывало устои рабства так медленно, но верно, что самое уничтожение рабства прошло незаметным.

Но справедлива ли такая точка зрения? Утверждать, что причиной падения Империи и упадка античности было распространение христианства—это значит рассуждать по известному шаблону: *Post hoc, ergo propter hoc*.

Ренан так и делает, когда он начинает свои рассуждения о конце античности словами: „По мере того, как империя падает, христианство возвышается“. Но с таким же правом можно перевернуть это причинное предложение и сказать: христианство побеждало, потому что античность разрушалась. Христианство боролось вовсе не с живой античностью, а с умирающей и блекнувшей. Скорее оно даже не боролось, а просто христианские идеи, чувства и учреждения заступали место отживающих античных.

Можно доказать что все стороны античности были подорваны без всякого участия христианства, и христианству пришлось считаться с *fait accompli*. Патриотизм сильно падал вследствие включения в государство многих народностей; помимо христианства вырабатывались космополитические системы мировоззрения.

Такой системой был стоицизм.

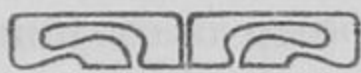
Воинский дух и особенно воинская дисциплина начали падать задолго до распространения христианства.

Литература и искусство тоже исчерпались гораздо раньше. Впрочем на эту сторону античной жизни христианство имело большее влияние, чем на другие.

Население стало тяготиться званием декурионов и муниципальными обязанностями гораздо раньше, чем христианство стало угрожать. Кроме того исследователями отмечен тот факт, что муниципальный режим процветал некоторое время и при христианстве. При том, что же такое было христианство? Разве это было само по себе нечто чуждое и постороннее античности, под влиянием чего она и распалась? Самое развитие христианства было только другой стороной падения античности, и нельзя одно называть причиной другого. Изложение причин торжества христианства потому и вышло таким поверхностным у знаменитого историка, что он оторвал христианство от античности. А между тем он сам так прекрасно указал античные влияния и античные элементы в христианстве.

По взгляду Ренана, христианство победило, потому что мир нуждался в моральной реформе, философия была бессильно произвести ее, а существующая мораль не могла улучшить людей (Р. 361).

Но ведь это значит ограничиться формулой настолько общей, что она может применяться ко всем векам. Во все века может быть мир нуждался в моральной реформе. Современная историография разрушила представление об особой безнравственности конца античности. Никогда столько не думали о нравственности, как тогда. Если же не всегда слово становилось делом, то так бывает всегда. Теорию Ренана можно упрекнуть еще и в другом, в переоценке идейного фактора, каким было христианство, и его исторического значения. Мы теперь знаем, что едва ли можно в идейных факторах, в идеологиях видеть движущую силу истории, скорее сами эти идеологии только указывают, только отражают направление исторического процесса. Значение идеологии всегда бывает наиболее сильно в соседних областях мысли: в науке, искусстве и литературе, а влияние ее на жизнь всегда гораздо слабее.

ГЛАВА XIII.

Фридрих Ницше.

В произведениях знаменитого философа проблема античности играет одну из первых ролей. Античность вдохновляла его так, как никого она не вдохновляла после феерического шествия эпохи Возрождения. Когда в сердце его исчезла детская вера, его религией стала античность: Греция дала ему чувство красоты, Рим культ силы, и к обоим полюсам античности до конца своих дней продолжал он относиться с глубокой привязанностью; он, который бранил всех и все на этом свете, отзывался почтительно только о Греции и Риме. Поэтому к падению античности относился он не с объективностью историка и мыслителя, а с патетическими жалобами сына, у которого отняли мать. Может быть трагедия античности, ее преждевременный конец внушили ему такую ненависть к христианству, так как ему он приписывал гибель античности. Вот как оплакивает он в Антихристе смерть античности; при этом он, конечно, впадает в ту же ошибку, которую мы отметили относительно Ренана.

„Напрасна была вся работа античного мира; я не нахожу слов, чтобы передать мое чувство перед таким ужасным событием. И нужно принять во внимание, что вся их работа была предварительной, что еще только с гранитным самосознанием было заложен фундамент для постройки, которая потребовала бы тысячелетий. Напрасно существовал античный мир. К чему греки, к чему римляне?“ Nietzsche Werke Bd. VIII. S. 307. А дальше. „Все напрасно. Остались лишь

воспоминания. Греки, римляне. Это благородство инстинкта, вкус, методическое исследование, гений организации и управления, воля к будущему человечества, великое" да "ко всем вещам, каковым было *imperium Romanum*, высокий стиль, не только в искусстве, но и в реальности, в истине, в жизни. И все это погибло вовсе не естественной смертью. И все это не было задавлено германцами и другими тяжелоходами. Все это погибло от хитрых, тайных, невидимых, безкровных вампиров и не побеждено, а только высосано. Тайная жажда мести, маленькая зависть стала господами положения. Все жалкое, от себя страдающее, посещаемое дурными чувствами, целый мир—гетто души все это вдруг всплыло на верх"—
ор. cit S. 308.

Далее идет такая характеристика христианского движения: „Мы очень ошиблись бы, если бы предположили недостаток рассудка у вождей христианского движения; о, они очень умны, умны до святости, это господа—отцы церкви. Чего им не достает, так это совершенно другого. Природа небрежничала с ними, она забыла дать им в противовес известную долю приличных, чистых инстинктов. Между нами, они даже не мужчины. Когда Ислам презирает христианство, то он тысячу раз прав. Ислам имеет дело с мужчинами“. ор. cit S. 309.

Для Ницше ход падения античности прост и ясен. Это была победа иудея, священника и демократа над римлянином, воином и аристократом. Это была победа морали рабов над моралью господ. Ницше видит в христианстве особый иудейский заговор, составленный, чтобы отомстить грекам и римлянам за унижения еврейского народа. В христианстве он видит повсюду своеобразную хитрость—*Rachesucht* и *Rancune*.

Слова христианин и анархист или декадент для него равно значущи.

В иудействе и христианстве, которое Ницше не отделяет от иудейства, он видит только особое хитроумное изобретение, которым иудеи старались восполнить свой основной биологический недостаток, недостаток силы, храбрости и жизненности. По воззрениям Ницше очень часто слабый биологически тип, становится очень умным и хитрым, чтобы хитростью восполнить свои врожденные недостатки. Победа христианства была только победой рабской морали, победой симпатии ко всему неудавшемуся, слабому, больному. С этого времени началось отрицание жизни, началась болезнь человечества. С этого времени затормозился естественный прогресс человеческой природы, ибо все слабое, больное, деградирующее стало культивироваться, возводиться в идеал и объект для подражания.

В этих воззрениях характерен взгляд Ницше на античность, как на нечто вполне здоровое, прочное и жизнеспособное, которое

погибло только вследствие хитрости христиан. Ницше сам называет римскую империю „аеге регеппиус“ и рассыпается в доказательствах того, что и теперь еще римская Империя есть для нас недосыгаемый идеал.

Впрочем воззрения его представляют из себя страстные жалобы, гиперболы и проклятия, настолько лишенные исторического смысла, что едва ли они нуждаются в особом опровержении. Одно только замечание. Как могло случиться, что сильные здоровые германцы, эти blonde Bestien в апогее своей силы и могущества, только что захватив всемирную империю, могли принять эту иудейскую и декадентскую мораль христианства?

Вся римская история доказывает сколько болезненных явлений скопилось в римском строе, как расшаталось это здание „аеге регеппиус“.

Впрочем антиисторичность—характерная черта воззрений Ницше. Нужно совершенно не обладать историческим смыслом, чтобы думать, что в истории могут иметь значение заговоры, что можно обмануть хитрыми замыслами целые народы, целое человечество. Теория Ницше очень похожа на те теории рационалистов XVIII века, которые все религии об'ясняли заговорами и кознями хитрых жрецов, обманувших народ. Сходство это настолько сильно, что мы можем подумать о прямом позаимствовании.

Г Л А В А X I V .

О. Зеек.

Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. 1895. Berlin.

Это талантливо написанное сочинение заключает в себе собственную теорию автора относительно падения Западной Римской Империи. Впрочем эта теория прилагается им вообще к античному миру.

В античном мире происходило, по мнению автора, истребление лучших, наиболее сильных и богато одаренных натур, Die Ausrottung der Besten, которое и повело к ухудшению породы и к гибели античного мира. Геродот рассказывает, что Оразибул, один из греческих мудрецов, когда коринфский тиран Периандр обратился к нему за советом, как ему упрочить свою власть, повел его в поле, там молча сорвал наиболее высокие колосья, уничтожил их и бросил в пыль. Тиранн понял молчаливый совет и принялся уни-

чтожать выдающихся людей в своем городе. На Митилене, восставшей против Афин во время Пелопонесской войны, было казнено более 1000 лучших граждан. Во время партийной борьбы в греческих республиках погибали вожаки побежденной партии т. е. люди наиболее выдающиеся. В античном мире, а значит и в Римской Империи, убивали детей казненного, дабы из них не выросла мститель за отца.

В Риме тоже в конце республики началось истребление лучших. Волнения времен Гракхов, свирепства Мария и Цинны, проскрипции Суллы и Антония унесли очень много жертв. 30.000 италяков были умерщвлены Митридитом перед разрывом с Римом; конечно, это были наиболее смелые и предприимчивые люди, искавшие счастья в чужой стране. Во время Империи продолжался тот же процесс истребления лучших. Жертвы императорского деспотизма, жертвы христианских гонений и смутного времени, наступившего после Северов, унесли лучшие силы и способствовали обеднению породы. В том же духе действовало и христианство и аскетическое язычество, заставлявшие выдающихся умственно людей отказываться от чувственных удовольствий и деторождения.

Благодаря всему этому в империи после блестящей эпохи 1-го века до Рожд. Хр. и первого века после Р. Х., быстро начался регресс в умственном отношении. Техника оставалась совершенно стационарной. Водяная мельница была известна еще Митридату, а римляне продолжали размалывать хлеб руками. Земледелие приходило в упадок. Литература становилась безвкусной и подражательной. Только семиты, доставившие миру христианство, продолжали освежать его умственную атмосферу. Неоплатонизм был всецело порождением семитического духа. Аммиан Марцеллин, даровитый историк заката Империи, был сириец.

Зеек выставляет два таких противоположения. Истребление лучших ведет к ухудшению расы. Обратное следствие имеют массовые истребления, они ведут к поднятию общего уровня. При массовых истреблениях наоборот, погибают скорее и вернее худшие и слабейшие индивидуумы, а умные скорее спасутся, результатом чего и будет улучшение породы и прогресса расы.

Главный пример Зеека—евреи. Массовые истребления во время гонения Антиоха Епифана, маккавейских войн, еврейских восстаний при Тите и Траяне поддерживали еврейский народ на должной высоте ума и воли.

Другие примеры: германцы и массовое истребление их во время первых веков нашей эры и быстро наступивший за тем расцвет военного могущества и победы над вечным городом. То же замечание представляла Германия после тридцатилетней войны, Англия после войн Белой и Алой Розы, Франция после истребления гугенотов.

Но эти противопоставления только еще яснее указывают нам на слабость основной точки зрения Зеека.

Как разграничить „истребление лучших“ и „массовое истребление“. Где критерий для этого? При всяком истреблении трусость может быть является лучшим средством спасения, чем ум. Самый термин „массовое истребление“ как бы указывает на то, что истребляются люди массами, совершенно безразлично к их достоинствам. Поэтому такие истребления едва ли бы могли способствовать прогрессу расы. Точно также сомнительно значение „истребления лучших“. Во время партийной борьбы едва ли истреблялись действительно выдающиеся по личным достоинствам индивидуумы. Вспомним, что Цезарь благополучно избежал проскрипций Суллы. Истреблялись наиболее видные, благодаря своему социальному положению, люди. А человек видный благодаря своему социальному положению далеко не то, что человек превосходящий своих окружающих биологически. К таким более видным, более заметным людям принадлежали вероятно и люди погибшие во время партийной резни в Греции и Риме, митиленцы, погибшие после победы афинян. Законы тем и должны отличаться, что термины, входящие в них, должны быть строго определены. Мы привыкли к строгой определенности законов физико-химических. Нагревание увеличивает объем тел, а охлаждение уменьшает его. Тут действительно нагревание и охлаждение прямо противоположные и исключаящие понятия. Можно ли найти такую противоположность и такое взаимное исключение в терминах—массовое истребление и истребление лучших. Нет нельзя. Почему это партийная борьба в античном мире была истреблением лучших, а партийная борьба во время войны Белой и Алой Розы была только массовым истреблением и способствовала улучшению расы и росту культуры? А истребление гугенотов, его скорее нужно отнести к „истреблению лучших“? Крестовые походы были конечно истреблением лучших, а они повлекли за собой оживление средневекового общества.

Зеек несомненно является дарвинистом в истории. Но его теория имеет некоторые слабые стороны по сравнению с дарвинизмом. Формула дарвинизма гораздо более ясна. Там борьба за существование всегда имеет благотворное влияние на расы и племена, исключения бывают только там, где социальные условия нарушают биологическую борьбу за существование. Зеек же к его невыгоде ясный термин „борьба за существование“ заменил двумя неясными—массовое истребление и истребление лучших.

Но у Зеека есть и другие в высшей степени интересные соображения. Так он старается анализировать колебания численности народонаселения в античном мире вообще и во времена Империи в частности.

Оказывается, что в Греции в кровопролитный период персидских и пелопоннесских войн убыль населения была незначительна и была очень скоро возмещена. В периоды же мира население имело неустрашимую тенденцию к уменьшению. Во II-ом веке это вызвало известные жалобы Полибия.

То же самое было и с Римом и его Империей. Оказывается, население сравнительно хорошо переносило хронические войны в период борьбы за мировое господство и с другой стороны в период мира тоже население имело тенденцию быстро уменьшаться. Выходит таким образом, что для античного мира, войны, как бы, были нормальным состоянием, одним из его жизненных проявлений, наоборот мир являлся чем то ненормальным и пагубным. В высшей степени важно было бы проверить это утверждение Зеека и найти аналогию ему в другие периоды. Зеек идет дальше и пытается доказать, что коренное римское население быстро исчезало, так быстро что ко временам Диоклециана вся Империя совершенно варваризировалась, и варварская кровь повсюду заместила коренную римскую. В описании населения того времени в различных местах Империи Зеек узнает классические черты германца, его вида и образа жизни. Сообразно с этим и в реформе, произведенной Диоклецианом во всем строе римской жизни, автор видит известное приспособление к завершившейся варваризации Империи.

Римские учреждения, римский строй жизни были уже негодны для людей другой крови, другого характера.

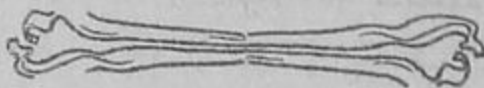
Для них нужны были другие формы государства и общежития, и их дал варварской Империи Диоклециан, сам варвар по происхождению.

Очень интересны характеристики Диоклециана и Константина, данные Зееком.

К Константину он относится с большой симпатией и видит в нем вовсе не ловкого политика, каким его часто представляют, а человеком очень суеверным, как все его соотечественники, но только связавшим свое суеверие с христианской религией.

Итак по Зееку событие 476 года было только естественным продолжением давно наступившего процесса и Диоклециано-Константиновская монархия была римской монархией только по имени. Движущей же причиной этой варваризации было истребление лучших.

На этом мы должны покончить анализ этой мастерски написанной книги, заключающей в себе обилие свежего фактического материала.

Экономические теории.

ГЛАВА XV.

Гревс.

Очень стройную экономическую теорию падения Зап. Римской Империи дал И. М. Гревс в заключительной части своих „Очерков из истории римского землевладения“. Том I. СПб. 1899. Теория И. М. Гревса есть логическое развитие известной гипотезы Бюхера о стадиях развития экономической жизни человечества. На этой гипотезе она основана, вместе с нею и падает. Поэтому мы и должны обратиться сначала к этой гипотезе Бюхера.

Бюхер сторонник исторического направления в политической экономии, он считает, что классическая школа политической экономии анализировала не хозяйственные явления вообще, а только хозяйственные явления одной из стадий экономического развития человечества.

На других стадиях были, по его мнению, другие хозяйственные явления. Для своего разграничения этих стадий, Бюхер берет следующий признак: длину пути, отделяющего производство от потребления—*Die Länge des Weges, welchen die Güter vom Produzenten bis zum Consumenten zurücklegen*“. Стадии экономического развития человечества, согласно этому признаку будут:

1) Стадия домашнего хозяйства—*Die geschlossene Hauswirthschaft*, стадия хозяйства без обмена—*tauschlose Wirthschaft*. На этой стадии нет народного хозяйства, а есть только агрегат самостоятельных хозяйственных атомов, вполне автономных и самодовлеющих; производство и потребление благ сливаются воедино. Эта стадия исторически заключает в себе античный мир и средневековую историю приблизительно вплоть до 1000-ого года по Р. Х.

2) Стадия городского хозяйства—*Die Stadtwirthschaft*—период прямого обмена, когда покупатель всегда является заказчиком и непосредственно известен производителю.

3) Стадия национального хозяйства—*Die Volkswirthschaft*, производство товаров для рынка, период обращения товаров—*Güterumlauf*. На этой стадии хозяйственные атомы уже объединились в хозяйственный организм. Эта стадия исторически начинается с образования больших хозяйственных и национальных государств в XV в. и совпадает таким образом с началом новой истории.

На основании этой гипотезы, всецело примыкая к Бюхеру, Гревс дает следующую картину падения Зап. Римской Империи. Теория эта изложена в главе, называющейся: „Стойкость системы крупных замкнутых хозяйств, как первостепенная социальная причина падения Империи. (Очерки из истории римского землевладения стр. 140).

По Гревсу дело обстояло так: отличительной чертой римской истории, как и всей античной, было экономическое преобладание замкнутых хозяйств—„ойкосов“.

1) Несмотря на категорические взгляды Моммзена на Рим, как на *empogium Latii*, что могло быть и причиной его быстрого возвышения, несмотря на его взгляд, что римляне были больше купцами, чем воинами, Гревс считает, что торговля всегда имела в Риме побочное значение, а вся экономика зиждилась на натуральном хозяйстве „ойкосов“.

2) Коммерческое и ремесленное сословия не дифференцировались в Риме. Коммерция и промышленность шли по типу „ойкосного“ хозяйства, и вождями ее были те же главари „ойкосов“.

3) Рабство, по мнению Гревса, было более развито, чем это старался доказать Эд. Мейер. Рабская конкуренция мешала дифференциации сословий.

4) Замкнутое хозяйство существовало непрерывно на всем протяжении римской истории: „Автономия обособленного хозяйствующего дома сохранилась даже в эпоху образования мирового экономического общения в связанном властью Рима в единую державу огромном комплексе стран и народов“ *op. cit.*, стр. 580.

Процесс же падения Зап. Римской Империи произошел таким образом. В конце республики в римском обществе возникла сильная оппозиция против ойкосных главарей. Эта оппозиция повела к империи, которая на первых же шагах повела отчаянную борьбу с олигархией ойкосов. Известно, что при Нероне были казнены 6 олигархов, владевших половиной провинции Африки, и имущества их были конфискованы. В этот же период времени демократическая Империя и создала некоторое подобие „народного хозяйства“. К этому же периоду относится развитие в Риме торговли, денежных операций, банкирских сделок. Но постепенно демократическая Империя начинает приспособляться к „ойкосному“ экономическому строю. Государство само становится громадным ойкосом, владеющим колоссальными доменами с очень сложным и разнообразным хозяйством.

Происходит примирение между императорским правительством и ойкосными олигархами. Зачатки натурального хозяйства начинают исчезать сами собой, как нечто наносное, отсюда возврат к

натуральному хозяйству, центробежные тенденции ойкосных олигархов.

Ойкосные олигархи, владения которых разбросаны в различных частях Империи (имперские магнаты), теперь заменяются такими, именья которых сосредоточиваются в одной области (областные магнаты). Получив преобладание в какой-нибудь области, такие магнаты стремятся к нарушению имперского единства. В них мы должны видеть уже зачаточных феодалов.

Господа крупных, частновладельческих территорий, проникаясь ойкосным сенаратизмом, перестали ощущать, что сохранение имперского единства входило в их интересы.

Они могли жить без помощи других классов и без поддержки императорского правительства. Под влиянием такого сознания изменились их чувствования, и „римский патриотизм изсякал в душе галльских, испанских и даже италийских сенаторов“ *op. cit.*, стр. 708.

Гревс так формулирует свою точку зрения: „Основная причина упадка жизненности в Империи слишком сложна, чтобы ее назвать экономической. Мы формулировали ее, как возрождение и торжество крупных ойкосов внутри римского общества“, стр. 613.

Теория Бюхера очевидно так и сквозит во всех рассуждениях Гревса; поэтому к этой теории мы и должны обратиться прежде всего.

Теория Бюхера основана на абстракции и на искусственном признаке. Раз мы задались целью классифицировать стадии экономической жизни, мы можем сделать это только на основании развития производства, потому что производство есть основной экономический факт.

Так и делают марксистские писатели.

Где встречается „хозяйство без обмена“? Конечно только в робинзонадах, осмеиваемых той же исторической школой политической экономии.

Почему в античном мире, который как раз характеризуется преобладанием городов, не было вовсе „городского хозяйства“?

Почему Римская империя, об'единившая в тесно связанное целое все берега Средиземного моря, не имела „национального хозяйства“?

Правильнее было бы считать наоборот и думать, что это об'единение берегов Средиземного моря в одну державу потому и произошло с такой легкостью, что они раньше были связаны в одно культурное и торговое целое.

Раз экономика античного мира и первой половины средних веков так схожи, откуда взялись такие различия их во всех остальных отношениях? Что за странный перелом произошел около 1000 года и чем он мог быть вызван?

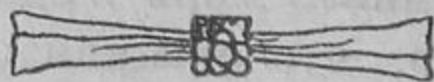
Чтобы верить в такую гипотезу нужно закрыть глаза на всю массу фактов относительно развития обмена, торговли, кредитных операций в античном мире. Нужно забыть о существовании всаднического сословия, которое, напр., по Моммзену и было буржуазией в полном смысле этого слова, нужно забыть о существовании акционерных компаний, публиканов. Нужно забыть про громадную экономическую роль государства, продававшего и раздававшего хлеб пролетариям, чтобы верить в то, что экономическая жизнь античности состояла из самодовлеющих обособленных хозяйственных атомов. Впрочем, взгляды Бюхера встретили возражения со стороны авторитетнейшего историка Эдуарда Мейера. Если мы обратимся к другим народам, то мы не найдем там подтверждения гипотезе Бюхера. Проф. Ключевский, опираясь на многочисленные свидетельства источников, считает, что весь киевский период Русской истории обязан своими характеристическими чертами внешней торговле. Варяги в его изображении были вооруженными купцами. Вместе с теорией Бюхера падает и ее применение к истории падения античности, сделанное Гревсом.

Гревс повинен в некоторых несомненных натяжках. Он говорит, надо подчеркнуть любопытную особенность, что рядом с таким преобладанием областной торговли над имперскою, в римском мире почти не существовало того, что называется внешней торговлей. Любопытного тут мало, если вспомнить, что римская империя заключала тогда почти все страны цивилизованного мира.

И то это указание неверно¹⁾. Плиний жаловался, что римское золото уходит в варварские страны в обмен на пряности и экзотические продукты.

Также неправильно Гревс говорит о центробежных стремлениях той эпохи. Нельзя игнорировать того факта, что Диоклециано—Константиновская эпоха, на которую и должно было пасть это возрождение ойкосов, была как раз эпохой бюрократии и центростремительности.

Некоторые авторы как раз центростремительность винят в падении Империи.

¹⁾ Смотри об этом: М. М. Хвостов. История восточной торговли Греко-Римского Египта. Казань. 1907.

ГЛАВА XVI.

Абрамовский.

Гораздо более научную, более обоснованную и систематическую рабочую гипотезу для изучения экономики в истории дает нам гипотеза материалистического понимания истории, в том виде, как это представлено К. Марксом. Значение этих концепций Маркса, прочем, гораздо важнее для политической экономии, чем для истории. Материалистическое понимание истории должно быть построено на других основаниях, а не на „гипостазировании“ экономики. Но в изучении экономики собственно он дал в высшей степени плодотворные идеи. Идеи эти заключаются в возведении производственных отношений в краеугольный камень экономических явлений. Классическая школа политической экономии, была главным образом, наукой обмена. Но, конечно, более глубокое исследование явлений покажет, что явления обмена и распределения суть только следствия производственных отношений.

Очень талантливую попытку применить к истории мысль Маркса сделал современный социолог Эд. Абрамовский в своих трудах: „Психологические основы социологии“ и „Исторический материализм“.

Абрамовский решительно подчеркивает первенствующее значение производственных отношений в сфере экономики. „Что касается динамической стороны юридического и экономического органицизма, что касается лаборатории, в которой выработываются эти формы, и которая скрывается под ними,—это будет производство; оно именно составляет тот алхимический котел, куда история и цивилизация бросают все свои приобретения и все свои продукты, чтобы они превращались там в зародыши новой социальной жизни“ Абрамовский русск. перевод, стр. 74.

Далее Абрамовский предполагает, что все исторические явления зависят от стадии развития производительных сил.

Первая стадия. Производительная способность индивидуума ниже, чем того требует поддержание его жизни. Этой стадии соответствует коммунизм рода и вся политическая и социальная жизнь, построенная на этом фундаменте.

Вторая стадия. Производительная способность индивидуума равна тому, что требует поддержание его жизни, делая через это самое возможным его выделение из коллективной жизни, его индивидуальное высвобождение из оков трибального равенства, старых коммунистических предрассудков, (стр. 81).

Этой стадии развития производительной способности соответствует античный мир с его рабством и ойкиосным хозяйством.

По Абрамовскому, на этой стадии нет прибавочной стоимости, то, что потребляется рабом, то и производится им. Для того, чтобы рабовладелец получал прибавочную стоимость, он должен содержать рабов вместе, и из коммунального содержания их рабовладелец может получить прибавочную стоимость. Таким образом из рабства логически возникает тип ойкиосного хозяйства“.

Третья стадия. Появляется прибавочная стоимость. Эта стадия мелкого оброчного хозяйства—эра средних веков и феодализма. „Теперь благодаря развитию социальной техники можно эксплуатировать и индивидуального рабочего; мелкое хозяйство, получившее повышенную производительность благодаря социальному гению, становится в силах уже не ограничиваться бесплодным воспроизведением себя самого, а давать некоторую прибавочную стоимость. В результате толпы рабов, трудящихся под бичом, эта принудительная сила кооперации, перестают быть экономической необходимостью“, стр. 86 и далее. „Раб, который, работая в толпе, был лишен всех социальных атрибутов человека и не имел никакого значения в качестве производительной единицы, став держателем, колоном, становится независимым работником, приобретает дом и домашний очаг, получает моральные атрибуты человеческого существа. С появлением индивидуальной прибавочной стоимости изменяются не одни экономические формы рабства, но и вся его идеология получает другой вид: за рабами признают обладание душой и название человека, известные права собственности, известные личные права, моральным выражением чего служит христианство“.

Таким образом падение античности и разрушение Зап. Римской Империи есть следствие появления индивидуальной прибавочной стоимости, которая привела к уничтожению рабства и ойкиосного хозяйства.

Прежде всего отметим резкое противоречие у экономистов в истории: по мнению Гревса, античность пала вследствие возрождения ойкиосного хозяйства, по Абрамовскому, это произошло вследствие разложения ойкиосного хозяйства. Кому из двух верить?

Абрамовскому мы можем сделать следующие возражения. Во-первых, нельзя говорить, что техника в античном мире была не настолько развита, чтобы была возможна прибавочная стоимость, раз та же техника делала возможным латифундиальное хозяйство.

Во-вторых, трудно предполагать, чтобы в античном мире техника была ниже, чем в средневековом обществе.

Трудно предположить, чтобы в Диоклециано—Константиновскую эпоху, когда господствовал такой умственный застой, тех-

ника вдруг стала развиваться. Послесеверовские смуты вызвали страшное обеднение империи, и ни о каком прогрессе техники не могло быть и речи.

В-третьих. Есть прямые указания, что при существовании рабства возможна и индивидуальная прибавочная стоимость. Это известно относительно германцев.

По Тациту, германское общество делится на 4 класса 1) *nobiles* 2) *ingenui* 3) *libertini* 4) *servi*. Говоря о рабах, Тацит подчеркивает, что положение их иное, чем в Риме.

Servis utuntur non in nostrum morem, descriptis per familiam ministeriis, suam quisque sedem, suos penates regit. Frumenti modum certum aut pecoris aut vestis dominus ut colono injungit et servus hactenus paret.

Можно ли после этого смотреть на колонат, как на высшую ступень производительной деятельности. Эта высшая, сравнительно с античностью, ступень была уже достигнута германцами времен Тацита. Допустим даже, что после падения античности техника улучшилась настолько, что могла появиться прибавочная стоимость. Но почему все-таки пало крупное хозяйство ойкоса. Ведь при существовании его прибавочная стоимость была бы еще больше, так как к индивидуальной прибавочной стоимости прибавились бы выгоды от совместной работы рабочих рук. Ведь и в наше время существует индивидуальная прибавочная стоимость, а все-таки крупное хозяйство вытесняет мелкое.

Все это, вместе взятое, побуждает нас отвергнуть гипотезу Г. Абрамовского.

ГЛАВА XVII.

К. Брейзиг.

Kurt Breysig. *Kulturgeschichte der Neuzeit.*
Berlin. 1901.

Брейзиг в своих взглядах на античный мир придерживается взглядов Эдуарда Мейера. Так, он находит искусственным историческое понятие древняго мира и считает, что античный мир проходил все стадии развития, имел свою древность, свое средневековье, новую и даже новейшую историю.

Брейзиг пускается в аналогии довольно поверхностные. Революционный период после пунических войн в Риме он сравнивает с великой французской революцией, Цезаря с Наполеоном и т. д.

Хронологически он так делит античную историю.

Греция. Древность до 1000 года до Р. Х. Средневековье раннее от 1000—750 до Р. Х., позднее 750—500 до Р. Х. Новая история 500—338 до Р. Х.

Рим. Древность неизвестна. Раннее Средневековье от 753—500 г. позднее от 500—330 до Р. Х. Новое время от 330—133 до Р. Х. Новейшая история от 133 до Р. Х. до 476 по Р. Х.

Если эта схема и может подвергаться многим возражениям, как научное построение, то как схема для распределения и освещения материала она очень важна. Но на практике самому Брейзигу постоянно приходится бросать ее. Так, говоря о новейшей римской истории, Брейзиг отмечает действительно любопытное явление. После индивидуализма времен первых императоров, в эпоху роста индивидуализма в нравах, замечается образование корпораций с наследственными профессиями, чего то вроде каст. Так, наследственным сделалось чиновничество, наследственными сделались муниципальные должности декурионов, которые вначале были только почетным званием. Работники по металлу клеймились, как каторжники для того, чтобы они не могли оставить своих занятий; образовались цехи мельников, пекарей и возчиков. Все шло к средневековью. Брейзиг так и отмечает это явление—„искусственное средневековье императорской социальной политики“.

Откуда же взялось это средневековье? Было бы неправильно придавать такое значение социальной политике императоров. Очевидно, этот путь к средневековью самостоятельно совершало общество того времени.

У Брейзига есть соображения и относительно падения Рима. Так как этот вопрос разобран у него вместе с вопросом о падении Греции, то мы коснемся и последней. Брейзиг отказывается видеть в чрезмерности демократии, в падении правов причину разложения Греции.

Вполне справедливо говорит он: „Для всех этих явлений (упадка) нет лучшего объяснения, как то, что силы греческого народа ослабли, что он не был достаточно силен, чтобы предпринять что-нибудь великое. Дух, воля и, конечно, тела, нервы этих поколений стали так бессильны, что они уже не могли продолжать начатые развития или начинать новые“. „Греческий народ погиб не из за демократии или падения правов, не из за неверия своих духовных руководителей, не из за слишком развитого чувства индивидуальности и обособления в массах, он погиб благодаря Югу“. Вд II. S. 318—319.

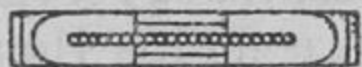
Брейзиг считает, что культура может развиваться только на юге и как раз на юге, благодаря климатическим условиям, она не может быть долговечной. Он считает, что море с изрезанной береговой

линией Греции было очень благоприятно для греческой культуры, оно оживило жизненные силы греческого народа, но оно же и исчерпало их очень скоро.

Переходим к Риму. Сначала Брейзиг отделяется обычными фразами о величине империи, вреде военных прунциamento и отсутствии правильного престолонаследия. Потом он говорит о падении знати, давлении на личность, развитии каст и пр. Затем он переходит к более глубоким причинам. Относительно Рима также, как и относительно Греции, он вполне правильно видит такую причину в падении народной силы, стр. 318.

Потом он старается и это свести на географические причины. Причинами падения народной силы в Риме были „мягкий климат“ и море, также как и в Греции. Рим потому был долговечнее Греции, что Италия образует более континентальную и компактную массу, чем Греция.

Несостоятельность этой точки зрения ясна. Почему евреи, родина которых была еще южнее, чем Греция и Рим, оказались такой живучей нацией? Почему в Римской Империи, которая заключала в себе и северные и континентальные страны, вполне культурные, как, напр., Галлия, не образовалось очага оздоровления империи? Тогда бы центр тяжести империи переместился на север в более здоровую в историческом смысле страну. Почему теперь Италия как раз и не страдает теми несчастьями, которые ее климат и море наделили античную Италию?

Г Л А В А X V I I I .

Петрушевский.

Проф. Петрушевский в своих „Очерках по истории средневекового общества“, печатавшихся в журнале: „Научное Слово“ за 1904 г. ¹⁾ проводит тот взгляд, что упадок жизненности организма римской Империи произошел вследствие всемогущества государства, убившего жизнедеятельность небольших, но живых социальных организмов—муниципий. Причину расстройств социальных функций Империи он старается видеть во все увеличивающейся опеке государства над обществом, в непомерном росте бюрократии, в страшных фискальных требованиях, предъявлявшихся государством обще-

¹⁾ Вышло и отдельным изданием под названием „Очерки по истории средневекового общества и государства“. Издание 3-ье. Москва 1913, главным образом страницы 184—190.

ству, в насильственном закреплении сословий и образовании их наследственности.

В истории римской муниципальной жизни проф. Петрушевский отмечает два периода. Во-первых, период независимой муниципальной жизни, когда управление было поручено выборной магистратуре в главе с дуумвирами и квинквеналами (соответствовавшим консулам и цензорам столицы). В это время звание декуриона (члена сената) и магистрата было почестью, которую люди несли безвозмездно, мало того, которой страстно добивались (выборы часто сопровождалась такой же агитацией, как теперь в любой парламентской стране). Магистратура тратила собственные средства на украшения города или на общественные нужды. В этот период муниципальная жизнь процветала.

Второй период, период опеки государства над обществом, период назначения правительственных чиновников на муниципальные должности. Во главе муниципий стояли сначала *curator civitatis*, начиная с Траяна и *defensor plebis*, начиная с Валентиниана. В промежуток между этими двумя должностями, после Диоклециановского раздробления провинций, муниципальная жизнь была во власти правителя области. В этот период муниципальная жизнь падает, сословие декурионов становится тяглой, принудительной организацией. Вместе с падением муниципальной жизни вследствие опеки государства, отмирают живые силы государства, и оно не в состоянии противиться напору варваров.

Таким образом, по воззрениям Петрушевского, Римская Империя погибла как бы от паразитизма государства, непомерно развившегося на счет жизненных элементов Империи.

Но так ли это? Историческая литература позволяет не согласиться с мнением автора. Фюстель де Куланж вообще оспаривает, чтобы падение Зап. Римской Империи сопровождалось падением муниципальной жизни. Он нигде не находил борьбы между обществом и государством, насильно навязывавшим обществу свои требования и свою опеку. Наоборот, очень часто общество само обращалось к государству за опекой. Так, общины обращались к императору с просьбой принять звание дуумвира, и тогда префект императора исполнял за него обязанности дуумвира. Общины же обращались к императору с просьбой назначить *curator'a civitatis* для урегулирования муниципальных финансов. Правда в III и IV веке замечался упадок муниципальной жизни, но он объяснялся борьбой христианства с язычеством и временным устранением христианского населения от участия в языческой социальной жизни, связанной с участием в жертвоприношениях. Потом, когда христианство победило, возродилась и муниципальная жизнь под общим верховенством епископа. С падением империи муниципальная ячейка не

погибла и перешла в средне-вековую жизнь. Таковы взгляды Ф. де Куланжа. Зеек со своей стороны видит в самой муниципальной жизни зародыши разложения, приведшие ее к правительственной опеке.

Теперь несколько слов о пресловутом всемогуществе государства в Римской Империи. Мы смотрим на это всемогущество, как на явление реактивное, а не первичное. Оно само было обусловлено падением жизнедеятельности в обществе, а не обусловило его. Не бюрократия сдавливала общество, а, напротив, когда общество сжалось, бюрократия заняла пустое место.

В самом деле, как возникло это всемогущество государства? Оно возникло в Диоклециановскую эпоху, как ответ на то разложение общества, которое обнаружилось в смутах III-го века. Диоклециан прибегнул к бюрократическим и монархическим реформам только тогда, когда его предшественниками были исчерпаны все попытки поднять жизнедеятельность общества. Император Тацит сделал героическую попытку обратиться для реформ к содействию общества, перестроить снова разваливающееся здание империи при участии общественных сил. Он старался всячески устроить монархию на древних республиканских началах, старался поднять значение сената. Но сенат, потерявший всякий вес в обществе, не мог оказать ему никакого содействия. Попытка Тацита не удалась, и после смерти Тацита опять началась военная деспотия, и продолжались смуты. Итак, правительственной опеке безусловно предшествовало падение общественных сил.

ГЛАВА XIX.

Общие замечания относительно литературы вопроса.

Все различные теории, старающиеся об'яснить конец античности и падения З. Р. И., можно разделить приблизительно на следующие группы.

- 1) Теории философские—Боссюет, Вико и Гегель.
- 2) Теории эклектические. К этой группе относятся классики вопроса. Они видят причину падения в различных факторах, большей частью намечаемых только случайно, по пути чисто прагматического изложения. Таковы Montesquieu, Herder, Gibbon, Merival, Duguу.

- 3) Теории романистские. Эти авторы стараются затушевать самый факт падения Римской Империи, видят в нем нечто несущественное, случайное, видят во всем средневековом и новом обще-

стве продолжение традиций Рима. Таковы Амедей Тьерри и Фюстель де Куланж.

4) Теории социальные. Эти теории распадаются на а) Теория собственно социальная. Теория всемогущества государства—Петрушевский б) Теории экономические—Гревс на основании воззрений Бюхера и Абрамовский на основании воззрений Маркса.

5) Теории естественно научные—Зеек, Брейзиг.

6) Теории идеологические—Ренан и Ницше. Оба они видят причину падения в новой идеологии—в христианстве.

Прежде всего нужно отметить постоянные противоречия различных теорий друг с другом. Романистские теории смотрят на римский мир, как на здоровое тело, все остальные, как на нечто отживавшее. Одни исследователи отводят в числе причин падения Империи главное место всемогуществу государства, другие, как Гревс, характеризуют ту же эпоху последноклециановской монархии, как развитие центробежных, сепаратистических элементов, пытавшихся разорвать имперское единство и установить разобщенный феодальный строй. Кто же прав? Оба правы, как и всегда в тех случаях, относительно которых встречаются резкие противоречия. Всемогущество государства, громадная армия чиновников засвидетельствованы несомненными фактами, авторитетными свидетельствами современников. Лактанций говорит, что у нас теперь управляющих чуть ли не больше, чем управляемых. С другой стороны наличность обособления засвидетельствована фактами, собранными в книге Гревса. Это значит, что налицо были оба явления, оба содействовали процессу разложения Империи, но что они оба были порождением, симптомами каких то более глубоких причин.

При разборе монистических гипотез, мы показали, что ни одна из них не может объяснить всего явления целостью. Но из этого вовсе не следует, чтобы нужно было отдать предпочтение теориям эклектического типа.

В эклектических теориях мы не видим никакого анализа явлений, а голое перечисление тех явлений, которые наблюдались в позднейшей Римской Империи и простое умозаключение—*post hoc, ergo propter hoc*.

Возьмем лучшие эклектические перечисления—Merivaля и Herder'a. У Мериваля среди причин есть и причины отрицательные, на которых никогда не остановится ум человеческий. Такова пятая причина в его перечислении: „отсутствие технического прогресса“. Другие причины, очевидно, суть только симптомы падений, а не причины его. Таковы указания на а) стеснения торговли, б) уменьшение населения вообще, в) вымирание итальянского в особенности.

Еще лучше перечисление причин у Гердера. И все таки против них многое можно возразить. Гердер считает одной из причин

падения Империи противоречие между городской формой жизни и государственными объемами империи. Но как раз реформы Диоклециана и образовали из римской империи уже не античный *status*, а стройное государство; как раз в позднейшей римской империи, во время ее падения, этого то противоречия и не наблюдалось. Развитие роскоши, на которую указывает Гердер, тоже явление слишком относительное, наблюдаемое в разные эпохи и всетаки не приводящее к смерти социального организма. Если Гердер называет римскую конституцию худшей в мире, то другие исследователи, как, напр., Ф. де Куланж, склонны считать ее лучшей в мире. Указание Гердера, что военное счастье должно было, наконец, изменить римлянам, совсем непонятно. Почему это оно должно было изменить, почему не могло до конца благоприятствовать Риму? К кому же от измены военного счастья до гибели государства еще далеко.

Мы не можем остановиться на эклектической точке зрения, хотя сначала она и подкупает нас своим еинтетическим, примиряющим направлением.

Истинная теория должна быть монистична, но с тем условием, чтобы все наблюдавшиеся явления выступали, как симптомы, как проявления этой единой причины. Это методологическое требование прекрасно понималось философскими теориями, которые выставили Боссюэт, Вико и Гегель. Но зато эти теории совершенно покидали историческую почву, подпадали под влияние основной историко-философской конценции (идеи прогресса у Гегеля, идеи кругообразного движения у Вико, идеи Провидения у Боссюэта). Они говорили слишком мало, как осуществлялся тот или иной закон в истории и не искали доказательств в конкретной исторической обстановке. Таким образом эти теории остались висящими в воздухе, оторванными от почвы, абстрактными философемами.

Причины бывают двух родов: реальные и феноменальные. Реальные причины явлений всегда умопостижимы, то, что наблюдается в мире феноменов, суть причины феноменальные; они всегда суть лишь симптомы действия причин реальных, т. е. научных. Но нельзя ограничиться рассмотрением одних только реальных причин. Настоящий закон это точное указание соотношения между всеми реальными и всеми феноменальными причинами. Так, теплота есть только феноменальная причина увеличения объема газа, реальная же причина есть увеличение молекулярного движения, но для открытия этой реальной причины мы всегда должны исходить из изучения феноменов теплоты и сопутствующих явлений.

Методологически говоря, эклектические теории занимались одними феноменальными причинами, философские только одними реальными.

Так как реальная причина тождественна с причиной научной, а все научные причины сводятся к причинам естественных наук, то отсюда следует, что реальная причина всякого явления, социального психологического или исторического, должна быть естественно научной¹⁾, и с этой точки зрения можно только приветствовать появление естественно-научных теорий. *Таковы теории Зеека и Брейзига.* Мы уже коснулись этих теорий и видели, что они не могут удовлетворить нас.

Таким образом путь к естественно-исторической теории падения Зап. Римской Империи еще открыт. Необходимость естественно научной теории падения Римской Империи будет видна при более полном анализе социальных и идеологических теорий. Социальные и экономические теории противоречат друг другу на каждом шагу.

В Римской Империи много было политических, социальных и экономических неустройств, но не было политических, экономических и социальных движений.

Это само по себе указывает на дряхлость народов. Здоровый народ всегда мог бы избавиться от стесняющих его пут. Да сверх того все социальные неустройства, сами по себе не могли бы повести к падению Империи.

Конституция Римской Империи была очень хороша. Не даром так восторгались ею многие исследователи, и никто серьезно не критиковал ее. Она очень счастливо соединяла государственное единство с муниципальной децентрализацией. Она не подавляла местные и народные особенности.

Указывалось на то, что Рим не додумался до представительного образа правления. Но и это не совсем так. Конечно, не было представительства в нашем смысле этого слова, но представительство провинций достигалось наличностью в сенате провинциальных сенаторов.

Указывают, (Гердер и др.), что Рим погубило рабство, но как раз, когда империя падала, рабство начало исчезать и переходить в колонат. Социальные неустройства всегда бы сопровождались недовольством, брожением, революциями. Так и было в последние дни Республики. Если бы рабство было тягостно для населения, повторились бы и при Империи дни Спартака, а между тем они не повторялись. Если бы конституция империи неудовлетворяла бы население, повторилось бы время союзнической войны, время Гракхов, Суллы и Цезаря. Разве оно повторялось при Империи? Разве смуты Империи напоминают смуты Республики? Во время Республики было социальное и политическое движение, во время

¹⁾ Это сходится с выводами Зиммеля в *Probleme der Geschichtsphilosophie*.

Империи были дворцовые перевороты, были междоусобия разных регионов и их полководцев, были сепаратистические движения в провинциях, но не было такой политической и социальной борьбы, как при Республике.

Укажите, какие партии существовали при Империи, а при Республике вы можете очень хорошо очертить их. Волнения Империи происходили гораздо больше вследствие нравов, чем вследствие социальных стремлений. Была в Риме громадная идеологическая борьба, борьба христианства с язычеством, но она не была социальной. Противоречие христианства и язычества сводилось в конце концов к противоречию нравов, к противоречию индивидуальных жизненных стремлений, а не к противоречию коллективных классов. В этом смысле христианство было междуклассовым.

Мы пришли к старой много осмеянной теории нравов. Прежде много спорили об том, что определяет: нравы ли общественный строй, или общественный строй нравы. В такой форме вопрос абсурден. Но, если нравы рассматривать, как социальное выражение биологической природы человека, тогда преимущество будет, пожалуй, на стороне нравов. Нравы гораздо ближе к биологической организации человека.

Мы приблизились к точке зрения Тацита, который оплакивал нравы римлян, видел опасность, надвигающуюся с севера, и бесознательно противопоставлял здоровую жизненность германцев массовому вырождению руководящих слоев римского общества. Тацит был таким пессимистом, потому что стоял на правильной точке зрения. Он гораздо более оплакивал упадок нравов в обществе, чем нападал на политический и экономический строй Империи. Он с гениальной прозорливостью понимал, что дело вовсе не в политических и экономических реформах. *Буассье* в своей книге „*Opposition sous les Césars*“, прекрасно доказал, что Тацит, также как Овенал и другие вожди оппозиции, которую так преследовали цезари, были в сущности монархистами. Свои нападки Тацит направлял не на принцип монархии, а на лиц, на отдельных императоров, не нравившихся ему. И тут он оплакивал тот же упадок нравов.

Идеологические теории при всей своей методологической не-правильности, может быть, передают сущность дела лучше, чем социальные. Перемена идеологии всегда указывает на перемену нравов, а перемена нравов, совершающаяся в большом размере, всегда указывает на перемену биологии масс. Идеологии гораздо больше зависят от нравов, от нашего характера, от нашей природы, чем от нашей социальной обстановки. Гибель Империи совпала с переменой идеологии. Связь тут несомненна. Методологическая ошибка идеологических теорий заключается в том, что они

выделяют идеологию, как нечто самостоятельное в то время, как она есть только отражение человеческой природы.

В одном только согласны разнообразные теории, это в том малом значении, которое они придают нашествию варваров.

Никто не видит в этом нашествии причину падения, все ищут причины внутренних.

Романистские теории склонны отрицать даже самый факт завоевания, гораздо большее значение придают они мирному переселению германцев.

Конечно разложение империи было процессом внутренним, но та форма, в которую этот процесс вылился, всецело обусловлена переселением свежих народов. Поэтому исследователи и правы и неправы, игнорируя роль германского элемента в падении Империи. Будь Римская Империя изолирована от варваров, процесс ее разложения пошел бы совершенно иначе и пришел бы к другому результату, чем средневековье. Тут лежит корень ошибок романистских теорий европейской истории.

Действительно громадное количество средневековых учреждений, как это и доказывают романисты, было продолжением римских. Но эти учреждения, это влияние были только в верхах общества, на его лицевом фасаде. Правда звание *comite, duc* перешли в новый мир из *bas empire*. Правда в Галлии еще при Империи начинали строиться замки—*castella*. Римское право все время не умирало. Призрак всемирной империи все время витал перед бывшими вождями сбродных германских дружин. Римская Церковь строилась по образцу Римской Империи, и между культом императора и непогрешимостью папы идет непрерывная историческая связь. Все это так, но все это верхи общества. Проф. Виноградов, как нам кажется, прекрасно показал, что римское влияние было очень сильно и преобладало на верху социальной лестницы, в самых же недрах социальной жизни—в земледельческой общине мы имеем чисто германское учреждение.

Все это упустили из виду романисты.

Если мы бросим общий взгляд на развитие историографической литературы, то можем подметить следы известной правильной эволюции, постепенно приводящей историографию к теориям естественно научным.

Историографические попытки начались с замечаний социального характера, потом перешли к рассмотрению экономического быта, и затем неминуемо должны перейти к таким теориям, где бы на первый план выдвигалась национальная энергия—здоровье и жизнеспособность расы. Такая эволюция в общих чертах наблюдается нами в ходе историографии, но кроме того она логически необходима. Исторические исследования должны необходимым обра-

м переходить от социальной истории к экономической, а от экономической к биологической. Этот первый переход уже повсюду и совершен историографией: социальная история началась с истории права и политических учреждений, но потом выяснилось, что эти политические учреждения и право создавались в борьбе различных общественных групп между собой. Тогда историки должны были придать значение социальному строю. Но если точнее анализировать общественный строй, то окажется, что общество состоит из экономических классов и что, враждующие между собой, социальные группы суть экономические классы. Так совершился незаметный, логически необходимый, переход историографии от изучения политических форм к изучению экономической жизни. Очень характерен этот переход в историографии Греции. Там историографическая литература незаметно перешла от политического направления Грота к экономическому Мейера, Белоха и Пöльманна. Такой же переход совершился и в других областях истории. Этому переходу способствовал „экономический материализм“ Карла Маркса, быстро приобретший популярность и распространение. Но этот переход был кроме того логически предопределен сущностью дела.

Нам кажется, что также естественно произойдет и переход от экономической истории к биологической. Для этого имеются следующие основания.

I. Как динамическое рассмотрение политического строя привело историка к изучению экономических категорий, так изучение этих экономических категорий в их динамике должно привести историка к категориям биологическим.

Фактором политической эволюции является экономика, но что является фактором экономики в ее динамике, фактором экономической эволюции. Пусть история есть борьба классов, борьба класса старого, отживающего с новым, развивающимся. Пусть этот новый класс выдвигается развитием производительных сил. Но чем обусловлено развитие производительных сил? Это развитие производительных сил играет в марксистских теориях роль *generatio aequiva*iosa, оно все объясняет и само ничем не объясняется. Объяснить это успехами техники, знания, дающего власть над природой, нельзя потому что самые эти успехи техники и знания, относящиеся ритом же к области „идеологии“, объясняются из экономической необходимости.

Между тем такое развитие производительных сил объясняется роста народонаселения. Когда народонаселение возрастает, его производительные силы должны неминуемо возрастать в силу известной биологической необходимости, т. к. иначе это возрастающее население не найдет средств к существованию. Левассер вычислил различия различных степеней культуры (охотничьей, кочевнической, зем-

ледельческой и промышленной) предельную плотность населения. Раз эта плотность превзойдена, производительные силы должны непременно развиться, а общество должно перейти на следующую стадию культуры. То, что превратило Англию Вильгельма Завоевателя в современную Англию, это возрастание численности населения с 1—1^{1/2} миллиона до 40 миллионов. То же самое и в других странах. Вероятно и современные русские события объясняются тем, что росту народонаселения не соответствовало развитие производительных сил, искусственно сдерживаемое обветшалым строем.

Но рост народонаселения есть факт биологический, зависящий от состояния расы.

Важность „роста народонаселения“ может быть показана на отрицательном примере из римской истории.

Отсутствие развития производительных сил, стационарность техники объясняются, по моему мнению, для императорского Рима отсутствием прироста народонаселения.

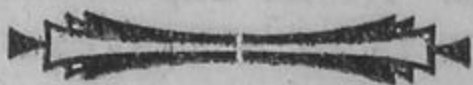
Итак фактором экономической эволюции является биологическая размножаемость народа.

II. К биологической истории должно склонить исследователя и то значение, какое имеет на судьбы народов, расовый фактор и *природные условия* (климат, характер страны и пр.). Тут открывается обширное поле для исследований.

III. В „открытиях“ и в „подражании“, т. е. в творчестве и восприимчивости, мы имеем мощный исторический фактор. Эти способности творчества и восприимчивости могут быть неодинаковы в разное время и для разных эпох, а это должно отразиться на истории.

IV. Явления вырождения, уже и теперь наблюдаемые в обществе в значительных размерах, нарастая все больше и больше, заставят историков обратить внимание на национальную энергию, на состояние расы.

История сначала была историей войн и правителей, потом она стала политической, потом социальной, потом экономической и, наконец, должна стать биологической. Такая эволюция есть постепенное углубление ее содержания.

ЧАСТЬ III.

Историческая.

Вопрос о падении

ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

Применение теории истощения народов
к истории Римской Империи.

Теперь мы должны обратиться к истории Римской Империи и поискать там таких явлений, которые бы указывали на падение жизненной энергии в населении, на дряхлость народа. Конечно, история не могла сохранить нам прямых указаний на наличие „вырождений“ в римском населении. Вырождение является слишком индивидуальным фактом и притом таким, который для каждого отдельного случая должен быть установлен специальным исследованием. Такое материальное изменение человеческой природы должно было неминуемо ускользнуть от историков, от писателей тех времен, которые всегда были более заняты делами человека, чем самим человеком.

Поэтому исследователь биологической истории находится в более невыгодном положении, чем исследователь истории социальной или экономической.

Все более крупные перемены в социальном строе или экономической жизни неминуемо отразятся в тех или иных источниках.

Даже, если оне не будут прямо отмечены официальными документами или историческими первоисточниками, исследователь восстановит их анализом литературы, надписей, памятников быта и т. д.

Не то с биологической историей; здесь исследователь должен постоянно оперировать с величинами неизвестными и во всем сле-

довать „косвенным указаниям“. Некоторым пособием для него, помогающим бросать хотя бы слабый свет в глубь прошлого, явится „аналогический метод“, сближение с настоящим.

Если мы найдем в Римской Империи явления, которые мы наблюдаем теперь в нашем современном обществе и которые для этого современного общества изучены гораздо полнее и научнее, мы можем путем аналогии отождествить их в причинном отношении. Если же мы эти явления в современном обществе ставим в связь с наличием *вырождения*, то мы в такую же связь должны поставить и явления, наблюдавшиеся в античном мире.

Совершенно несправедливо рассматривать античный мир, как нечто *toto genere* различное от нашего. Напротив того, как раз время Римской Империи дает столько материала для сближения ее с современностью. В этом воззрении сходятся новейшие историки античности Эд. Мейер, Пöльманн, в противоположность хотя бы Фюстелю де Куланжу.

Мы сознаемся, что, приняв на себя задачу указать некоторые признаки народного одряхления перед концом античного мира, мы взяли труд, превышающий наши знания.

Для этой цели было бы необходимо всестороннее знание повседневной жизни, обычаев, нравов того времени. Малая осведомленность во всех этих вопросах была для нас страшным тормозом, и мы отлично сознаем все недочеты нашей работы, в которой видим слабую попытку сопоставить выводы некоторых новейших историков, с тем, чтобы показать, что теми ненормальностями, которыми страдает современность, страдало и античное общество. Такими ненормальностями были и есть приостановка прироста населения, чрезмерное развитие городов и т. д.

Неудовлетворенность всеми изложенными и разобранными теориями заставила меня развивать в моем сочинении следующую точку зрения. Падение Западной Римской Империи было следствием истощения и вырождения расы, главным образом ее руководящих слоев, которые не были заменены выступлением свежих слоев. Это истощение выражалось в следующих симптомах: 1) приостановки прироста населения, 2) замены римской крови варварской, 3) апатии и вырождении римской аристократии, 4) упадка воинственности и военного дела.

Работу нашу можно бы расположить таким образом.

Сначала мы обратимся к признакам одряхления римского общества, а потом попытаемся наметить факторы, повлекшие за собой такое одряхление ¹⁾.

¹⁾ В подкрепление нашей точки зрения мы можем указать, что даже у низших племен замечаются явления вырождения. Тэйлор, отвергнувший большую часть оснований, на которых иные авторы (например, архиепископ Уэтли, Whately) принимали всех диких за выродившиеся племена человечества, тем не менее, го-

СИМПТОМ I.

Приостановка прироста населения.

Конечным этапом индивидуального вырождения бывает всегда неспособность давать жизнь потомству. Так смотрел на это и основатель учения о вырождении Морель.

То же самое и с коллективным вырождением. Когда мы говорим, что такой то народ: океанийцы, краснокожие и пр. вырождаются, мы делаем это на основании уменьшения численности данного народа.

Здоровые нации размножаются независимо от бедности, войн и социальных катаклизмов.

В виду этого мы вправе (*хотя пока только гипотетически*) связать остановку прироста населения во Франции с одряхлением этой нации.

Герберт Спенсер смотрит на остановку прироста населения несколько иначе, он связывает ее вообще с культурным состоянием человечества. Но и он видит в этой остановке факт биологии и считает его независимым от социальных влияний.

Поэтому, если бы в римской истории мы нашли аналогичные состояния, то мы могли бы их связать и объяснить биологическими фактами ослабления жизненности.

Римская Империя не была особенно сильно населена. Белох высчитывает для года смерти Августа (14 г. по Р. Х.) население романских провинций ее в 20 мил., Италии в 5 миллионов, эллини-

ворил: „Мы видим, что вырождение рас происходит, как результат войн, ига других племен, вытеснения в менее благоприятные местности, и от различных других причин. Иногда случается что причиною упадка бывает завоевание, когда завоевавшая раса стоит в чем-либо на более низком уровне, чем завоеванная.

Действительный упадок происходит в том случае, когда грубая, но сильная раса преодолевает цивилизованную, но слабую, и об этом мы имеем достоверные свидетельства. Заметки Ливингстона о Бакалагари Южной Африки показывают нам расу, у которой цивилизация упала, но этот упадок произошел совершенно, или отчасти, под влиянием внешних причин. Такие племена, о которых известно, что они стояли некогда на высшей ступени культуры, нежели теперь, можно встретить в Азии. Некоторые из береговых тунгузов живут рыболовством, хотя они и называются еще Орохи—имя имеющее то же значение, как Оленные тунгузы. Нет никакого сомнения в справедливости того предания о Гольдах, что хотя и у них нет теперь ни одного оленя, но некогда они были у них, подобно тунгусским племенам к северу от Амура. Существуют калмыки к северу от Каспийского моря, которые лишились своих стад и превратились в рыболовов. Богатейшие из них имеют еще у себя пару коров. Они смотрят на лошадей, верблюдов и овец, как на странные и чудесные существа, когда иностранцы привозят их в их страну. Они с удивлением слушают рассказы старых людей о жизни в степях, об огромных стадах и о беспрестанных странствиях по обширным рав-

стических провинций в 29 миллионов, а всего Римская Империя имела до 55 миллионов жителей. Теперь это пространство имеет гораздо большее население. Одна Италия имеет, вместо 5—7 мил., около 40.

Что касается до движения народонаселения, то цензы производимые при первых Императорах показывают увеличение числа *граждан*, но такое увеличение как то принимает Эд. Мейер в значительной мере об'ясняется „постоянным дарованием прав гражданства провинциалам, именно, солдатам, которые стали теперь набираться по большей части не из граждан, а из людей подвластных, и которые, в виде исключения, при поступлении на службу, получали права граждан“. Народонаселение и учение о народонаселении. Москва. 1897 г. статья Эд. Мейера, стр. 57.

В Риме и Греции в ходе истории развились и *Zweikinder system*, и отвращение к семейной жизни, и остановка прироста населения, и даже уменьшение его.

Вот что говорит Полибий во II веке до Р. Х., ясно понимая надвигающуюся опасность.

„В мое время вся Греция страдала недостатком детей и вообще недостатком людей, благодаря чему города пустели, и земля не приносила жатвы, хотя нас не постигали ни непрерывные войны, ни повальные болезни. Люди стали тщеславными, жадными до денег и ленивыми, они не хотели вступать в брак, а если и делали это, то не желали воспитывать всех детей, а только одного или по крайней мере двух, чтобы воспитать их роскошно и сделать впоследствии богатыми. Таким образом зло незаметно увеличивалось, потому что, если на лицо было только один или два ребенка, то болезни или война легко могли унести их, а дом их опустеть совершенно.“

Polyb XXXVII, 9,5.

Обратясь к современной Франции, можно сказать: *de te fabula narratur*.

нинам, тогда как сами живут в камышевых шалашах и навьючивают свою домашнюю рухлядь себе на спины, когда переходят на новое место, удобное для рыбной ловли. Несчастные индейцы Корнерайки Северной Америки суть отчасти Шомонесы или Змеинные индейцы, которые сведены в свое теперешнее состояние их врагами Черноногими (Blackfeet) которые приобрели ружья от Гудзонбайской компании, и таким образом покорили Змеинных Индейцев и отняли их охотничьи земли. Теперь они ведут кочевую жизнь, ища пристанища между холмов и утесов, скрываясь от взоров белых людей и индейцев и питаясь главным образом кореньями диких растений, рыбою и тою дичью, какую только может приобрести такая бессильная раса. Они худощавы, жалки в своей наружности, вполне заслуживая имя *Gens de pitié*, данное им французскими трепперами, они принуждены были оставить ремесла, которыми они обладали в более счастливые дни, как например, верховая езда и даже, как кажется, искусство строить шалаша, но насколько их вырождение принесло с собою упадок в других частях их первобытной цивилизации, это трудно сказать (цитирую по „Цивилизация и дикие племена“. С. С. Арнольди (П. Л. Лавров), стр. 217—219).

То же самое и в Риме.

В Риме один цензор думал речами склонить граждан к семейной жизни.

Уже Цезарь установил премии за большое потомство.

Август платил бедным гражданам по 1000 сестерций (около 100 рублей). Но такого финансового поощрения было недостаточно, и Августу пришлось прибегать к законодательным мерам. Изданный при нем закон, *lex Julia et Papia Poppaea* устанавливал обязательность брака; для мужчин, достигших 25 лет, и женщин, достигших 20 лет, было обязательно иметь известное количество детей; лицам состоящим в браке и имеющим детей предоставлялись различные льготы. Август пытался по этому закону отнять у бездетных право получать наследства по завещанию.

Траян установил *institutum alimentorum*, в котором государство безвозмездно воспитывало детей бедных граждан.

Этим думали поднять прирост населения. Эта остановка распространилась и на провинции, потому что эти воспитательные учреждения были и в провинциях. Впоследствии зло перешло и на высшие слои населения, на рабов. Там сами господа стали платить рабьям премии за детей. Адриан уменьшил наказание тем преступникам, у которых были дети.

После Траяна и Адриана благотворительная деятельность для поддержки семьи и деторождения развились еще больше.

Когда Марк Аврелий хочет почтить свою супругу Фаустину, он учреждает институт—*puellae Faustinae*, т. е. выдает из своих средств приданое бедным девушкам.

Общество инстинктивно шло на встречу той же потребности: одним из самых обычных видов благотворительности в Риме было оделить бедную девушку приданым.

Но эти меры политики не помогали.

Около Рождества Христова в Риме было странное торжество: откуда то из провинции в'ехало с большой помпой в Рим никому не известное семейство и потом, подобно древним триумфаторам, явилось в Капитолий и принесло там жертвы Юпитеру. В чем были заслуги этого семейства, почему высыпавший Рим так удивленно смотрел на него? Это семейство состояло из старика, 8 его детей, 35 внуков и 15 правнуков. А уже через 80 лет Плиний отмечает в своей естественной Истории, как курьез, что во времена Гракхов, какой то знатный римлянин оставил потомство из 6 сыновей и 11 внуков. Семейные связи распадалась все больше и больше. Женщина эмансипировалась; в высшем круге она была хорошо образована, могла держать салон, но для мужа она давно потеряла всякое очарование, ибо была его женой чуть ли не с 16-ти летнего возраста.

Параллельно с этим шли, все возрастая и возрастая, жалобы на обезлюдение страны.

Особенно обезлюдилась Италия, целые местности, ранее населенные, становились пустыми и безлюдными, как напр. земли вольская и эквов, Тарент, Апулия и Самниум. При Тите рассказывали с изумлением, что Италия могла в цветущие времена республики выставить 780.000 солдат; теперь это стало маловероятной сказкой.

То же самое было и в других частях Империи, хотя об них меньше сведений.

После продолжительного мира, царившего в первом столетии, Плутарх всетаки считает, что весь мир теряет свое население. У нас есть данные, позволяющие судить о запустении провинции Сицилии и Испании, а также острова Кипра.

Если в Египте за время от Птоломеев до Веспасиана наблюдался небольшой прирост, то зато египтяне и их плодovitость считались в римском мире совершенно исключительным явлением. Позднее и в Египте замечается уменьшение населения.

Вот факты, указывающие, что повсеместно прирост населения или остановился или численность населения регрессировала.

Можем ли мы всецело свести эти факты на причины социальные, как это делает напр. I. Beloch (*Die Bevölkerung der Griechisch-Römischen Welt*). Нам кажется, что нет.

СИМПТОМ II.

Замена античной крови германской.

Несомненно, в связи с этим падением населения было и другое очень важное явление в жизни Империи. Совершенно незаметно старое население Империи заменялось пришлым, германским. Явление это происходило в больших размерах и в нем-то, в этом мирном переселении германцев, в мирной замене одной расы другой мы должны видеть самую капитальную причину падения Зап. Римской Империи. Тут на смену старому, так сказать изношенному народу выступал „новый резервный“ народ. Раз это было так, то понятно, что римские учреждения, все это *imperium Romanum* было чем то непригодным для новой расы, для новых натур. Поэтому и была неминуема катастрофа 476 года. Это событие было только официальным признанием того факта, который накоплялся веками и который состоял в германизации Рима.

Поэтому глубоко прав был Тацит, который предчувствовал опасность, грозящую со стороны свежих, нетронутых культурою германцев. Переселение германцев в пределах Империи шло посте-

пенно. При Августе поселилось 40.000 Сигамбров и Свевов в Галлии, 50.000 Даков во Фракии.

При Нероне в Мезии было помещено 100.000 варваров. Но это было все в пограничных провинциях. Марку Аврелию пришлось повторить то же самое в более грандиозном масштабе. Население Империи падало вследствие внутренних процессов народной жизни, но тогда это падение достигло своего апогея, вследствие страшной чумы, опустошавшей Империю. Нельзя было набрать войска, и приходилось вооружать гладиаторов, преступников, рабов и пр.

11 лет пришлось императору Марку Аврелию выдерживать натиск варварских племен и ему удалось умиротворить их совершенно только благодаря искусной политике. Сдавшиеся варвары были размещены всюду в Империи на положении „inquilini“. Юридически они были поставлены в положение, напоминающее германских *laeti*. Они были объявлены свободными, могли жениться на свободных, получили правильный брак, но были прикреплены к чужой земле, на которой должны были сидеть в качестве наследственных арендаторов. *Inquilini* помещены были и в Италии, но, вспыхнувшее около Равенны, восстание их, заставило правительство удалить их оттуда. Примеру Марка Аврелия следовали и его преемники. По мнению Зеека, в скором времени прекратились жалобы на недостаток населения (об этом имеется свидетельство Тертуллиана), на бездетность, и Рим продолжал существовать, но это был уже новый варварский Рим. Варваризировалось все: провинции, войско, земледельческое население, варваризировались нравы и литература.

В армии преобладали германцы. В 410 году так перечисляются спутники одного полководца: Гариомунд, Галдогаст, Гилдомунд и Кариовист.

Германские слова проникают в язык армии, появляются германские костюмы, императоры носят германское вооружение, а Грациан облачился даже в меховой костюм аланов.

В описании жителей Галлии, имеющемся у Аммиана Марцелина, мы легко можем узнать германцев с их высоким ростом и светлыми волосами, с их любовью к пиву и т. д.

Зеек приписывает массовому переселению варваров исчезание половых нравов древности с их неизбежным спутником—педерастией.

Римлянин все больше заменялся германцем. Это было явлением настолько же фатальным, насколько фатально и естественно должен наполниться землей пришедший в ветхость колодезь.

СИМПТОМ III.

Нравы и апатия высших классов.

Я не могу ничем иным, кроме вырождения, объяснить себе политическую апатию высших слоев римского общества.

Едва ли в начале принципата произошел резкий политический переворот. Известно с какой щепетильностью относился Август к республиканским учреждениям. Ни одного из них он не уничтожил. Если он и хотел быть монархом, то только конституционным.

Августу очень хотелось получить звание *pontifex maximus*, но он для этого двадцать лет ждал смерти М. Лепида, тогдашнего *pontifex maximus*, и только после его смерти принял это звание. Титул, который он принял был титул *princeps*'а, а это звание носил республиканец Цицерон. Самую власть свою Август считал временной, на 10, на 20 лет. Отсюда и произошел обычай праздновать *vicennalia*. Если Август и лицемерил, пытавшись сложить свою власть через 10 лет, то этим во всяком случае он хотел выразить свое уважение к конституции.

Август старался разграничить влияние на государственные дела между собой и сенатом, отсюда и деление провинции на императорские и сенатские, а казны на *fiscus* и *aerarium*.

Если это разграничение и не произошло, то не столько по причине императорского деспотизма, сколько по причине того, что у аристократии пропал вкус к труду, развились лень и разнузданность, стремление к наслаждениям, эстетике и литературе.

Империя вовсе не сломала преобладания аристократии, она не произвела никакого социального переворота. Громадные богатства остались в руках аристократии, строй жизни и нравы остались аристократическими.

Вообще принципат мало порывал с прошлым.

Август был вовсе не революционером, более того он желал быть реставратором прошлого и старался обратить римлян к старым нравам и старым стремлениям. Он инспирировал целую литературную школу и желал, чтобы она проводила в жизнь его намерения.

Под его влиянием Тит Ливий старался внушить римлянам любовь к старине и заставить их подражать ей.

Другие императоры держались в общем политики Августа.

Император Траян издал указ, чтобы всякий добывающийся сенатской должности, имел бы треть своего состояния в земельной собственности в Италии.

Эта мера, которая поддерживала аристократическое землевладение вблизи столицы, должна была поднять политическое значение знати.

Итак Империя не была прямо враждебна знати, а между тем значение ее убывало и в администрации и в армии.

И то и другое проистекало, не вследствие деспотизма цезарей или вследствие их демократических тенденций, а вследствие внутреннего измельчания знати. Демократических тенденций едва ли можно много найти у цезарей, напротив: как раз при них ослабели эти демократические тенденции. Никто не помнил об идеях Гракхов.

Знать сама устранялась от дел. Это очень наглядно демонстрируется удалением аристократии из армии.

Организация армии сначала оставалась всецело аристократической, и знати нечего было бояться военной диктатуры.

Войска были под командой юношей из сенатского сословия, Август обязал всех юношей, готовящихся к занятию магистратур, которые всегда в Риме были связаны с начальством над войском, прослужить год трибуном легиона.

Когда в легионах не хватало мест для юношей аристократов, им поручались вспомогательные отряды, и иногда *alaе* были под коллегиальной командой двух знатных юношей.

Но уже при Тиверии достаточно 150 мест трибунов легионов, чтобы разместить всех желающих, хотя теперь часть этих мест замещалась всадниками. Однако сенатская молодежь все неохотнее и неохотнее поступает на офицерские места; все более и более стремится освободиться от обязательного года службы. Ко второму столетию знатные юноши совершенно исчезают из войска. Дальше продержалась знать в главном начальстве над войском, но и тут постепенно исчезла из него. Справедливо поэтому говорит Зеек: „Не недоверие императоров лишило знать военной славы, но ее собственная трусость и негодность“ *op. cit.* II, 29.

Таким образом у знати Рима были все возможности военной, общественной и правительственной деятельности, и только внутренние процессы в ней самой удалили от службы аристократию, а не внешние препятствия.

Познакомимся поближе с этой аристократией. *Анналы Тацита* дают много богатого материала для характеристики этого сословия, про которое Тиверий говорил: „Вот люди рожденные для рабства“. А тогда нельзя еще было говорить о развращающем влиянии деспотизма.

Сенаторы старались превзойти один другого в лести и этим толкали императора на путь деспотизма. Властитель мог быстро убедиться, что в этих людях он не найдет серьезного сопротивления. У сенаторов пропадает дух единодушия, всякая способность

сплотиться в партию; самый грубый индивидуализм заменяет место прежних классовых стремлений и место патриотизма. Одна и та же трусость и изнеженность заставляла аристократов покидать военную службу, любимое занятие римлян, и склонять выю под ярмо деспотизма.

Можно смело сказать, что монархия потому и приняла такие нездоровые формы, что родилась в таком нездоровом обществе. Аристократия того времени—это было собрание дэнди, эстетиков, риториков, щеголей, иногда ученых, иногда добрых людей, но никогда почти людей дела и инициативы; общественный индифферентизм полнейший. Кроме мелочей и суеты повседневности, кроме развлечений и суеты светской жизни серьезно занимала их только литература. Чрезмерное увлечение литературой всегда ненормально. Оно указывает на отсутствие интереса к жизни, когда отражение жизни так интересуется умы.

Оно есть следствие потери жизненности. Писали все, все друзья Плиния были литераторы, Вергиний Руф, отказавшийся после Нерона быть императором, писал стихи, Арий Антонин, дед Антонина Пия, писал греческие эпиграммы и т. д.

Так же подозрителен и мистицизм позднейшего римского общества. Во времена Цицерона римское общество было искренне эпикурейским и только из социальных соображений заигрывало с религией олимпийцев. С тех пор научные знания росли, хотя и медленно.

Между тем за время от Цицерона до Антонинов, по словам Буассье, произошла громадная перемена в римском обществе. Оно стало мистическим. Но это не было первоначальное суеверие, происходящее от невежества. Это были суеверие и мистицизм души рафинированной и лишенной равновесия, слишком скептической, чтобы верить в олимпийцев, слишком вибрирующей и болезненно чувствующей, чтобы не отдаваться своим эмоциям. Мистики того времени постоянно колеблются между неверием и грубым суеверием. Это характерно для натур неуравновешенных, для эпох переходных и больных.

Одно несомненно, что падала национальная религия. Она не удовлетворяла ни разума, ни чувства. В религии стали искать ощущений и эмоций.

Восточные религии с их таинственностью, странными мистериями более действовали на воображение и нервы.

В религии искали экстаза, искали сверхчувственного содержания. Новоплатонизм это типичная философия мистического декадентства; туманность, культ красоты, искание тут же на земле неземной жизни—вот его содержание, и оно пришлось по вкусу психике того времени. Герои Гюисманса и ученики Плотина едва ли бы чувствовали себя чуждыми друг другу.

Вот чем жило аристократическое общество. Естественно, что конституционный принципат должен был перейти в военную деспотию, а потом в бюрократическую монархию.

Общество утратило политическую и социальную упругость, способность к общественному развитию. Императоры гибли один за другим, но это было делом отдельных личностей, а не партий. В обществе могли существовать заговоры, а не партии.

Напрасно Траян хотел возратить сенату его прежнее величие, напрасно он старался блестящими завоеваниями, эхом военной славы разбудить заглушенные воспоминания и уснувшие стремления. Также неудачна была и попытка Тацита основать правительство на общественной самодеятельности аристократии.

От общей характеристики перейдем к отдельным портретам. Такие отдельные портреты имеют значение в биологической истории, гораздо большее, чем в социальной. Тут мы, несомненно, встретимся прямо с типами „вырождения“. Неестественная мрачность и боязливость Тиверия, утонченный и остроумный цинизм Калигулы, слабоумие Клавдия, эстетическая мания Нерона—все это представляет разновидности дегенерации. Недаром эти характерные и типичные персоножи привлекали к себе внимание художников. Невольно чувствуется, что мы имеем дело не с простыми тиранами и деспотами.

Вот император Клавдий. Уже внешний вид его указывал на вырождение, зашедшее очень далеко. При большом росте маленькая голова, сидящая на короткой апоплектической шее, кровяные опухоли в глазницах придавали ему отвратительный, отталкивающий вид. Рот его постоянно подергивался, изо рта, как у настоящего идиота текла слюна, правая рука была парализована. Отстраненный за слабоумие от престолонаследия и всяких дел при Августе и Тиверии, он был по капризу восставших солдат возведен на трон цезарей. Слепая игрушка в руках своих жен и своих вольноотпущенников, он преспокойно терпел феноменальный открытый разврат своей жены знаменитой Мессалины, дошедший до того, что она открыто справила в Риме свою свадьбу с неким Силием и заставила мужа расписаться в качестве свидетеля на свадебном контракте. Когда же Мессалину убили, он быстро утешился и был под таким башмаком у своей второй жены Агриппины, что в угоду ей устранил от престолонаследия своего сына, чтобы возвысить ее сына, знаменитого Нерона.

Сам он имел две страсти—обжорство и суд. Он был готов есть во всякое время дня и ночи. За едой он терял память о самых важных делах, так поглощал его процесс еды; он наедался до полной потери сознания и лежал с открытым ртом, настолько отягощенный пищей, что приходилось вставлять перо ему в горло,

чтобы облегчить его. Забросив государственные дела, Клавдий усиленно судил; совершенно отстранив всех других судей, он судил лично; судил в праздники, судил во время свадеб своих дочерей. Во время этого суда, он был всеобщим посмешищем истцов и адвокатов, прерывавших его, дергавших за платье, всячески старавшихся эксплуатировать его глупость в свою пользу. Один назвал его тут же глупым старикашкой, другой бросил ему в лицо свои дощечки. А Клавдий все судил и судил.

Явно патологической натурой является его преемник, третий римский император Кай Калигула. Эпилептик от рождения, он являл свойственные этой болезни переходы от крайней трусости к крайней наглости, безпричинную гневливость, холодную безцельную жестокость и озорство. В злодеяниях Калигулы поражает их ненужность и безцельность. Они не были искаженными проявлениями политической системы, как у Иоанна Грозного или Людовика XI. Они были проявлением патологической природы, находившей болезненное удовлетворение в циническом издевательстве и мучительстве беззащитного человека. Часто во время представления в цирке он приказывал хватать зрителей и бросал их зверям. Если они кричали, он приказывал вырвать у них язык. Приговаривая к смерти детей, он заставлял отцов присутствовать во время пыток и казни, а потом приглашал к себе на пир, сажал рядом с собой и заставлял пить, шутить и быть веселым.

Некоторые его злодеяния прямо носили необдуманый импульсивный характер. Так однажды он неожиданно убивает гладиатора, мирно фехтовавшего с ним. В другой раз, принося жертву, он вместо жертвенного животного убивает жреца.

Характерно для него, что большинство его злодеяний сопровождалось шуточками, давая простор циничному резонерству его вечно возбужденного ума. Когда один претор просил его о продлении отпуска для лечения, он вдруг приказывает убить его, говоря, „что ему будет полезно кровопускание“. Его поступки часто принимают характер детской шалости, ничем не мотивированного и бессмысленного озорства.

Приходящим сенаторам он дает целовать свою ногу. Своему коню он дает дом, рабов, вольноотпущенников, задает пиры от его имени и хочет даже сделать его консулом.

В Байском проливе он сосредоточивает все транспортные суда Рима, так что Рим подвергается опасности голода, устраивает из них мост и проезжает по нему на колеснице.

Его половая разнузданность достигла колоссальных совершенно ненормальных размеров. Он жил со своими сестрами, а потом проституировал их своим любимцам. Свою любимую жену Цезонию он показывал голую своим друзьям. Часто на пирах в присутствии му-

ей он начинал рассматривать римских матрон так, как рассматривали рабынь на рынке, а потом, сделав свой выбор, тут же уводил избранницу.

Наконец, его цинизм и жадность к деньгам дошли до того, что и в императорском дворце устроил публичный дом и послал рабов-эменклаторов собирать клиентов.

Я не буду останавливаться на Нероне, так как биография его общеизвестна, и об нем составилось определенное и вполне обоснованное мнение, как о натуре патологической.

Таковы же были и женщины. И у них вырождение выливалось в те же формы аморальности, половой разнузданности и крайней жестокости. Вместо целомудренных и величавых Лукреции, Виргинии, Корнелии, матери Гракхов, видим мы совсем другие типы.

Вот Юлия, дочь Августа. Она свою разнузданность доводит до того, что чуть ли не публично на форуме отдается своим любовникам. Но этого недостаточно; на том же форуме она мешается с толпой уличных женщин и, подражая их манерам, выбирает себе любовника. И это делает дочь императора, замужняя женщина, мать пятерых детей. Вместе с одним из своих любовников Юлием Антоном она вступает в заговор, направленный против ее отца Августа. Заговор раскрывается, и Август карает ее жестокой ссылкой. По этому же делу пострадал и поэт Овидий, сосланный, как известно, в Бессарабию. Вот Мессалина, жена Клавдия. Об ней мы уже говорили, недаром она из истории вошла в обыденную жизнь, как синоним до крайности распущенной женщины. Для нее тоже характерно тяготение к проституции. Она постоянная посетительница матросских притонов в Субурре, предместье Рима. Она держит пари с одной из самых знаменитых куртизанок на предмет половой выносливости и побивает рекорд, выдержав за ночь 25 сношений.

Вот Агриппина, мать Нерона. Любовница своего брата, жена своего дяди (Клавдия), она отравила двух мужей, она погубила бесчисленное число людей. Жадная до денег, она торговала магистратурами, императорскими милостями, казнила людей, чтобы конфисковать их имения.

Несколько подробнее я остановлюсь еще на Адриане, потому что тут диагноз будет труднее. Это был хороший государь. Империя чувствовала себя вполне благополучной, и все было в порядке. Неблагополучно было только с самим Адрианом. Какое то внутреннее беспокойство ежеминутно заставляло его менять места, принудило его „ходить пешком с непокрытой головой и по снегам Каледонии и по знойным равнинам верхнего Египта“¹⁾. Его лю-

¹⁾ Гиббон *op. cit.*

стройки указывают на вкусы мрачного разочарованного эстетика, желающего в красоте найти одиночество и в одиночестве красоту. Любовные его приключения тоже не были вполне нормальны. По окончании у него развилась мизантропия и желание смерти, но, как у истинного декадента, воля была настолько слаба, что он умолял раба заколоть его. Но раб не смел, не смел и господин.

Мы привыкли ценить в Марке Аврелии единственный пример философа на троне, утопию Платона, ставшую действительностью, счастливого государя, талантливое и доброе. Но в этом государе-писателе есть и другие черты. Несвойственно счастливому монарху так желать смерти, если какой-нибудь внутренний процесс не заставляет бежать от жизни и стремиться к смерти. Как, располагать счастьем миллионов людей и миллионов средств к собственному счастью и не знать этого счастья—это значит—нарушено жизненное равновесие и надломлена натура. Музыка чарующих нас „Мыслей“, красота стиля и нежность чувства закрывают от нас биологическую ненормальность психики. Утрата воли к жизни, в какие бы красивые формы она не облекалась, есть всегда утрата жизненности, есть вырождение.

Сын его Коммод как бы срисован с типов Ломброзо, это прямо тип атавистического вырождения. Насколько отец его любил все нежное и утонченное, вплоть до потери жизненности, настолько Коммод любил кровь, разбой и грубые оргии. В довершение развилась мания величия. Коммод изменяет имена, считает себя основателем Рима.

Едва ли нормален был и Каракалла.

Несомненным типом вырождения был Гелиогабал. Он, кажется, страдал одной из тех половых „дегенераций“, клинические картины которых можно найти у Крафт-Эббинга (*effeminatio*—Крафт Эббинг. Половая психопатология).

А вот человек из общества, *Annaeus Serenus*, один из корреспондентов Сенеки, жалуется ему, как врачу, на свое душевное состояние. *Annaeus Serenus*—офицер из высшего общества, один из приближенных Нерона, является перед нами с психикой совершенно *moderne*, со всеми чертами нейрастения и декадентства. Странное появление вспышек энергии среди постоянного сумрака какого-то внутреннего безсилия. В душе мелькают то какие-то неопределенные, зовущие надежды, то разочарование без всякой причины. Скука, недовольство собой, разочарование в других сопровождают его, как какие-то назойливые тени. Все в жизни становится одинаково однообразным, безвкусным и монотонным. Страдания и удовольствия только утомляют душу, и на сцену является желание смерти. Справедливо говорит об этом Марта. *Les moralistes sous l'empire*. 31. „Если бы к этим душевным ощущениям присоединились

радания любви, неизвестные древним, мы сказали бы, что Сенека утешает древнего Вертера или Рене“. И Сенека утешает этого Вертера, с такой любовью, с такой страстностью психолога. Видно, что он и сам прекрасно знает и понимает такое состояние.

То, на что жалуется Appaeus Serenus,—это типичная форма нейрастенического состояния. Мы можем найти некоторое косвенное доказательство того, что нейрастения была распространена в римском обществе. Известно, как римляне любили свои бани, которые скоро сделались чуть ли не сосредоточием общественной и интеллектуальной жизни. Каракалла, желая снискать расположение римлян роскошной постройкой, выбрал для этого бани. И Рим украсился термами Каракаллы. Почти каждый купался раз в день перед обедом, а изнеженные люди купались 5 раз в день безо всякой нужды, как говорит один автор. Помимо жаркого климата, мне кажется, была и другая нужда в таких постоянных купаниях. Вероятно, Термы Рима были бессознательными гидротерапевтическими заведениями, из которых римские нейрастеники выходили более бодрыми и свежими. Тут их ждала и лечебная гимнастика в виде разного рода спорта, натираний и др. Поэтому вопросу у нас есть авторитетное свидетельство современника. Светоний (Aug. 82) говорит, что римляне пользовались теплой водой Байских серных минеральных вод, также как и холодной морской водой „*peragogum usa*“).

Известно, что Баи были любимым местопребыванием римского общества, чем то, вроде наших курортов и морских купаний.

Таким образом у нас имеются данные, указывающие 1) на общее изменение аристократического типа в Империи, сравнительно, тем же типом классических времен Республики. Изменение это было, несомненно, с сторону изнеженности, трусости, одряхления.

2) Имеются данные, прямо указывающие на наличность несомненной, клинической дегенерации среди высших слоев.

Большее половины императоров первых двух веков не были психически нормальными людьми.

Итак мы можем установить, что в римском обществе была тенденция к вырождению.

СИМПТОМ IV.

Упадок военного дела.

Но одряхление людей шло гораздо дальше, оно, несомненно, сказывалось на упадке военного дела у римлян.

Постепенное падение дисциплины в римском войске и постепенное устранение населения от военной службы прекрасно характеризуют тот же процесс вырождения римского народа.

В молодых обществах защита отечества и увеличение его внешнего могущества концентрирует чуть ли не весь наличный идеализм общества, чуть ли не все, что остается у человека от физиологических забот повседневности. Поэтому переход к мирному образу жизни часто бывает подозрителен, часто он указывает на одряхление общества, на распространение дряблого индивидуализма: „моя хата с краю“. Распространение в обществе слишком большого культа личного счастья и личных удобств тоже очень подозрительно. Между тем мы видим в Риме угасание патриотизма, этой первичной стихии общественного идеализма и замену его общественным индифферентизмом.

Мы видели, что аристократия бежала из войска, вслед за ней бежало оттуда и вообще римское население.

Армия все больше и больше варваризировалась.

Падали также и дисциплина и обученность войска.

Вся сила римского войска зависела от следующих обстоятельств:

1) от хорошего тяжелого вооружения, 2) быстроты маршей, 3) отличного строя, умения маневрировать, эволюционировать, умения слушаться полководца, 4) прекрасно поставленной саперной части; римляне, проиграв битву, окапывались в лагере, и враги ничего не могли поделать с ними. Так было с одним из отрядов Германика. Римляне были разбиты германцами и окопались. Когда же германцы сделали попытку овладеть лагерем, они в свою очередь были разбиты на голову; 5) от самой манеры римлян сражаться, противопоставляя медную устойчивость стремительному, но скоро остывавшему натиску врагов.

Все это исчезло с течением времени. 1) Тяжелое вооружение римлян времен республики было уже тяжело для римского войска позднейшего времени и заменено более легким. 2) Быстрота маршей тоже стала воспоминанием истории. Римские войска перестали захватывать с собой багаж, необходимый для воина. Войска встали в зависимость от обоза.

3) Войска перестали обучаться так тщательно, как обучались раньше. По мере падения дисциплины, строй римского войска становился все более и более примитивным.

4) Также прекратилось и обучение войск саперным работам. Тяжелые земляные работы все более и более вызывали ропот солдат.

Конечно нельзя об'яснять эти факты вырождением всего населения. Вырождались отдельные лица, отдельные группы, главным образом, из среды знати.

Но эта вырождающаяся аристократия создавала нравы и привычки, которые потом путем подражания и усвоения распространялись во всем обществе, во всем населении. Подражание играет крупную роль в истории. С помощью подражания вырождение и нравы вырождения, сравнительно, немногочисленной группы населения распространяются быстро и неодолимо в самых широких слоях населения.

В этом опасность подражания; благодаря ему, в обществе, где только началось вырождение, результат может получиться такой же, как если бы все общество было охвачено вырождением. Стоит только кому-нибудь заговорить о пресыщении, о *taedium vitae*, и кругом него люди совершенно здоровые будут говорить о том же. Общество и народ в своей массе инертны, число активных элементов не бывает велико, его масса служит только резонатором для этих активных элементов „задающих тон“. В „открытии“ и „изобретении“ одна стихия человеческой культуры, другая стихия в „подражании“, в волнообразном распространении данного открытия или изобретения. Это было подчеркнуто Габриэлем Тардом, и в этом его крупная заслуга. Он старается представить подражание не случайным фактом психической жизни человека, а видит в нем вместе с волнообразным движением и наследственностью одну из трех форм мирового повторения. Во всяком случае подражание основывается на известном физиологическом процессе нашей нервной системы, родственном с памятью. В явлениях гипноза этот физиологический характер подражания выступает довольно рельефно.

Итак в подражании мы имеем новый физиологический фактор в истории.

Зная его действие, можно отпарировать некоторые возражения на теорию вырождения. Можно возразить, как неужели все люди выродились в Римской Империи и весь римский народ был конгломератом надорванных организмов? Неужели все люди выродятся в будущем? Но мы этого и не собирались доказывать. Наша цель была показать, что в Римской Империи руководящие слои представляли много явлений одряхления характера и что *все вообще нравы в Империи были под влиянием такого вырождения высших слоев.*

То же самое относится и к будущему обществу. И там вырождение может охватить отдельные группы, но нравы вырождения, распространившиеся путем подражания, могут сказываться на всем обществе.

СИМПТОМ V.

Ненормальное развитие городской жизни.

История античного мира есть постепенное развитие городской жизни. Города гомеровского периода в Греции не были велики. Фукидид (I, 10) удивлялся незначительным размерам Микен. По вычислениям Белоха ¹⁾ Афины V века имели 120.000 жителей, Коринф 70 тысяч, Спарта от 40 до 50 тысяч. Зато в эллинистическом периоде появились громадные города, как Александрия, в которой было 300 тысяч свободных жителей, Селевкия, в которой их было в I веке 600 тысяч.

Приблизительно та же самая эволюция была и в римском государстве. Рим и при царях был, вероятно, самым большим городом полуострова. Очень затруднительно вычислить его население. Гиббон на основании количества домов высчитал его население в эпоху Антонинов в 1.200.000 жителей. Белох на основании очень гадательных расчетов высчитывает население в Риме в 850 тысяч ²⁾. Пöльман же, в виду крайней шаткости таких расчетов, советует отказаться от мысли вычислить население древних городов. Действительно, это предприятие очень трудное, так как древние выражали величину города в длине его окружности.

В конце республики и империи города сильно росли.

Древние называют Рим мировым убежищем, местом собрания всей земли.

„Городообразующую силу той эпохи ничто не может так пояснить, как феноменальное развитие восстановленных Юлием Цезарем городов Коринфа и Карфагена ³⁾).

В несколько поколений они выросли в громадные города, причем „африканский Рим“ тягался с итальянским.

В самое короткое время вырос Константинополь, Александрия стала первым торговопромышленным центром Империи—*μεγιστον εμπορειον της οικουμενης*. Strabo. XVII, I § 13.

Как быстро заполнялись города жителями, можно судить из того, что через несколько лет после взятия и разграбления Рима Аларихом, городской префект писал императору, что он в один день принял в число граждан 14.000 человек.

В это же самое время в Кампании огромные пространства полей оставались необработанными и превращались в болота.

¹⁾ I. Beloch Die Bevölkerung der Griechisch—Römischen Welt.

²⁾ Эдуард Мейер уменьшает народонаселение Рима в нормальное время (без приезжих иностранцев) даже до 700 тысяч, см. Народонаселение, стр. 63.

³⁾ R. Pöhlmann Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte Jablonowsky Preisschriften 24.

Города становились паразитами на теле деревни с их скопищами экономически бесполезных людей, создаваемых рабством: прислуги, клиентов, прихлебателей и пр.

Города получали кроме того всевозможные привилегии. *Plebs urbana* не платила подати, которую платила *plebs rusticana*. Некоторые общины Иллирии и Ахайи были разорены потому, что должны были участвовать в расходах по устройству игр в Константинополе. (4 cod Theod. XV. 5).

Римские власти с самого раннего периода старались бороться с этим злом чрезмерного накопления народа в городах. Меры эти часто бывали насильственными. Так в 187 до Р. Х. 12.000 латинян получили приказ очистить Рим. Описывая это, Ливий прибавляет: уже тогда масса переселившихся была тягостью для города. (Liv. 39,3). Эдикт Валентиниана в 382 году тоже предпринял насильственную очистку Рима от пролетариата.

Принимались и более мирные меры. Такова была политика Гракхов, политика Цезаря, устроившего колонии—Корино и Карваген. Нерва покупал земли для беднейших граждан. Мероприятия по обеспечению ветеранов из войска землею должны были способствовать отливу людей из городов. Какие же причины вызывали это перенаселение городов? Пöльман перечисляет их много. 1) Политическое и экономическое единство Империи оживило торговую и промышленную деятельность земель в бассейне Средиземного моря.

2) Развитию городов способствовало и улучшение путей сообщения.

3) Таким же образом действовала на экономическую жизнь и политическая централизация.

Но кроме этих причин, способствовавших развитию городов оживлением торговой и промышленной деятельности, были и такие, которые вызывали совершенно ненормальный и искусственный рост городов. Таковой явилась во-первых даровая раздача хлеба городскому населению. Она производилась в Риме, в Константинополе и в других городах и быстро развивалась. Так в Риме с 73 года по 46 до Р. Х. даровая раздача возрасла с 10 до 76 миллионов сестерций. Понятно, что это привлекало в Рим громадные толпы пролетариев. В Риме при Септимию Севере 200.000 человек получали помощь от государства. Кроме того вообще в античном мире было пристрастие к городской жизни.

Вникая в то, что передают источники, можно видеть, что города Римской Империи страдали от той же скученности, от какой страдают и наши современные города. Рим был городом многоэтажным, об этом свидетельствует Витрувий (II, I). Ритор Аристид в своей хвалебной речи Риму восклицал, что римские постройки, если их разместить на материке по одному этажу, заняли бы весь

материк до Адриатического моря. У Мартиала (XII. 20. 20) его герой должен взобраться на 200 ступеней, чтобы добраться до своей комнаты. Это ведет нас по крайней мере в 10-ый этаж. Скученность населения в Риме была очень велика. Дворцы аристократов, расположенные в городе, с роскошными садами и парками при них, занимали много места из территории города, так что на долю жилых домов оставалось уже не так много места. Сверх того римляне любили жить поближе к центру: клиенты, чтобы быть поближе к дому патрона, которому нужно каждый день пожелать доброго утра, занятые люди по деловым соображениям, чернь, чтобы быть поближе к зрелищам и играм.

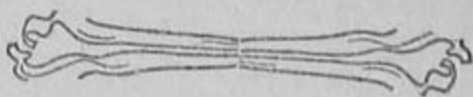
В Риме была настоящая квартирная нужда. Процветала система громадных домов, построенных спекулянтами для барыша и сдаваемых в наем. Вообще мы должны смотреть на города времен Римской Империи, как на такие же большие центры, как и города современности. Они страдали тем же, чем и наши города, и боролись с этим теми же средствами.

В городах Империи была распространена канализация вплоть до устройства полей орошения, было обязательное мощение улиц, водоснабжение и пр. Подробнее это изложено у Пöльмана.

Итак мы могли убедиться, что в городах Империи были те же вредоносные факторы, какие наблюдаются и в наших, но вероятно в еще большей степени. Вся ту пользу, которую города современности оказывают человечеству, давши ему знания и техническую культуру, ее еще не знали античные города.

Зато вредоносная сторона городской жизни выступала там с выпуклостью. Изнеживающая роскошь и расслабляющая праздность высшего класса действовали в том же направлении, как антигигиеничная, разрушающая здоровье бедность и та же расслабляющая праздность низшего класса.

Город извратил здоровые жизненные стремления человека, люди сделались праздными, жадными до развлечений и наслаждений, неспособными к труду, легкомысленными, быстровозбудимыми и мало энергичными. С этим согласна характеристика римлян, сделанная Аммианом. Главным интересом городской черни были игры, зрелища и уличная жизнь. Из описаний сатириков видно, какие толпы ходили постоянно по улицам, как развита была уличная жизнь. Что касается до высших классов, то там тщеславие, любовь к наслаждениям и роскоши, праздность были главными отличительными чертами. Жизненная упругость городского населения была потеряна, и даже культура—порождение городов, не развивалась, а пошла назад. Это прекращение культурного творчества—есть признак истощения расы.

СИМПТОМ VI.

Нездоровое направление литературы и мысли.

Поучительно взглянуть на философию романо-эллинистического периода с точки зрения ее жизненности, посмотреть на нее, действительно ли она является „учительницей жизни“. Нездоровая философия всегда будет служить показателем патологического состояния общества, ибо распространившаяся философская система отражает стремления и мысли громадного количества людей. С этой точки зрения мы увидим в философии того времени много разновидностей декаданса и одряхления.

Обратимся к главным системам: к стоицизму и эпикуреизму. Несмотря на противоположность некоторых выводов обе системы имеют много общего. Виндельбанд очень удачно назвал эпикуреизм реальной философией Римской Империи, а стоицизм философией ее идеалов. Между атараксией эпикурейцев и апатией стоиков очень мало разницы, и разница больше в теоретическом построении этих идеалов, чем в практическом их содержании. И та и другая философия резко индивидуалистическая, резко антиисторическая, резко порывающая с жизнью и прошлым. Эти философии только идеалы мудреца, оторвавшегося от жизни и чуждого ей.

И эпикуреизм и стоицизм враждебно относятся к государству, к национальному содержанию жизни: у эпикурейцев более развито отрицательное отношение к национальным религиям, у стоицизма к национальной обособленности. „Эстетическое наслаждение самим собою—вот в чем состоит житейская мудрость эпикуреизма, говорит Виндельбанд, эгоизм стал чище, утонченнее, но тем не менее остался тем же эгоизмом“.

Крайний индивидуализм отличает оба течения философской мысли. Крайний индивидуализм есть всегда начало конца, есть характеристичный признак упадка жизни и общественности.

В государстве эпикуреец видит только союз, происшедший из потребностей взаимной защиты, он не признает естественного общения между людьми, все социальные явления рассматривает с точки зрения отдельных личностей, отдельных социальных атомов.

Он отсоветывает мудрецу брачный союз. Из всех видов общения рекомендует только дружбу, как отношение чисто индивидуалистическое. Эпикуреизм санкционировал удаление от общественных и политических дел: *λάθε βίωσας*—проживи незаметно. Это ли все не мысли декаданса?

Также индивидуалистична и также антиобщественна и стоицкая философия. Она также есть философия обособленного и потому несчастного человека. Этим своим индивидуализмом мыслитель Римской Империи резко порывает с Платоно-Аристотелевскими традициями. Платон смотрел на всю свою философию, как на преддверие правильной политики. Его Республика должна была бы быть завершением его трудов. Она есть торжество универсализма в политике, где все, даже законные потребности личности жертвуют для блага целого. Она не есть только построение идеальной жизни мудреца, и другим сословиям, воинам и ремесленникам, должна она дать разумное счастье. Аристотель учил, что человек есть *Zōon politikon*. Самый критерий и идеал этики видит он в гармонии всех сторон человеческого существа, а не в чрезмерном развитии разума и оценивающей способности, как стоики. Поэтому мы можем считать Платоно-Аристотелевскую философию — философией жизни, позднейшие учения отклонением от этого пути. Своим чрезмерным рационализмом стоицизм, сам того не сознавая, становился философией декаданса. Нельзя вносить слишком много разумности в жизнь, не убивая жизни. Нельзя осуждать чрезмерность желания (*ὀρεσις πλεονάζουσα*), ибо в желаниях жизнь и чем сильнее желание, тем сильнее жизнь. Стоицизм логически прав, переходя от восхваления разума и разумности к порицанию желания и восхвалению „апатии“ мудреца, но этим он становился врагом жизни. Так философ и учителя жизни становился учителем смерти. Пессимизм не заключался *implicite* в теоретических предпосылках философского мирозерцания стоиков, но на практике он очень быстро привел к нему. Это потому, что самый этот рационализм был порождением того же одряхления жизни, которое привело к пессимизму. Стоики всюду выставляли идеал жизни согласно природе; казалось, таким путем они придут к утверждению жизни, на практике они пришли только к отрицанию ее.

Тут оправдались глубокие слова Ренана: *Celui, qui détruit les préjugés, détruit les bases mêmes de la vie.*

Вот как обращается Сенека к своему другу и ученику Люцилию: „Разве у тебя есть что либо, что может удерживать тебя от смерти? Ты перепробовал все наслаждения, которые заставляют тебя медлить. Ни одно из них не ново для тебя, всеми ты уже пресытился. Ты знаешь вкус вина и вкус меда; так не все ли равно, сто или тысяча бутылок пройдут сквозь твое горло. Точно также ты отведал и устриц и раков. Благодаря твоей роскоши, на будущие годы для тебя не осталось ничего неизведанного. И от этого ты не можешь оторваться?“

Чего же еще тебе может быть жаль? Друзей и родины.

Но разве ты их ценишь, хотя бы настолько, чтобы ради них позднее поужинать? О если бы было в твоей власти, ты погасил бы

самое солнце, ибо ты ничего не сделал достойного света. Сознайся, что ты медлишь смертью не потому, что тебе жаль курии, форума или даже природы. Тебе жаль покинуть мясной рынок, на котором однако ты все уже перепробовал“.

Письма к Люцилию. Деш. библи., стр. 147.

Разве это не речи декадента, разве это не проповедь смерти? Но в других местах Сенека бывает еще яснее и прямо проповедует самоубийство.

„Пусть душа покидает тело тем путем, какой ей придется по вкусу, прибегнет ли она к мечу или к петле или к какомунибудь яду, заражающему кровь—все равно, лишь бы она разорвала цепи своего рабства. В жизни мы должны сообразоваться с мнениями других людей, в смерти только со своим собственным“.... „Как мы выбираем корабль для плавания, дом для жилья в нем, так, собираясь кончить жизнь, можем выбрать себе и род смерти“... стр. 120.

„По моему прекрасен тот закон природы, который определил нам только один вход в жизнь и оставил множество выходов из нее. Неужели же мне ждать мучений от болезни или от людей, когда в моей власти избежать страданий и ненависти врагов? Единственно за что мы не можем жаловаться на жизнь, она никого не держит. Все счастье человечества в том, что, если кто несчастлив, то только по своей вине. Ибо, если ему приятна жизнь, пусть живет, если неприятна, он может снова вернуться, откуда пришел“.

Далее Сенека приводит рассказ о гладиаторе, которого готовили на бой. Он отпросился для отправления известных потребностей, там взял палку с привязанной к ней губкой, которую употребляли для вытирания нечистот, просунул ее в горло и этим добился смерти: „По истине, неопрятный и неприличный способ самоубийства—добавляет Сенека—но с другой стороны не нелепо ли быть разборчивым в смерти?“ Свои рассуждения он кончает так: „Тот же разум учит, что, если можно, следует умирать без страданий, если же нельзя, то следует умирать так, как представится возможность и ухватиться за первый случай, какой представится для самоубийства. Нечестно жить насильем, но умереть насильем прекрасно“, стр. 125.

Часто даже в мелочах мысли Сенеки совпадают с мыслями современных декадентов. Вот мысли о бесполезности путешествий. Казалось, они потом вдохновляли *des Esseintes*, излюбленного героя Гюисманса. „Ты можешь, как говорит Вергилий, покинуть и земли и города, но страсти твои последуют за тобой, куда бы ты ни пошел. Чему ты дивишься, что путешествия тебе не помогли?“

Ведь повсюду ты возил за собою себя самого. И во время пути тебя угнетали те же самые причины, от которых ты отправился в путешествие“, стр. 54.

А это разве не мысли декаданса и самолюбивого обособления?

„Ты спрашиваешь, чего, по моему мнению, следует избегать? Толпы,—невозможно смешиваться с нею без вреда для себя. Я по крайней мере сознаю свою слабость. Никогда не возвращаюсь я с такою же чистою душою, с какою вышел к толпе. Все, что только что улеглось, снова замутилось. Порок, от которого я исправился, возвращается“, стр. 25.

Сенека далее с восторгом цитирует какого то философа, который сказал: „Я удовлетворюсь немногими, пожалуй, одним и даже совсем никем“.

Также и на последовательном фатализме мудрецов стоической школы, лежит печать глубокого одряхления организма и печать глубокого проникновения в тайны мира. Мудрость так часто бывает просто старостью. Фатализм есть с одной стороны истина, а с другой стороны доктрина, убивающая жизнь. Мие о свободной воле, о самоопределении, может быть, необходим для жизни и, убивая его, стоики, сами не сознавая того, наносили удары не невежеству, а жизни.

Желай неизбежного: *Amor fati*—так озаглавлено одно из писем Сенеки к Люцилию. „Старайся все делать по доброй воле. То, что кажется вынужденным необходимостью для сопротивляющегося, не будет таким для желающего. Верь мне: кто охотно повинуется приказаниям, тот избегает самой неприятной стороны рабства: делать то чего не хочешь. Несчастен не тот, кто исполняет чужие приказания, а тот, кто исполняет их против воли. Итак, настроимся желать всего того, чего требуют обстоятельства“. Вот какую проповедь квиетизма давал этот блестящий представитель стоической мысли. Неправилен распространенный взгляд на стоицизм, что он воспитывал и возвышал личность. Напротив того стоицизм был вовсе не проявлением силы характера, а разложением его: это было теоретическое оправдание и приспособление больной личности к окружающей среде. Мы, несомненно, должны причислить стоицизм к философии декаданса и вырождения. В этом убедит нас еще больше мировоззрение коронованного пессимиста Марка Аврелия. „Чтобы презирать песни и пляски, достаточно разделить их на их элементы. Например, в музыке достаточно разложить аккорд на отдельные звуки, и прелесть исчезнет. Также поступи и с пляской, разложи все движения на отдельные позы. Одним словом разложи все, кроме добродетели, на его последние элементы, и этим разложением ты придешь к презрению. Приложи это к жизни“. Мысли, XI. 2.

Марк Аврелий, конечно, не чувствовал, что такая убийственная рефлексия может все в жизни разложить, и тогда ничего не останется, кроме колоссального пустого места. Он не чувствовал, что таким же путем, как музыку и пляску, можно разложить и добродетель на ее составные элементы.

„Время, которое продолжается жизнь человека, — точка в вечности, его существо находится в постоянном течении частиц, его ощущения смутны. Его тело, составленное из различных элементов, само стремится к разложению; его душа — вихрь; его назначение — неразрешимая загадка; слава — нечто неопределенное. Одним словом все, что относится к телу, это река, которая утекает, все, что касается души, только сон и дым.

Жизнь это битва, это пребывание в чужой стране, это забвение. Кто же может служить нам спутником? Одна, одна только философия“. Мысли II, 17. Да философия, но философия утомления.

Марк Аврелий это меланхолик, который постоянно любит меланхолией, только ею и живет: „Люди ищут пустынных убежищ, деревенских хижин, морского берега, гор. Ты также любишь мечтать об этом — говорит царственный философ, обращаясь к самому себе. Какая наивность, раз тебе всегда возможно погружаться в свою душу“. IV. 3.

Так утончена эта душа, так постоянно ловит она в себе малейшие душевные движения.

В более здоровых учениях, чем стоическое, очень часто земной пессимизм смягчался положительной верой в мировой смысл жизни и в бессмертие души. Этого не было в стоицизме. Стоики вообще приписывали душе человека не абсолютное бессмертие, но, самое большее, ее существование до конечного воспламенения вещей (*ἐκπόρωσις*), до возвращения всех душ в божественную первооснову. И то это было преимуществом душ мудрецов, души же ничтожных (*φαῦλοι*) распадалась вместе с телами. Сенека тот прямо отрицает бессмертие. „Ведь смерть это небытие. Каково оно, я уже знаю. После меня будет то же самое, что было раньше меня. Если в смерти есть какая либо мука, очевидно, она была раньше уже, прежде чем мы явились на свет. Но тогда мы не чувствовали никаких страданий. Воспользуюсь следующим сравнением. Не нелепо ли думать, что светильнику хуже после того, как его погасят, чем до того, как его зажгли. Мы тоже зажигаемся и гаснем“.

Напротив того Марк Аврелий говорит о бессмертии. Но он более желает его, чем верит в него, более тоскует о нем, чем проповедует, что оно есть.

Он надеется на бессмертие души, как на дар богов, добрых и справедливых, но самая эта надежда полна сомнений.

К таким же системам декаданса в философии мы должны отнести и античный скептицизм. Дело в том, что античный скептицизм был совсем другого рода, чем, напр., скептицизм Юма. Он был гораздо последовательнее. У Юма скептицизм как-то уживался с деизмом. Кроме того, Юм всегда подчеркивал, что его скептицизм никогда

не касается области практики. Пиррон же выставил положение, что из противоречащих предложений одно стоит не более другого. Он выставил воздержание от суждений (*ἐποχή*) зараз, как теоретический, так и практический идеал мудреца, наряду со стоической апатией и эпикурейской атараксией. С другой стороны античный скептицизм был скептически зараз и по отношению к чувственному восприятию и по отношению к рациональным принципам познания. Пять троп Агриппы заключают возражения и против эмпиризма и против рационализма. Таким образом только в античном скептицизме имели мы систему универсального скептицизма.

Античный скептицизм имел большое влияние на римскую философию. Энесидем посвятил свое сочинение Туберу, другу Цицерона. Сам Цицерон был под большим влиянием Средней Академии. Секст Эмпирик и Агриппа носили римские имена. Еще во времена республики Карнеад из Средней (скептической) Академии, прибывший в Рим в посольстве философов, произвел там сильное впечатление, произнеся две речи: одну в защиту справедливости, другую против. Такое абсолютное безверие, полное воздержание от всех утвердительных и отрицательных суждений едва ли нормально. Жизнедеятельность здорового организма тесно связана с чувством уверенности. Бэн в высшей степени талантливо выводит чувство веры и уверенности из нашей активности, из наших жизненных функций. Без чувства уверенности невозможно никакое правильное исполнение жизнедеятельности.

Состояние абсолютного безверия всегда должно бы указывать как раз на расслабление активной стороны человека. Выставление полного воздержания от суждений, как жизненного идеала, есть полное отрицание жизни. Жизнь вся основывается на вере в те или иные цели и идеалы. Может быть, и мы переживем когда нибудь системы такого же абсолютного безверия, но пока античные системы являются единственным образчиком этого рода.

Но раз можно сомневаться во всем, можно и верить во все, так как нет критерия, который бы отделял ложное от истинного. Поэтому то эта эпоха абсолютного безверия быстро перешла в эпоху абсолютной веры, веры во всякое суеверие.

О характере этого суеверия мы уже говорили.

ОБЩИЙ ВЫВОД.

Тот вывод, к которому мы пришли, можно кратко формулировать так: в падении Западной Римской Империи мы имели не только падение государства, но и вырождение народа, истощение расы главным образом ее руководящих слоев. На это падение расы мы смотрим, как на имманентный закон в ее истории, как на неизбежную, заключительную главу этой истории¹⁾. Расы более талантливые, более активные, более проявляют себя в истории или культурным творчеством, как греки, или государственным, как римляне. Зато они скорее истощаются и погибают, чем расы менее активные. Точно также и внутри народов наиболее активные и талантливые элементы истощаются и исчезают гораздо скорее. Laroche и E. Wilser первые заметили, что культурный прогресс покупается ценой медленного израсходования одареннейшей т. е. долихоцефальной части народа. Dodel говорил „народы сгнивают, сами не замечая того“. Такое израсходование наиболее одаренных и угасание выдающихся родов постоянно наблюдалось в античном мире: „В Риме патрицианские фамилии убывали из века в век—участь, которая постигла позже и всадников и римских граждан“. Из аристократических фамилий только один род Валериев сохранился до позднейшего императорского периода, и о последнем отпрыске его упоминается в V веке²⁾.

Этим же истощением выдающихся родов объясняется, вероятно, и то обстоятельство, что императорский престол переходит в руки людей чуждых Риму по происхождению. После насильственной гибели дома Флавиев Рим не видел больше италийских императоров. Предприимчивые испанцы, африканцы, потом сирийцы, потом варвары заволокли престол Цезарей.

Погибла раса, а не одно только государство, это мы можем видеть из того обстоятельства, что одновременно с государством

1) Исключительная устойчивость еврейской расы объясняется, вероятно, той исключительной борьбой за существование, которую приходилось выносить этой расе.

Эта борьба за существование „как тяжкий млат, дробя стекло, кует булат“. Она уничтожает слабых и мешает сильным расслабляться. Такова была судьба еврейской нации. Однако, несмотря на это, еврейская нация очень нервна и дает больший, чем другие, процент заболеваемости душевными болезнями.

2) Любопытно угасание спартиатов. Во времена Ликурия 9.000 спартиатов принимали участие в общественных обедах; их насчитывалось в 840 г. до Р. Х. (по Оттфриду Мюллеру) 6000, ко времени Аристотеля 1000, а при Агисе IV в 230 г. оставалось только 700. Спарта-говорит Полибий-погибла вследствие недостатка в людях.

погибали и другие стороны народной жизни, погибала культура, искусство, литература.

Когда император Констанций в первый раз в 357 году посетил Рим, его поразили роскошные и удивительные постройки „вечного города“, а особенно форум Траяна. Он захотел, чтобы скульпторы скопировали конную статую, украшавшую форум, желая хоть в этом конкурировать с прежним искусством. Но персидский принц, который его сопровождал, сказал ему. „Никогда не создашь ты такой лошади, если не можешь построить для нее такого стойла“.

Поэтому мы никак не можем поставить рядом падение Западной Римской Империи и падение Польского Государства в XVIII веке. Это два явления совершенно различного порядка. В одном погибли и народ и государство, в другом только государство. Польский народ несомненно пережил свое государство. После гибели государства его культура развернулась очень пышно, она дала Мицкевича, Красинского, Шопена, Монюшко, Семирадского и т. д.

Поэтому исследователь гибели польского государства, конечно, должен искать для объяснения ее причин социально-экономических, ибо здесь не затронута национальная биология.

Не то с исследователем гибели Римской Империи и римского народа. Конечно, он не может игнорировать социальных причин, но эти социальные причины он должен рассматривать в их влиянии на биологию расы. Они теряют самостоятельное значение, какие имеют в другого рода исторических вопросах и получают служебную роль кооперирующих факторов.

Конечно, в Риме были социальные неустройства. Это не ускользало от писателей современников. Плиний указывал на пагубность латифундий для Италии.

Но что характерно для истощающейся расы, это то, что она потеряла способность реагировать на социальные неустройства, не могла бороться с ними, не могла перейти к более совершенному социальному и политическому строю. Мы потому и узнаем здоровый организм, что он борется с своей болезнью, и каждая болезнь есть борьба организма с вредоносными влияниями.

Организм истощенный не в состоянии бороться с своей болезнью, и это его признак.

Большие социальные и политические неустройства приводят не к гибели народа, а к революции и в самом крайнем случае к гибели государства.

Между тем в Римской Империи не существовало ни революций, ни даже резко выраженных революционных стремлений.

Рабство было социальным злом, но мы не слышим о восстаниях рабов, хотя они были при Республике.

Экономическое неравенство было злом, но с ним никто не боролся, а при республике боролись.

Если государственная централизация и всемогущество было злом, то почему же население с ним не боролось?

В социальном отношении время Римской Империи представляется какой то мертвой зыбью.

Не было, оживляющей общество, классовой борьбы; политический строй оставался стационарным. Реформы Диоклециана были только приспособлением государства к этому истощению расы и, вызванному им, упадку культуры и социально-экономической жизни.

Итак отсутствие социальной реакции на социальные неустройства мы должны считать одним из доказательств и симптомов истощения расы.

На соотношение между социальными и биологическими причинами падения мы смотрим так. Биологические причины суть основные, социальные вспомогательные. Социальные условия, выработавшиеся в Республике и целиком перешедшие в Империю, были причиной того, что фатальный закон вырождения человеческой расы сказался в истории Римской Империи гораздо раньше, чем это могло бы быть при других социальных условиях. Мы вообще не отрицаем значения социальных факторов в произведении вырождения, но считаем только, что эти факторы играют ускоряющую или замедляющую роль, другими словами; биологическая эволюция идет независимо от социальных условий, но степень быстроты этой эволюции определяется социальными факторами. Это все равно, как тело, нагретое до 100° градусов, непременно остынет, но быстрота этого остывания будет всецело зависеть от температуры окружающей среды. Так каждая пружина должна непременно ослабнуть, но, как скоро это произойдет, зависит от той работы, которую ей придется одолевать. Новейшая биология смотрит на смерть организма, как на явление фатальное, вытекающее из самой его жизни, но самый момент смерти определяется окружающей средой.

Мы можем в двух направлениях проследить неблагоприятное воздействие социальных условий на биологию римской расы:

1) влияние на борьбу за существование.

2) влияние культуры и образа жизни, как непосредственное воздействие на биологию человека. Под этими рубриками мы и рассмотрим влияние социальных условий.

II

I. Нарушение биологического закона борьбы за существование.

Для человеческого типа одинаково фатально, как полное поражение борьбы за существование, так и такое ее нарушение, когда отдельные группы благодаря социальным привилегиям поставлены в благоприятное положение в этой борьбе и могут преуспевать в

ней, не совершенствуясь биологически, или такое, когда целые группы (рабство) поставлены в этой борьбе за существование в совершенно уродливые условия.

Оба эти обстоятельства имелись в Римской Империи.

А. Аномалии сословного строя. В Риме зло олигархии достигло больших размеров. Известно, что 6 олигархов владели половиной провинции Африки—житницы Империи. Кроме того борьба за существование была особенно нарушена в Риме слабостью третьего сословия—буржуазии.

1) Буржуазия, составляясь из наиболее выдающихся (биологически) представителей других сословий, становится биологическим резервуаром, откуда истощившийся правящий класс может черпать новые и новые силы.

2) Наличие в обществе сложившейся буржуазии поддерживает в нем тонус личной энергии и предприимчивости, действуя оживляюще на борьбу за существование.

3) Буржуазия обыкновенно приносит с собой стремление к политической свободе и, осуществляя ее, благоприятствует усилению темпа жизни, культурному и социальному прогрессу.

4) Раздор между аристократией и буржуазией, который неминуемо возникает, идет на пользу другим классам и не дает им вырождаться в ненормальных условиях социального гнета.

Всех этих выгодных условий, которые приносит с собой буржуазия, и был лишен императорский Рим.

В начале там были зачатки буржуазии, перешедшие еще из республики (всадническое сословие). Как известно, Кай Гракх хотел воспользоваться раздором между аристократией (сенатским сословием) и буржуазией (всадническим) для улучшения участи неимущих классов и для этого отнял суды у сенатского сословия и передал их всадникам.

Но это были только зачатки. В императорском Риме не было сложившейся буржуазии.

Многими уже отмечалось исключительное преобладание земельной аристократии в Риме.

Даже декурионы в городах по своему экономическому положению были помещичьим дворянством; это были земельные собственники провинций. Самый ценз их был земельный.

Но потом, как известно, разложились и зачатки буржуазии. Всадничество слилось с сенатским сословием, декурионы или обеднели и слились с плебсом, или разбогатели и стали сенаторами.

Также слабы были и ремесленный и рабочий класс, с трудом выдерживавшие конкуренцию рабов. Таким образом на место вырождающихся и истощающихся слоев, создавших римское государство, в ходе истории не выдвигалось свежих слоев, которые могли бы их заменить.

Это отсутствие буржуазии по вышеуказанным причинам и должно было вредоносно влиять на расу. Если бы мы искали социальной причины падения Империи, то мы бы видели ее именно в отсутствии сложившейся буржуазии. Это обстоятельство вместе с рабством было коренным фактом социальной жизни в Империи.

Б. Рабство. В рабстве мы имеем другой социальный фактор регенерирующего свойства. Интересно было бы проанализировать влияние рабства на самый характер рабовладельческого общества. Несомненно, что оно ослабляет жизнеупорность организма, делает людей гораздо более вялыми и нерешительными и ленивыми. Рабство вносит столько биологически нездорового в рабовладельческое общество. Оно прекращает борьбу за существование для некоторых групп населения, давая им возможность жить и преуспевать в жизни, без малейшего усилия. Само собой разумеется, это влечет биологический регресс этих групп. Раб оденет, умоет, причешет, все подаст, все устроит.

До чего разнообразны были функции рабов, показывают следующие примеры. Некоторые политические деятели держали при себе рабов с феноменальной памятью, которые знали в лицо всех избирателей и при встрече с ними шептали на ухо своему господину сведения про них, чтобы он мог узнать их, назвать по имени и расспросить про домашних. Были и такие рабы, которые в обществе нашептывали своим господам цитаты из классических писателей. При таких условиях, имея раба, можно было даже прослыть умным и образованным человеком.

Понятно, что рабовладельческое общество должно было регрессировать и в физическом и в умственном отношении.

Является вопросом, для кого вреднее рабство, для рабовладельцев или для рабов?

Для самих рабов рабство очень фатально. Общий закон, что класс рабов не может существовать без притока все новых и новых элементов со стороны. Он не может сам себя пополнять и быстро начинает уменьшаться в численности. Так было и в античном мире; когда в IV и V веке прекратился подвоз рабов, рабское сословие стало быстро уменьшаться в числе. Чтобы замедлить этот процесс исчезновения, римские хозяева заблагорассудили перевести рабов в более свободную форму зависимости—в колонат.

Такое вырождение рабов нам вполне понятно. Оно происходит, вероятно, не столько вследствие тяжелых условий жизни, сколько вследствие неправильного положения в борьбе за существование. Боязнь лишиться рабочей силы в лице раба заставляла рабовладельца не сводить его содержания до минимума. Известен циничный совет одного римского хозяина—употреблять на нездоровые

работы не рабов, а наемных рабочих. Но зато в борьбе за существование раб был поставлен в самые ненормальные условия.

Энергия убивалась, чувство личности тоже, раб должен был трудиться, но предприимчивость и инициатива совершенно убивались у него. Кроме того земледельческие рабы были поставлены в самые невозможные условия для брачной жизни. В этом отношении были лучше поставлены домашние рабы, которых у каждого богача было бесчисленное множество. Они и размножались лучше, не так теряли личность и инициативу; ими пополнялись кадры клиентов и вольноотпущенников, и они тем или иным способом переходили в свободное общество. Но их развращала та же праздность, которая губительно действовала на их хозяев. Парикмахер, причесав своего господина, музыкант, сыграв за столом, больше уже ничего не делали весь день. Итак рабство было палкой, которая ударяла одним концом по барину, другим по его рабу.

В. Стационарность политического и социального строя.

Такая стационарность очень вредно действует на жизнь расы. Политические и социальные стремления и происходящая отсюда борьба поддерживают темп жизни, подымая общественный тонус, не давая людям опускаться. Они являются могучим импульсом к совершенствованию, к деятельности, они оживляют другие стороны жизни: науку, искусство, литературу. Они закалывают характеры и творят культуру.

Ничего подобного не было в позднейшем Риме.

Не было политической борьбы, не было партий, не было общественного оживления, не было даже интереса к общественным вопросам.

Сократ, Платон имели свои социальные идеалы. Платон создал свою Республику, позднейшие века дали много утопий от Моруса и Кампанеллы до Терцки, Беллами и Уелльса. Во время Римской Империи не было такого творчества социальных идеалов.

Конечно, борьба христианства с язычеством до некоторой степени восполняла эти недостатки стационарности строя и была в этом смысле антидегенерирующим фактором. Но в социальном строе христианство ничего не изменило, все и рабство и муниципальная жизнь и прочие стороны жизни не изменились от введения христианства.

PERICLUS

II. Воздействия культуры и образа жизни на биологию человека.

А. Роскошь и праздность.

Воздействие культуры на человека в то время было почти исключительно в форме роскоши и излишеств. Как раз такое воздействие бывает особенно быстрым и разрушительным. Наша куль-

тура гораздо более развита и расчленена; она не сосредотачивает так человека на одной любви к роскоши и удовольствиям; во многом в серьезной научной и общественной деятельности она представляет к ним ценный корректив. Римляне поставлены были в этом отношении в худшие условия, они знали культуру главным образом, как наслаждение. Картины римского общества, нарисованные в книгах Буассье, хорошо изображают эту сторону. А погоня за наслаждениями есть важный дегенерирующий фактор. Безумная погоня за наслаждением, которой всегда бывают охвачены зажиточные и культурные классы общества, всегда придает жизни лихорадочный и ненормальный характер. Такую любовь к наслаждениям древние буддисты сравнивали с соленой водой; чем больше ее пьешь, тем больше жаждешь. Жажда эта прекратится только тогда, когда ее сменит пресыщение.

Римское общество набросилось на всякого рода излишества; половая мораль никогда не была строгой в античном обществе; тут она расшаталась еще более. Женская стыдливость сильно пошатнулась; прошли времена Лукреции и Виргинии. Знатной матроне ничего не стоило показаться совершенно голой; об этом свидетельствуют пикантные факты, имеющиеся у Тацита (см. также Кудрявцева о римских женщинах).

Есть известия, что гоноррея производила сильные опустошения в римском населении.

Б. Воздействие городской жизни. Об этом мы уже говорили, там, где касались ненормального развития городской жизни в Римской Империи.

Если судьба античности действительно зависела от судьбы расы, и если истощение расы погубило столь блестящую культуру, то история античности приобретает для нас особый жгучий интерес. Мы можем приступить к ней не с чувствами археолога и художника, а видеть в ней ключ к загадкам, которые нам задает современность. Между историей античности и современностью двусторонняя связь. С одной стороны прав Шефер, сказавший, что только знание современности позволяет нам постигать историю древнего мира. Это так. Но с другой стороны и античность с ее фатальным концом является нам грозным *memento mori*. Об этом *memento mori* мы никогда не должны забывать. Наша политика, должна же когда нибудь встать на научные основания. Тогда политика (т. е. искусство управлять народом) получит более широкий смысл. Она не будет заключаться в одних только полицейских мероприятиях или в регулировании одной только экономической стороны жизни, в число предметов политики должно будет неминуемо войти и наблюдение за жизнью расы. Правительства будущего должны будут зорко смотреть за тем чтобы расы не вырождались, а народ не истощался.

„Знание ведет к предвиденью, предвиденье ведет к действию“ — эти золотые слова Огюста Конта должны быть нашим девизом.

Послесловие.

Напечатанное сочинение было написано 15 лет тому назад в качестве кандидатского сочинения. Несмотря на лестные для меня отзывы проф. М. М. Хвостова и проф. А. Н. Деревницкого, цитировавшего мое рукописное сочинение в своем издании „Лекций по Всемирной Истории“ проф. Петрова, я не печатал его по совокупности многих причин.

Сочинение казалось мне незавершенным, не вполне обработанным, нуждающимся в привлечении нового материала и новых доказательств. Это в особенности касалось первой части — общих доказательств вырождения и истощения народов и человечества. Действительно эта часть написана сжато и схематически, и почти каждое положение для большей убедительности потребовало бы более пространныго изложения.

Между тем время мое брали чисто философские студии, и разработка системы воображаемой (не аристотелевой) логики, которой я занялся вскоре после написания этого сочинения, не оставляла времени для других занятий.

С тех пор прошло 15 лет и каких лет.

Требовательность к самому себе понизилась, повысилось желание подвести итоги своей научной деятельности, тем более что смерть теперь безжалостно косит русских ученых. Чтобы изложить исчерпывающе и доказательно этот предмет, нужно бы написать томы, а об этом нельзя и мечтать теперь.

Поэтому сознавая все недостатки и всю незаконченность своей работы, я предаю ее гласности, думая, что и в таком виде она будет некоторым вкладом в науку, ибо так, как в ней, вопрос еще не трактовался в науке (по крайней мере тогда, когда мы не были отрезаны от западной науки и литературы).

Конечно все положения 1-ой части нуждались бы в более пространным изложении, однако такое более пространным изложение нарушило бы архитектуру сочинения, ибо разрослась бы сравнительно со всем сочинением одна первая часть, которая является для него вводной.

Поэтому я печатаю сочинение почти без изменения так, как оно было написано 15 лет тому назад. Кое что прибавлено, кое что пришлось выпустить, да удалось работу снабдить примечаниями относительно новейшей русской литературы (западноевропейская, конечно, осталась совершенно недоступной).

Но была еще более глубокая, внутренняя причина, которая препятствовала опубликованию моей работы. Я сомневался в своих выводах. Признание их полной истинности произвело бы настолько полный переворот в мирозерцании, бросало бы такой мрачный свет на всю историю и прогресс человечества, на всю его дальнейшую судьбу, что мне, как автору этой теории о неизбежном вырождении и истощении человечества, приходилось испытывать нестерпимый душевный гнет и почти нравственные муки и колебания. Эта теория осуждала, как нечто вредоносное и пагубное, всякую культуру, к которой в то же время влеклось все существо и без которой жизнь казалась не имеющей цены. Эта теория отрицала великое и светлое будущее человечества, в которое так хотелось верить. Отсюда я испытывал какой-то разлад и раздвоение. Разум неудержимо влек меня к этой теории, а сердце отказывалось ей верить и требовало больших доказательств, чем какие мог дать рас-судок. Эта теория касается будущего, а все наши утверждения относительно будущего проблематичны и гипотетичны. Полного доказательства их не может быть дано, и только грядущий опыт может подтвердить или опровергнуть прогноз. Следовательно всегда остается простор для сомнений.

Сама работа эта возникла из потребностей такой самопроверки. Будучи врачом по образованию, я во время занятий биологией и медициной составил себе общую концепцию вырождения, диссолюции, как конца развития, эволюции. Рассматривая историю человечества, как историю человеческого вида, историческую эволюцию, как отражение эволюции биологической, мне пришлось прийти к тому выводу, что историческая эволюция (культура) есть накопление вредоносных биологических вариаций, ведущих к вырождению. Отсюда я заключил, что наиболее культурные слои общества наиболее подвержены вырождению. Я собрал множество фактов, которые и приведены в первой вводной части. Однако, помимо этого, мне захотелось проверить исторически это положение, захотелось узнать не достигало ли когданибудь вырождение таких объемов, что оно повлекло за собой исторический кризис. Я спросил себя, не является ли падение Западной Римской Империи и конец античной культуры таким кризисом, вызванным вырождением.

Во время моих последующих занятий историко-филологическими науками я пришел к выводу, что это было действительно так. Падение Западной Римской Империи представилось мне, как следствие вырождения римской аристократии и слабости средних слоев римского общества, которые не могли заместить вырождающуюся аристократию. Доказательства этого изложены во 2-ой и 3-ей части моей работы, которые и являются как бы способом проверки в прошлом выводов 1-ой части, касающихся всегда недостоверного будущего.

Однако и эта историческая проверка, хотя она и дала положительные результаты, не являлась вполне убедительной. Опираясь на громадное количество фактов, всетаки положение о гибели античной культуры и падении Западной Римской Империи от вырождения является гипотезой. Затем исследование причин однократного исторического явления не имеет характера закона; только многократная связь явлений будет научным законом.

Таким образом мои колебания окончательно не были устранены даже и после написания сочинения.

Теперь этой внутренней причины нет. Дальнейшие размышления над этим предметом несколько видоизменили, а текущие события окончательно укрепили мои взгляды. Теперь, может быть, я не склонен считать вырождение фатальной неизбежностью для человечества, а скорее только угрожающей тенденцией, с которой человечество будет бороться и может быть победит. Зато реальность самой опасности, самой тенденции к вырождению предстала передо мной с очевидной ясностью. Я вполне убедился в достоверности своих выводов и в теоретической и практической ценности своей работы.

Убедили меня современные русские события и весь характер переживаемого исторического периода. Падение русской Империи проливает исторический свет на падение римской. В общих и резких чертах мы видим замечательное сходство между русским и римским развитием. И там и здесь великодержавное государство, созданное земельной аристократией, с резко выраженными империалистическими тенденциями подчинить целый *orbis terrarum* (смотри рано опознанные тенденции придворных публицистов Московского царства: Москва—третий Рим). И там и здесь при крайней слабости среднего сословия государство в политической форме императорского абсолютизма с некоторыми демократическими тенденциями сохраняет социальное преобладание земельной аристократии и отчасти крупного торгово-промышленного капитала. Достигши апогея своего развития, государство быстро начинает хиреть, ибо в самых причинах успеха оно таит зародыши грядущей гибели, и в катастрофе 1917 года Русская Империя гибнет, так внезапно и быстро, что гибель ее скорее напоминает мгновенные катастрофы природы, чем более длительные социальные катаклизмы.

Созданное земельной колонизацией и постоянными наступательными и оборонительными войнами, русское государство с XIV-го по XIX век покоилось на сословии земельных колонизаторов и офицеров—администраторов, на служилом помещичьем сословии. Им было создано не только русское государство, но и вся русская культура. Вся русская культура дворянского происхождения. Главные деятели русской литературы, науки и искусства вышли из

реды дворянства. Сравнительно с этим вклады других сословий гораздо менее значительны. Еще сравнительно много деятелей на оприще культуры дало духовное сословие, отпрыски которого массами стали пополнять ряды русской интеллигенции. Это „духовное“ происхождение русской интеллигенции, может быть и сказалось на ее „религиозном“ идеалистическом оттенке, который приняли общественные идеалы русской интеллигенции и на сравнительном их радикализме. Зато участие буржуазии в деле строительства культуры было прямо ничтожно в России. Сравнительно с этим даже крестьянство, совершенно оторванное от культурной жизни, дало гораздо больше творцов культурных ценностей (Посошков, Ломоносов, Кольцов, Шевченко, Чехов и т. д.) Численно невеликое, социально слабое, среднее сословие и в культурном отношении не играло большой роли. Таким образом вся социальная, политическая и культурная жизнь быстро развивавшейся Российской Империи сосредотачивалось в руках дворянства. Дворяне поневоле должны были быть сельскими хозяевами, военными начальниками, администраторами, общественными и культурными деятелями. Все нити жизни сосредоточивались в одном сословии, что заставляло его неизбежным образом разбрасываться, истощать свои силы, отрывало его от связи с основой его могущества, от связи с землей. Дворянство покидало деревни, устремлялось в города, пренебрегая сельским хозяйством, которое находилось в России в допотопных примитивных формах. Дворянство быстро истощало свои силы, костенело, утрачивало жизненную гибкость и дальноркость, которые одни только всегда и обеспечивали аристократиям успех в их трудных исторических миссиях. Только этим и объясняется та вялая, нерешительная и близорукая политика дворянства в эпоху „дворянского оскудения“, которое быстро наступило после освобождения крестьян.

В русском дворянстве никогда не было резко выраженной воли к власти, которая так свойственна, например, римской и английским аристократиям. Оно очень рано вступило на путь поддержки императорского самодержавия, которое и повлекло его к катастрофе. Оно позволило наследственно-избирательной аристократически-конституционной монархии первых Романовых превратиться в неограниченную бюрократию позднейших. Оно разрушило попытку крупнейших феодалов из их же среды ограничить самодержавие в 1730 г., не поддержало в массе декабристского конституционного движения 1825 года. Оно предпочитало подвергаться унижениям временщиков самого демократического происхождения от Бирона до Распутина риску взять в свои руки руль государственного корабля. Но совершенно близорукой стала его политика во время двух последних царствований. Дворянство поддерживало самодержавие и реакцию,

которые вели экономическую политику, невыгодную для сельского хозяйства, охраняло патриархально феодальные порядки в деревне и общину, оказавшуюся фатальной для дворянского землевладения. Этому способствовала та пустота, которая была рядом с дворянством среди имущих классов. Не было сильной буржуазии, которая могла бы заместить и в то же время поддержать падающее дворянское сословие, и оно должно было свалиться в пропасть, увлекая за собой и все имущие классы.

Если политика дворянства была близорука, то политика буржуазии, особенно крупной, было прямо нелепа. Поддерживая самодержавие в 1905 году, она резко повернула фронт против него в 1915—16 г., во время войны, когда всякое политическое движение было вредно и для победного окончания войны и для социального порядка, возглавляемого буржуазией. Это воистину, как в сказке, плакать на крестинах и веселиться на похоронах. Когда за границей белогвардейские офицеры плюнули Керенскому и избили Гучкова, они верно оценили степень вреда, принесенного обоими белогвардейскому делу.

Таким образом полное сходство между русской и Римской Империями в их основной социально-политической структуре.

А отсюда можно заключить, что и причины их падения были одни и те же.

Размышления о судьбах русской Империи и о причинах ее падения, которое произошло на моих глазах и где я обладал громадным материалом фактов и обилием жизненных впечатлений, делавших мои выводы бесспорными, подкрепило мою теорию о причинах падения Западной Римской Империи.

Слабость русской буржуазии во всех отношениях очевидна и не нуждается в дальнейших доказательствах. Эта слабость и была причиной того, что с одной стороны феодально самодержавное русское государство не могло перейти в буржуазно демократическое государство западно европейского образца; с другой стороны благодаря этой слабости русская Империя не могла выдержать напора свежих исторических слоев.

Это подкрепило мои выводы, что и в римской Империи имела аналогичная слабость среднего сословия, и что она была причиной тех же явлений.

Анализируя явления русской жизни, можно понимать многие явления римской жизни. Если история служит учительницей жизни и если прошлое дает уроки настоящему, то с другой стороны далекое и неизвестное прошлое может быть хорошо постигнуто только в свете настоящего.

Мы видим в русской Империи поразительное могущество государства, преобладание во всех сторонах жизни государственного

почина, государственной опеки, государственного вмешательства (точно такое же всемогущество мы видим и в Римской Империи).

Мы видим, что это явление не было первичным, что оно развилось вторично из основных военных задач государства, его быстрого территориального роста, слабости среднего сословия и т. д.

Отсюда мы можем заключить, что и в Римской Империи такое всемогущество было тоже вторичным, реактивным и поэтому не может считаться причиной падения Империи.

Обе Империи пали окончательно одинаково во время внешней борьбы. Была, конечно, и разница в их падении. Падение Римской Империи было падением расы, заменой ее другой расой, падение русской нет. Это указывает, конечно, на то, что в Римской Империи вырождение и истощение зашли дальше, что они с верхних слоев перешли на низшие и ослабили жизнестойкость всей расы.

Но эта разница, как ни существенна она исторически, с биологической стороны не так существенна. Напротив того можно установить биологическое тождество обоих процессов. И там и здесь шла биологическая замена; в первом случае выступили резервные народы, во втором случае резервные классы той же национальности. В первом случае мы имеем пример экзогенной биологической замены, во втором пример эндогенной биологической замены. Однако это не меняет существенного тождества обеих замен.

Разница только в степени. Ведь и у нас замечается выдвигание на первый план других этнических групп. Однако процесс у нас, конечно, слабее, ибо античная культура по самому характеру своему была гораздо более вредоносна, чем наша.

И там и здесь обе биологические катастрофы сопровождались громадным культурным кризисом. Старая культура рушилась, создавалась новая культура из обломков старой культуры и жизненных устремлений, навыков свежих исторических масс.

Средневековая культура строилась из остатков римской, поскольку она усваивалась германцами. И у нас теперь происходит процесс построения культуры путем усвоения и переработки низшими слоями западноевропейской культуры высших слоев. В большевизме историк не может видеть только интернациональное устремление пролетариата, он должен видеть в нем и глубоко национальное явление—выступление резервных классов, разбивших императорскую культуру. Мы должны видеть в нем некоторую реакцию народной стихии против западноевропейской культуры, во многом ему чуждой и обходившейся ему дорого. Корни настоящих событий очень глубоко уходят в прошлое. Мы можем проследить их, по крайней мере, два века вплоть до Петровских реформ, которые, кроме резких классовых противоречий, раскололи народ на два культурных лагеря. Западноевропейская культура, быстро усвоенная вер-

хами, не прививалась низам. Ампиный фасад помещичьей усадьбы ничем не трогал гостомысловского уклада деревни. Теперь и это противоречие дало себя знать. В переживаемых нами событиях мы имеем перед собой не только социально политический, но и грандиозный культурный кризис, подобный кризису античной культуры, хотя и более слабый по степени.

Научные законы неизменны, и власть человека над природой состоит не в господстве над законами природы, а в подчинении им. То же самое и с социальными законами. Их нельзя отменить и изменить. Они всегда проявятся. Формы жизни суть проявления социальных законов и зависят от них, а не от воли человека. Поэтому изменения форм жизни всегда закономерны и совершаются медленно; медленно творится культура, особенно если рассматривать ее в общечеловеческом масштабе.

Гораздо быстрее идут биологические явления восприятия культуры свежими человеческими группами (этническими и классовыми).

Так, напр., быстро создалась арабская культура на основе восприятия и своеобразной переработки античной культуры.

Аналогичное явление мы имеем и теперь. В этом биологическом движении свежих слоев народа к культуре — главный смысл февральской и октябрьской революций.

Однако не одни только русские события служили проверкой моих взглядов. Глубокие аналогии существуют между переживаемым нами мировым периодом и периодом Римской Империи. Эти аналогии можем мы наблюдать в самых различных сферах общественной жизни.

Современный империализм есть только повторение империализма античного.

Последовательной смене попыток мировых монархий Карла V, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II, соответствовали в античном мире такие же последовательные мировые монархии — египетская, ассирийская, македонская и, наконец, римская, которой удалось завершить то, к чему стремились ее предшественницы. В этих стремлениях к мировой монархии сказывались не только коммерческие и колонизационные интересы империализма, но и стремление культуры распространяться на все большее и большее протяжение, глубокие потребности человечества в единстве и взаимодействии, наконец, как это ни странно, для монархий создаваемых войной, глубокая потребность человечества в вечном мире.

Эти стремления теперь особенно обострены, и мы этому не будем удивляться, если вспомним, что и римская власть носила название *Pax Romana* — римский мир.

Проблема вечного мира и мирового государства, резко поставленная Советской Россией, не нова в нашей культуре. О вечном

мире мечтали С. Пьер и Ж. Ж. Руссо. Кант посвящает этой проблеме свой трактат „Zum ewigen Frieden“ 1795 г., где анализирует условия возможности вечного мира. Там он проектирует, чтобы интернациональное право было основано на федерации свободных государств, а процессы народов решались бы постоянным конгрессом государств. Эта мысль Канта ложится в основание Лиги наций¹⁾.

Еще около половины XIX века поэт Теннисон в Locksley Hall пророчески пишет: „Я погрузился в будущее так глубоко, как только может человеческий глаз, и увидел Видение мира и все грядущие чудеса. Я видел небеса, полные торговли, суда с магическими парусами и кормчих, бросающих вниз в пурпуровые сумерки драгоценные тюки. Я слышал, как небеса наполнились криком, и падала страшная роса с воздушных флотов народов, сражающихся в синеве. Я слышал широкий, как мир, шопот теплого южного ветра, видел веяние знамен народов среди громовой бури, как вдруг барабан перестал бить, и военные флаги были свернуты в Парламенте людей, в Федерации мира“. В этих тенденциях мы видим повторение тех тенденций, которые повели к образованию римского мирового государства.

Нужно только заметить, что сейчас задача гораздо сложнее, чем раньше, ибо сейчас нет такой культуры, которая могла бы подчинить себе все остальные, нет такого народа, который мог бы навязать другим свою волю. Неудача немецкой попытки свидетельствует об этом.

Однако 1 августа 1914 года начался новый период мировой истории, мы живем в водовороте событий, все значение которых могут оценить только наши внуки и правнуки. Явления сейчас совершающиеся имеют гораздо более широкий захват и более глубокий размах, чем французская революция. С самого начала войны дело шло о более важных вещах, чем наказание сербских убийц австрийского эрцгерцога, и за разговорами о германской „Средней Европе“ были скрыты планы мировой гегемонии и миродержавного государства. Война кончилась обратным. Германия отдана в рабство, лишена значительной доли угля, обложена непомерной данью, лишена суверенитета, напр., контроля речного судоходства на своей же территории, словом, она получила условия мира, безпримерные в мировой истории. Над Европой властвует *condominium* Франции и Англии. Но ни в самом этом двоевластии, таящем в себе зародыши конфликтов, ни в образовании массы мелких государств, лишенных моря, а, значит, в значительном мере экономической самостоятельности, ни в рабстве целой нации, нет оснований для прочного международного правопорядка. Мы видим, что венский

¹⁾ О всей этой проблеме и о ее социологическом смысле см. проф. Юсифов. О вечном мире. Известия Томского университета. 1919 г.

конгресс действительно закончил наполеоновские войны и установил прочный мир на принципах европейского равновесия и великодушия к побежденным, и этот порядок держался ровно сто лет.

Теперь мы видим обратное, никто не верит в прочность международного правопорядка, трактаты трещат, и от одного из них (севрского) скоро останутся одни воспоминания. Чувствуется, что международная проблема не решена. Неравновесие не уменьшилось, а увеличилось. Прежняя система—концерт великих держав более обеспечивала мир, чем нынешняя: двоевластие Франции и Англии, соперничество Америки и Японии, бурление России и Китая, возрождение Турции.

В области международных отношений нужно ждать больших событий, нужно ждать, чтобы создалась новая стройная система международных отношений.

Если мы обратимся к области внутренней, то и тут мы видим общие черты. В эпоху римской Империи происходило громадное строительство материальной и духовной культуры, неуклонное распространение ее в толщу новых народов и новых классов. Параллельно с этим шла постоянная демократизация различных сторон жизни. Демократизировалось право гражданства, которое в первоначальном *полис* или *civitas* носило замкнутый характер; в Римской Империи мы видим постепенное расширение прав римского гражданства. Демократизировалась культура и, главным образом, самая демократическая форма ее—религия. Тот наплыв восточных культов с их чудесами и мистериями, действовавшими на народное воображение, был следствием демократизации религиозного чувства. Такой же демократизации было обязано своей победой и христианство, которое также культивировало эти элементы таинственного и чудесного.

Такой же процесс демократизации мы наблюдаем и вокруг себя, мы видим и демократизацию политической жизни и демократизацию культуры.

Римская Империя разрешила задачу гражданского общества, и в этом был залог ее величия и прочности. Она была обязана своими успехами не только римским легионам, но и римскому праву. Победоносное шествие первых поработало ей тело, победоносное шествие второго привязывало к ней души покоренных народов. Эти культурные ценности римского права пережили Империю, и начало гражданской жизни в Средние Века, первый прогресс ее ознаменовался, как известно, усвоением рецепцией римского права. И наше современное общество в правовом отношении невидимо живет духом римского права.

Эта задача гражданского общества уже решена раз навсегда, и его нечего решать второй раз, но перед современным обществом во весь рост стала другая проблема, связанная с

не этого вопроса будет играть для современных обществ ту же роль, какую для Римской Империи играло решение проблем гражданства.

Социальный вопрос обострился до крайности в современном мире, и грозный экономический кризис, следствие истребительной войны, во всей Европе сопровождается в настоящее время интенсивными рабочими волнениями. Социальные волны бушуют в Германии, Англии, Италии, даже в отсталой Испании, особенно в промышленной Каталонии, всюду, кроме Франции.

Решение социального вопроса—настоятельнейшая проблема современности, перед которой отступили на задний план все другие задачи человечества. Здесь нет места и нет времени разбирать этот сложный вопрос, ограничусь только некоторыми замечаниями, параллелями с Римом.

Прежде всего этот вопрос может быть разрешен только в международном масштабе, ибо человечество и теперь уже представляет из себя одно целое, достаточно связанное экономическими и культурными взаимодействиями; разрешение этого вопроса тесно связано с разрешением проблемы международных отношений; изолированное решение невыгодно.

Затем разрешение этого вопроса тесно связано с проблемой города и деревни, настолько тесно, что талантливый автор „Путешествия моего брата Алексея в страну крестьянской утопии“. Москва (Гос. Издат. 1921) считает, что эта проблема может быть разрешена только разрушением городов (противоположное решение было предложено Валерием Брюсовым, который в драме „Земля“ изобразил все человечество живущим в одном гигантском городе). Противоположность интересов города и деревни давно уже играет важную роль в политике. Богатая деревенская Франция, задавившая городскую коммуны 1871 г. является сейчас центром социального консерватизма. Ротация двух партий в англосаксонских странах, их поочередное нахождение у власти выражает только противоположность интересов города и деревни. Тори в Англии, демократы в Америке представляют аграрные интересы, виги и республиканцы—городские. Теперь под угрожающим давлением социальной революции мы видим в Англии слияние этих двух партий, существовавших века, в одну¹⁾. Противоположность города и деревни

¹⁾ Именно в деревне австрийский социал демократ О. Бауэр видит препятствие для социальной революции. Вожди русского пролетариата хорошо сознали эту проблему. Советская конституция прямо устанавливает диктатуру пролетариата, давая городским жителям в 5 раз больше избирательных прав, чем деревенским. Об этой диктатуре весьма поучительные соображения можно почерпнуть в кн. Л. Троцкого „Коммунизм и терроризм“, где у него эта диктатура развивается в стройную систему, политическую и экономическую, с защитой принудительного труда, широко практиковавшегося в прежние эпохи.

отступает перед классовой противоположностью, однако не исчезает совершенно. То же самое происходит и в других странах. Между консерватизмом и либерализмом нет качественного логического различия, и давно уже один итальянский синдикалист заметил, что либерал, это только умный консерватор.

То же самое происходило в Римской Империи: демократическая партия, партия Гракхов, Мария и Цезаря, бывшая при республике революционной, достигнув власти, быстро становится консервативной. Август, ставши императором, ни о чем так не думает, как о поддержании старых традиций, старых нравов. Смотри об этом подробности у Ферреро.

С другой стороны мы видим, что рабочий класс раскалывается. Такой раскол задолго еще был предсказан Джеком Лондоном в его замечательном романе „Железная пята“, где художник силой своего художественного гения предвосхитил целый ряд научных теорий и реальных фактов (там замечательно ярко изображена фаза „финансового капитала“, установленная Гильфердингом). В связи с таким расколом возникают брожение, новые течения в международном социализме, напр, „гильдейский социализм“, вызвавший резкую критику К. Радека в „Коммунистическом Интернационале“.

Такой раскол во многом объясняется участием некоторых рабочих элементов в экономических прибылях империализма и колониальной политики. Как раз перед войной германский социал демократ Гильдебрандт выступил с защитой колониальной политики.

Наконец, другая противоположность намечается в современном социальном движении, противоположность между Востоком и Западом. Коммунистическая революция, откатившаяся от Варшавы, одерживает блестящие победы в Армении и Грузии. Восток оказывается более восприимчивым к идеям социальной революции, чем Запад. Это понятно. На Востоке сохранилось гораздо больше элементов трибального коммунизма, чем на Западе. И эта противоположность между Востоком и Западом уже сыграла свою роль в первые века нашей эры; она легла в основу разделения Империи на Западную и Восточную, она лежала в основе большей долговечности Восточной Империи, пережившей Западную на целое столетие.

Эта противоположность особенно резко выражена между двумя крайностями—индивидуалистической Англией и Россией, которую отделяет от нее всемогущество государства, община, социальная революция. Германия находится посредине. Антагонизм между Россией и Англией обусловлен не только географически, и по всему в будущем нужно ждать усиления такого векового антагонизма. И сейчас положение, как при Николае I: Франция и Англия (с Италией) против России.

Время Римской Империи может быть более всего замечательно в идейном отношении; оно не было временем творческой юности человечества, когда сами собой творятся и накапливаются самые разнообразнейшие культурные приобретения (Эллада); это было время культурной зрелости, время подведения культурных итогов, создания единого стиля человеческой культуры. Это было время создания единой стройной и прочной общеевропейской идеологии, христианства, на многие века потом воцарившегося, в Европе. Теперь мы хорошо знаем процесс развития христианства и его закономерность. Мы знаем, что оно прежде всего было формой демократизации религии. Оно соответствовало и социальным устремлениям масс, их эгалитарным стремлениям (в апостольские времена существовал коммунизм, хотя, кажется, самый примитивный коммунизм потребления, и из истории Анании и Сапфиры мы знаем, как строго наказывались отступления от него). Он соответствовал и психологии народных масс своим духом смирения, покорности судьбе, даже некоторой житейской беспечности (взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец Ваш небесный питает их. Мтѳ 6,26). Но всего более понятно и близко было массам самое содержание религиозных догматов христианства. Религия служила для них прибежищем в страдании, ей нужен был близкий человеческий страдающий Бог; вечно блаженные олимпийские боги не могли их удовлетворять.

И ранее в Греции демократическое движение времени, религия Диониса, вылилась в те же формы поклонения страдающему богу, ставшему человеком. Возможно, что и буддизм аналогичным мотивам был обязан своим распространением.

С другой стороны христианство было формой освобождения религии от национальной исключительности, ее всечеловеческой интернациональной формой. Мировой империи должна была соответствовать мировая религия, единому государству и единая религия. Эта единая религия также возникла путем поглощения национальных религий, как мировая держава путем поглощения национальных государств.

Христианство сложилось, как взаимодействие иудейского и эллинского религиозного сознания, как своеобразное сочетание Востока и Запада. Этому слиянию предшествовала долгая эволюция обоих элементов.

Иудейская религия сильно эволюционировала во время своего долгого существования, и как раз во время возникновения христианства представляла формы наиболее близкие христианству, чтобы в дальнейшем талмудическом периоде удалиться от него.

Начавшись с обыкновенного политеизма (Элогим—одно из обозначений Божества есть множественное число от елоа „тот, кого

боятся“) оно вылилось в форму племенного монотеизма с резко выраженным формалистическим морализмом, которые отразились в „Пятокнижии“. В религии пророков мы видим углубление и уточнение религиозного чувства и усиление его моральной основы. В ветхозаветных апокалипсах видим мы появление апокалиптических и мистических чаяний; во всей религии видим рост веры в бессмертие и в воскресение, первоначально чуждой еврейству. (Смотри об этом проф. П. Страхов. Воскресение Москва 1916 Renan. Histoire du peuple d'Israel 3 v 1887—1894). Наконец, в эссеистике, в учениях Гиллея и Гамалиила, современных возникновению христианства, видим мы моральные доктрины, весьма близкие к христианским. Напротив того, позднейший талмуд является возвратом к формальному морализму Пятокнижия.

Таким образом иудейская религия особенно некоторыми своими струями в своем развитии предваряла христианство и шла некоторое время к христианству, чтобы потом отклониться от этого устремления.

Подобному же развитию подверглось и античное мировоззрение, и такой самостоятельной эволюцией античной мысли в христианском направлении была вся античная философия. Начавшись с натурализма первых ионийских философов, натурализма, отражавшего первоначальный гилозоизм мировоззрения и первоначальный политеизм верования греческая философия быстро развивается в направлении христианских догматов. Некоторое время она проходит пантеистическую стадию (элеаты, Анаксагор, пифагореизм, Платон) но уже Аристотель резко вырабатывает концепцию Божества, трансцедентного миру. Если стоическая философия представляет из себя некоторый обратный уклон к пантеизму, то с другой стороны она резко подчеркивает характер Божественного Начала, как провидения (*πρόνοια*), приближаясь этим к христианским взглядам в такой же мере, как своим морализмом и пессимизмом. Наконец в системах Филона и Плотина мы имеем перед собой появление даже христианской метафизики.

То же самое было и в чисто религиозной области. Я уже говорил о религии Диониса. Все вообще религиозное развитие шло в направлении христианства, и все соперники христианства, будь это проповедь Аполония Тианского, как она изображена в романе Филострата, будь это религия Митры, только предваряли христианство. Предварял христианство и тот религиозный синкретизм, который долгое время господствовал в Риме. Походила на христианство и та форма солнечного монотеизма, которую хотел установить император Юлиан. Его попытка установления натуралистического монотеизма оказалась не по плечу его времени, и он завещал ее грядущим векам.

Аналогичные процессы происходят и в настоящее время. И теперь имеются признаки совершающегося грандиозного всемирно-исторического синтеза, строящейся идеологии всего человечества и всех людей.

Твердыня теократической идеологии Средних Веков, объединявшая всех людей в одном порыве, в одном чувстве, в одной мысли, создавшая единый стиль культуры, распалась. Наша теперешняя умственная жизнь свободна, но она анархична, разнообразна, но бессильна. Личное творчество выявляется вполне, и потому наша культура интересна и напряженна; она быстро прогрессирует, увеличивается в объеме путем постоянных личных вкладов. Но в ней нет места для грандиозного и стильного коллективного творчества прежних веков, возможных только на почве единого мировоззрения, единой идеологии, спаивавшей людей в одно творческое целое. Нам не создать ни готических соборов, ни поэм Гомера, нам не создать даже греческих трагедий, где личное в обрисовке характеров и ситуаций соединяется с одним и тем же религиозно-философским мирозерцанием, делающим из них части одного грандиозного целого. Наша культура не грандиозна, она пошла, и башня Эйфеля является ее достойным символом.

Давно уже Ог. Конт порицал анархию современной мысли и указывал на необходимость создания на основах позитивной науки синтеза, столь же мощного, как средневековый.

Но синтез должен быть всеобъемлющим, и одной науки мало для такого синтеза. Наука, заметил известный математик и философ Пуанкаре, дает только изъяснительные наклонения. Между тем жизнь есть действие, а для действия необходимы повелительные наклонения, которых не может создать наука. Для этого необходимы религиозно-философские элементы мирозерцания, которые одни только могут оправдать оценки и создать повеления.

Даже мыслители, чуждые традиционной религии, признают необходимость религии. Так, Луначарский подчеркивает религиозный характер социализма в своей книге „Религия и социализм“.

Мартов на съезде независимых в Галле в 1920 году заявил, что устремления масс к социализму носят религиозный характер.

В самом деле, великое может совершать только энтузиазм, только вдохновение, без него мы погружаемся в тину грубого материализма, чисто плотской животной жизни, мельчаем и вырождаемся, энтузиазм является биологически ценным и необходимым. Являясь высшим напряжением жизненной энергии, он поддерживает и сохраняет жизнь. Энтузиазм порождается идеей, чем возвышеннее идея, тем сильнее энтузиазм, и тем больше его биологическое значение. Если чтонибудь спасет человечество от усталости

и вырождения, то это какая нибудь великая идея и энтузиазм ею порожденный.

Широкая демократизация культуры в наше время открывает простор для такого энтузиазма идей, делает возможной широкую „культуру энтузиазма“, которой должна быть культура будущего, если она хочет быть здоровой культурой и вести к сохранению, а не к вырождению человеческого вида.

Если теперь *несколько* более оптимистически смотрю на будущее человечества, то *только* потому что надеюсь, что человечество спасет от вырождения эта новая идеология ¹⁾. В этом пункте и, кажется, только в этом пункте произошла эволюция моих взглядов за 15 лет, и теперь, убедившись в их прочности, я могу со спокойной совестью пропагандировать их.

Таким образом сама наука с неизбежными для науки и вытекающим из самого существа ее материалистически-биологическим взглядом на все явления, приходит к оправданию и признанию необходимости религиозно-философского идеализма и энтузиазма.

Такой же встречный процесс совершается и в религиозной сфере. Религия переживает сейчас глубокий кризис, корни которого уходят очень далеко в самые разнообразные сферы жизни. Религия находится в разладе с наукой, в разладе с жизнью, она не соответствует более той ступени развития, на которой находится человечество. Религия должна охватывать все стороны жизни, удовлетворять все запросы духа, разрешать все противоречия существования. Этого больше нет. Религия находится в противоречии с наукой, против нее восстает тот самый разум, который должен ее поддерживать. В религии оказывается много противного разуму. *Credo quia absurdum*, изречение, возможное во времена Тертуллиана, теперь психологически невозможно. Теперь в человеке настолько обострились познавательные запросы, язык рассудка, что именно на нем в первую очередь должна говорить религия. Глубокий взгляд Лессинга на религию, как на воспитание человеческого рода высказывает с одной стороны вечность религии, ибо всегда для своего совершенствования и сохранения человечество будет нуждаться в священном огне великих идей, с другой стороны оно высказывает необходимость их эволюции, их роста вместе с ростом самого человечества. Религия исторична, она является фактором исторического прогресса, но она сама является исторической ценностью и подлежит законам роста и изменения.

Религия вступает в конфликт с наукой, из этого конфликта возникает философия. С этой точки зрения можно так же рассмат-

¹⁾ В статье, напечатанной в „Мире Божьем“ за 1907 год, В. К. Агафонов выражает надежду на половой отбор, как на спасение от вырождения. Но ведь вырождающие факторы одинаково действуют и на мужчину и на женщину.

ивать развитие новой философии, как мы уже рассматривали развитие древней.

В этом развитии можно заметить целые ритмы последовательного приближения и удаления от исторической религии. Натурфилософия Ренессанса удалилась от религии. Философия Декарта была попыткой соединить механическое понимание природы, данное Ренессансом, с теологической метафизикой. Спиноза был удалением от христианства, Лейбниц приближением к нему. Те же ритмы заметны и в позднее время, но дело усложняется появлением новых религиозных влияний, напр. индийских, которые особенно резко выступили с одной стороны в Шопенгауэре и его школе: Гартмане, Банзене, Майнлендере и др. с другой стороны в теософическом направлении. Так как узел проблем только завязывается, то и философия далека от их разрешения, а значит и от своего завершения, но она резко ставит свою задачу дать всемирно исторический синтез, снова охватывающий все стороны жизни, создать новую идеологию, которая отвечает на все запросы ее. Соответственно с ростом знания и разума и религия опознается нами, как сложившаяся и завершившаяся философия, а философия, как еще не сложившаяся и незавершенная религия. Таким образом росту культуры должен соответствовать и рост религии, углубление и утончение ее содержания. Эту первую задачу можно было бы назвать гармонизацией религии, приведением ее в связь с современной культурой.

Другая задача встает перед религией. Это ее универсализация. Человечество стало теперь единым целым и как раз пережитая мировая война, в которой принимали участие все 5 частей света, а театром которой были 4, доказали это. Гром пушек у Гельго-ланда, Фальклендских островов и Киаочау возвестил, что начинается новая эпоха мировой истории—борьба за океаны, а кровь пролитая на берегах Вислы и Мааса, Евфрата и Ниассы спаяла все человечество в одно единое, хотя и бушующее целое. Мы не должны забывать, что мы живем в эпоху воздухоплавания, когда границы государств и народов начинают терять свое значение.

В этот период острую актуальность получают глубочайшие, еще достаточно не оцененные мысли Гете о „мировой религии“.

Притча о трех кольцах, рассказанная Петраркой с игривым изяществом Ренессанса и повторенная Лессингом с глубокомыслием Просвещения и сейчас не утратила своего значения. Мы пожалуй бы теперь прибавили и четвертое кольцо—буддийское.

Философия ясно видит и когданибудь выявит миру, что на историческими религиями, носящими всегда национальный или коллективно национальный характер, возвышается „вечная религия“, религия всего человеческого вида, которая учит нас быть уверен-

ным в Высшем начале, любить мир, людей и нравственность, надеяться на исключительно высокое космическое назначение человека ¹⁾).

В этом пожалуй философское абстрактно-логическое содержание всех религий, передающих отвлеченные истины разума в конкретной временной форме, действующей на чувство и фантазию и доступной для масс.

По мере культурного роста масс будет изменяться и самая форма религии, а по мере роста человеческого единства религии будут освобождаться от своего исторического национального или коллективно национального содержания и вливаться в эту „вечную религию человеческого рода“.

Такой процесс будет сложным процессом религиозного синкретизма, законы которого мы можем изучать по древнему миру. Процесс этот будет очень долгий и сложный и будет до точности соответствовать всему сложному периоду мирового раздела и разрешения социального вопроса, который теперь наступил. Национальные религии будут существовать еще очень долго, так долго, как долго будет соперничество народов, ибо они являются вернейшими опорами народов в их жизненной борьбе, что ясно видно из судьбы еврейского народа, отчасти именно своей религии обязанного своей удивительной исторической стойкостью и жизнеупорностью. С прекращением такого соперничества сотрутся и различия между религиями и все больше выявится эта единая „вечная“ религия.

Но на скорое прекращение такого соперничества рассчитывать нельзя. Мы вступили в долгий период мирового соперничества народов и находимся в самом начале этого периода, который будет гораздо более длителен, чем соответственный период древнего мира. Мы находимся приблизительно в момент соответствующий борьбе Кароагена с Римом.

Мировая борьба на этот раз окончилась победой Кароагена — Англии, сразу, как в австрийской шахматной игре, победившей и врага (Германию) и союзника (Россию). Однако пока Россия вовсе не так плохо кончила мировую войну с точки зрения международных отношений, как это обыкновенно думают. Потери иноплемен-

¹⁾ В свете этого учения будущее человечество должно представляться двойко: или человечество выродится или оно сыграет высокую космическую роль, и тогда надежда на эту космическую роль предохранит человечество от вырождения.

Только такая бодрящая идеология может спасти человечество от вырождения. С этим соединяется у меня учение о „мировых эрах“ или „мировых периодах“. Что не удастся в одном мировом эре, то может удастся в другом. Но это должно послужит темой особого сочинения: „Мир, как предмет искусства“.

ных территорий на Западе для России не страшна при громадности ее размера, а восстановление Польши может оказаться даже для России выгодным. Будущее России на Востоке, а там ее позиции почти непоколеблены даже грандиозными социальными потрясениями, которые мы переживаем.

Зато Россия теперь надолго, а, может быть, навсегда обезопасена от Германии, равно как само географическое положение России обезпечивает ее со стороны Англии (но не Франции и ее союзников). Во всяком случае Германия пострадала гораздо серьезнее. Страшным для России было бы выступление желтой расы напр. Китая под культурным руководством Японии. Вот такое наступление могло бы повторить для русской и европейской культуры времена Алариха и Аттилы. Однако пока шансов для такого наступления, предсказываемого Вл. Соловьевым, не много; мировой конфликт желтой расы с белой идет в другом направлении—в направлении берегов Тихого Океана и приводит к трениям с Америкой.

Россия, страшно пострадавшая в экономическом и культурном отношении, надолго вышла из активного участия в мировой борьбе.

Однако, если бы такая мировая борьба возобновилась, то Германия была бы только секундантом в нашей борьбе против Англии. Зажатый между Парижем, Прагой и Варшавой, Берлин утратил все шансы стать центром Старого Света. Или у Старого Света не будет центра или он будет там, где был указан еще старцем Филофеем, на ничтожном притоке Оки.

На этом я и кончаю свои параллели между современностью и римской эпохой.

В заключение должен с благоговейной памятью упомянуть М. М. Хвостова, под руководством которого 15 лет тому назад я писал эту студенческую работу и выразить благодарность Обществу Археологии, Истории и Этнографии, которое дало возможность ее напечатать.

23 апреля 1921.

Проф. Н. Васильев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ I историко-философская.

Стр.

Глава I. О разделении общественных наук	118
— II. Изменчивость человеческой природы	121
— III. Вырождение человечества	130
— IV. Деревня и город. Послесловие	138

ЧАСТЬ II историографическая 144

Глава I. Боссюэт	145
— II. Вико	147
— III. Монтескье	151
— IV. Гиббон	153
— V. Гердер	155
— VI. Гегель	156
— VII. Амедей Тьери	158
— VIII. Н. Schiller	162
— IX. Мериваль	164
— X. Дюрюи	165
— XI. Фюстель де Куланж	167
— XII. Эрнест Ренаи	171
— XIII. Ницше	173
— XIV. Зеек	175
— XV. Гревс	179
— XVI. Абрамовский	183
— XVII. Брейзиг	185
— XVIII. Петрушевский	187
— IX. Общие замечания относительно литературы вопроса	189

ЧАСТЬ III Историческая 197

Применение теории истощения народов к истории Римской Империи.

Симptom I. Приостановка прироста населения	199
— II. Замена античной крови германскою	202
— III. Нравы и апатия высших классов	204
— IV. Упадок военного дела	212
— V. Ненормальное развитие городской жизни	214
— VI. Нездоровое направление литературы и мысли	217
Общий вывод	223
Послесловие	223

ХРОНИКА.

Несчастен был для Общества Археологии, Истории и Этнографии 1918 год, когда оно, в связи с чехо-словацкими событиями в Казани лишилось почти всего своего Совета и части текущего архива. Не счастливее начался для Общества 1921-й год. В течение первых 2½ месяцев оно понесло ряд утрат в лице своих видных действительных членов: Архангельского, Бобровникова, Петровского, Тюшнякова.

Профессор русской истории П. Г. Архангельский скончался 5 января от сыпного тифа. Такой смерти он ожидал еще за год до того, когда в Казани развилась эпидемия тифа, и тогда уже решил отказать Обществу Археологии рукописи своих не напечатанных статей с тем, чтобы Общество издало те из них, какие оно сочтет нужным и возможным опубликовать. Общество для разборки рукописей избрало особую комиссию.

Скончавшийся 3 февраля от воспаления легких Н. А. Бобровников состоял членом Общества с 1900 года. Но только в последнее время он принял активное участие в его жизни путем чтения докладов и работ в востоковедной комиссии, которая была образована по его инициативе и которой он был председателем. В течение 1919 года он был товарищем председателя Совета Общества и несколько месяцев исполнял председательские обязанности. В этот период он развил энергичную деятельность по исследованию края в этнографическом и археологическом отношениях и в защите памятников древности.

Пожизненный член Общества Н. М. Петровский, умерший 6 февраля тоже от воспаления легких, работал в нем с 1897 г. в качестве не только рядового члена, но и члена Совета. За это время им прочитан ряд докладов и напечатано в „Известиях“ Общества свыше 20 работ.

Неожиданно покончивший расчеты с жизнью самый молодой по возрасту и по пребыванию в Обществе член его И. В. Тюшняков, угоревший в ночь на 17 марта, обещал быть полезным работником его, как специалист по географии и этнографии, и не далее как 13 марта он прочел в Обществе интересный доклад, посвященный памяти Н. М. Ядринцева, по случаю 25-летия со дня кончины последнего.

Память всех почивших членов своих Общество отмечало характеристикой их деятельности на пользу науки и Общества. Проф. Архангельскому было посвящено заседание 16 января, на котором

оценку его личности и научных работ сделали: проф. Б. Ф. Адлер, В. В. Бургсдорф—Овчинникова, проф. Б. Н. Вишневский, проф. Б. П. Денике.

20 февраля в общем собрании Общества Н. В. Никольским охарактеризованы были отношения к Обществу и педагогическая деятельность Н. А. Бобровникова, б. директора инородческой учительской семинарии в Казани и б. попечителя Оренбургского учебного округа. 27 февраля устроено было в память проф. Н. М. Петровского торжественное заседание историко-филологического факультета университета с участием Обществ Археологии и Пушкинского, которого председателем в 1916—1918 гг. был почивший. На этом заседании декан факультета С. П. Шестаков охарактеризовал кратко проф. Петровского как ученого и преподавателя. Проф. А. М. Селищев дал подробный и обстоятельный очерк научной литературной и общественной деятельности почившего и портрет его, как человека. К. В. Харлампович выяснил отношение его к Обществу Археологии, Истории и Этнографии, Б. Н. Скворцов—к Пушкинскому. В речи „Н. М. Петровский в мире поэзии“ И. А. Соколов говорил о нем как оригинальном поэте и как переводчике стихотворений славянских поэтов. В заключение проф. Б. Ф. Адлер, директор Центрального музея, представил его как любителя и знатока книги и как библиотекаря музея (в 1919 г.). Речь Б. Н. Скворцова печатается ниже.

Н. М. Петровский

в роли председателя Пушкинского Общества¹⁾.

15 мая 1916 года покойный Н. М. Петровский был избран председателем возродившегося после 10-летней летаргии общества Любителей Русской Словесности в память А. С. Пушкина при Казанском Университете. С этого момента начинается его по истине героическое служение Пушкинскому Обществу, причем желание оживить его, поднять его работу до степени работы других ученых обществ, существующих при Казанском Университете, заставляло покойного председателя зачастую выполнять функции далеко не председательские, вплоть до самых обычных канцелярских.

Благодаря этим самоотверженным усилиям и несмотря на все неблагоприятные для жизни ученых обществ условия русской действительности, Пушкинское общество возродилось к жизни, быстро

¹⁾ Речь, произнесенная на публичном заседании Историко-филологического факультета совместно с Обществом Археологии, Истории и Этнографии и Пушкинским Обществом 27 февраля 1921 года.

вошли равноправным членом в семью научных университетских обществ и стало привлекать на свои заседания многочисленную публику. В остававшуюся половину 1916 года, помимо советских заседаний, было устроено четыре общих собрания, где читались и обсуждались научные сообщения членов общества общим числом 14; в 1917 году таких общих собраний было проведено пять, с 14 же научными сообщениями, и семь заседаний Совета; столь экстраординарный для Казани 1918 год был ознаменован пятью общими собраниями, где было заслушано и обсуждено 10 научных сообщений, и пятью же заседаниями Совета. Не будет преувеличением признать эти цифры достаточно высокими, принимая во внимание указанную выше ненормальность общей обстановки и, сравнительно, ограниченное в Казани число лиц, интересующихся вопросами литературы и языка.

Деятельность покойного председателя Пушкинского общества проявлялась:

1) в общем руководстве ходом занятий общества и работами Совета (в частности—в переработке устава 1899 г.), в председательствовании на годичных и общих собраниях общества.

2) в выступлениях на собраниях общества с научными сообщениями и в обсуждении таковых сообщений других действительных членов Общества.

3) в руководстве делопроизводством общества.

Если мы просмотрим протоколы заседаний Совета Пушкинского общества, то увидим, что инициатива почти во всех мероприятиях Совета, как крупных, так и мелких, неизменно исходила от одного Нестора Мемновича. Он намечает повестку ближайших общих собраний, ведет переговоры с докладчиками, возбуждает вопросы административного и хозяйственного характера, предлагает к избранию в действительные члены новых лиц; от него же исходит инициатива—редких, впрочем—обращений к казанскому обществу (напр., относительно чествования памяти гр. А. К. Толстого). Мало того, даже пригласительные повестки на заседания Совета все (числом 16), за исключением одной, написаны его же рукой.

Из наиболее значительных мероприятий Совета, которыми он обязан своему председателю, отмечу переработку устава 1899 года и проект создания в Казани отделения Пушкинского дома.

Инициатива переработать уже значительно устаревший устав исходила опять-таки от самого Нестора Мемновича к сообщению своих соображений по поводу необходимых изменений старого устава он приглашал всех членов Пушкинского Общества, но никто, кроме самого председателя, не внес каких-либо деизидератов. Изме-

нения, произведенные Нестором Мемновичем в старом уставе и затем единогласно утвержденные и Советом Общества и общим собранием, отчасти носят стилистический характер, отчасти затрагивают те или иные параграфы устава по существу. Из изменений первого рода укажу, напр., на замену в § 18 слова „сих“ словом „этих“; изменение второго рода преследуют, по большей части, цели точности и определенности, качества, какими неизменно отличался покойный ученый и в своей частной, житейской обстановке к § 15 (об избрании новых действительных членов) Нестор Мемнович делает дополнение, что таковое избрание происходит по *письменному* заявлению не менее трех действительных членов Общества; определяет не указанный старым уставом размер производимых казначеем расходов (с разрешения председателя не свыше 25 руб. Совета—не свыше 100 руб. и свыше 100 руб. с разрешения Общего Собрания). К § 55 вносит весьма существенное в практическом отношении изменение, что казначей представляет Совету сведения о наличности сумм не за три месяца, а к каждому заседанию Совета.

На заседании Совета Общества от 7 февраля 1918 года Нестор Мемнович делает сообщение об организации в Казани при Пушкинском Обществе отделения Пушкинского Дома, где могли бы сосредоточиваться рукописи и др. ценные документы, относящиеся к нашим писателям. 8 марта 1918 года это предложение председателя единогласно принимается Общим Собранием, и Нестор Мемнович собственноручно составляет письма в Российскую Академию Наук с просьбой разрешить именоваться вновь организуемому хранилищу Отделением Пушкинского Дома при условии представления в Академию ежегодных отчетов о деятельности хранилища. Второе письмо Нестор Мемнович пишет директору Музея Отечества, где он просит об отводе одного из шкафов Музея для помещения имеющих поступать в проектируемое учреждение рукописей, книг и предметов.

Заботясь о пополнении Общества новыми членами, Нестор Мемнович вносит предложение об избрании в действительные члены г.г.: А. Е. Котомкина-Савиновского, М. И. Лопаткина, С. И. Любомудрова, А. А. Светлакова и прот. о. А. А. Воронцова.

Наряду с этими, столь существенными для Общества, начинаниями, Нестор Мемнович не забывает и таких мелочей, как возмещение секретарю Общества понесенных им на почтовые нужды расходов в размере 35 коп. или предпраздничных наград служащим в размере одного-двух рублей.

Всем, посещавшим заседания Пушкинского Общества, конечно, хорошо известна и та роль, которую выполнял покойный, председательствуя на годичных и общих собраниях. Он отличался редким

уменьем кратко, точно и выпукло резюмировать сущность высказываемых суждений, вести прения всегда в области данного, затронутого вопроса, не позволяя принимать личный, мелочной характер и решительно пресекая попытки свести обсуждение к шаткой и летучей злобе дня. Без преувеличения можно сказать, что в данном отношении покойный был одним из самых умелых и искусных руководителей, какими когда-либо обладали существовавшие и существующие при Казанском Университете ученые общества.

Привлекая в Общество новые, молодые силы порою даже предлагая им те или иные заседания для их выступлений, Нестор Мемнович и сам принимал живейшее участие в научной работе Пушкинского Общества. На заседании 18, IX, 16 г. посвященном чествованию памяти Г. Р. Державина по случаю незадолго до того исполнившегося столетия его кончины, Нестор Мемнович выступает с сообщением о деятельности Державина, как основателя первой русской провинциальной газеты. Остальные научные сообщения Нестора Мемновича касались ближайшей его специальности славянских литератур; таков доклад о скончавшемся в августе 1916 г. словацком литераторе Св. Гурбане-Ваянском, сделанный в заседании Общества 16, X, 16 г. и затем напечатанный в „Вестнике Воспитания и Образования“ за 1916 г., с.с. 573—584. На годичном 1917 г. заседании Нестор Мемнович делает сообщение „о польском прототипе „Горе от ума“; в несколько измененном виде доклад этот, под заглавием „Грибоедов и Немцевич“ напечатан в „Русском Филологическом Вестнике“, №№ 1—2 за 1917 год. 12, V, 18 г. он делает сообщение под названием „Из новейшей чешской поэзии. Яр. Вохлицкий и его легенда о св. Прокопе“.

Надо ли добавлять, что все эти доклады отличались присущей покойному методичностью, цельностью и добросовестной обстоятельностью. Своим обычным, четким и звучным, голосом, шаг за шагом решает он поставленную себе задачу во всех подробностях и со всех возможных ее сторон.

Кроме того, редкий доклад в Обществе обходился без его ценных и компетентных указаний, делаемых им или в резюме обычного оппонирования докладчику.

Несомненное влияние интересов покойного сказалось на устройстве 16, IV, 17 г. особого заседания, посвященного чествованию памяти К. С. Аксакова, и 29, IX, 17 г.—чествованию гр. А. К. Толстого, вероятно, сказалось оно и на теме сообщения Л. В. Араимович („Крылов, Красницкий и Нарушевич“—8, III, 18 г.).

Мне остается теперь коснуться последней стороны деятельности почившего председателя: административно-канцелярской.

По § 43 Устава председатель общества „наблюдает за порядком делопроизводства“ для Нестора Мемновича свелось к тому, что он самоотверженно взял на себя чуть-ли не всю административно-канцелярскую работу. Стоит-ли уже и говорить тогда, что почти все протоколы заседаний, как Совета, так и общих собраний, составлялись лично им самим. Им был составлен напечатанный впоследствии весьма обстоятельный Отчет о деятельности общества за 1916 г., в виду, как говорится в отчете, сначала болезни, а затем отъезда в Москву секретаря Общества А. П. Машкина. Им составлены и два протокола заседаний Совета Общества за 1917 г.—и это уже при наличии его данных заседаниях. Возможно, что и остальные протоколы составлены самим же председателем, что с достоверностью установить пока невозможно, так как сохранились они лишь в напечатанном на машинке виде.

Мало того, Нестор Мемнович сам завел журналы входящих и исходящих, сам надписал их обложки и сам заполнял почти все их с начала и до конца.

Немудрено, что, при таком отношении к делу, председательствование в Пушкинском Обществе для покойного не могло оказаться делом легким, либо не отнимающим много времени. События 1918 года снова прервали жизнь возродившегося общества, и долгое время, казалось, не было на лицо минимума тех условий, при которых было бы возможно вторичное его возрождение. Все это так действовало на Нестора Мемновича, что он решил сложить с себя обязанности председателя Пушкинского Общества и 15, I, 19 г. подает в этом духе заявление секретарю Общества, прося о своем отказе довести до сведения Совета Общества.

В 1920 году Пушкинское Общество пробудилось от своей вторичной летаргии, с тем чтобы—надеемся—не засыпать уже более никогда. И если оно все жило и работало за эти тяжелые годы нашей действительности, если оно снова, пополнив свои силы и количественно и качественно, устраивает одно за другим публичные заседания—то этим оно обязано своему незабвенному председателю, отдыхающему теперь от всех забот и волнений, в том числе и связанных с Пушкинским Обществом—Нестору Мемновичу Петровскому.

Б. Скворцов.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

Должностные лица

Кафедра Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (с 1920 г.).

Председатель проф. Бруно Федорович Адлер (Ново-Горшечная, д. Кривоносова).

Заместитель председателя проф. Митрофан Васильевич Бречкевич, (Ново-Горшечная, д. Чиркиной).

Члены Совета: 1) проф. Николай Федорович Катанов (переулок Горшечный, д. Гурячкова), 2) проф. Константин Васильевич Попович (Поперечно-Горшечная ул., д. Знаменской), 3) проф. Алексей Максимович Мионов, 4) проф. Валентин Тихонович Дитяков, 5) проф. Сергей Евфимиевич Малов (2 Академич., собств. дом), 6) профессор Максимилианович Дульский (Н. Федоров., д. 65), 7) Борис Иванович Вишневецкий (Б.-Прол. „Бристоль“ № 26), 8) проф. Аркадий Иванович Емельянов, 9) Мих. Георг. Худяков (Б. Казан. ул.). Библиотекарь Борис Всеволодович Миллер.

Заместитель Яков Александрович Соколов.

Секретарь и редактор „Известий“ Николай Васильевич Никольский (Б.-Проломная ул., д. Кузнецова).

**Содержание книжек „Известий Общества Археологии, Истории
Этнографии при Казанском Университете“ составляют:**

- 1) Оригинальные и переводные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии;
- 2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней Азии и Сибири);
- 3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: мелкие оригинальные сообщения, акты, произведения народного творчества, словари инородческих языков и местных русских говоров, извлечения из периодических изданий Восточной России;
- 4) Хроника. Известия о музеях Восточной России, о находках, раскопках, об экспедициях археологических, археографических, антропологических и этнографических, о прочитанных в заседаниях русских ученых обществ рефератах имеющих отношение к Восточной России;
- 5) Программы по специальным вопросам археологии, истории и этнографии Восточной России: отдельные вопросы редакции;
- 6) Библиография: обзор книг и статей местных, общерусских и иностранных периодических изданий, имеющих отношение к археологии, истории, этнографии Восточной России.

В „Известиях“ принимают участие: Б. Ф. Адлер, Н. И. Ашмарин, М. Бречкевич, Н. А. Васильев, В. М. Васильев, Н. Ф. Высоцкий, Н. П. Грацианский, П. М. Дульский, А. И. Емельянов, Н. Ф. Катанов, Б. Н. Вишневский, С. Малов, И. С. Михеев, А. Г. Муравьев, Н. В. Никольский, В. И. Огородников, И. М. Покровский, С. И. Порфирьев, В. Ф. Смолин, А. М. Селищев, И. А. Стоянов, К. В. Харлампович, М. Г. Худяков, С. П. Шестаков и друг.

Статьи, присланные для помещения в „Известиях“, подлежат в случае надобности изменениям и сокращениям.

Действительные члены Общества, внесшие членский взнос в размере 25 р., и лица, помещающие свои статьи в каждом выпуске получают издание бесплатно.

Денежные суммы и статьи адресуются:

В г. Казань, Университет, Обществу Археологии, Истории
Этнографии.

Редактор **Н. Никольский.**

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете

Том XXXI.

Выпуск 4.

С о д е р ж а н и е:

А. М. Селищев. К изучению русских говоров Сибири. Стр. 1—6.

А. И. Емельянов. Языческое моление черемис Стр. 7—39.

С. Е. Малов Чувашско-рус. словарь Н. В. Никольского. Стр. 40.

С. И. Порфирьев К истории сборника болгарского памятника. Стр. 41—44. *ихъ надрисъ*

КАЗАНЬ.

1-я Государственная типография.

1922 г.

Извлечение из устава

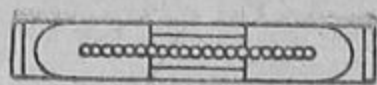
Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете.

§ 1. Общество Археологии, Истории и Этнографии, состоящее при Казанском Университете, имеет целью изучение вопросов археологии, истории и этнографии вообще, главным же образом, изучение прошедшего и настоящего русского населения в пределах русского государства и инородческого — в территории бывших Болгарско-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с прилегающими к ним местностями, а также Сибири и Средней Азии; а равно имеет целью распространение в русском обществе сведений по предметам изысканий Общества.

§ 2. С сею целью Общество отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения и материалы археологические, исторические и этнографические, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки.

§ 3. Общество входит в сношения с возможно большим числом лиц, от коих может ожидать нужных ему сведений и содействия.

§ 4. Общество само производит ученые исследования для собрания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экспедиции и выставки.

ИЗВЕСТИЯ

ОБЩЕСТВА

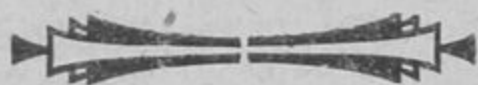
Археологии, Истории и Этнографии

П Р И

Казанском Университете.

ТОМ XXXI.

ВЫПУСК 4.

С о д е р ж а н и е:

А. М. Селищев. К изучению русских говоров Сибири. Стр. 1—6.

А. И. Емельянов. Языческое моление черемис. Стр. 7—39.

С. Е. Малов. Чувашско-рус. словарь Н. В. Никольского. Стр. 40.

С. И. Порфирьев К истории сборника болгарского памятника. Стр. 41—44.

нет надписи.

КАЗАНЬ.

1-я Государственная типография.

1921.

57

1962 г.

1965 г.

Печатано по определению Совета Общества Археологии,
Истории и Этнографии при Казанском Университете.

Секретарь *Н. Никольский.*

Декабрь 1921 г.

1945г. БИБЛИОТЕКА
НИИ Истории, Археологической
и Музейной работы

575/3.

~~Г. Инв. № 472~~
ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

К изучению русских говоров Сибири.

(По поводу издания диалектологической программы).

В этнографическом отношении Сибирь, с ее разнообразным этнолингвистическим составом, изучена лучше, чем области европейской России. Многочисленные научные экспедиции в Сибирь, предпринятые русскими и иностранными исследователями, дали в результате длинный ряд описаний бытовых сторон жизни сибирского населения. Но в этих трудах внимание исследователей было занято русским населением, а инородческим. На долю русского „старожилото“ населения Сибири выпадали лишь беглые, случайные заметки. Больше внимания уделялось быту русского населения в Сибири со стороны местных наблюдателей. В сибирских периодических изданиях можно встретить не мало записей песен, сказок, пословиц и описаний бытового уклада русского „старожила“ в Сибири. В изданиях Рус. Географического Общества („Вестник“, „Известия“, „Сборник“, „Записки“, „Живая Старина“) и в изданиях московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии („Труды Этногр. Отдела“, „Этнографическое Обозрение“) также охотно помещались изредка доставлявшиеся им этнографические материалы, относившиеся к Сибири.

В лингвистическом же отношении дело изучения Сибири обстоит гораздо хуже. Надлежащей научной разработки языков сибирского населения еще не производилось. Исключением являются тунгусская и самоедская группы: они подверглись тщательному анализу со стороны финских и отчасти мадьярских и русских ученых. Другие же языковые группы Сибири таким обследованием похвалиться не могут. В особенности мало сделано по отношению к тунгусской группе. Между тем, изучение ее, более или менее полное описание ее говоров и научный анализ собранного материала, имеют не только самостоятельное лингвистическое значение, но и большое значение и в том отношении, что помогло бы выяснению происхождения и развития языков бурятских, якутских, а также русских: весьма значительная часть тунгусов в течение последних 2 столетий сменила свой язык, усвоив язык или русский, или бурятский, или якутский;—но при этом произвела некоторые изменения в своем языке. Эта смена не прекратилась и до настоящего времени. Во всяком случае языковое взаимодействие представителей отдельных языковых групп в Сибири было значительное.

отражается, напр., в передвижке артикуляции в ряде согласных $s-\check{s}-h-[h]$, представляемой группами тунгусской, монголо-бурятской и якутской. В частности, в якутском языке $s \rightarrow h$ — явление новое, обнаружившееся в говоре некоторых якутов ок. 50-х гг. прошлого столетия ¹⁾. Гораздо шире и глубже отразился на звуковом составе процесс изменения в ряде согласных $s-\acute{s}-\check{s}-h-[h]$ в языковых группах монголо-бурятской и особенно тунгусской ²⁾. Менее распространены $s-\check{s}$, $z-\check{z}$, шепелявые $\acute{s}-\acute{z}$ знают также русские говоры на севере и востоке Сибири ³⁾. Изучающему ту или иную языковую группу необходимо считаться с результатом язычных взаимодействий. Языковое взаимодействие русских и инородцев в Сибири отражается в 2-х направлениях. 1) Инородческие группы через стадию двуязычия переходят к одноязычию, — к русскому языку. Русская речь этих носителей ее могла повлиять на соседние говоры русского происхождения населения. Поучительна в этом отношении судьба говоров старообрядцев в Забайкалье, в Верхнеудинском уезде южновеликорусов по своему происхождению: в течение жизни в Забайкалье (с 50-х—60-х гг. XVIII столетия) они восприняли от русских „сибиряков“ много черт их говора ⁴⁾. 2) Изолированные русские группы утратили русский язык, восприняв в течение времени иной язык. Это происходит в Якутском и Вилюйском округах. Многие из тамошних русских, в особенности в деревнях, удаленных от тракта, не знают другого языка, кроме якутского. Втягиваясь постепенно в якутскую сферу влияния, русское население в ряде поколений втянулось и в язык якутов, как обиходный ⁵⁾. Уже в первый год своего поселения в Якутской области русские, приходя в постоянные взаимоотношения с якутами, уснащают свою речь якутскими словами и оборотами, а русские слова изменяют соответственно якутским конструкциям. Ср. наприм., такой случайный отрывок речи русского, раздраженного обманом хитрого якута

1) O. Böhlingk. Jakut. Grammatik. 158—159. (III т. Middendorff's „Sibirische Reise“. SPb. 1851).

2) А. Руднев. Материалы по говорам вост. Монголии. СПб. 1911. Его же. Хори-бурятский говор. Пггр. 1913—1914. G. J. Ramstedt. Über die konjugation d. Khalkha-Mongolischen. Helsingf. 1902. Библиографическое указание по изучению тунгусского языка см. в статье В. Л. Котвича: „Материалы для изучения тунгусских наречий“ („Жив. Старина“, 1902 г., в. II—III).

3) А. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. I. Ирк. 1921. 58—64.

4) А. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Ирк. 1920. Гл. III. Стр. 44—60.

5) Кларк. Вилюйск и его округ. Из „Зап. Сибир. Отд. Р. Г. О.“ 1864 г., кн. VII, стр. 36. И. Гамов. Очерки далекой Сибири. Гомель. 1894, стр. 49—50. Заметка о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. (Памятная книжка Якут. области на 1896 г. Вып. I. Якутск. 1895. Стр. 110—111). И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб. 1919—20. П. М. Головачев. Взаимное влияние русского и инородческого населения в Сибири („Землеведение“, 1902 г., кн. II—III, стр. 65—66).

энь, такой-сякой, постоянно албын! Я тебе за албын улахан коло-тушка берем!... а не то симбирь ыт колоти було“¹⁾. И не только русские поддаются такому воздействию со стороны якутов, но и другие группы, немногочисленные в своем составе и изолированные. Такая же судьба постигает и некоторых носителей польского языка²⁾. Таким образом, исследователю русского языка в Сибири непременно следует иметь ввиду иноязычный элемент: ряд черт русско-сибирских говоров возник вследствие иноязычного влияния. Напр.: слабосмычный bw или wb (wb oda, dwb a...), мягкие ċ (или ċs —чс) —dž (или džz —джз) вм. мягких t'—d' (čeło, čača, džęło...), передвижка в ряде s—š, z—ž (šam или šs am, šобака или šs обака, posoċ—posoц или posol); м. б. шепелявые ś—ź; изменения в образовании плавных: j вм. l, r; плавный rĭ; м. б. š вм. ч и нек. др. Иноязычный элемент отражается и на формах и на синтаксисе. В частности, по отношению к русскому языку в Якутской области сообщение, сделанное мне моим слушателем в Иркутском университете Ксенофоновым, якутом родом, указало на значительное изменение русских форм и синтаксических конструкций,—изменение, состоящее в приравнении их к формам и строю якутского языка. Еще легче входил в состав русского говоренья иноязычный словарный материал.

Крайне скудные сведения о русских говорах Сибири побудили профессора Томского университета А. Григорьева издать „Программу для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка в Сибири. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры“³⁾. По поводу содержания программы имеется следующее замечание проф. Григорьева: „Эта программа в своей основе является программой, составленной Московской Диалектологической Комиссией, состоящей при Академии Наук, вып. 2. (Русский Филологич. Вестник 1911). В ней мною сделаны только необходимые для Сибири изменения и добавления“. Но не только „в своей основе“, но и во всех деталях она является программой Московской Д. Комиссии. Проще говоря, она представляет собою перепечатку программы Московской Комиссии. Добавления, сделанные профессором Григорьевым, совсем ничтожны. Они состоят в следующем. В пункте 84-м добавлены 2 слова: „положить, сложили“. Затем присоединены новые 3 несущественных пункта: „85. Как произносится у Вас местоимение *что*? Какие имена мужского и женского родов имеют именит. падеж множ. числа на *a* вопреки литературному языку; напр.: *выбора*,

¹⁾ Заметка о влиянии уголовных ссыльных на якутское население (Памят. книжка Якут. области на 1896 г. I. Стр. 91—92).

²⁾ Гамов. Очерки далекой Сибири. 50.

³⁾ Оттиск из „Известий Томского Университета“. Томск. 1919.

ветра, податя и т. д.? 87. Не говорят ли у Вас: каво делать, каво говорить и т. д. (вм. что делать, что говорить), кем надетца (вм. чем покрыться) и т. п.?" И наконец последние строчки: „Укажите, не изменяется ли в чем-нибудь говор старожилов под влиянием переселенцев, или обратно, не отличается ли говор молодежи от говора старшего поколения, а если изменяется или отличается, то в чем именно. В каких еще селениях слышится такой говор, как в Вашем селении?“—Вот и все отличия от московской программы. Конечно, назвать это „необходимыми для Сибири изменениями и добавлениями“—значит обнаружить недостаточное внимание к изучаемой области. То, что наиболее интересно в говорах Сибири, опущено в программе, изданной проф. Григорьевым. Между тем, многое из этого опущенного занимает обширные районы в Сибири. Отметим несколько пунктов, которые должны быть в диалектологической программе для Сибири.

1) Отверждение мягких согласных: мэд, робэнок, [в]со, сэрко, васка (вязка), сыдыте. Гласный средняго ряда ä вм. ö или ó после отвердевшего согласного: увэз, мэд... Совпадение гласных *ы* и *и* в одном гласном *и*, перед которым согласный тверд, или мена *и* и *ы*.—Такие черты представляют говоры на северо-востоке Сибири: на Индигирке (Русское Устье, в 80 верстах от Ледовитого океана), на Колыме, Анадыре, а также на Камчатке.

2) Судьба плавных *l*, *l'*, *ḷ*, *ḷ'*: 1) Замена велярного *l* посредством „средняго“ *l* перед гласными заднего ряда и перед *ы*,—черта многих говоров Сибири. 2) Отверждение *ḷ'*; его образование: более энергичные и более задние вибрации языка. 3) *j* вм. *l*, *l'* („сладкоязычие“—„сјаткоязыцие“). 4) Плавный *rḷ*. Все эти изменения плавных встречаются в говорах Сибири.

3) Наличие согласного слабосмычного *b*(б): *wb* или *bw* вм. *v*(в) или *w*. Такой согласный отмечен мною в говорах к северу от Иркутска. Известен он и на сев.-востоке Сибири: на Колыме, на Анадыре.

4) *ш* вм. *ч*: шашка (чашка), шасы, шулки. Такое явление представлено в говорах Томской, Иркутской губ. и, м. б., в других областях. *ш* вм. *ч* отмечено мною в говоре „ясачных“ села Баяндай (Верхоленского у.).

5) Изменения в ряде согласных *š*—*s*, *ž*—*z*: их взаимная мена или утрата *š*, *ž*.—шам, шобака, жубы, суба, посол; вм. *s*, *z* могут быть также согласные *šs* или *sš*, *žz* или *zž*. По говорам совсем утрачены *š*, *ž*: *š*—>*s*, *ž*—>*z*. Эти изменения в области согласных *š*—*s*, *ž*—*z* охватил и охватывают очень обширные районы: с северо-запада, от Оби, на северо-восток, до берегов Охотского моря и на юго-восток, в южное Забайкалье, простираются волны передвижки

ряде согласных $\check{s} \rightarrow s$, $\check{z} \rightarrow z$. Тою же волной охвачены и говоры на Камчатке.

6) Замена мягкого t' не только посредством мягкого $ч$, но посредством мягкого $ц$; $d' \rightarrow d'z' \rightarrow d'ž$. Тот и другой вид изменения согласных $t' \rightarrow d'$ встречается в одном и том же говоре. Такие говоры известны в Приангарье, на Колыме, Анадыре, на Камчатке.

7) ch вм. билабиального w (билабиального f) в конце слога: ххка, голохка, шес' песцох, Третьякох, Васех... Так в говорах по мере и далее к сев.-востоку.

8) Замена ch посредством f : 1) перед согласным (фто...), 2) перед гласным (фодити—или фодит').

9) Мягкие согласные с более длительной артикуляцией („двойные“ согл.) вм. сочетаний согласного с следовавшим за ним j перед гласным: похмел'л'е, свин'н'а, трет'т'а, ноч'ч'у, казач'ч'а, бож'ж'а, му'т. Это явление известно многим великорусским говорам Сибири. Отмечено в Енисейской и Иркутской гг., в Забайкалье. Известно оно вероятно на Колыме: терпenea нету! третьяк.

10) При запросе о судьбе $бм$ ($бм \rightarrow мм$ или $м$; ср. пункт 56-й программы) следует обратить внимание и на возможность иного изменения $бм$ в *обман*—: *од-ман*—, с *од*—, появившимся вследствие стоятельств формально-фонетических¹⁾.

11) Судьба $дд$: 1) $\overline{дд}$, 2) $\overline{дд} \rightarrow нд$: ондай. Отмечено в разных говорах Сибири, на западе и на востоке.

12) Утрата образования для взрыва (m , d) после длительного гласного $e(z)$, x в конце слова и перед j +гласный в середине слова: *с, кус, гос', гвос', вз'ас', старос', волос', ненас'jo* (или $j\ddot{o} \rightarrow j\ddot{o}$), *ус'jo* ($s'j\ddot{o} \rightarrow ус'j\ddot{o}$), *кос'жива бол', гвоз'jo, трах, контрах*.

13) Форма родит. пад. муж. р. ед.: 1) на *-а*, 2) на *-у*. Важно указать указания на формы с ударенным y : *[со]снү, с потолокү, с базү, до ветрү* и др. Существование форм для родит. пад. с ударенным y отмечено в разных местностях Сибири.

14) Падежные формы для *мати, дочи, свекры*.

15) Форма дат.-местн. прежних основ на *-ь* (из i) жен. р. Во всех местностях Сибири, для которых располагаем материалом, эта форма оканчивается на ударенный гласный e : *в степе́, в грезе́, мышэ́, по куте́, по пролубе́, к волосте́*. Также и—в *крове́*. Встречается e и вне ударения: *в зати́ше, на бы́стере*.

16) В пункте 63-м а) программы говорится о формах дат. и творит. Необходимо дать примеры не только с предлогами (*с, к*), но и конструкции без предлогов, памятуя, что в говорах могут быть формы творит. множ. на—*ми,--мы,--ма* вне сочетаний с предлогами (*с, под...*) и формы творит. на *-м* в сочетании с предлогом (*на ногах...*).

¹⁾ Ср. в моем „Очерке“, стр. 74.

В пункте 63-м б) указать и окончание *мя* для форм прилагательных: со старымя, золотымя...

17) Не следует опускать запроса о сложных формах прилагательных, т. е. о формах с окончанием местоименных форм, которыми распространена основа соответствующей формы прилагательного: доброей, на добром, добрых, добрым.

18) В пункте 69-м указать на возможность существования форм и с другими окончаниями для сравнительной степени: е: 1) *ра́не*, *бо́ле*; 2) *холоднэ*, *милэ*. *ее* (*не*): *милэе*, *ближэе*, *веселіе*. *'аја*, *весел'аја*. *'а*: *весел'а*. *'аја*, *'ај*. *еја* (*неја*). *еја* (*неја*), с *ё* или *о*.

19) Ввести пункт с запросом о членных формах. Обратит внимание на те местоименные элементы, которые служат в качестве членных элементов.

20) Глагольные образования с *ува--вм.--ова*: *отказуват'*, *вылетуват'*, *выкидувала*, *позавидувала*... Такие образования отмечены пока только в колымских говорах.

21) В пункте 79-м: *вм.--кчи* в форме инфинитива может быть *кчи* (лехчи...). Кроме того, запросить, не встречается ли *-чи* и после других согласных; напр.: *вышип-чи* (отмечено в с. Бердском Барнаульского у.).

22) Необходим пункт об инфинитивных формах со вторичными *--сти* или *-с'[т']*: не только „класти“, но и „вз'ас'ти“, „здасти“, „добысти“, „убисти“ и др.

23) В пункте 80-м говорится о формах именительного пад. при инфинитиве: *косить трава* и т. п. Но необходима и такая справка: не употребляются такие конструкции только при выражении приказания, распоряжения, необходимости.

24) В пункте 82-м среди причастных форм отметить и сочетания на *-мии*.

25) Весьма было бы желательно получить списки наречий, предлогов, союзов и междометий. В частности, русско-сибирские говоры имеют такие наречные образования: *вбмало*, *вбтесно*, *вбмного* (маловато, тесновато, многовато). Отмечены такие наречия по говорам Тобольской, Енисейской, Иркутской гг. и на Камчатке.

26) Следует запросить о влиянии не только русских говоров одних на другие, но и об изменении русского языка под влиянием иноязычным, запросить о чертах русского говоренья у сибирских инородцев.

Вот некоторые из пунктов, которые мне хотелось отметить в дополнение к диалектологической программе Московской Д. Комиссии, чтобы сделать эту программу действительно до некоторой степени применимой к собиранию необходимых сведений о русских говорах в Сибири.

Языческое моление черемис.

Нурумбале Себе-Усадской волости Краснококшайского уезда, Казанской губ. 26, 27 сент. (9, 10 окт.) 1919 г.

В Нурумбал мы пришли 25-го сент. в среду в 9 ч. утра. Заем от приезжего черемисина Филиппа Кугызы из д. К. Уржумского уезда, Вятской губ., явившегося сюда в качестве хожалого человека „коштшыйн“, мы узнали, что жертвенное животное, предназначенное главному богу „Туй Йумь“ уже приведено и находится во дворе местного крестьянина Элембая. Из беседы с ним же Филиппом выяснилось, что с полудня предстоит особая торжественная церемония вождения жертвенного животного по дворам местных черемис, имеющих усердие принять его у себя. Было уже около 11 часов. Я поспешил расшевелить своего спутника В. Соколова, который прилег было с устатка соснуть, и мы втроем с Филиппом Кугызаем направились к дому Элембая. У ворот этого дома мы увидели толпу черемис, человек в 10, почтенный наружности мужичков, как оказалось, прибывших из Уржумского уезда артов. Главный из них был Ефим Кугызай, черемисин лет 50, высокого роста, с волосами каштанового цвета, стриженными в кружок, с высоким открытым челом, красивой рыжеватой бородкой, расцвеченной сединами и ласково улыбающимися глазами. Движения его отличались живостью, но в то же время носили на себе отпечаток какой-то особой размеренности и ритма; в них не было тени суетности, свойственной торопливым людям. С первого же взгляда Ефим Кугыза мне очень понравился; в самых манерах и приемах его почувствовалось мне что-то родное, как бы заимствованное от близкого моему сердцу нашего православного русского духовенства, особенно тех его представителей, которые известны лаголепным умением держать себя, как подобает религиозно-настроенному пастырю церкви. Противоположность Ефиму представлял из себя другой черемисин, по имени Сапан, пожилой человек неопределенных лет, ростом почти на голову ниже Ефима; с волосами, стриженными также в кружок; с лицом, испещренным большими и маленькими морщинами в разных направлениях; с безцветными водянистыми глазами; с старческим беззубым ртом, широко открывающимся во время речи и как бы зияющим своею пусто-

той; без всяких признаков растительности на лице. Это был уже совсем не образчик красоты и благолепия. При взгляде на него мне вспомнились беззубые старческие физиономии без усов и бороды, какие предлагаются обыкновенно в наших учебниках географии в качестве типичных фотографических снимков с жителей Финляндии. Сапан Кугыза, признаюсь, не пленил меня своею наружностью. В числе других жрецов, сотоварищей Ефима Кугызы, были люди самого разного возраста, начиная с молодого еще совсем мужичка лет 30 и кончая глубоким, повидимому, стариком с волосами не только поседевшими от старости, но приобретшими даже какой то синеватый оттенок. Между прочим останавливали внимание энергичностью своих движений и речей два карта, оба черноволосые. Один из них с роскошной черной бородой и лицом, можно бы сказать, очень красивым, если бы не портил его левый кривой глаз и несколько стянутая левая половина лица, вследствие чего казалось, что он все время лукаво подмигивает своим собеседникам. Это был Павел Кугыза, который, как потом пришлось убедиться, не пользовался большим доверием и популярностью среди своих собратий. Другой карт с круглым смуглым лицом, небольшой жидкой бородкой, плотно облегающей его подбородок; с выпуклыми довольно неумными глазами, был Алексей Кугыза. Этот карт, как тут же мне объяснили, был татарин, исповедывал мухамеданство; потом женился на черемиске и настолько очеремисился, что сделался самым ревностным и фанатическим последователем старой черемисской веры.

К нашему счастью, большинство из картов оказались хорошими знакомыми моего спутника В. Т. С—ва, родная деревня которого была в ближайшем соседстве с их местом жительства. Они дружественно с нами поздоровались по черемисскому религиозному обычаю, подержав обеими руками наши правые руки. Но пришлось об'явить и о цели нашего прибытия. Растолковал я им это таким образом: „есть, говорил я им, наука, называемая этнографией, которая собирает сведения о всех народах в мире, об их обычаях, нравах и особенно религии и ее обрядах. О черемисском народе и его вере наука эта знает очень мало. Поэтому одно из высших учебных заведений в Казани, Этнографический Институт, в котором обучаются взрослые и уже ученые люди, послал меня посмотреть на моление черемис в „оте“, чтобы затем описать его. Существующие в печати описания черемисских молений не всегда отличаются полнотой, сделаны в разных местах и значительно разнятся в отдельных своих фактах и показаниях одно от другого. Поэтому мне необходимо побывать в разных местах, отметить, где и как что совершается и, одним словом, проверить и пополнить все, что до сих пор написано.

Давное мною об'яснение встречено было однако с подозрительной недоверчивостью. Карты, как потом сообщил моему спутнику Ефим кугыза, „страх как испугались“ и подумали, что мы посланы к ним какими-нибудь большевистскими начальниками. Но простая, открытая и дружелюбная беседа В. Т. С-ва, начавшего их расспрашивать о своих родственниках, их житье-бытье, тотчас же рассеяла это недоверие. Хозяин Элембай гостеприимно раскрыл пред нами ворота своего дома, и мы вошли дружелюбно беседуя. Во дворе под навесом у колоды стояла предназначенная в жертву лошадь. Это был двухлетний довольно крепкий жеребец черной масти с белизной только у копыт. На шее его, куда обычно надевается хомут, было навязано белое полотенце, с концами, спускающимися вниз немного не до колен; на голове вновь сделанная из липовой коры узда. В стоящей перед ним колоде услужливым хозяином предложено было ему угощение в виде мерки овса.

Осмотрев обреченного на заклание жеребца, отживающего свои последние деньки, мы поднялись по лестнице в избу, куда еще прежде нас вошли карты. Изба была полна народа, состоявшего главным образом из мужичков почтенного возраста, сидевших кругом на лавках. Несколько старичков, не взирая на наш протест, тотчас же уступили нам свои места, и мы имели полную возможность наблюдать за всем, что здесь происходило. В переднем углу пред иконой теплилась самодельная восковая свеча. Стол был уставлен различного рода яствами. На конце, ближайшем к иконе в большой плоской деревянной чашке лежал непчатый коровай хлеба с маленькой белой лепешечкой из творогу „туара“, что все вместе называется „тичмаш сукыр“-ом. Рядом такая же плоская деревянная чашка с овсяной кашей, имеющей в середине углубление, наполненное растопленным коровьим маслом. Немного дальше посудина с неопределенным содержанием: тут лежали куски нарезанного хлеба „күжгү кинды“, несколько штук „туары“ цельной и заломанной. На самом конце стола, противоположном переднему углу, стоял „лэжэш“ (бурак старинной формы) с пивом и опущенным в него ковшиком, с резной ручкой, изображающей не то лошадку не то петушка. На краю стола по направлению к входной двери стояла чашка с хлебом и „туарой“—второе „тичмаш сукыр“, которое предназначалось для ношения во время предстоящих процессий, но не для вкушения в данный момент. Карты сидели около стола. Ефим Кугыза занят был предварительными приготовлениями необходимого для предстоящей процессии. Он завертывал самодельные восковые свечи в отрезки холста „мыньэр“, длиною в аршин каждый. Эти отрезки холста были пожертвованы от усердия жителей тех деревень, чрез которые пришлось проводить жертвенное животное по пути следования его в Нурумбал. Временами он пе-

рекидывался деловыми вопросами и замечаниями с присутствующими, требуя подать ему или принести тот или иной недостающий предмет. На широких нарах против печи сидела семья домохозяина, готовая при первой же надобности удовлетворить те или иные требования картов. На скамье пред окном, выходящим на улицу, сидел черемисин лет 45 с бельмом на глазу; на шее у него было повязано полотенце с узлом назад; к полотенцу на бичевке спереди были подвешены гусли, на которых он наигрывал однообразный мотив в минорном ладе „Йумын мур“ (Божью песнь), как объяснил мне один из моих соседей. Это был гуслияр Ксенофонт из Тапшери, о котором я слышал еще 10 лет тому назад. От самого вида гуслияра и мотива священной песни веяло глубокой седой стариной. Остальные присутствующие держали себя довольно непринужденно; дружелюбно беседовали на самые житейские темы частного характера, перебрасываясь добродушными веселыми шутками. Однако в общем поведении замечалась какая то особенная выдержанность, не позволяющая переходить известные пределы, а печальный мотив без перерыва раздававшейся священной песни самой оживленности сообщая какой-то меланхолический отпечаток.

Но вот приготовления кончены. Ефим Кугыза вместе с другими картами встает пред столом, зажигает себе от иконы свечу, обернутую „мыньэром“, берет в руки „тичмаш кинды“ и предлагает хозяевам положить „надыр“. Хозяйка поспешно дает ему „мыньэр“, который он весит себе на правую руку, а хозяин вынимает из портмонэ керенку в 20 рублей и вручает ему. Ефим Кугыза, обращаясь к присутствующим и показывая данную ему кредитку, громко объявляет: „Елпай Чүчү колы тэжкэ надырым пыштэн“ (Дядя Елпай жертвует надыра 20 рублей). Все присутствующие громким голосом, выражающим удовлетворенность, восклицают: „алал лижы!“ (да будет принято!)

После этого Ефим Кугыза велит хозяину и его семье встать на колени, а сам, обратившись лицом к иконе, с особым звуковым подходом, напоминающим как бы заминку в речи, когда говорящий затрудняется найти слово для выражения своей мысли, начинает старинную языческую молитву: „А... йөралтэн ли“... Молитва произносится громким, быстрым, монотонным речитативом с остановками в некоторых местах, при чем последнее слово растягивается.

Такие остановки обыкновенно делаются в тех местах, где нужно сделать поясной или земной поклон. Присутствующие во время молитвы делают поклоны только тогда, когда делает их карт. При совершении описываемых нами церемоний шапок ни карты, ни молящиеся на головах не имели. Поведение молящихся было довольно непринужденное; некоторые из стоящих не только сзади, но впереди участия в общих поклонах не принимали.

По окончании молитвы, в течение которой сделано было несколько поясных поклонов и два земных, Ефим Кугыза погасил свечу, поставил свой „тичмаш сукыр“ на стол, потом обратился к хозяевам и, начиная со старшего члена семьи и кончая мальчиком лет 3, подержал у каждого правую руку своими обеими руками, высказывая пожелание, чтобы молитва их была услышана. Затем, подойдя к столу, взял хозяйский „тичмаш сукыр“ и держа одной рукой хлеб, а другой прихватив туару, лежащую на нем, закусил сначала край хлеба, потом край туары и передал затем хозяевам, которые, таким же способом отведавши, передали присутствующим. После этого Ефим Кугыза вместе с другими картами и гусяром, переставшим к тому времени играть, сели за стол и начали понемногу пробовать всех кушаний, какие на нем стояли. Окончив этот обряд, карты и гусяр вышли в сени покурить, а гостеприимные хозяева усадили за стол нас, и мы должны были отведать всего здесь стоящего. Признаюсь, мне редко приводилось есть таких простых незатейливых кушаний, столь вкусно приготовленных. Овсяная каша, которой я съел несколько ложек, предварительно обмакивая каждую в сделанную среди каши ямку с маслом, была сварена мастерски: гущина ее была именно такова, какая и требуется, соли положено в самую пору. Топленое молоко с плавающими наверху его толстыми жирными пенками не утоляло, а только дразнило аппетит. С удовольствием также попробовал я и черемисских „күжгү кинды“ и „эгерчй“. Это толстые лепешки, приготовленные из пресного теста, замешанные из овсяной муки на кислом молоке. Мука употребляется довольно крупная, почему на первый раз кажется, что к тесту примешена овсяная крупа. „Күжгү кинды“ пряжется в масле на сковороде, а „эгерчй“ просто выпекается, в этом и всё их отличие. Как күжгү кинды, так и эгерчй, очень пышны и мягки, но много их не съешь, так как вкус их пресноват и несколько приторен. Наконец, дали мне в ковшике пива, которое было довольно жидко и вообще не важно. Вслед за нами за стол уселись и остальные присутствующие.

Между тем Ефим Кугыза, покуривший в сенях табачку, вошел уже в избу с своей неизменной ласковой улыбкой на лице. Снова заиграл гусяр. Хозяйская семья во всем своем составе по указанию картов уселась в переднем углу за стол. Ефим Кугыза зажег свою свечу от иконы и, положив на правую руку пожертвованный хозяйкой „мыньэр“, а в левой держа „тичмаш сукыр“, вместе со всеми присутствующими обратился лицом к хозяевам и обычным своим монотонным певучим речитативом начал выражать свою благодарность за то, что они пустили к себе и накормили жертвенное животное и сопровождающих его людей; за благодарностью следовал целый ряд молитвенных пожеланий. Быстрый рече-

татив карта прерывался несколькими поясными и двумя земными поклонами, на которые сидящие за столом хозяева отвечали легким наклонением головы. По окончании своей речи Ефим Кугыза и карты подошли к хозяевам и, взаимно пожимая обоими руками друг у друга правую руку, произносили обычную много раз повторяемую в таких случаях фразу: „алал лижы тэндан кумалтышта“. (Да будет угодным Богу ваше моление).

Вслед за этим карт с горящей свечью, „мыньэром“ и „тичмаш суқыром“ в сопровождении всех присутствующих под непрерываемую игру на гусях двинулся на двор. Хозяин, поспешно взяв свой „тичмаш суқыр“, также вышел вслед за своими посетителями и у самого крыльца со всею семьею встал на колени, обратившись лицом к ожидавшему его уже здесь карту, который тотчас же снова начал свою молитву: „А.... йӧралтэн ли“.., сократив ее, насколько возможно и не сопровождая земными поклонами. По окончании молитвы следовали обычные пожелания хозяевам с рукопожатиями, и затем все двинулись в соседний дом, хозяин которого предложил свое гостеприимство. Впереди шел предназначенный в жертву жеребец, которого вел под узцы Элембай. Ворота следующего дома были уже растворены; хозяева на коленях с „тичмаш суқыром“ стояли у ступенек своего крыльца. „Ефим Кугыза проговорил краткую молитву, начав ее обычными словами: „А.... йӧралтэн ли..“. После чего хозяева поспешно встали с колен и пошли в избу, сопровождаемые пришедшими посетителями. Жеребец же был уведен под навес и поставлен к колоде, в которую заблаговременно для него была положена мерка овса. В избе снова начались все те церемонии, которые только что были описаны. По окончании их жертвенное животное вели в следующий дом и т. д. Везде обычно Ефим Кугыза предлагал сначала сделать вклад „надыр“ холстом или деньгами, при чем холст давался не везде, деньги же в самом разнообразном количестве от 50 коп. до 40 рублей; потом следовала молитва с коленопреклоненными хозяевами, взаимные пожелания, Ефим Кугыза пробовал стоящие на столе кушанья и затем, пока угощались остальные присутствующие, выходил на двор, где ему услужливо предлагали обугленную головню, чтобы закурить трубку. В беседах здесь иногда настолько замешкивался, что из избы слышались звавшие его голоса: Ефим Кугыза, иди, уже все отведали“. Потом следовало чествование хозяев, сидевших за столом и, наконец, проводы с коленопреклонением хозяев у крыльца. Некоторые особенности вызывались иногда только условиями совершенно частного, единичного характера. Так, например, различна была в отдельных домах сервировка стола кушаньями при соблюдении однако общего порядка в расстановке их. Разнообразие кушаний зависело как от степени состоятельности хозяев, так и от

того, насколько они успели подготовиться к приему. Были дома, в которых на столе стояло всего только две посуды. Но во всех случаях карт неизменно справлялся предварительно у хозяев, ели у них на столе кушанья, приготовленные из нового хлеба. В случае утвердительного ответа он вставлял особые слова в свою молитву. В одной избе хозяин встретил нас несколько сконфуженный, заявив, что у них не успели еще напечь необходимой стопки блинов „салма пуш“. Карты согласились подождать и вышли на двор покурить трубочки. Между тем мы и все собравшиеся остались в избе, наблюдая за тем, как у топившейся печи пекла блины молодая хозяйка. Эта последняя в своей праздничной белой рубашке, пестреющей разноцветными вышивками, с крупными екатеринскими и петровскими крестовыми серебрянными рублями, в изобилии побрякивающими у нея на груди и издающими ослепительный блеск при свете горящей печи, стесняясь под взглядами присутствующих, с особенной, повидимому, осторожностью наблюдала за тем, чтобы не сделать какого-нибудь неправильного или неловкого движения. Но вот напечено, наконец, достаточное количество блинов. Карты кликнули в избу. Помолились, и начали пробовать свежее испеченные блины. Ну и что это были за блины! Белые, мягкие, как пух. По черемисскому обычаю они были довольно толсты и напоминали по вкусу скорее сдобную булку, чем наши блины. Предлагая их нам хозяйка смазывала каждый из них с той и другой стороны куском белого неперетопленного сливочного масла, сгибая пополам, отчего блин надламывался посередине, потом, развернув его, вторично сгибала пополам перпендикулярно сделанному надлому, так что весь блин разламывался на 4 части, так называемые „мэлна осы“.

При дальнейшем обходе домов в некоторых из них оказались выставленные на столе или маленькая кадучка или большая плоская чашка с непочатым топленным коровьим маслом. Этому пищевому продукту в таких случаях карты уделяли особенное внимание. Вынув из собственного своего кошелька какой-нибудь мелкий денежный значек от 10 до 50 коп., они полагали его в упомянутую посуду и затем тыловой стороной ножики вдавливали этот значек в самую глубину масла. Во время пробы кушаний после отведывания „тичмаш сукыра“ карт брал также и кусок этого масла, положив его на ломоть хлеба; закусив этот бутерброд точно так же, как он делал это с „тичмаш сукыром“, он передавал его хозяевам и потом всем присутствующим.

В некоторых домах приходилось наблюдать сцены трогательного усердия верующих хозяев. В моей памяти запечатлелся образ одной болезненной женщины черемиски, стоявшей, как обычно, на коленях пред своим крыльцем при входе в ее двор религиозной

процессии. Когда ей потребовалось встать с колен, чтобы ввести в избу картов и всех пришедших, то пришлось поднимать ее под руки и почти втаскивать по лестнице. В избе, не смотря на болезненное состояние своих ног, она снова встала на колени и усердно молилась.

Трогательно было видеть, как некоторые хозяева нарочито просили картов помянуть в молитвах мужей, сыновей и родственников, ушедших в солдаты, и как затем со слезным усердием молились о сохранении жизни дорогих им лиц. Часто в таких случаях представителем хозяина, взятого в солдаты, являлась его жена с кучею ребятишек. Глубокою жалостью наполнялось сердце при болезненных вздохах ее во время молитвы. Признаюсь, хотя и без крестного знамения, но со всем усердием я также клал поясные и земные поклоны пред скорбным ликом Спасителя или чаще угодника Николая, освещенным горящей свечей в переднем углу каждой избы даже языческой, молясь от всей души за многострадальную русскую мать.

Сопровождая религиозную процессию таким образом обошли мы домов десять, обязательно везде пробуя выставленные на столе кушанья. В результате этого обхода так напробовались, что утратили всякую восприимчивость к новым впечатлениям. Очевидно, бесполезно было бы продолжать далее обход, да к тому же заметно начало уже смеркаться, а потому мы и поспешили пойти на противоположный конец деревни в дом приютившего нас хозяина, где и улеглись спать в особо отведенной нам каморке. Уже около 12 ч. ночи сквозь сон слышали мы за перегородкой, отделявшей наше помещение от жилой избы, звуки гуслей и монотонный речитатив Ефима Кугызы. Поспешив одеться и выйти, мы узнали, что религиозная процессия теперь только еще заканчивала свой обход.

Здесь считаю долгом упомянуть о некотором лицепрятии Ефима Кугызы в отношении его к хозяевам посещаемых им домов, проявлявшемся в том, что у одних черемис, как, например, у хозяина нашего дома, он с особенною отчетливостью и подробностью вычитывал положенные молитвы и проявлял видимую готовность подольше задержаться и побыть среди предлагавших свое гостеприимство хозяев, — у других, наоборот, священнодействовал довольно поспешно и даже совсем опускал некоторые моменты описываемой религиозной церемонии. В одном, напр., доме, когда хозяйка его, солдатка, вышла на крыльцо, чтобы проводить уходящих, то оказалось, что провожать было уже некого: Ефим Кугыза не дождавшись ее, вместе с лошадыю и всей свитой ушел уже в другой дом. Нам не пришлось выяснить причин такого неравенства в отношениях карта к приглашавшим его черемисам, а потому остается только гадать, что, может быть, в данном случае имели значение

зажиточность и влиятельное положение в деревне того или иного хозяина или просто какие-нибудь личные отношения у него с картом.

На следующий день в четверг после полудня должно было произойти самое жертвоприношение в священной роще „оте“, находившейся в 1 версте от Нурумбала. В ожидании предстоящих торжеств нужно было во что бы то ни стало подкрепиться сном и осветить свои силы, утомленные разнообразными впечатлениями проведенного дня. Мы поспешили поэтому снова забраться в свою комнату и расположиться на приготовленном нам здесь на полу довольно неприхотливом ложе. К несчастью, прерванный сон очень долго не возвращался. Хозяйские клопы, не уставшие еще пожить с нами, долго отражали все благосклонные попытки его смежить наши утомленные очи. Ворочаясь с боку на бок, долго слышали мы, как в другой половине шли предпраздничные хлопоты и приготовления. С'езжались богомольцы гости, и хозяевам всех их нужно было приютить, покормить и вымыть в бане. Наконец, благодетельный сон посетил нас.

Утром в четверг едва только стало светать, хозяин уже стоял в дверях нашей комнаты и будил нас, предлагая сходить в баню, в которой уже все прибывшие успели вымыться. За неимением мыла пришлось ограничиться только паром, который оказался однако вполне достаточным для того, чтобы очиститься от приставшей в дороге пыли и вылечиться от ран, нанесенных нам укусами черемисских паразитов. Воротившись к себе в комнату, мы услышали за стеной сдержанный говор и побрякивание серебряным монистом. Это были приехавшие к хозяину гости: девушки и женщины в разнообразных нарядах Краснококшайского и Уржумского покроя. Выйдя к ним, пока готовили чай мы принялись рассматривать их одежду, спрашивая название отдельных частей украшений и узоров, на что владельцы их отвечали довольно охотно, но с великим удивлением пред таким праздным любопытством. Мы записали несколько названий, которые не отмечены госпожею Вихман в ее описании черемисской одежды, напр.: „тэргаж“ — вышивка вдоль рукава, у Вихман „шокшый вал“; „тэмшан“ вышивка на груди, иначе, „мэл“; „рэсан шокшый мучаш“ — узенькая полоска вышивки с крестиками, окаймляющая рукава; „орба йол“ — такая же узенькая полоска вышивки с звездочками вместо крестиков; „тик, шүдра пурман“ — вышивка на груди, представляющая полосу, внутри которой вышиты четырехугольники; „симдй шэр“ — нитки синеньких, непрозрачных, глянцевиных бусок, надеваемая на шею; „шинча водьтймый шэр“ — желтенькая непрозрачная гляцевитая буска.

Напившись чаю, мы вышли на улицу. Погода была чудная. Солнце ярко светило, но не пекло. Прохладный ветерок приятно

щекоча бороду и усы всех идущих ему навстречу. Чтобы посмотреть, как поведут жертвенных животных из деревни в „оту“, мы опять пошли в дом Элембая, где ночевали карты и где находился жеребец, предназначенный в жертву главному Богу.

Во дворе Элембая по вчерашнему мы встретили толпу народа, мирно беседующего о том, о сем. Вскоре показался и Ефим Кугыза с своей ласковой улыбкой на лице, поспешно проходивший за чем то из куды в избу. Увидав нас, он самым дружелюбным образом поздоровался с нами, подержав в своих руках наши правые руки и поздравив нас с новым днем „у кэчй дэнь“. Мы не стали задерживать его своими расспросами, видя, что он спешит по своим делам в избу, а обратившись к присутствующим, полюбопытствовали узнать, когда намерены выходить в „оту“. Оказалось, что все почти уже готово; единственная задержка произошла оттого, что не все еще жертвенные животные были приведены из соседних деревень.

В это время в воротах показалось новое лицо. Это был старик с высоким прямым станом, лет под 70, с черной однако бородой, изможденным как у подвижников, лицом и лихорадочно горящим взором серых холодных глаз. В белой войлочной шляпе, белом мыжере, белых онучах и даже с белым мешком на спине вместо обычной кожаной сумы он сразу же выделился от окружающих его серячков и навел меня на подозрения, которые потом вполне оправдались. Подойдя к моему спутнику и тронув его легонько за рукав, он спросил старческим надтреснутым голосом: „Не Васильем ли тебя звать? Значит ты это был 2 года тому назад на сходке в Тор'яле? Ну не сбылось ли то, что я предсказывал тогда? Не говорил ли я, что скоро настанет тяжелое время, когда подати будут брать не деньгами, а хлебом? Не так ли и вышло теперь? Помолчав немного, он продолжал: „Ну да уж если одно сбылось, так сбудется и другое. Настанет и легкая жизнь, когда всем будет хорошо. А эти трудные времена то же, что зимний холод; от него не погибнет земля. Если бы Бог хотел погубить ее, Он послал бы огонь, который и попалил бы всё; но Бог хочет уничтожить только червяков, слизней и прочую мерзость, а потому и посылает холод, от которого не будет вреда здоровому зародышу человеческой природы“. Окончив свою глубокомысленную философскую речь, старик внимательно, но довольно холодно перездоровался со всеми присутствующими, подержавшись с ними за руки и отошел несколько в сторону. В отношениях вновь пришедшего к окружающим и этих последних к нему вообще чувствовалось, как я сразу заметил, какая то условная недоговоренность; как будто бы та и другая сторона кое-что взаимно знали о себе, но не считали нужным говорить об этом вслух. Кроме того, в речах заинтересовавшего меня старика, обращенных к тому или иному собеседнику, постоян-

но слышалась педантическая нотка, на которую слушатели обыкновенно ничем не отвечали, обходя молчанием даваемые им нравоучения.

За разговорами о том о сем, наступил и полдень, а приготовлений к выходу в „оту“ во дворе не было видно никаких. Вновь пришедший старик в белой одежде уже неоднократно недовольным ворчливым тоном заявлял: „вот так то стоим да стоим, а дела не делаем“. Чтобы узнать, когда, наконец, начнется процессия, мы вошли в избу. Здесь было полно народа. Карты все были в сборе, кроме Павла, и сидели за столом. Несколько человек около топившейся печки готовили восковые свечи. Для этого каждый брал тоненькую прядь волокна; перегнув ее пополам через тоненькую „кашту“ (шест) над печью, сучил; потом брал кусок воска и, размягчив его пред огнем, кругом облепливал им ссученную прядь волокна и начиная катать между ладонями, пока не получалось подобие тоненькой гладкой восковой свечи. Таких свечей было наделано уже более 10 штук и все они обернуты были в „мыньэр“. Элембай, хозяин дома, хлопотал около шкатулки с деньгами, то запирая, то отпирая ее; он, оказывается, был выбран казначеем данного моления. Ефим Кугыза считал деньги, собранные в качестве надыра и лежавшие в чашке с „тичмаш суқыром“. Из отрывков его речи, долетавших до меня, можно было заключить, что он чем-то недоволен и пеняет кому-то на то, что собранные деньги не были своевременно записаны „в таких вещах, говорил он, нужно быть осторожным и осмотрительным и не следует доверять таким людям, как Павел карт“.

Между тем сидевшие за столом карты уже не раз выглядывали в окно, чтобы узнать, не ведут ли поджидаемых животных. Наконец среди присутствующих стали раздаваться голоса, что пора выходить в „оту“, что у всех уже собрались гости и неудобно томить их ожиданием. Один из картов высказал мнение, что непосевшие во время животные могут быть и потом приведены в „оту“. Ефим Кугыза вопросительно взглянул на присутствующих, как бы спрашивая их совета. Те одобрили высказанное мнение, выразив уверенность, что ожидаемые жертвенные животные, вероятно, скоро придут и, может быть, даже успеют еще присоединиться к общей процессии, пока она будет медленно двигаться вдоль по деревне: „впрочем, прибавляли они, наше дело сторона; вы, карты, и сами знаете, как надо поступать“. После этого Ефим Кугыза, напомнив хозяевам о необходимости захватить алдыр и другие вещи, требуемые при молении, стал зажигать обвернутые в „мыньэр“ свечи и раздавать их картам, которых, как я насчитал было 10 человек. Потом все стали в ряды пред столом, и несколько картов сразу зачитали своим монотонным речитативом в один тон молитву,

при чем звучный голос Ефима Кугыза покрывал собою голоса всех прочих. Молитва совершена была с обычными поясными и земными поклонами и обычными в конце ее пожеланиями с рукопожатием. Потом карты присели на минутку за стол отведать стоявших на нем кушаний, затем встали. Ефим Кугыза взял „тичмаш суқыр“ в одну руку, свечу и „мыньэр“ в другую, остальные карты кто лэгэш с пивом, кто чашку с подостланным в неё мыньэром для сбора надыра и пр., и двинулись из избы, сопровождаемые двумя гусярами, не переставая игравшими на своих инструментах. По совершении краткой молитвы на дворе, все вышли в растворенные ворота и с жертвенным животным впереди двинулись налево вдоль деревни по направлению к „оте“. В это время слышались восклицания: „ведут, ведут“. Оглянувшись направо, вдали за деревней мы увидели две телеги, спешившие по направлению к нам. Это везли запоздавших прибытием жертвенных животных. Процессия остановилась. Ефим Кугыза с прочими картами, обратившись лицом к вновь прибывшим, прочитал краткую молитву, после которой те присоединились к общей процессии, и все снова двинулись вперед. Пройдя несколько шагов, однако опять должны были остановиться. Из ворот соседнего дома выводили еще несколько жертвенных животных, которых также пришлось встречать с молитвой. Потом снова медленно пошли вперед. Теперь уже образовался довольно порядочный кортеж. Впереди шел жеребец для жертвы главному Богу; его вел под уздцы молодой крестьянин, который ходил отыскивать этого жеребца по тем признакам, какие были ему указаны Ефимом Кугызой согласно откровению, полученному последним во сне (омы почэш). Далее игриво попрыгивал возле своей матки, запряженной в телегу маленький жеребеночек, также обреченный в жертву; в телеге лежал котел, разная деревянная посуда и пр.; рядом с телегой шел смуглый пожилой черемисин с длинными нечесаными волосами, напоминавший видом цыгана; это был хозяин обреченного в жертву жеребенка. Вслед за телегой лениво плелась корова; она не была предназначена для жертвы, но на ее долю выпала печальная обязанность довести до места заклания свое родное детище, маленького бычка, пугливо прижимавшегося к бедрам своей матки. Еще дальше ехало несколько телег, на них сидело по одному или по два человека, навалена была разная посуда и легкие вещи, из под которых иногда выглядывала хорошенькая мордочка бычка или телки, назначенных в жертву. По мере движения вперед толпа сопровождавших лиц увеличивалась. Отдельными группами шли мужчины и отдельными женщины. Большинство мужчин так же, как и карты, были без шапок. Женщины резко выделялись на общем фоне белизной своих одежд. В белых коротких мыжерах, из под которых видны были

широкие вышивки на подолах рубашек и шобыров, подпоясанные разноцветными опоясками, с расшитыми шарпанами на головах, слегка перетянутыми узенькими полосками белых солыков с широко расшитыми концами, с нагрудными украшениями из крупных серебряных монет, ярко блестевших в широких грудных разрезах шобыров и мыжеров—с особою женскою грацией несли они в руках так называемые „чэс пэляк“, состоявшие из „тичмаш суқыра“, или кўжгў киндї и стопки блинов, положенных в деревянную чашку, прихваченную снизу белым полотенцем с широко расшитыми концами.

По пути движения процессии вперед хозяева некоторых домов выходили за ворота и становились на колени лицом на улицу, держа в руках „тичмаш суқыр“, а иногда и зажженные свечи. В таких случаях процессия на минуту останавливалась; Ефим Кугыза читал молитву с пожеланиями и рукопожатиями и потом снова двигались вперед. Потому ли, что нужно было спешить или опять таки по какому то непонятному нам лицепрятю, остановки около некоторых домов Ефим Кугыза не делал, хотя хозяева, повидимому, и желали бы ея, так как заблаговременно выходили на улицу и вставали на колени.

Всякий раз при остановке процессии слышались голоса картов, собиравших „надыр“ и приглашавших к пожертвованиям.

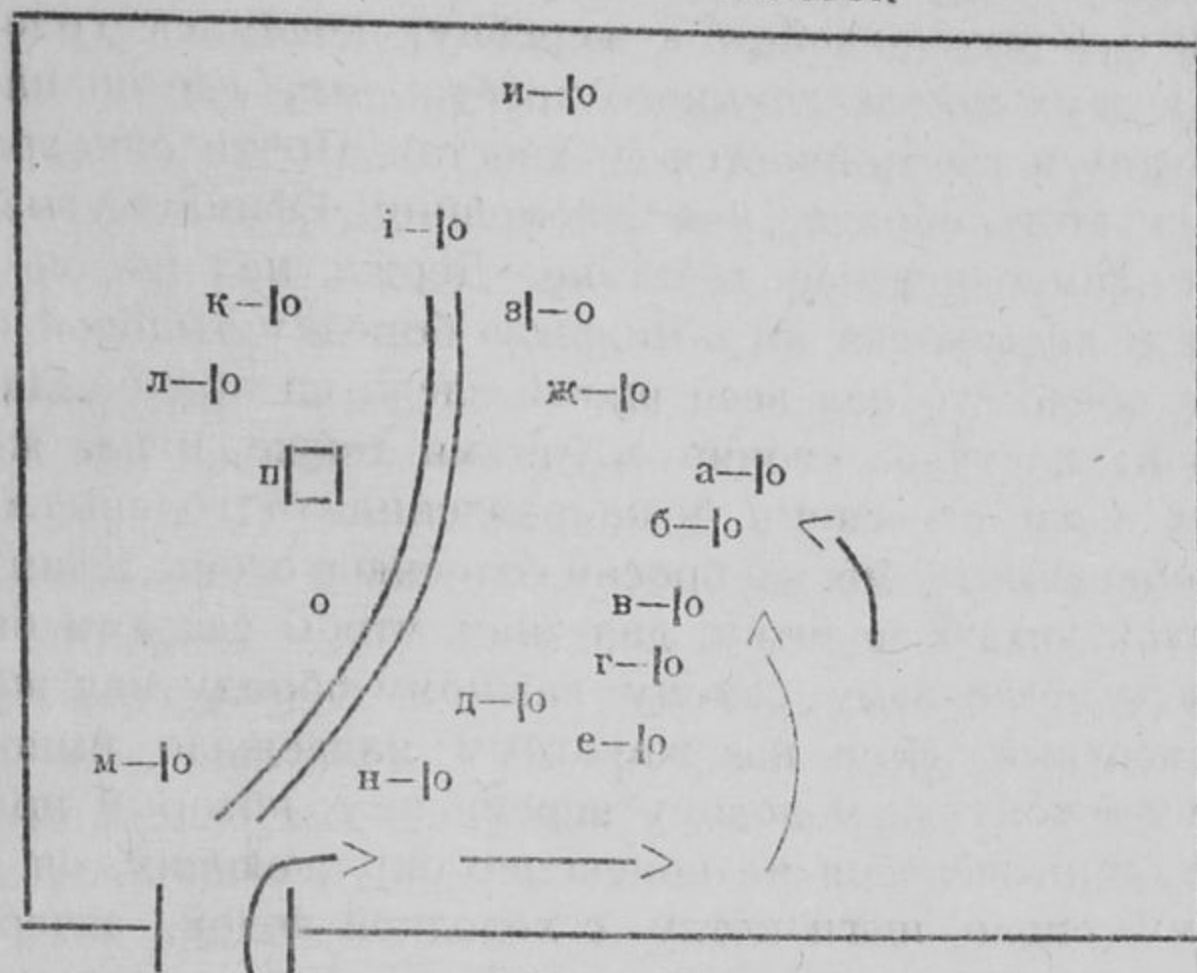
При выходе из деревни сделали остановку на зеленеющей озими, растянувшись в длинный ряд вдоль ея края с картами впереди. Прочитали молитву и потом снова отправились дальше уже прямо к „оте“. „Ота“ представляла из себя огороженную рощицу, с лиственным и отчасти хвойным лесом. Деревья были в своем осеннем уборе. Елочки выделялись своею яркою свежею зеленью, осины красовались своею позолотью, обнаженные от листьев березки не скрывали своей таинственной. Осенью того, что было в роще. Уже издали можно было заметить заготовленные небольшими поленицами дрова, убегающий в глубь рощи ряд построенных из свеженарубленных кольев шаг и пред ними козел для подвешивания котлов над кострами.

В раскрытых воротах „оты“ карты остановились, загородив собою вход в нее. Народ встал по ту и другую сторону дороги, образовав проход, к отам в порядке друг за другом стояли жертвенные животные. Гуслиеры перестали играть. Карт Алексей, обращенец из татар, как обладавший наиболее громким голосом, спросил обращаясь к хозяину жеребца, посвященного главному богу, какую цену он назначает он своему животному. „Семь тысяч двести рублей“, отвечал тот. „Алал лижы“, слышалось одобрительно со всех сторон, и жеребец был введен в рощу. Таким же образом

были опрашиваемы цены и других жертвенных животных и после одобрительного „алал лижй“ каждое из них вводилось в „оту“. Не обошлось однако и без недоразумений. Цена за одну телку приведшею ее женщиной была об'явлена в 3000 рублей. Карт Сапан заявил, что такой цены они дать не могут. Но это в толпе послышались замечания, что стеснять в цене продавца скотины не следует, тем более, что женщина, доставившая ее не хозяйка ее, а привела ее только по поручению, при чем хозяевами ей было наказано просить об'явленную цену. Карты недоумевающие переглянулись друг с другом. Сапан Кугыза наставительно заметил, что всегда нужно наперед договариваться и, обратившись к женщине, предложил ей сбавить сто рублей, пожертвовав их хотя бы в качестве надъра. Последовало согласие, и одобрительным „алал лижй“ закончен был инцидент. Небольшая заминка произошла также при об'явлении цены за одного бычка. Мальчик, доставивший его сказал, что хозяева о цене ему ничего не говорили. Таким образом присутствующим самим пришлось назначать цену, самим же ее и одобрять.

Когда все животные были оценены и введены в „оту“, двинулись туда и все собравшиеся в предшествии картов и гусяров, снова заигравших на своих инструментах. При входе не было никакой давки или беспорядка. Шли молча, слышно было только отдаленное бряцание гусяров, ушедших вперед, да мягкое шуршание опавшей листвы под ногами. Войдя в „оту“, двинулись не прямою дорогою, а делая полукругом обход вправо почти рядом с обнесенною кругом „оты“ изгородью. Оставив с левой стороны ряд деревьев „она пу“, посвященных разным второстепенным богам, процессия направилась в первую очередь к дереву, посвященному главному Богу „Тунг Йумы“, и стала к западной стороне от него, образовав полукруг. Прямой линией, замыкающей этот полукруг, являлась шага, поставленная у подножия „она пу“. На ней пришедшими картами были расставлены: „тичмаш сукыр“, „лэнэш“, „шэр кинды“ и пр. В середине полукруга перпендикулярно к шаге на расстоянии 1½ сажени от нее возвышались козла, сколоченные из вбитых в землю двух кольев с перекладиной. Под ними горел огонь, на который сейчас же повесили котел с водою. Каждый входящий в „оту“, дойдя до дерева главному Богу, делал по направлению к нему, т. е. на восток, земной поклон и молча становился на свое место или же по желанию, если требовались его услуги и помощь, шел к какому-нибудь другому „она пу“, где в свою очередь шли необходимые приготовления к жертвоприношениям. Картами были уже распределены между собою обязанности, и они встали каждый пред назначенным ему „она пу“ и „шагой“.

Восток

План Нурумбальской оты.

а) „Она пу“, „шагй“ и „тулолмы“ для Тўн Иумь (Главного Бога), б) — для Мэр Иумь, в) — для Тўнъамбал шочьн аба, г) — для Тўн шочьн аба, д) — для Қинды кугу пэркэ аба, е) — для Ош кэчы аба, ж) — для Тўн кугу пўйршй, з) — для Кўдырчы йумь, и) — для Тўнъа йумь, й) — для Мландь аба, к) — Каба йумь, л) — для Тўнъа кугу пўйршй, м) — для Кугарня йумь, н) — для Кумьл йумь, о) дорожка, п) казна.

Моление началось везде одновременно, но главное внимание большинства было привлечено жертвенными обрядами у „шаги“ и „тулолмы“, посвященных главному Богу. Молитвы и обряды совершал здесь сам Ефим Кугыза вместе с одним черемисином, который до сих пор ничем не был выделяем и на которого возложены были теперь обязанности помощника жреца „ўчы“. У кола, вбитого в землю с правой стороны шаги, стоял привязанный жеребец. Словно предчувствуя свою недобрую участь, он проявлял какую-то особенную нервность. Молодой черемисин, приведший его в рощу, стоял около него и успокаивал, поглаживая ему морду и переносил между глаз.

Но вот Ефим Кугыза зачитал быстрым темпом свою монотонную молитву. Затем, не переставая ее читать, повернулся от шаги к костру и, подойдя к нему с правой стороны, т. е. с севера, взял дымящуюся головню. Держа ее за необгоревший конец, он сделал ею полуовальное движение вдоль костра слева направо; потом подойдя к шаге, постоял пред ней некоторое время, продолжая читать молитву и слегка покачивая опущенной вниз головней взад и вперед как бы с целью не дать ей потухнуть; дойдя до слов МО-

литвы, в которых заключалось прошение об удалении зла, он опять сделал головней полуовальное движение слева направо теперь уже вдоль шаги и затем, подойдя к жеребцу, коснулся головней его темени и в двух местах спинного хребта: там, где он начинается (около хомута) и где кончается (у хвоста). Почти одновременно с выполнением этого обряда „ўчы“, помощник Ефима Кугызы совершал другое символическое действие. Держа над шагой топор в левой руке и постукивая им о нижнюю бородку тыловой стороной ножики, он обнес его над всей шагой слева на право, идя за Ефимом Кугызой; постукал своими орудиями также и над жеребцом, пронося их вдоль его спины в направлении от головы к хвосту. Выполнив описанный обряд и бросив головню в огонь, Ефим Кугыза, не переставая читать молитву, дал знак, чтобы сделаны были приготовления к последнему самому важному обряду над жеребцом. Этот предсмертный обряд над животным надлежало выполнить в данном случае тому же молодому черемисину, который привел его в рощу. Оставив жеребца на попечение окружающих, он подошел к стоявшему около шаги котлу с холодной водой, зачерпнул ее „алдыром“ в деревянную чашку и взяв в левую руку пихтовую ветку, снова подошел к жеребцу. Когда Ефим Кугыза в своей молитве дошел до слов „мушкын почкалтарэн нал“ (вымывши и встряхнувши прими), помянутый черемисин, держа над животным ветку, вылил чрез нее содержимое чашки вдоль всей спины жеребца. Тот час же взоры всех, даже стоявших у других шаг, устремились на животное; Ефим Кугыза умолк и тоже выжидательно смотрел на жеребца. Прошло полминуты томительного ожидания. От неприятного ощущения холодной воды жеребец брезгливо пожимался, и вдруг сильное нервное содрагание потрясло его всего. Радостное стоголосое „алал лижй“ было ответом на это инстинктивное движение его. Жеребец был угоден Богу, оставалось только приступить к его закланию. Над всей отой пронесся как бы вздох облегчения; атмосфера прояснилась и тотчас же закипела деятельность и у других шаг, где также зачитались молитвы и начались приготовления к закланиям. Принятого Богом жеребца толпа окружила со всех сторон, не давая свободы его движениям. Концем крепкой веревки опутали ему передние ноги и, протянув другой конец между задними, разом потянули его, пытаясь заставить жеребца упасть на колени. На первый раз попытка эта не удалась. Жеребец сумел освободить передние ноги от связывавших его пут и начал делать такие бурные движения, что угрожал целостности шаги. С трудом удалось успокоить его. Вторая попытка была удачнее. Жеребец пал на передние ноги. Все окружавшие устремились на него и, уронив на левый бок, навалились на него своей грудью. Тотчас же скручены были задние ноги. Животное в ужасе билось

и не раз сбрасывало с себя лежавших на нем людей, но с связанными ногами подняться не могло. Немного поодаль, вырубив топором в земле ямку, подтянули к ней за ноги жеребца, положив его так, чтобы шея его приходилась над ямкой. Из толпы выступил средних лет черемисин плотного сложения и с ножом в руке стал на колени с левой стороны лежавшего на земле жеребца около его гривы, в тоже время несколько человек, таща за узду, надетую на жеребца, вытянули ему шею. Приставив лезвие ножа к горлу, резак быстрыми движениями начал водить им взад и вперед. Первых порезов животное как бы не почувствовало, но потом вдруг отчаянно вздрогнуло, послышался странный звук „пых“, словно от прорвавшегося наружу долго сдерживаемого напора воздуха. Кровь широкою струей полилась из горла сначала в подставленную для нее чашку, а потом в выкопанную в земле ямку. Несколько человек наклонились над раной, один из них, держа в руках пучек пихтовых ветвей, прикрывал ими надрез, не давая крови брызгать по сторонам. Животное тяжело и редко дышало, высоко поднимая свой как бы опухший живот. В болезненных судоргах трепетали все части его тела. Резак на время замедлял свою работу, как бы желая убедиться в том, достаточно ли обильно течет из надреза кровь, и затем снова вонзал свой нож в самую глубину раны, при чем несчастное животное вздрагивало в ужасных конвульсиях, угрожая сбросить с себя грузно лежавших на нем людей. Тяжелая пытка длилась не менее 5 минут, показавшихся нам вечностью. Животное еще несколько раз редко и глубоко вздохнуло и потом осталось лежать неподвижным. Послышались возгласы: „Пйтэн, пйтэн!“ и тело животного освободилось от лежавшего на нем живого груза. Теперь около жеребца осталось только несколько человек, необходимых для того, чтобы восстановить кругом нарушенный порядок и освежевать вновь заколотую тушу. Пучек пихтовых ветвей, запачканных кровью, с великою осторожностью чтобы не капать на землю, отнесли, держа над большею деревянною чашкою наполненной кровью и бросили в огонь. Потом эту же чашку подали Ефиму Кугызе, который, счерпав в огонь пену, остальное поставил на шагу. Голова заколотого животного была отделена от туловища, и один из присутствующих занялся ее свежеванием. Из числа остальных четверо держали обезглавленного жеребца за ноги, а двое обдирали тушу.

Здоровая крепкая жизнь отдана в жертву в уверенности, что это приятно Богу, что этим можно привлечь Его милости на себя. Удовлетворение должно было чувствоваться в душах жертвователей. Но в то же время всякий имеющий скольконибудь человеческое сердце, не мог не сознавать, какою ценою удовлетворение достигнуто. И это сознание в той или иной степени, несомненно, было

присуще толпе, как коллективному целому, всегда вернее отражающему отдельные моменты, настроения, нежели ограниченная условностями единичная личность человеческая. При взгляде на эти серьезные лица, с напряженным вниманием выполняющие свое дело, очевидным становилось, что мы имеем дело с людьми, собравшимися сюда не для пира и ликования, а для выполнения своего нравственного долга, в отдельных частностях своих, может быть, и не совсем приятного.

Около костра, присев на корточки, кругом широкой деревянной чашки с горячей водой, почерпнутой из котла, несколько человек мыли свои окровавленные руки. Среди них был и резак; последнему пришлось мыть не только руки, но и рукава у своего белого мыжера, обильно смоченные кровью; долго и по нескольку раз отжимал он их над огнем, пока не получили они своего первоначального цвета. Вид резака, одетого во все белое, почему то напомнил мне заинтересовавшего меня сегодня утром предсказателя старика; я огланулся кругом в надежде увидеть его, но другие картины тотчас же завладели моим вниманием.

Неподалеку вправо от пункта моего наблюдения около шаги в честь Бога Мэр Иумы на земле бился в конвульсиях маленький жеребеночек; несколько человек, нагнувшись над его шеей, спинами своими закрывали от меня свое ужасное дело. Не вдалеке стояла матка его, запряженная в телегу и ласковым ржанием подзывала к себе несчастное детище. Тут же рядом привязанный к колу рыженький бычек меланхолически пощипывал травку, не помышляя, очевидно, об ожидающей его участи. Еще далее у шаги в честь богини Туньамбал шочын аба группа лиц разнимала по суставам уже ободранную маленькую телку, а стоявшая в стороне большая пестрая корова непрерывным надрывающим душу мычанием звала кого-то к себе. Было ли это сознательное отношение к постигнутому несчастью или просто инстинктивная потребность в сосуне? Я пошел дальше мимо других шаг и везде нагалкивался на раздрающие душу картины. Всюду были живые следы крови, атмосфера густо насыщена была запахом свежего мяса. Косые лучи заходящего солнца насквозь пронизывали оту, налагая на все свой меланхолический отпечаток. Народ, ве занятый свеживанием заколотых животных и следовавшим за ним кропотливым расчленением их туш по суставам, стал расходиться по домам. Общая молитва должна была начаться только на другой день после варки мяса. Теперь же читались только частные молитвы то у той, то у другой шаги стоявшими перед ними картами и принимавшими добровольные пожертвования гусями, утками и т. п. Пройдя мимо всего ряда шаг, я снова возвратился к „тул олмы“ (костру), посвященному главному Богу „Тун Иумы“, и здесь натолкнулся на любопытную

сценку. У самой шаги в полуоборот к ней молча стоял Ефим Кугыза. Сзади его несколько поодаль два черемисина стояли на коленях без шапок: один пожилой зажиточный черемисин язычник по имени Елпатай, отец хозяина, приютившего нас к себе на квартиру,—другой младший сын его двадцатилетний парень. Лица и взоры всех троих обращены были вправо на рыжего бычка, привязанного у кола на том месте, где был заколот жертвенный жеребец. От собственного усердия Елпатай жертвовал этого бычка. Как хозяин он первый уже полил его водой и теперь все трое ожидали, когда он встряхнется. Но мокрый бычек уныло стоял на своем месте, не проявляя ни малейшего желания произвести требуемое движение. Во взорах жертвователей было написано смущение. Но вот Ефим Кугыза сам берет чашку с холодной водой и пихтовую ветку, сам поливает бычка, прося бога встряхнуть его и, став на место, опять все трое выжидательно смотрят на него. Но бычек не хочет уважать даже Ефима Кугызы. Еще проходит минуты 3 томительного ожидания. По знаку Ефима Кугызы идет поливать бычка сын Елпатая, а сам Ефим Кугыза еще усерднее повторяет слова молитвы, прося бога встряхнуть бычка. Снова следует молчаливое выжидание и по прежнему бесплодное. Ефим Кугыза наливает тогда в чашку теплой воды и уже без пихтовой ветки попросту мочит рукою всю спину бычка, моет ему морду, губы и нос и, отойдя в сторону смотрит выжидательно. Но и теплая ванна желаемого действия не производит.

Между тем упорная неудача с поливанием бычка привлекает внимание посторонних наблюдателей. Кто-то слева, наклонившись к моему уху, таинственно мне сообщает: „это оттого, что незаконно жертву приносят“.—В чем же незаконность, спрашиваю я, обернувшись к говорящему, при чем узнаю в нем уже знакомого нам резака.

„А в том, что бычка приносят „пиамбару“; „пиамбар“ же принадлежит к нисшим богам (у́йл йумь шамьч); которым молиться не следует“.

— Ты, вероятно, кугусортинец, в упор спрашиваю я говорящего. После минутного колебания тот отвечает мне утвердительно.

Случайно в это время мне удалось поймать взгляд бедного Елпатая, вместе с сыном продолжавшего стоять на коленях. Этот взгляд выражал не только смущение, но и глубокую грусть. Мне стыдно стало своей наблюдательской роли, к тому же мелькнула в голове мысль, что суеверный Елпатай свою неудачу с бычком может об'яснить моим присутствием. Не дождавшись поэтому окончания инцидента, я поспешил предпринять новый обход по отцу и убедился, что описанный случай с животным явление здесь обычное. И почему то именно бычки казались менее других животных

восприимчивы к действию холодной воды. Жертвоприношение их затягивалось поэтому иногда надолго. Проходя мимо, не раз я видел сцены, подобные описанной: у костра толпится несколько человек, одни обжигают на вертеле головы жертвенных животных и их ноги, другие щиплют над огнем гуся или утку, третьи хлопчут около каши, сам карт, стоя у шаги, повидимому, занят какими то своими приготовлениями на ней, а между тем с правой стороны от костра немного поодаль от шаги уныло выделяются две три фигурки коленопреклоненных жертвователей, не спускающих своего выжидательного взора с мокрого бычка, привязанного к колу. По временам общее молчание нарушается монотонным речитативом жреца, в бесконечный по счету раз повторяющего свою молитву о принятии богом жертвуемого животного. Энергичностью таких молитв особенно останавливал на себе внимание карт, стоявший пред шагой богини „Мланлы аба“. Худошавый брюнет старичек с тонкими чертами лица он громко произносил свои молитвенные причитания даже не обычным монотонным речитативом, а с особым выражением в голосе, энергично потрясая своей бородкой и в каком-то экстазе падая потом на землю лицом в подставленную для этого шапку.

Уже возвращаясь из сделанного мною обхода, я встретил хозяина нашей квартиры, старшего сына Елпатая, и спросил его, как дела у отца его с бычком. „А ведь и еще не вздрогнул, отвечал мне он, разводя руками. Я замедлил свои шаги и остановился у соседнего костра посмотреть, как приносили в жертву белого гуся. Стоя пред шагой, карт держал его обхватив левой рукой, в то же время правая рука его как то нерешительно поглаживала его подбородок, лишенный всякой растительности. Это был карт Сапан. Широко раскрывая зияющий чернотой свой беззубый рот и некрасиво кривя своими безусыми губами, громко и быстро читал он молитву, повторяемую им сегодня, вероятно, не меньше, чем в 20 й раз. По окончании молитвы и взаимных рукопожатий, подойдя к костру с правой стороны, он дал гуся подержать его хозяину жертвователю. Сам же, держа нож в правой руке, а левой оттянув голову гуся, быстрым движением сделал надрез на его горле. Пустив первую струю крови в огонь, он подставил затем под нее деревянную чашку, которую и держал до тех пор, пока кровь не перестала литься. По временам, чтобы ускорить кровоизлияние, он углублял лезвием ножа сделанный надрез, не взирая на мучительные содрагания птицы. Как и у других жертвенных животных, голова гуся была отрезана прочь и обожжена на вертеле; туловище поступило на попечение хозяина, который на минуту опустил его в котел с кипящей водой и потом над огнем стал щипать его перья. По окончании этой работы гусь тут же у костра был выпотрошен и передан в распоряжение жреца.

Двинувшись дальше, я опять пришел к пункту своего первоначального наблюдения у шаги в честь главного Бога. Здесь я увидел, что Елпатаевского бычка уже обдирали. Наконец то, вздрогнул, кажется, после 6-го обливания; еще бы две неудачи, и он был бы забракован, как негодный богу. Сам Елпатай суетился тут же, обжигая на вертеле голову зарезанного бычка.

Заметив в стороне небольшую группу почтенных черемис, я подошел к ним в надежде получить кое-какие разъяснения от них.

„Скажите мне, пожалуйста, начал я свою речь: почему при настоящем молении не употребляется ни „ўштан пу“, ни „алача ўштмь“?“

— Два года уж как их оставили и не делают теперь, сказали мне в несколько голосов.

„Почему же?“ Спросил я.

— Пызаковский Василий Кузьмич не велел.

О Пызаковском Василии Кузьмиче я слыхал давно, хотя и не имел случая до сих пор его увидеть. Это очень развитой, по слухам, черемисин, влиятельный в округе, пользующийся большим уважением и, как известно, придерживающийся секты „кугу сорта“.

„А почему же Василий Кузьмич не велел делать при молениях „ўштан пу“ и „алача ўштмь“, продолжал я спрашивать.

— Да потому, что к „ўштман пу“ и „алача ўшты“ привешивается „шивулнй“ (олово), символизирующее собою жертвуемое Богу серебро, но серебра теперь в жертву не приносят вообще за его отсутствием. Потому же Василий Кузьмич не велел в молитве поминать сребророгого быка и аргамака с гривой, украшенной серебряными блестками, так ни того, ни другого в жертву теперь не приносят.

„А много ли ныне кугусортинцев среди черемис“, опять спросил я.

— Не много, отвечали мне.

— Нет порядочно, услышал я сзади себя голос, по которому тотчас же узнал своего нового знакомого резака Кугусортинца.— Вот Яранских кугусортинцев, так тех не много, продолжал он.

„Это ты говоришь, вероятно, про кугусортинцев, исповедующих „саска вера“?“

— О них самых. Разве ты знаешь их?

„Да, приводилось видать“.

В это время один из стоявших рядом со мною черемис, тронув меня за руку, промолвил: „Вот ты сейчас говорил об „алача ўштмь“, пойдём я тебе покажу его. Я двинулся вслед за своим вожаком и пришел вместе с ним к отдаленной шаге в честь бога Тўньа йумы. Кругом дерева „она пу“, посвященного этому Богу на высоте сажени с небольшим от земли действительно был повязан только что

сделанный новенький поясок из липовой коры, испещренный надрезами. Этим пояском был привязан к дереву пучек яркозеленых пихтовых веток, расправленных полукругом в виде веера. Обыкновенное в таких случаях „ши вулнӧ“ (олово) отсутствовало однако. Во всейоте это было единственное „она пу, почему маленькая особенность в убранстве его и ускользнула от моего внимания. Пред шагой стоял один из местных картов и читал молитву над гусем. Интонация его голоса и самая манера читать несколько отличались от тех, какие усвоены были приезжими картами. На некоторых словах он повышал свой голос, отчего получалось больше естественности и больше чувства. Он то несомненно и допустил в убранстве своего „она пу“ эту особенность, вопреки авторитету приехавших черемис „шеггэл мари“, оставшись верным заветам старины, хотя отчасти.

Осмотрев „она пу“ и послушав карта, я не пошел уже опять к шаге главного Бога, а направился прямо домой. Начинало смеркаться. Богомольцы один за другим также расходились из оты. Но более усердные предполагали остаться здесь на ночь, чтобы оберегать мясо жертвенных животных, которое в течение полусуток успели только приготовить для варки. После дня, проведенного исключительно на ногах, чувствовалась такая усталость, что едва дотащившись до дому, я улегся спать и тотчас же заснул крепким, но тяжелым сном. Все время снились мне кровавые туши, издававшие сильный запах клопов.

На другой день, когда я проснулся, время было уже не раннее. По улице мимо нашего дома шли по направлению к оте толпы богомолцев, неся в руках „чэс пэляк“, состоявший из уток, гусей, блинов, кӱжгӱ киндӱ с туарой. Около самого окна прошел мимо вчерашний Елпатай, неся за ноги на плечах черную овечку. Пора было поспешить и нам, хотя ноги после вчерашнего устатка еще ныли. Погода начинала меняться к худшему, но в общем продолжала оставаться ясной. Набегавшие на небо небольшие свинцовые тучки по временам кропили землю своей мгновенной слезой, но, сильный ветер, не давая им расплакаться, гнал их прочь, и небо снова начинало улыбаться. По дороге в оту попадались нам навстречу целые вереницы нехитрых деревенских экипажей с сидевшими в своих пестрых нарядах богомольцами гостями.

При входе в оту мое внимание привлекли две вновь построенные шаги по правую и левую сторону дорожки почти у самых ворот. Одна была построена в честь бога Кугарньа кэчы Йумы, потому что накануне, как объяснил мне стоявший около нее карт, не успели ее во время приготовить; другая в честь бога „Кумӱл йумы“. Причину и повод к устройству этой последней взволнованным тоном объяснил мне хлопотавший около нее безносый черемис-

син. В сегодняшнюю ночь он видел во сне, что будто бы идет в оту; при самом входе у ворот ее направо стоит шага, возле которой лежат зарезанные гусь и утка. В воротах стоят два человека — мужчина и женщина и жалуются ему, что их не пускают в оту. По утру содержание этого сна черемисин тотчас же рассказал Ефиму Кугызе, и тот распорядился поставить шагу в честь бога Кумыл йумь на месте виденной черемисином во сне.

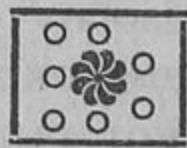
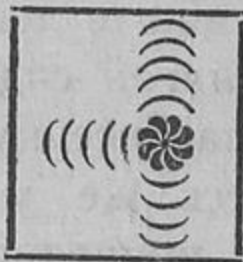
Народу в оге было значительно больше, чем вчера, при чем процент женщин, которые накануне в общей массе попадались только изредка, теперь заметно увеличился. Я заметил также, что встречающиеся нам черемисы как то особенно ласково и доверчиво улыбаются нам. Сегодня одним из самых оживленных пунктов в оге было место, находящееся в самом центре ее, так называемое „казначи“. Это была четырехугольная загородь из жердей и досок немного выше человеческого роста, с полукруглой крышей из лубков со скатами на две стороны. Боковые стороны загороди были забраны досками снизу только до половины высоты ее, почему она напоминала собою одну из тех открытых беседок—павильонов, какие устраиваются в увеселительных садах. С одной стороны во всю боковую длину стены к этой беседке—павильону примыкала небольшая досчатая пристройка вышиною с аршин, напоминающая собою нары с открывающимися верхними досками. В этой пристройке—нарах гоготали гуси и утки, принесенные в „чэс пэляк“ и в качестве лишних оставленные для так называемого „витный кэчй“—попразднства, совершаемого через неделю после моления. Внутри беседки—павильона по сторонам стояли скамьи, в правом углу от входной дверцы—стол, покрытый скатертью, на столе лежал хлеб с туарой наверху, стояла шкатулка с деньгами, весы и чернильница с пером; над разогнутой книгой сидел сам казначей. Толпа народа тесным кольцом окружала беседку. На расхват покупали воск и волокно, из которых здесь же у костров делали свечи. Свечи эти вместе с „чэс пэляком“ вручались карту, который сейчас же ставил их на шаге.

Немалое оживление было и у костров. С раннего утра здесь началась варка еще вчера приготовленных мяс. Несколько человек занято было приготовлением шокты овечьей и гусиной. Одни чистили и мыли кишки, другие перевязав эти кишки в одном конце бичевкой, другой конец натягивали на маленькую обрубленную веточку, представлявшую подобие двухзубой вилки и начинали овсяной крупой, смешанной с салом и кровью животных; получались длинные колбасы, которые опускались для варки в котлы. Гусиная шокта имела другой вид. Это были просто колобки, сделанные из гусиной крови и овсяной крупы. На каждой шаге в деревянных чашках лежали эти кровавые колобки в ожидании мо-

мента, когда их можно будет опустить в качестве фарша в варившийся бульон. Пред шагами стояли длинные вереницы жертвователей с гусями, утками, мыньэром, деньгами,—по преимуществу женщины. У некоторых из них я пробовал спрашивать, какому Богу они приносят жертву, но получал в ответ обычно „ала“—кто его знает. Такое же незнание зачастую проявляли и жертвователи мужчины. На картах лежала нелегкая обязанность узнать повод и назначение жертвы, дать иногда должное направление ей и в случае выполнения всех необходимых условий жертвователем, прочитав над нею обычную молитву с рукопожатиями, повторённую каждым картом сегодня уже, по крайней мере, несколько десятков раз. Уставшие карты обращались иногда к пожилым знающим черемисам, прося заменить их на время в исполнении жреческих обязанностей.

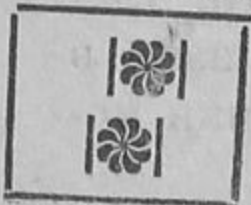
У шаги в честь богини „Туньямбал шочын аба“ меня ласково подхватил под руку карт Сапан Кугыза и, велев встать на подставку, лежавшую пред шагой, любезно предложил мне осмотреть все, что находилось на шаге. На скатерти, лежавшей поверх хвойных ветвей, покрывавших шагу, в середине находилось несколько овсяных хлебцев-лепешек, так называемых „шэр киндй“. В середине каждого хлебца имелась выпуклость „нэр“ (нос). „Это наши просвирки“, наивно объяснил мне Сапан. В наружном виде этих черемисских просвирок я заметил некоторое разнообразие. На одних из них имелись особые значки „палы“ то в виде углублений, сделанных носом ложки и идущих в трех направлениях по радиусам от средней выпуклости к краям (а), то в виде просто небольших кружков, сделанных посредством вдавливания в тесто какой-нибудь

металлической трубки (б).

На других „шэр

киндй“ не было никаких узоров. Первые, по объяснению карта Сапана, были принесены черемисами язычниками, вторые—черемисами крещеными, но участвующими в языческих молениях. Я полюбопытствовал узнать, почему на „шэр киндй“ один только „нэр“ (выпуклость), а не два, как описывает его Härmäläinen. В ответ на мой вопрос один из черемис порылся в своем кожаном мешке и достал из него небольшой „шэр киндй“, на котором, действительно, было сделано два нэра, один в середине, другой на его сферической поверхности; при чем по правую и левую сторону каждого нэра по одному углублению в виде небольшой вертикальной линии.

Такие шэр киндй, по словам демонстрировавшего мне их черемисина, пекутся у них в Ирмучашской волости Уржумского уезда.

Далее за шэр киндами на краю шаги у самого „она пу“ стоял лэҥэш с пивом. К краю лэҥэша и на самой шаге в ее середине прилеплены были свечи, заслоненные от ветра желобкообразными отрезками древесной коры длиною в аршин и шириною в $\frac{1}{2}$ аршина. По правую и левую сторону шаги тянулся ряд деревянных чашек с „тичмаш суқыром“, маслом, стопками блинов, кўжгү кинды и пр.: все это сделанные в качестве „чэс пэляк“ приношения богомольцев, которые по окончании моления уносятся ими обратно домой, как освященные. Число приношений оказалось настолько велико, что некоторые шаги пришлось увеличить пристройками с левой стороны, увеличившими общую длину шаг, по крайней мере, раза два. К самому священному дереву „она пу“ были приставлены высокие шести с повешенными на верхних концах их полотенцами редкостной длины, сажени в 3 каждое с широко расшитыми концами. Это украшения, даваемые на время и возвращаемые их хозяевам обратно после моления.

Поблагодарив карта Сапана за его любезную обязательность и не смея более беспокоить его расспросами, так как в это время заменявший его старик кончил читать молитву над принесенным гусем и требовалось сделать нужные распоряжения,—я продолжил свой наблюдательский обход оты дальше.

Сегодняшний день был напастью на гусей и уток, которых резали безсчетное количество. Кое-где виднелись, правда, и жертвованные овцы. Над ними проделывалась та же процедура с обливанием, что и вчера, но только не так заметная теперь в общей суеде и оживленности дня. В отличие от жеребят и бычков овец свеживали и расчленяли на части не на земле, а повесив на один из концов шеста, поддерживающего котлы над костром („тул олмы кашта“).

Проходя мимо шаг, я заметил шныряющую туда и сюда знакомую фигурку белого старика предсказателя. С каким-то испытующим видом наклонялся он то над той, то над другой шагой, как бы желая убедиться, все ли тут в порядке и не нужно ли кого поучить. У одной шаги я видел его даже исполняющим временно обязанности жреца. При поклонах он воздевал руки приблизительно так же, как это делается православными священниками во время херувимской, но только держа их ближе к лицу;— жест, по которому я тотчас же узнал в нем кугусортинца, при чем все мои недоумения на счет странности его поведения тотчас же разъяснились. Другою особенностью в обрядовых приемах кугусортинца старика было то, что при заклании гусей и уток он предварительно палил им слегка голову горячей головней подобно тому, как это делалось другими картами только над четвероногими животными.

Между тем везде заканчивались уже последние приготовления, необходимые для того, чтобы можно было начать у всех шагов одновременно молитву—„чоклание“ в собственном смысле этого слова, сопровождаемое сожиганием в огне частей от принесенных в жертву съедобных веществ. Варившиеся в особых котлах части мяса („налэдьшашлык), от которых нужно было взять по маленькому кусочку для сожигания в огне, были вынуты уже на большие ночевки и сидевшие около них на корточках карты или помощники их заняты было кропотливой работой, отрезывая требуемые частички и складывая их на желобкообразные отрезки древесной коры. Вкусный запах мясной похлебки, вместе с паром распространявшийся от котлов, приятно щекотал обоняние. Настроение среди присутствующих заметно было бодрое и приподнятое. Не занятые молитвой и подготовительными работами у костров так же, как и я, благодушно похаживали от одной шаги к другой, беседуя о предметах самого разнообразного свойства ничуть однако не позволяя себе громкою речью или смехом нарушить приличие, требуемое местом и временем. Все были на ногах; сидевших я никого не видал. Только около костра в честь Бога „Түн Кугу Пүйршй“ в укромном местечке за ветвистой зеленой елочкой я наткнулся на черемисина, спавшего сладким сном, очевидно, после бессонно проведенной в оте ночи. Все прочие, желавшие отдохнуть, оправиться, покурить табачку, обыкновенно выходили из оты, собираясь неподалеку в небольшую группу, где их можно было видеть в самых разнообразных позах.

Наконец, все необходимые приготовления были закончены. Карт Алексей своим громким голосом заявил, что сейчас начнется одновременная молитва „чоклание“ у всех костров. Карты прекратили прием добровольных пожертвований „чэс пэляк“ и чтение над ним молитв. На время в оте воцарилось молчание. Но вот Ефим Кугыза встает пред своей шагой, оправляет свои волосы и бороду и громким голосом начинает свое „йоралтэн ли“... Вслед за ним тем же тоном и таким же речитативом начинают читать свои молитвы все прочие карты у своих шагов, и вся ота с краю до краю наполняется этим монотонным жреческим причитанием. Одновременно с чтением молитв жрецы берут с шаги один за другим отрезки древесной коры, с лежащими на них кусочками жертвенных мяс, вырезанных из шэр кинды защипышков и небольшим количеством каши с маслом и постепенно сносят в огонь. Едкий дым поднимается от костров и неприятный запах гари распространяется по всей оте. Молящиеся без шапок и почти все стоят на коленях. На глазах у многих видны слезы, не знаю от умиления, не знаю просто от дыма, положительно не дающего спокойно взглянуть на свет Божий. Но вот всё требуемое свесено в огонь. В заключе-

е карты плещут туда же из ковша пиво, и молитва „чоклание“
ключена. Карт Алексей приглашает всех присутствующих в оте
браться к шаге в честь главного Бога „Түг йумь“, после Ефим
Кугыза заявляет, что сейчас предстоит положить общие земные
клоны у 7 шаг по 3 поклона у каждой: всего 21 поклон; выпол-
нение обряда начнется с шаги, посвященной главному Богу, в
честь которого он и предлагает усердствующим сделать пожертво-
вания „надыр“. Вперед выступает карт Сапан с чашкой, в которую
доставлен „мыньер“, а усердствующие, окружив его, начинают
жертвовать. Сумма каждого пожертвования так же, как и имя
жертвователя, тут же объявляются картом Сапаном, на что в ответ
со стороны присутствующих слышится одобрительное „алал лижы“.
Чем крупнее сумма, тем громче и единодушнее гремит в толпе
„алал лижы“. Но тем же возгласом неизменно встречаются и малые
дадания, хотя, правда, с некоторым особым выражением в голосе, в
котором слышится как бы желание ободрить жертвователя, выска-
зать мысль, что и малые посильные даяния угодны Богу, и нет
поводов смущаться их минимальными размерами. Процедура
жертвований тянется, по крайней мере, минут 20. В это же время
кругом в толпе ходят несколько человек с чашками, покрытыми
мыньером, и призывают к пожертвованиям на предстоящие моле-
ния в таком то уезде, такой-то волости, такой-то оте.

Наконец, приток пожертвований изсякает. Ефим Кугыза, обра-
тившись лицом к шаге, начинает молитву, во время чтения кото-
рой им и всеми присутствующими делается 3 земных поклона.
После этого толпа молящихся идет к соседней шаге в честь Бога
Мэр йумь. Стоящий пред нею карт приглашает к пожертвованиям,
опять рубли, керенки и сторублевые ассигнации сыплются в под-
ставленную им чашку. Затем следует молитва с тремя земными
поклонами и так далее. Описанная процедура повторяется у 7 шаг.
Общая сумма пожертвований, как я узнал потом, достигла 59 тысяч
рублей, из которых около половины ушло в уплату за животных,
принесенных в жертву, остальные поступили на хранение к казна-
м. Самым крупным жертвователем оказался вышеупомянутый
шапатай, который кроме жертвенных животных: бычка, овечки, 2
седей, у различных шаг пожертвовал до 400 рублей.

Общую молитву и поклоны, как я уже сказал, нужно было
сделать у 7 „тул олмь“, но отдельными богомольцами и другими
„тул олмь“ не были оставлены без внимания. Сам Ефим Кугыза
показал в этом отношении пример. Прочитав молитву пред шагой
в честь главного Бога и таким образом освободившись на время от
своих жреческих обязанностей, он предпринял обход тех „тул олмь“,
где не было назначено им общей молитвы. Сделав поклон пред ша-
гой, он клал в стоявшую на ней чашку свою посильную лепту,

состоявшую, как я заметил, обыкновенно из трехрублевых ассигнаций. То же делали и другие из числа его подражателей.

Но вот толпа богомольцев, совершавших общую молитву и поклоны, двинулась, наконец, к последнему из намеченных „тул олмы“. В это время я услышал, что меня кто-то зовет по имени, и, обернувшись, увидел Ефима Кугызу, который своей ускоренной походкой направлялся ко мне. „Сейчас будем обед есть“, заявил он мне: зови своего товарища, я покажу вам, у какого тул олмы нужно вам сесть. Вот здесь, продолжал он, подводя меня к костру, посвященному богине „Кугу кинды пэркэ аба“, варили только телят и овец; можете есть спокойно: лошадиного мяса ни в одном из котлов нет, предупредительно заметил он. Я отыскал своего спутника, и мы хотели уже основаться на месте, указанном Ефимом Кугызой, как вдруг от соседней шаги в честь богини Туньямбал шочын аба запыхавшись подбегает к нам карт Сапан и, схватив за руки без дальнейших разговоров, тащит нас к своему костру, заявляя, что он накормит нас похлебкой, сваренной из одних только птиц. Делать было нечего; пришлось уступить благородному порыву гостеприимства и перейти к соседнему „тул олмы“.

Тем временем последние поклоны пред 7-й шагой были сделаны, и богомольцы возвращались, становясь каждый у того костра, у которого он находил для себя лучше. Выждав момент, когда все оказались в сборе, карты, а за ними и богомольцы, каждый у своей шаги, начали „абызлать“, т. е. пробовать съедобные вещества, представленные на шагах. Карт Сапан в первую очередь после себя подозвал нас и заставил всего попробовать, внимательно следя, чтобы какое-нибудь кушанье не было нами обойдено. „А блинов то, а масла то, а каши то, а пиво!“ то и дело слышались его заботливые напоминания. Когда нами все было исполнено, карт Сапан еще более засуетился, отыскивая для нас особую чашку и ложки, что сделать было довольно нелегко, так как каждый, идущий на моление, берет необходимую посуду только на себя. Однако все необходимое было найдено, хотя у меня и осталось довольно сильное подозрение, что одна из ложек, которыми мы завладели, принадлежала карту Сапану, так как последний во время общей трапезы, как я заметил, не ел, а больше бегал с места на место под тем предлогом, что ему нужно сделать то, то другое. Меня с моим спутником посадили особо у самой шаги. Карт Сапан притащил нам полное с верхом блюдо с „лэмом“ похлебкой, в которой была наложена всякая всячина: гусятина, утятина, птичья потроха, гусятина в виде фарша. Признаюсь, такого вкусного супа я еще не едал. Кроме его оригинальности, зависевшей, повидимому, от гусятины, сообщавшей ему особый привкус, он обращал на себя внимание своим редкостным наваром, что и вполне понятно,

как в котле, из которого его черпали, больше было мяса, нежели супу. Вместо хлеба дали нам шэр киндй, но вкус этого пресного овсяного хлебца с закалой мне не понравился, поэтому с удовольствием принял угощение черемиски, сидевшей в своем семейном кружке неподалеку от нас, когда она вместо шэр кинды предложила мне блинов мягких, как сдобная булка, несмотря на то, что они были холодные. Карт Сапан не переставал хлопотать около нас, то подливая нам бульону, то подкладывая наиболее вкусные кусочки мяса. Привилегированное положение, в каком мы очутились, несколько стесняло нас, а потому мой спутник позвал к нашему кружку своего знакомого черемисина. Это был старик прямо чудной красоты. В черной папахе с широкой седой бородой до пояса, он наломил собою одного из восточных патриархов. Выражением какой-то неземной величавой красоты запечатлена была его старческая физиономия. Добродушно пошучивая, улыбался он время от времени своей особенной полусерьезной улыбкой, которая на минуту только проглядывала и затем снова скрывалась за его длинными седыми усами. Но и в самых шутках его слышалась тихая умиротворяющая религиозная настроенность его духа. Осторожно прихлебывал он из стоявшей пред ним чашки „лэм“, прямо как святыню, боясь пролить хотя бы одну каплю на землю. Глядя на него, мне стыдно стало за свою легкомысленность и неумение есть. Хорошо еще, что обломки забракованного мною шэр кинды лежали у меня в картузе, а не брошены были прямо на землю.

Похлебку и мясо ели очень недолго, как будто бы просто только подкрепились или, если можно так сказать, разговелись. Оставшееся недоеденным в блюдах было сложено опять в котел, вместо мяса и бульона дали глодать кости. В иное время такая последовательность в кушаньях, что называется „после сена да солома“, могла бы показаться странной, но здесь удивляться этому не приходилось. Сюда собрались не для насыщения и удовольствий пищеварения, а для выполнения религиозного обряда. Требовалось сжечь оставшиеся кости, предварительно их нужно было обглодать. Когда все мослы были тщательно обглоданы, обсопаны и брошены в огонь, с неменьшею тщательностью принялись хвойными ветками заметать к костру все крохи, какие могли остаться на земле после оконченного „обеда“. Между тем карт Сапан возвестил, что готова шокта, и ее можно получить. Каждому дано было по отрезку колбасы длиною вершка в два. Получив свою долю, вместе с другими встали мы кругом костра, так чтобы жир, капавший с шокты и крошившаяся из нее крупа попадали прямо в огонь. Вкус этого оригинального черемисского кушанья мне очень понравился. Не смотря на обилие жира, овсяная крупа с

овечьей кровью отбивали его приторность и, признаюсь, я с удовольствием с'ел бы еще такую же порцию, какая мне была дана, если бы только мне предложили. Но время было уже кончать. Карты у других шаг начали читать благодарственные молитвы. Наш Сапан также последовал их примеру. Вслед за молитвой женщины стали разбирать стоявшие на шагах принесенные ими в качестве „чэс пэляк“ чашки с блинами и кўжгү кинды, а мужчины принялись помогать картам ломать шаги. Хвоя была снесена в огонь, и вся ота наполнилась дымом и треском от горевших хвойных ветвей. На костре в честь главного Бога горела корчась растянута на нем кожа жертвенного жеребца. У одного тул олмы я опять увидел знакомую фигуру суетившегося предсказателя старика. Несколько человек под его руководством прибирали к месту жерди, оставшиеся после разобранной шаги, ставя их кругом священного дерева „она пу“. Но проходивший в это время мимо Ефим Кугыза дал другое распоряжение, приказав все их сжечь на костре. Нужно было видеть презрительную улыбку и пожимание плечами предсказателя старика, чтобы составить представление о характере отношений черемисской кугу сорты к простым смертным. Противодействия приказанию Ефима Кугызы однако не было оказано. Поставленные на место жерди были снова разобраны и брошены в огонь. Еще раз осмотрев оту, мы с спутником двинулись домой. Около тул олмы в честь богини Тўньанбал шочын аба поймал нас карт Сапан и горячо благодарил, что мы не побрезговали с ними пообедать: „ведь не только среди русских, но и среди наших братьев черемис есть такие, которые сторонятся нас“. Признаюсь, я готов был по русскому обычаю обнять и расцеловать этого смешного старика, очаровавшего нас своим гостеприимством, но постеснился это сделать, в чем потом всю дорогу раскаявался.

Идя из оты домой, я нагнал медленно двигавшуюся вперед с чэс пэляком в руках женщину черемиску; в ней я тотчас же узнал одну из хозяев, в доме которой молились третьего дня об ее муже, ушедшем в солдаты. Подойдя к ней, я поздоровался и тотчас же был засыпан вопросами. Сердобольная женщина очень сокрушалась, узнав от меня о прелестях нашей городской жизни. О себе, между прочим, она сообщила мне, что она крещеная, но ходит молиться в оту, хотя и не ест лошадиного мяса.

Было уже темно, когда дошел я до дому. Мой спутник, оставший от меня, чтобы купить у казначея „мыньэра“, жертвованного холста, в этот момент догнал меня, держа под пазухой свою покупку, и мы вместе вошли в избу в надежде отдохнуть. Но надежде нашей не скоро еще суждено было осуществиться. Изба была полна гостей богомольцев. И знакомые и незнакомые заходили сюда и садились на лавки или прямо на пол, ожидая своей очереди на

чашку чаю и кусок ватрушки. Хозяева то и дело таскали один самовар за другим. Особенного радушия в угощении не было заметно, но не видно было также и тени какого-либо неудовольствия и досады. С какой-то застывшей неподвижностью в лице хозяйка всем без изъятия повторяла свое неизменное „шич“, „коч“ (садись, ешь), и тот, за кем была очередь также просто и нецеремонно садился, пил и ел, уступая свое место следующему. Нам долго бы пришлось ждать приглашения, если бы к нашему благополучию не нашелся маленький самовар, который был разогрет и подан нам в другую половину. Но и здесь наше одиночество продолжалось не долго. Через дверь прямо из сеней ведущую в нашу половину, вошли 2 новых лица, один почти мальчик, заметно стесняющийся, другой мужчина лет 30 с развязно-уверенными начальническими манерами. Того и другого я заметил еще в оте, издали наблюдавшими за тем, что в ней происходило. Это было местное начальство: один, кажется, какой то писарь, другой-представитель милиции, приехавший, не знаю, из какого-то села. Узнав о прибытии гостей, наш хозяин с несвойственной ему услужливостью вбежал в избу и начал угощать вновь прибывших крепкой медовщиной, предлагая отведать ее и нам. Мы, конечно, отказались. Между тем начальство, очевидно, пожелало начать с нами ученую беседу.

„Да, промолвило оно, на первый взгляд эти моления как будто и ничего, а как присмотришься к ним, так действительно в них что-то есть такое, знаете историческое“. После минутной паузы молчания, не переставая прихлебывать медовщину, начальство продолжало: „Ну, а я так на вашем месте не решился бы так поступать“.

— Как же именно? спросил я.

„Да снимать шапку вместе с черемисами и вставать на колени так же, как и они. Ведь за эти вещи всего каких-нибудь 2 года тому назад двух учителей у нас под суд отдали“.

— Но как же иначе было поступать, спросил я. И что бы вы сказали, если бы в православную церковь вошел татарин в шапке.

„Ну это другая вещь“, отвечало начальство.

— Мне случалось видеть, продолжал я, язычников черемис в церкви; они старались ничем не выделяться от остальных присутствующих: вместе с христианами и поклоны клали, только не крестились, вероятно, потому, что не умели. Этой корректностью поведения черемис язычников в православной церкви я в свое время от души восхищался; ей то именно и сам в настоящем случае хотел подражать.

Может быть, мое объяснение не понравилось начальству, а может быть, оно удовлетворилось им, но только больше уже сомной не удостоивало говорить, и, побеседовав $\frac{1}{4}$ часа с окружающими, величественно удалилось.

Я воспользовался минутой и, отправившись в свою комнату, в изнеможении повалился на положенную на пол подстилку. Ночью, просыпаясь несколько раз, я заметил только, что, кроме моего спутника, в нашей комнате рядом со мной спало еще несколько человек. Это были гости хозяина, которым не нашлось места на лавках и на полу жилого помещения.

На другой день проснувшись, я чувствовал себя совершенно разбитым. Гости хозяина сообщили мне, что сегодня предстоит торжественное хождение вокруг оты, подобное тому, добавляли они, какое в Пасху бывает кругом церкви. Но я положительно чувствовал себя не в состоянии идти в оту и завел с хозяином речь на счет подводы в Казань. Хозяин запросил с нас 2000 рублей, чего дать мы, конечно, не могли. Таким образом положение наше оказывалось критическим. Предстояло так же, как и вперед двинуться по образу пешего хождения в надежде встретить по дороге попутчика. Мой спутник пред отправлением в путь решил всётаки сходить в оту, чтобы посмотреть, что там делается, а главное увидаться еще с Ефимом Кугызой и расспросить его о причинах, вызвавших нурумбальское моление, о чем никто, кроме его, сказать нам ничего не мог. Воте В. Т. узнал, что хождения вокруг ее не будет, так как карты спешат отправиться на другое моление в одну из окрестных деревень. Ефима Кугызы воте также не было. Во время беседы с собравшимися здесь черемисами В. Т. проговорился, между прочим, о нашем затруднении на счет лошадей. Совершенно неожиданно присутствующие приняли самое горячее участие в нас. Один из черемис тотчас же предложил за ничтожную сумму отвезти нас до Корамас, где мы рассчитывали найти попутчика до Казани. Таким образом затруднение было улажено. Мой спутник поспешил в дом Элембая в надежде увидеть там Ефима Кугызу. Последнего он там застал уже пред самым отъездом его и узнал от него, что требовалось. Повод к молению в Нурумбале был следующий:

В прошлом году осенью, приблизительно около этого же самого времени, Ефим Кугыза видел сон, что чрез год ему придется устраивать моление в Нурумбале воте, посвященной Богу пятницы. О существовании такой оты в Нурумбале Ефим Кугыза до того времени ничего не слышал, а потому решил содержание своего сна, как непроверенного, пока никому не открывать. Но случилось, что в праздник Казанской под хмельком он кому-то проболтался. Прошло после этого еще два месяца. В январе в одну из пятниц Ефим Кугыза увидал повторение своего сна о предстоящем Нурумбальском молении, и в тот же день к нему приехал из д. нурумбала карт Алексей с приглашением совершить в ихоте «вучьк-тёмь», т. е. обряд обещания устроить вней осенью мировое моле-

ние „мэр кумалтйш“. Таков был довольно обычный, нередко повторяющийся в жизни черемис повод к нурумбальскому молению.

Узнав, что было нужно и распроставшись с Ефимом Кугызой, мой спутник поспешил домой и застал меня совсем готовым в путь, так как мужичек, любезно предложивший довезти нас до Қорамас, уже давно под'ехал и стоял в ожидании.

Расплатившись с хозяевами, мы тотчас же пустились в дорогу, так как время было уже не раннее: около 12 часов. При выезде из деревни наша подвода оказалась в хвосте целой вереницы телег и плетенок, увозивших гостей богомольцев из Нурумбала. Ехать пришлось шагом. По сторонам шли выпрыгнувшие из телег черемисские девушки в своих красивых цветных нарядах, взявшись за руки по 3 и по 4 в ряд. Сидевшие на козлах парни перебрасывались с ними веселыми шутками. Солнце, как и вчера ярко светило, играя на серебряном монисте нагрудных и шейных женских украшений. Но края горизонта были уже мрачны; там облака осенние, как дойные коровушки, неслись по небесам. Проехали мимо оты, стоявшей в стороне от дороги. Издали еще виднелись там толпы черемис, деливших между собою остатки жертвенных мяс. Но вот наш поезд в'ехал в частый лес. Высокие густые ели обступили нас с обеих сторон, оставив впереди только узенькую аллею дороги с просвечивающей вверху полоской неба. Еще один поворот и деревня Нурумбал с ее молитвенной отой исчезли из наших глаз, погрузившись в область воспоминаний.

А. И. Емельянов.

Н. В. НИКОЛЬСКИЙ. Краткий чувашско-русский словарь. Изд. Казанск. Губ. Отд. по Просвещению. Казань. 1919 г. (1—336 стр., 16 д. листа).

Большой „Словарь чувашского языка“ Н. И. Ашмарина (Thesaurus linguae tschuvaschorum) остановился на букве „а“ (вышло всего два выпуска: Каз. 1910 и 1912 г.); небольших словарей Н. И. Золотницкого (Казань, 1875 г.) и Паасонена (Paasonen; изд. 1908 г. в Будапеште) теперь не достать, — а потому словарик Н. В. Никольского является чрезвычайно полезным и ценным изданием. Не нужно забывать, что всего чуваш до 1300 тысяч душ, а в одной Казанск. губ. по переписи 1897 г. их было 502042 д. обоюго пола (по различным соч. Н. В. Никольского численность чуваш в Казанск губ. такова: в 1911 г.—550604 д. об. пола; в 1912 г.—613.769 д., а в 1919 г. 723769 чел.).

На обороте первой обложки имеется краткое предуведомление автора, на стр. 329—333 программа (на чув. яз.) для собирания сведений о чувашах, на 334—336 стр. помещено 55 пословиц и поговорок (без перевода). Затем на последней обложке перечисляются 19 трудов по исследованию чувашского языка. Желая широкого распространения этого „Словаря“, хотелось бы видеть в нем несколько строк пояснения о транскрипции чувашских слов: ведь, — не все же могут знать, что по принятой теперь, так сказать — „национальной“ транскрипции слово „ака“ (плуг) надо произносить „ага“, или почти как „ага“; слово „урпа“ (ячмень) — как „урба“, или почти как „урба“ и тому под. (Ср. Н. И. Ашмарин. Матер. для исследования чув. яз. Каз. 1898 г., ч. I, стр. 16—17. Т. М. Матвеев. Грам. чув. яз. Изд. чувашск. секции Симбирск. Губ. Отд. Нар. Обр. Симбирск, 1919 г., стр. 14—17. Кстати: в предисловии к этой грамматике имеются очень интересные и ценные сведения по истории применения рус. алфавита к чув. языку). Порядок слов в некоторых случаях неудобен; напр. (стр. 32) между „ваклан и „вакша“, стоит „вак ту“; лучше бы этот сложный глагол поставить или под ту (делать), или под „вак“ (мелкий). Стр. 92. после „кукяр“ следуют слова „кукярл“, кукяркка“, а потом опять „кукяр кут“ (слепень, овод) и „кукяр—макяр“ (зигзаг, извилистый, очень кривой). По моему — второе слово в этих предложениях отнюдь нельзя соединять с первым в одно неразрывное целое при определении места в „Словаре“.

Сделаю еще несколько случайных замечаний. Слова: „вар“ овраг и „вар“ долина почему то стоят отдельно (стр. 33), тогда как это одно и тоже слово и этимологически, и по значению. Также нужно сказать и о словах (стр. 185) „сап“ ударять и „сап“ бить, колоть. На стр. 60 (сравн. 75) приводится неудачное значение для предложения „им—йум“: „таинственные слова, которые вылечивают больных; по моему лучше: „лечение, различные обряды, совершаемые знахарем над больным“. Сами по себе эти слова никакой таинственности не заключают и не вылечивают больных; сравн. „им—йум пала“ — во-родить, колдовать.

Февраль. 1921 г.

Казань.

Проф. Сергей Малов.

Къ исторіи сборника болгарскихъ надписей.

Два списка, въ которыхъ дошелъ до XIX ст. сборникъ надгробныхъ надписей, списанныхъ въ Болгарахъ по распоряженію Петра I, не въ равной мѣрѣ были предметомъ вниманія изслѣдователей. Первый списокъ,—тотъ, съ котораго въ Казани была изготовлена копія для Клапрота, легъ въ основу его изданія и дальнѣйшихъ перепечатокъ и переводовъ. Второй хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ среди прочихъ памятниковъ болгарской экспедиціи того времени.

Издавая переводъ Клапротова текста на русскій языкъ, Эрдманъ указалъ, что казанскій списокъ погибъ въ пожарѣ, а копія, снятая для Клапрота, хранится въ Московскомъ Государственномъ архивѣ¹⁾ Ссылка на архивъ неясна, и трудно сказать, который изъ московскихъ архивовъ имѣлъ въ виду Эрдманъ, но очевидно такое указаніе мало располагало искать въ мусульманскихъ надписяхъ московскаго списка чего либо новаго²⁾. Въ томъ, что извѣстно о демонстраціи памятниковъ болгарской экспедиціи Бестужевымъ — Рюминымъ на IV археологическомъ съѣздѣ, нѣтъ указаній на интересъ, проявленный къ тексту московской рукописи, нѣтъ ихъ и въ томъ, что сообщено о полученіи отъ бар. Бюлера снимка съ двухъ надписей этой рукописи С. М. Шпилевскимъ, хотя и не считавшимъ этого списка за Клапротовъ и пользовавшимся содержащимся въ рукописи русскимъ переводомъ³⁾.

Достаточно бѣлаго знакомства съ московскимъ спискомъ, чтобы убѣдиться, что 1) онъ не является копіей, изготовленной для Клапрота, 2) содержитъ иногда написаніе, не безразличное для запро-

¹⁾ Заволжскій Муравей 1832, № 21.

²⁾ Оговариваемся „мусульманскихъ“ п. ч. для армянскихъ Saint-Martin пользовался какой то полученной отъ Френа копіей, происхождение которой осталось ему неизвѣстнымъ.

³⁾ Труды IV Археол. Съѣзда, т. I, XXXIII и 32. В книгѣ „I. О. Готвальдъ“. Казань. 1900, отмѣченъ въ составѣ бібліотеки этого ориенталиста фотографическій снимокъ съ двухъ надписей (№ 24, 25) Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ. Вѣроятно это и есть снимокъ, присланный Шпилевскому.

совъ критики текста. Постараемся уяснить это единственнымъ способомъ, дозволительнымъ не-оріенталисту—путемъ механическаго (свѣтописнаго) воспроизведенія одной надписи, приведенной въ московской рукописи подъ № 8¹⁾.

هو الذاكر لا يموت
سوار اول محمود اول ملك اول شاه همكده
الدهتكاره واسفة تاريخ حيات جور

Здѣсь привлекаетъ вниманіе имя отца покойнаго. Въ изданіи Клапрота (надпись I) оно было прочтено *Fil*²⁾. Березинъ, не находя такого имени въ мусульманскихъ святцахъ, предпочиталъ въ этомъ случаѣ пользоваться русскимъ переводомъ, приведеннымъ у Лещехина. Въ этомъ переводѣ стоитъ „Мамякова сына“, и Березинъ предлагалъ видѣть здѣсь *ممق* Мамыкъ или Мамукъ—собственное имя, употребительное у киргизовъ³⁾. Но и это имя, возстановляемое Березинымъ въ твердой гармоніи, не удовлетворяетъ Н. И. Ашмарина. Онъ предлагаетъ здѣсь конъектуру * Мемек, имя выведенное имъ изъ чувашскаго уменьшительнаго имени Мемеккей, а это послѣднее онъ считаетъ сложеннымъ изъ „Мемек“ и диминутивнаго аффикса „кей“⁴⁾. Какъ видимъ, московская рукопись даетъ реальную опору догадкѣ Н. И. Ашмарина, приводя это имя съ мягкимъ *ه* на концѣ. Очевидно работавшій для Клапрота копистъ

¹⁾ Снимокъ уменьшенъ въ отношеніи 2: 3. Противъ надписи рукопись помѣщаетъ русскій переводъ. Его слѣдовало бы конечно здѣсь привести, но по условіямъ печатанія (оригиналъ настоящей замѣтки утраченъ во время казанскихъ происшествій 1918 года, и ее пришлось возстановлять по тѣмъ только матеріаламъ, которые были подъ рукой) позволяемъ себѣ привести тотъ же русскій текстъ по списку Свѣчина, изданному Калачевымъ въ Сборникѣ Археологическаго Института, кн. II, 90: „Онъ Господь Богъ живы, такъ и безсмертны. Гробъ владѣтеля Шахима Мамякова сына, Мамякъ... (цѣлое звено родословія опущено) Махтуль (имя Махмудъ искажено во всѣхъ русскихъ спискахъ) Суваровъ сынъ; удовольствуй его вышней Господь милосердіемъ своимъ неодолимымъ. Умре лѣта отъ Махоммета 623“.

²⁾ *Nouveau Journal Asiatique*, 1831, VIII.

³⁾ Булгаръ на Волгѣ, надпись I.

⁴⁾ Болгары и чуваша, 71.

оправдалъ здѣсь данную ему ориенталистомъ аттестацію: „quelq'un qui ignorait totalement les langues et les lettres dans lesquelles les inscriptions sont écrites“. Первый мимъ онъ принялъ за діакритическій знакъ, второй за _{J} и выпрямилъ _{J} въ _{J} .

Позднѣе выхода въ свѣтъ труда Ашмарина чувашское имя Мемекъ появилось и въ полной формѣ среди „Чувашскихъ языческихъ именъ“ собранныхъ В. К. Магницкимъ¹⁾. Въ этомъ словарѣ однако мало указаній на памятникъ, изъ котораго заимствовано въ частности то или иное имя, а удовлетвориться простымъ указаніемъ на то, что имя было въ свое время признаваемо за чувашское, не всегда можно (въ старое время называя „ясачныхъ людей“ этническими именами весьма мало связывали съ ними этнологическія представленія). Потому будетъ не излишнимъ привести здѣсь одно географическое названіе. Въ Козмодемьянскомъ уѣздѣ Казанской губерніи есть околотокъ Мемекъ-касы съ чувашскимъ населеніемъ (113 жителей по 10-ой ревизіи 1858 г., 211 къ 1907 году)²⁾. Названія селеній, образованныя изъ собственнаго имени и „касы“, нерѣдки, напр. въ томъ же уѣздѣ Митрофанъ-касы. Позволительно и въ „Мемекъ“ видѣть эпонима этого околотка.

Итакъ московская рукопись можетъ подать свой голосъ при установленіи текста сборника бѣлгарскихъ надписей и доставить, какъ въ данномъ случаѣ, лишнюю каплю воды на колесо одной изъ важнѣйшихъ теорій происхожденія бѣлгарскаго народа. Насколько оправдываютъ такое притязаніе внѣшнія данныя рукописи, какого происхожденія она сама?

Въ портфель Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ посвященномъ Болгарскому городищу памятники бѣлгарской экспедиціи составляютъ одно цѣлое. Карта³⁾ связана системой алфавитныхъ знаковъ съ „Описью“ городища⁴⁾, а опись, сказки абызовъ и переводчиковъ⁵⁾ и наконецъ сборникъ надписей представлены тремя тетрадами въ листъ, сходными между собою гдѣ почеркомъ, гдѣ тожествомъ бумаги. Ахунъ и переводчикъ снимали надписи съ кам-

1) Извѣстія Общ. Арх. Ист. и Этногр. XXI, 2—4.

2) „Крестьянское землевладѣніе Казанской губерніи“, вып. 10. Казань, 1907, подъ № 401. Есть и въ „Спискѣ селеній“ 1913 года. Въ старыхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ не встрѣчается, можетъ быть скрываясь подъ собирательнымъ именемъ дер. М. Шещкары.

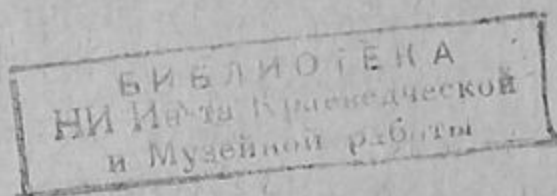
3) Издана въ крайне искаженномъ видѣ въ атласѣ къ Трудамъ IV Арх. Съѣзда.

4) Издана въ Древнихъ городахъ Шпилевскаго, 571—578.

5) Тамъ же 578—580.

ней въ 1722 г. ¹⁾. Сгорѣвшая казанская рукопись очевидно была подлинникомъ составленнаго ими сборника; это видно изъ указанія Клапрота на вульгарное написание (*sans orthographe*) ахуномъ своего имени—стало быть на рукописи была его подпись. Въ московскихъ рукописяхъ центръ тяжести видимо лежитъ въ геодезической работѣ, и подписана подполковникомъ и геодезистомъ, посланными въ Болгары для съемки, именно она. Естественно думать, что обѣ стороны описанія Болгарскаго городища исполнялись для не любившаго долго ждать Петра I въ одно время и во взаимной связи, и что рукописи московскаго архива представляютъ собою бѣловой списокъ работъ экспедиціи, сопровождаемый русскимъ переводомъ надписей и предназначенный для столицы. Во всякомъ случаѣ къ московскому списку сборника болгарскихъ надписей переходитъ, послѣ утраты казанскаго, право занять надлежащее мѣсто въ ряду матеріаловъ соотвѣтствующаго *corporis inscriptionum*.

С. Порфирьевъ.

Казань 1922.

(Отд. отт. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн.).

¹⁾ Соймоновъ Описание Каспійскаго моря. Ежемѣс. Сочиненія, 1763, мартъ, Лепехинъ, Дневныя записки, I, 283.

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

Института Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете (с 1922 г.).

Председатель проф.—Константин Васильевич Харлампович
(ул. Горшеч., д. Знаменской).

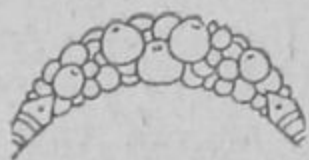
Товарищ председателя проф. Сергей Петрович Шестаков.

Члены Совета: проф. Митрофан Васильевич Бречкевич, проф.

Д. Адлер, В. О. Смолин, проф. И. М. Покровский, проф. С. Е.
Савин, проф. А. И. Емельянов.

Библиотекарь Сергей Иванович Порфирьев.

Секретарь Николай Васильевич Никольский (Б. Проломн.
ул., кв. 2).

**Содержание книжек „Известий Общества Археологии, Истории
Этнографии при Казанском Университете“ составляют:**

1) Оригинальные и переводные статьи по общим вопросам археологии, истории и этнографии;

2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Поволжья, Средней Азии и Сибири);

3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: мелкие оригинальные сообщения, акты, произведения народного творчества, словари инородческих языков и местных русских говоров, извлечения из периодических изданий Восточной России;

4) Хроника. Известия о музеях Восточной России, о находках, раскопках, об экспедициях археологических, археографических, антропологических и этнографических, о прочитанных в заседаниях русских ученых обществ рефератах имеющих отношение к Восточной России;

5) Программы по специальным вопросам археологии, истории и этнографии Восточной России, отдельные вопросы редакции;

6) Библиография: обзор книг и статей местных, общерусских и иностранных периодических изданий, имеющих отношение к археологии, истории и этнографии Восточной России.

В „Известиях“ принимают участие: Б. Ф. Адлер, Н. И. Ашмарин, М. Бречкевич, В. М. Васильев, П. М. Дульский, А. И. Емельянов, Б. Н. Вишняков, С. Е. Малов, И. С. Михеев, Н. В. Никольский, И. М. Покровский, С. И. Порфирьев, В. Ф. Смолин, А. М. Селищев, К. В. Харлампович, С. П. Шестаков и друг.

Статьи, присланные для помещения в „Известиях“, подлежат в случае надобности, изменениям и сокращениям.

Действительные члены Общества, внесшие членский взнос, помещающие свои статьи в каждом выпуске, получают даче бесплатно.

Денежные суммы и статьи адресуются:

В г. Казань, Университет, Обществу Археологии, Истории
Этнографии.

Секретарь *П. Гинюльский*.

